

ISSN 2224-1620

16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 1(39)
2020

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 1(39)
2020

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации.
Подписной индекс
Объединенного каталога
«Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году.
Выходит 2 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Адрес редакции

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 15.06.2020.
Дата выхода в свет 19.06.2020.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,7.
Тираж 2000 экз. Заказ 23

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Список редколлегии по специальности 13.00.00

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чжэнчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилова Георгий Валерьевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмшина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Ефимова Ольга Ильгамовна (19.00.05) — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва)

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	9
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. СМЕРТЬ (ГИБЕЛЬ?) И. В. СТАЛИНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	9
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	19
Бабиева Н. С., Швец А. В., Багомедова З. М. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ С АНОМАЛИЯМИ ОККЛЮЗИИ ЗУБНЫХ РЯДОВ.....	19
Волкова А. Ю., Каленик Е. Н. ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗРЕЗЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	29
Гемранова А. Д., Митина И. Д. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	35
Дюльдина Ж. Н. ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА «РИСУНОК СЕМЬИ ЗОНТИКАМИ» В ДЕТСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	41
Дюльдина Ж. Н. ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ АСПЕКТЕ КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	51
Дюльдина Ж. Н. МУЗЕЙНО-ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОГРАММА «ОБРАЗ»	59
Ионова Я. Е. ОТ УМЕРЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ К ДЕМЕНЦИИ (ОПИСАНИЕ СЛУЧАЯ ИЗ ПРАКТИКИ ПАЦИЕНТКИ Х.)	66
Митин С. Н., Архипова И. А. СМЕНА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ: ПЕРЕХОД ОТ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, НАВЫКОВ К ОБЩИМ КОМПЕТЕНЦИЯМ.....	70
Митина И. Д., Митина Т. С. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАТОРА РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ	77
Ощепков А. А., Салахова В. Б. АНТИСУИЦИДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ	83
Салахова В. Б., Ощепков А. А. ДИСПОЗИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА КАК ИНДИКАТОР НАПРАВЛЕННОСТИ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ)	90
Салахова В. Б., Ощепков А. А. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ СУИЦИДЕНТА	96

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

105

Во Ким Зунг, Иванов Д. А.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ВЬЕТНАМА) 105

Гриненко А. В., Чистилина Д. О.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ 110

Ершова О. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) 117

Павлов А. В.

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ,
ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА 122

Хлебников В. Ю.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУ ВЛАДЕЛЬЦАМИ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПЕРЕВОЗКУ ПАССАЖИРОВ,
СО СМЕЖНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ 128

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

134

Романова А. В., Галанина А. С.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ 134

Романова А. В., Курушина Д. Е.

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКОГО БАНКОВСКОГО РЫНКА 138

Романова А. В., Курушина Д. Е.

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ 142

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

147

Ершова О. В.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НАУКИ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ
(НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ С. И. ВАВИЛОВА) 147

Коськов С. Н., Серегина Т. В.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ И ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 153

Марков А. В.

АРИСТОТЕЛЬ В ПОЛИЭЙДЕТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В. Н. КРУПИНА 158

Федорова С. И.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ВАЖНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА 164

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

169

Кадничанская М. И., Устинова А. М.

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ:
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ 169

Кузнецов В. Н.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА В ПЕРИОД МИРНОГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 179

ИНФОРМАЦИЯ	186
Знаменательные даты, юбилеи	186
Петрова Г. И. 75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ПОМНИМ ПРОШЛОЕ — ГОРДИМСЯ НАСТОЯЩИМ!.....	186
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	189
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. «ПЕРИКЛ, ЛЕНИН, СТАЛИН...» РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. Л. ЛИТВИНА «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА В СТРАНЕ. 1917—1953» (М.: Изд-во «Собрание», 2019, 430 с.)	189
Наши авторы	201
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	204

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY	9
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. DEATH (MURDER?) OF I. V. STALIN: HISTORIOGRAPHIC NOTES.....	9
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS	19
Babieva N. S., Shvets A. V., Bagomedova Z. M. INTERDISCIPLINARY APPROACH TO CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN CHILDREN WITH ABNORMALITIES OF DENTAL OCCLUSION.....	19
Volkova A. Y., Kalenik E. N. ASSESSMENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE ULYANOVSK REGION IN THE CONTEXT OF THE SPORTS COMPONENT OF REGIONAL POLICY.....	29
Gemranova A. D., Mitina I. D. INNOVATIVE APPROACH IN UNIVERSITY EDUCATION.....	35
Dyuldina Zh. N. PROJECTIVE TECHNIQUE "DRAWING A FAMILY WITH UMBRELLAS" DURING CHILDREN PSYCHOLOGICAL COUNSELING	41
Dyuldina Zh. N. PERINATAL LITERACY IN THE RELIGIOUS ASPECT AS THE BASIS OF A HEALTHY SOCIETY	51
Dyuldina Zh. N. MUSEUM-ORTHODOX PROGRAM "IMAGE"	59
Ionova Y. E. FROM MILD COGNITIVE IMPAIRMENT TO DEMENTIA (DESCRIPTION OF A PRACTICE CASE OF PATIENT X.).....	66
Mitin S. N., Arkhipova I. A. CHANGE OF EDUCATIONAL PRIORITIES: TRANSITION FROM KNOWLEDGE AND SKILLS TO GENERAL COMPETENCIES	70
Mitina I. D., Mitina T. S. SOCIOCULTURAL DIMENSION OF ART TECHNOLOGIES IMPLEMENTATION IN SOCIO-PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF THE YOUTH COORDINATOR.....	77
Oschepkov A. A., Salakhova V. B. ANTI-SUICIDAL POTENTIAL: STUDY OF THE CONCEPT	83
Salakhova V. B., Oschepkov A. A. DISPOSITIONAL SYSTEM OF A TEENAGER'S PERSONALITY AS AN INDICATOR OF THE ORIENTATION TOWARDS DEVIANT BEHAVIOR IN A DIFFICULT LIFE SITUATION (RESEARCH PROGRAM)	90
Salakhova V. B., Oschepkov A. A. FEATURES OF THE PSYCHOSEMANANTIC SPACE OF SELF-IDENTITY OF THE SUICIDE PERSONALITY.....	96
JURISPRUDENCE	105
Vo Kim Dung, Ivanov D. A. CONCEPT, FEATURES AND LEGAL FORMS OF LEGAL ENTITIES AS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND VIETNAM)	105

Grinenko A. V., Chistilina D. O.

PROBLEM ASPECTS OF DETERMINING THE JURISDICTION OF A COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS IN THE CONDITIONS OF REFORMING THE JUDICIAL SYSTEM 110

Ershova O. V.

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF CULTURE AND ART IN THE ULYANOVSK REGION DURING THE SOVIET PERIOD (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)..... 117

Pavlov A. V.

METHODS OF ENSURING THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS ARISING FROM THE PRELIMINARY CONTRACT 122

Khlebnikov V. Y.

PROBLEMS OF CONTRACT CORRELATION BETWEEN OWNERS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURES PROVIDING TRANSPORTATION OF PASSENGERS, WITH ADJACENT CONTRACTUAL CONSTRUCTIONS 128

ECONOMICS AND MANAGEMENT

134

Romanova A. V., Galanina A. S.

COMMON PRINCIPLES OF REDUCING INVESTMENT PORTFOLIO RISKS..... 134

Romanova A. V., Kurushina D. E.

ASSESSMENT OF THE COMPETITIVE ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN BANKING MARKET 138

Romanova A. V., Kurushina D. E.

FINANCIAL BEHAVIOR OF THE POPULATION AT THE PRESENT STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT 142

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

147

Ershova O. V.

HISTORICAL IMAGE OF SCIENCE IN THE WRITINGS OF SCIENTISTS (THROUGH THE EXAMPLE OF WORKS BY S. I. VAVILOV)..... 147

Koskov S. N., Seregina T. V.

PSYCHOLOGY AND WORLDVIEW ISSUES IN THE MODERN SOCIETY..... 153

Markov A. V.

ARISTOTLE IN POLYEIDETIC PROSE BY VLADIMIR KRUPIN 158

Fedorova S. I.

UNIVERSITY EDUCATION AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL SPACE 164

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

169

Kadnichanskaya M. I., Ustinova A. M.

CULTURE OF CONFLICT INTERACTION IN THE YOUTH ENVIRONMENT: INTERETHNIC CONFLICTS 169

Kuznetsow V. N.

POLITICAL IDEAS OF V. I. LENIN DURING THE PERIOD OF THE PEACEFUL DEVELOPMENT OF THE REVOLUTION 179

INFORMATION

186

Memorable dates, jubilees

186

Petrova G. I.

75 YEARS OF THE GREAT VICTORY: REMEMBER THE PAST — PROUD OF THE PRESENT! 186

Summaries of scientific articles, reviews, responses

189

Tocheniy D. S., Tochenaya N. G.*"PERICLES, LENIN, STALIN"*

REVIEW THE BOOK OF A.L. LITVIN

«RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE STATE TERROR IN THE COUNTRY. 1917—1953»

(Moscow: Publishing House "Sobranie", 2019. 430 p.) 189

Our authors

201

Rules of representation and registration of mountig of articles by authors
for publication in the "SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"

204

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Д. С. Точеный

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Tmichael1977@rambler.ru

СМЕРТЬ (ГИБЕЛЬ?) И. В. СТАЛИНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Кто был для советского народа в середине XX века самым родным и любимым? Конечно, Иосиф Виссарионович. Едва ли не все жители СССР считали, что он является собой сплав всех замечательных человеческих качеств. «Для большинства, — верно отмечал известный журналист А. Аджубей, — с именем Сталина связывалось особое место нашего государства на мировой арене, уверенность в преодолении трудностей, препятствий, бед. Он все может, найдет единственно верное решение. Так привыкли считать, так думать, таким утвердился феномен этой личности — выше бога, ближе отца и матери, единственный в своем роде» [2, с. 72].

Закрытый Кремль казался рабочим, колхозникам и интеллигентам неким Олимпом, где светоч прогрессивного человечества вместе со своими преданными сподвижниками в благостной обстановке решает грандиозные задачи, связанные со строительством идеального коммунистического общества. Сталин представлялся могущественным существом, которому обеспечено бессмертие. Ведь население страны Советов никогда не слышало и не читало каких-либо официальных сообщений не только о серьезных заболеваниях вождя, но даже о легких простудных недугах. И вдруг наше радио сообщило в начале марта 1953 года сначала о тяжелой болезни, а потом и о кончине гения всех времен и народов. В это трудно было поверить. По Москве, а потом и по всей стране поползли самые невероятные слухи, потому как не мог «великий и ужасный» отправиться на тот свет так же банально и примитивно, как обычный гражданин. А вот публично обсуждать многочисленные, прямо-таки детективные версии ухода из жизни самого выдающегося человека на земном шаре стало возможно только после распада коммунистической империи.

Ключевые слова: Кремль, дача Сталина, Берия, Хрущев, болезнь, смерть диктатора, Микоян, Г. Вишневская, отравление, паранойя, слухи, версии, убийство, тюрьма, концлагерь, ссылка.

В послевоенный период глава КПСС и Советского правительства достиг вершины своей славы. Характеризуя его, авторы «Краткого философского словаря», изданного в 1952 году полумиллионным тиражом, подчеркнули: «Сталин Иосиф Виссарионович — гениальный теоретик и вождь мирового пролетариата, великий соратник и друг В. И. Ленина, продолжатель учения Маркса и Энгельса» [9]. В идейном воспитании партийных и государственных кадров огромную роль играет написанная Сталиным книга «История ВКП(б). Краткий курс», которая

вооружает партию гениально обобщенным опытом всей ее богатейшей истории. Раздел этой книги «О диалектическом и историческом материализме» является подлинной вершиной марксистской философской мысли.

В трудные годы войны Красную Армию и советский народ вел мудрый и испытанный вождь Советского Союза — великий Сталин. Организуемые и направляемые гением своего великого полководца, советские армии двинулись на Запад, освобождая народы Европы от ига гитлеризма.

Семидесятилетие И. В. Сталина, отмечавшееся в декабре 1949 года, вылилось в могучую демонстрацию советского народа, международного пролетариата и всех трудящихся мира — демонстрацию любви и преданности великому учителю и вождю.

«Великие труды И. В. Сталина вооружают советский народ и большевистскую партию в борьбе за новые успехи и победы на пути к коммунизму» [9, с. 493].

«Все советские люди» — такое клише употребляли по радио и в газетах — могли спокойно, радостно и вдохновенно, уподобясь пчелам, трудиться на благо отчизны. Они были абсолютно уверены в том, что о каждом из них денно и нощно печется Иосиф Виссарионович, что это составляет смысл его жизни. Только очень немногие, общавшиеся с «солнцем нашей планеты» не один год, давали ему более трезвые оценки. (Это они смогли себе позволить после смерти Сталина.)

В конце XX века увидели свет воспоминания А. И. Микояна, в которых рисовалась сравнительно реалистическая картина жизни великого Учителя и его ближайшего окружения: «После окончания работы XIX съезда партии, 15 октября 1952 года, был назначен Пленум вновь избранного ЦК партии. По предложению Сталина было решено из Президиума ЦК КПСС образовать узкое Бюро Президиума из девяти человек, и он стал называть фамилии кандидатов, написанные на маленьком листочке. Ни моей фамилии, ни Молотова среди названных не было. Затем с места, не выходя на трибуну, сказал, что эти товарищи расходятся в крупных вопросах внешней и внутренней политики с партией и не будут введены в Бюро Президиума. Это выступление Сталина члены Пленума слушали, затаив дыхание. Никто не ожидал такого оборота дела...

Хотя Молотов и я после XIX съезда не входили в состав Бюро Президиума ЦК и Сталин выразил нам «политическое недоверие», мы аккуратно ходили на его заседания. И теперь передо мной и Молотовым встал вопрос, идти ли без приглашения 21 декабря на день рождения к Сталину. Если не пойти, значит показать, что мы изменили отношение к нему, потому что с другими товарищами каждый год бывали у него и вдруг прерываем эту традицию. Посоветовались об этом с Маленковым, Хрущевым и Берия, и те сказали, что, конечно, правильно сделаем, если поедем...

21 декабря 1952 года в 10 часов вечера вместе с другими товарищами мы поехали на

дачу к Сталину. Он хорошо встретил всех. Отношение его ко мне и Молотову вроде было ровное, нормальное. Было впечатление, что ничего не случилось и возобновились старые отношения. Но через день или два то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: «Знаешь что, Анастас, после 21 декабря, когда мы все были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он строго предупредил: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили».

За месяц или полтора до смерти Сталина Хрущев или Маленков мне рассказывал, что в беседах с ним Сталин, говоря о Молотове и обо мне, высказывался в том плане, что якобы мы чуть ли не американские или английские шпионы.

Это вызвало у меня тревогу, что Сталин готовит что-то коварное. Я вспомнил об истреблении в 1936—1938 гг. в качестве «врагов народа» многих людей, долго работавших со Сталиным в Политбюро. Стало ясно, что Сталин хочет расправиться с нами и речь уже идет не только о политическом, но и физическом уничтожении. Я это понимал и решил больше, насколько это возможно, со Сталиным не встречаться. Можно сказать, что мне повезло в этом смысле, что у Сталина обострилась болезнь» [14, с. 572, 580].

Но не только Микоян и Молотов переживали худые времена. Из числа своих гостей на ночных дачных посиделках Иосиф Виссарионович также исключил Ворошилова и Кагановича. «Этих смертников, — пишет Э. Радзинский, — он уже не зовет. Только четверых из Президиума мрачный гений приглашает теперь к себе. Маленкова, Берия (давнишних друзей. — Авт.) и двух новых людей в руководстве — Хрущева и Булганина. Эта четверка должна будет действовать вначале против опальных стариков, потом друг против друга. Затем их всех сменят новые роботы. Партийная тюрьма уже ждала новых обитателей. Кандидаты на смерть названы. И будущие жертвы, как римские сенаторы во времена Нерона, покорно ждут своей участи. Страх парализовал их» [17, с. 1230].

Сталин планомерно готовил новый этап большого террора. Ему надо было запугать не только партийных бюрократов, но и широкие слои москвичей. 13 января 1953 года «Правда» объявила о разоблачении террористической группы евреев-врачей, планировавших уничтожение руководителей партии и правительства. Якобы их действия направляла американская разведка. Участники многочисленных митингов требовали сурового наказания врагов народа,

шпионов и их покровителей. На фоне этой националистической истерии Сталин хотел обвинить в измене Ворошилова, Микояна, Молотова и предать их суду по образцу процессов 1937 года. Симптоматично, что органы НКВД по приказу лидера большевистской партии арестовали жену Молотова [5, с. 355].

Жительница Москвы Н. Рапопорт, бывшая в то время школьницей, писала позднее о леденящих душу слухах, распространявшихся в столице в те дни: «Широко обсуждался вопрос, как будут казнить преступников. Информированные одноклассники утверждали, что их повесят на Красной площади. Волновались: будет ли туда открытый доступ или только по пропускам; иначе любопытствующие подавят друг друга и могут снести Мавзолей» [23, с. 576]. Пошли толки, что во время публичной казни разгневанная толпа вырвет осужденных из рук палача и сама расправится с ними. Такое могло вполне случиться, если бы не сенсационные события на даче генсека.

28 февраля 1953 года Маленков, Берия, Хрущев и Булганин ужинали на даче со Сталиным. Вечерняя трапеза, весьма обильная, затянулась до шести утра. Иосиф Виссарионович пребывал в отличном состоянии духа и подчиненные, естественно, тоже. «Когда выходили в вестибюль, — отметил Хрущев в своих мемуарах, — Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне» [22, с. 263].

Многочасовое ночное потребление большого количества пищи и неумеренное возлияние плохо закончилось для 73-летнего генсека. 1 марта охранники нашли его лежащим на полу в библиотеке. Через четыре дня, не приходя в сознание, он скончался. О реакции широких слоев населения на скорбную весть очень правдиво и образно поведала в своих воспоминаниях Г. Вишневская, знаменитая оперная певица: «Когда Хозяин умер, кинулся народ в искреннем горе в Москву, чтобы быть вместе, ближе друг к другу... Тогда перекрыли железные дороги, остановили поезда, чтобы не разнесло Москву это людское горе. Я плакала со всеми вместе. Было ощущение, что рухнула жизнь, и полная растерянность, страх перед неизвестностью, паника охватили всех. Ведь тридцать лет вся страна слышала только — Сталин, Сталин, Сталин!..

На войне умирали «за родину, за Сталина», вдруг умер он — который, казалось бы, должен жить вечно и думать за нас, решать за нас.

Сталин уничтожил миллионы невинных людей, разгромил крестьянство, науку, литературу, искусство... Но вот он умер, и рабы рыдают, с опухшими от слез лицами толпятся на улицах... Как в опере «Борис Годунов», голодный народ голосит:

На кого ты нас покидаешь, отец наш?

На кого ты нас оставляешь, родимый?

По улицам Москвы из репродукторов катились волны душераздирающих траурных мелодий... Страна замерла, и все застыло... Сергей Прокофьев (великий композитор. — *Авт.*) умер в тот же день, что и Сталин, — 5 марта 1953 года. Не дано ему было узнать благой вести о смерти своего мучителя... Сотни тысяч людей, часто насмерть давя друг друга, рвались к Колонному залу Дома союзов, чтобы в последний раз поклониться сверхчеловеку-душегубу... Москва в истерике и слезах хоронила великого тирана» [6, с. 128]. Естественно, что в такой ситуации нашла простор многоустная молва о причинах смерти (гибели) Сталина. Эти легендарные истории, распространявшиеся тогда, пересказывают до сих пор некоторые исследователи, писатели и журналисты.

Самый драматичный слух об убийстве Иосифа Виссарионовича, передававшийся шепотом из поколения в поколение, недавно воскресил в своей книге В. Суходеев. Вот как, по мнению неизвестного нам простого советского человека, завершил жизнь Отец народов. Место его убийства — Кремль (немногие тогда знали, что Сталин работал в основном на даче). Время шекспировских страстей — 1 марта. Идет заседание Президиума ЦК КПСС. Обсуждается вопрос о наказании участников террористической группы евреев-врачей. Вождь объявил о своем решении: членов названной банды немедленно казнить, а несколько сотен тысяч представителей этой преступной нации выселить из центральных областей в районы Севера и Дальнего Востока.

Дальше случилось нечто невероятное: Лазарь Моисеевич Каганович «потребовал от Сталина создания особой комиссии по расследованию «дела врачей», отмены приказа о депортации всех евреев в отдельную зону СССР. Порванный партийный билет Каганович бросил в Сталина. Кагановича поддержали другие члены Президиума ЦК, кроме Берии и Хрущева. Сталин разъярился. Микоян заявил, что «если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль». У Сталина случился удар. Он упал без сознания. Желая привести его в чувство, Молотов подал стакан

коньяка. Придя в чувство, Сталин велел всем удалиться, кроме Берии и Маленкова, которым сказал, что его отравил Молотов» [18, с. 22]. В. Суходеев сообщает также об имевших место полвека назад пересудах, из которых следует, что с Иосифом Виссарионовичем расправился Л. М. Каганович, который будто бы принудил свою племянницу Розу дать ему яд [18, с. 95].

А сколько еще было сложено сносшибательных легенд, на базе которых можно было бы снять интересные фильмы-ужастики! В хрущевские времена Э. Радзинскому по секрету рассказали следующее предание о гибели Учителя от рук соратников-заговорщиков: «Смерть Хозяина произошла совсем не в Кремле, а на ближней даче. В ночь на 1 марта охранники Сталина по телефону вызвали Берия и сказали: «Хозяин подозрительно долго не выходит из своих комнат». Берия позвонил Хрущеву и Маленкову, они все вместе приехали и вошли в его комнату. Он лежал без сознания и вдруг зашевелился. Тогда Хрущев бросился к нему и стал его душить, а за ним уже все накинудись на тирана. И придушили его. Всех сталинских охранников Берия расстрелял в ту же ночь. Стране сообщили о болезни Сталина, когда он уже был мертв» [17, с. 1235].

Слухи о последних часах и днях жизни великого диктатора были яркими, загадочными, завораживающими и едва ли не фантастическими. Их хотя бы относительную достоверность удалось взвесить только после публикации мемуаров на рубеже XX—XXI вв. Конечно, самыми весомыми из них оказались воспоминания Н. С. Хрущева — участника последней веселой вечеринки на даче у Сталина, состоявшейся 28 февраля 1953 года.

1 марта Никите Сергеевичу позвонил Г. М. Маленков и сообщил, что будто бы что-то произошло с Хозяином и надо срочно выехать к нему: «Я сейчас же вызвал машину. Быстро оделся, приехал... Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке... Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали: чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой... Сталин лежит без сознания, не сознает, в каком он состоянии.

Как только Сталин свалился, Берия стал в открытую пылать злобой против него. И ругал, и издевался над ним. Просто невозможно его слушать! Интересно, впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал

на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде возносил и боготворил... Были дни, когда Сталин боялся Берии. Берия был способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо, считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним» [22, с. 265].

Приведенный текст воспоминаний доказывает, что Н. С. Хрущеву очень не нравился Л. П. Берия. Но столь же очевидно, что Никита Сергеевич, демонстрируя вполне понятную и оправданную ненависть к шефу репрессивных органов СССР, не привел никаких юридических фактов, компрометирующих его. Тем не менее мемуары Н. С. Хрущева стали для некоторых исследователей отправной точкой обвинения Лаврентия Павловича в организации убийства Сталина.

Вот какую версию ликвидации гения зла изложил А. Антонов-Овсеенко в 1994 году в книге «Портрет тирана»: «Вечер 28 февраля четверо особо приближенных — Хрущев, Берия, Маленков, Булганин — провели со Сталиным за обеденным столом на даче. Хозяин изрядно выпил и проводил гостей после полуночи, будучи, как запомнилось Хрущеву, в хорошем настроении. 1 марта вечером их срочно вызвали на дачу. Сталин потерял сознание, упал с кровати, лишился речи. Однако четверка не осталась у больного. Все уехали, не вызвав даже врача. Почему? Ответ на этот естественный вопрос дал многолетний охранник вождя А. Т. Рыбин. Когда дежурный офицер с тревогой сообщил Берии, что товарищу Сталину стало совсем плохо и он хрипит, Лаврентий Павлович резко оборвал его: «Не поднимайте паники, он просто заснул и храпит во сне». Кто-то, узнав о критическом состоянии Сталина, позвонил на дачу по телефону, предложил врачебную помощь. Берия, грубо обругав звонившего, сказал, что никто в помощи не нуждается.

Более тринадцати часов не вызывали врачей к пораженному инсультом больному» [3, с. 421].

Спустя пять лет после выхода монографии о Сталине-тиране А. Антонов-Овсеенко издал интересную книгу о Л. П. Берии. Основным достоинством ее стал серьезный анализ преступлений, совершенных этим редкостным злодеем и палачом. Найдем ли мы в этом расследовании

убедительные доказательства соприкосновенности Лаврентия Павловича с убийством своего патрона? Вот резюме обвинительного заключения автора биографии Берии: «Участие его в устранении Вождя до сих пор вызывает споры. Но в ходе судебного расследования, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков, можно было обойтись без личных признаний Лаврентия Берии и его соучастников. Вполне хватило бы косвенных улик. Иосифа Сталина устранил его верный соратник товарищ Лаврентий. А детали убийства — какие химические средства, когда и кем были применены — эти сведения сгорели вместе с ним в печи московского крематория в декабре 1953 года» [4, с. 426]. Наверное, такие аргументы нельзя признать убедительными.

Безоговорочным сторонником версии об убийстве Иосифа Виссарионовича Лаврентием Павловичем является М. Пазин. «Кто же мог отравить Сталина? Маленков? Хрущев или Берия?» — спрашивает он. И без колебаний отвечает: «Наше расследование однозначно указывает на Берия — у других партайгеноссе такой возможности не было. А вот у Берии она была...» Не поставил в тупик М. Пазина и нелегкий вопрос о том, что же побудило Маленкова и Хрущева присоединиться к Берии: «В начале 1953 года для них наступил критический момент — или они, или Сталин. Они боялись, что Сталин расправится с ними так же, как с Каменевым, Зиновьевым, Троцким, Бухариным, Рыковым и другими лидерами СССР... Главным действующим лицом в устранении Сталина стал Берия» [16, с. 176].

В том, что судьбу лидера советского режима решил квартет в составе Берии, Маленкова, Хрущева и Булганина, убежден авторитетный историк А. Авторханов. Он в такой же степени уверен, что ведущую роль в этом заговорщическом временном коллективе сыграл Лаврентий Павлович. Вот какие доводы в пользу такого тезиса им были приведены: «а) накануне заболевания всю ночь субботу 28 февраля Сталин провел за выпивкой именно с этой четверкой; б) вечером 1 марта охрана доложила четверке о болезни вождя, но они не стали вызывать врачей, отказались видаться с больным и разъехались по домам; в) врачи, которых вызвали слишком поздно, никому не известны — все врачи, которые раньше лечили Сталина, были заменены; г) Берия открыто издевался над умирающим Сталиным — то есть был уверен, что часы его сочтены; д) после смерти Сталина была создана медицинская комиссия для подтвер-

ждения диагноза и того, что вождя лечили правильно, — это стремление заручиться свидетельством, дабы доказать свое алиби, выдает заговорщиков с головой» [1, с. 219].

Точку зрения А. Авторханова в целом разделяет А. Лаврин (правда, с существенными оговорками, заслуживающими внимания). «Представляется весьма вероятным, — полагает он, — что Берия, понявший стратегический замысел Сталина — уничтожение по прежнему шаблону старых противников при помощи новых выдвиженцев, успел перехватить инициативу и нанести упреждающий удар. Сделать это он мог с помощью яда, парализующего центральную нервную систему. И все же нельзя быть до конца уверенным, что к смерти Сталина причастны лапы Берии, а не руки провидения. Смерти великих диктаторов почти всегда наступают в срок, когда диктаторы исчерпывают свою способность властвовать. Замечу, что к 1953 году, судя по воспоминаниям Хрущева и других близких к вождю лиц, у Сталина стали отчетливо проступать черты паранойи и маразма. А это значило, что он неумолимо двигался к гибели» [12, с. 485].

Итак, до сих пор не выявлены ни прямые, ни косвенные улики деяний Берии, направленных на подрыв здоровья или тем более лишение жизни Сталина. Этот факт поощряет отдельных историков и политиков к поискам сюжетов, как-то порочащих или бросающих тень на других членов Президиума ЦК КПСС. Главной их мишенью стал Н. С. Хрущев. Понятно, что особенно не жалуют Никиту Сергеевича страстные почитатели Иосифа Виссарионовича.

Злодея, затеявшего разоблачение культа гения всех времен и народов, клянет на чем свет стоит С. Кремлев: «Хрущев был зверем, а не человеком... Сталин же был прежде всего человеком — всегда и во всем. Хрущев в ходе ужина (28 февраля 1953 года. — *Авт.*) укрепился в понимании того, что Сталин должен умереть... И так ли уж существенно, Хрущев ли влил отраву в чашу Сталина или это сделал кто-то из персонала или охраны дачи по хрущевскому кивку... У Хрущева — единственного из всех коллег по высшему руководству — был и личный мотив для убийства Сталина: судьба сына. Леонид Хрущев был то ли сбит в бою, то ли просто не вернулся из боя и оказался в плену... Сталин не стал санкционировать какие-то действия на высоком уровне по освобождению из плена рядового летчика. Хрущев затаил злобу — ведь он был человеком мстительным» [10, с. 376—377].

Версия вероломного убийства любимого вождя проклятым Хрущевым произвела глубокое впечатление и на В. А. Крючкова. И он тоже, как настоящий сталинский чекист, не стал утруждать себя поиском необходимых улик: «Первое, с чего начал Никита Хрущев, — это борьба с И. В. Сталиным. Да, впрочем, бороться с ним он стал изуверским способом еще в последние дни жизни генсека. В результате инсульта И. В. Сталин несколько дней находился без памяти. Сначала почти сутки к нему вообще не подпускали врачей. Тогда, по словам Л. П. Берии, Иосиф Виссарионович якобы крепко уснул, пусть, мол, отдыхает, не надо его беспокоить. То же самое твердил Н. С. Хрущев. И. В. Сталин почти сутки лежал без должной медицинской помощи. Так Н. С. Хрущев стал рассчитывать с И. В. Сталиным, еще живым, но физически беспомощным человеком» [11, с. 65—67].

Хорошо известно, что обретение вечного покоя рядовыми старыми и больными людьми не вызывает особого интереса. Но иное дело, когда речь идет о кончине великого диктатора, да еще при таинственных обстоятельствах. Здесь каждый человек (а уж тем более историк) торопится высказать свое компетентное мнение о причинах «совершенно неожиданной» и «загадочной смерти». Вот и В. Суходеев, помимо передачи различных слухов о «странном окончании жизни» Иосифа Виссарионовича, решил провести собственное расследование и дать обоснованное заключение на этот счет. И пришел к следующему выводу. Во-первых, на его взгляд, главным ненавистником родного Сталина являлся Хрущев, что именно он более всех мешал оказывать медицинскую помощь умиравшему вождю. Во-вторых, В. Суходеев выявил, что Никита Сергеевич — в отличие от заурядных карьеристов Маленкова и Берии — «хотел изменения ленинской политики, которую проводил Сталин» [18, с. 95]. Нам кажется, что такой тезис о теоретических разногласиях Хрущева (который и книг-то почти не читал) с корифеями марксистской науки звучит не очень убедительно, может быть, даже смешно.

...Непробудным сном Сталин почил давным-давно. Но не все способны воспринять этот факт аналитически, умудренно: у историков Г. И. Торбеева и П. Г. Свечникова в оценке событий, произошедших 1—5 марта 1953 года, доминирует эмоциональный подход (они до сих пор не могут свыкнуться с тем, что тогда заболел и умер благодетель и спаситель человечества). Разумеется, в таком упадочном настроении утрачивается способность рассуждать логи-

чески. Хочется скорее выявить и заклеить подлых убийц любимого Иосифа Виссарионовича. С одной стороны, они верно констатируют: «До сих пор покрыты тайной события 1 марта 1953 года. Но не сложно установить, что произошло... Поведение охранников непонятно». С другой — те же авторы, не сомневаясь, без всяких оговорок называют имена убийц, которые действовали как «иезуиты»: «Ни Берия, ни Маленков, ни Хрущев палец о палец не ударили, чтобы хоть что-то предпринять для спасения Сталина. Неужели они не понимали, что 74-летний человек, неоднократно страдавший от серьезных заболеваний, упавший в обморок и найденный на полу в полупарализованном виде, нуждается в срочной медицинской помощи? А они даже не удосужились зайти в дом, чтобы лично, а не со слов охраны убедиться в том, что произошло что-то неординарное. Но эта вельможная троица не только сама не стала вызывать врачей, но и охранникам запретила это сделать, сославшись на то, что товарищ Сталин спит. И каждый из них понимал, что чем дольше не оказывать ему медицинскую помощь, тем больше шансов на летальный исход. А раз так, то все трое виноваты в смерти Сталина. Это было убийство бездействием. Сознательное и коварное» [19, с. 552—553].

Итак, обзор российской литературы, посвященной теме смерти великого диктатора (по мнению некоторых, богоданного лидера), приводит к единому непреложному выводу: его погубил либо один из членов Президиума ЦК КПСС, либо извела группа лихоев из названного партийного ареопага. Ироничный и вместе с тем вдумчивый комментарий к этому тезису дал Л. Млечин: «И по сей день многие люди уверены, что Сталина убили. Версий множество. Одна фантастичнее и абсурднее другой. Но характерно: убийцу Сталина ищут среди его ближайшего окружения, то есть бессознательно воспринимают тогдашнее руководство страны как шайку преступников, ненавидящих друг друга и способных на все» [15, с. 386]. Такая правдивая оценка обитателей Кремля, действовавших в середине 40-х — начале 50-х годов XX века, несколько смущает и корбит искренних поклонников Иосифа Виссарионовича. Но никак не может согласиться истинный патриот Отечества с мыслью о том, что вождя советского народа, всего прогрессивного человечества, учителя вселенной могли столь безжалостно прикончить свои же граждане СССР и члены КПСС. Лучше, если злодеями станут представители империалистических государств. Помните, как проница-

тельный Иван Кузьмич Шпекин, персонаж комедии Гоголя, очень просто объяснил ужасную новость о приезде ревизора в уездный город России: «Это все француз гадит» [8, с. 14].

Вот и уже упомянутый нами С. Кремлев, инкриминировавший Хрущеву отравление родного и любимого вождя, выдвинул еще одну версию умерщвления Иосифа Виссарионовича. Заговор против Сталина, по его мнению, организовали Золотая Элита, Золотой Миллиард, Мировой Капитал, советская чернь, золотая столичная богема, замаскировавшиеся троцкисты и оппозиционеры, псевдонаучная элита, затаившиеся остатки старой царской буржуазии, националистические и космополитические круги элитного советского еврейства, недобитое купечество и кулачество, вся сволочь Советского Союза, не желавшая работать, но много иметь (воры, мошенники, спекулянты, прохиндеи-завмаги, уцелевшие блатные паханы и проститутки).

Как же должна действовать эта разномастная масса, одержимая дьявольским желанием уничтожить товарища Сталина? Враги, поясняет С. Кремлев, должны выступить «в виде своего рода звездного пробега или похода. Его участники выходят из разных пунктов на периферии и по заранее разработанным маршрутам собираются в одной точке. Кто-то разрабатывал свой маршрут, сидя в Лондоне или Вашингтоне. Кто-то — в Москве или Жмеринке... Кто-то имел огромные материальные возможности для организации заговора... Кто-то из врагов Сталина носил цилиндр, кто-то ермолку или бейсболку, а кто-то интеллигентскую шляпу или псевдodemократическую кепку» [10, с. 431].

Далее С. Кремлев сообщает в своей книге, что враги Сталина, социализма, советской власти и России все-таки добились своего. Но, к сожалению, он не обмолвился и словом о том, как практически недруги СССР решили задачу устранения Иосифа Виссарионовича. А может быть, империалисты действовали в союзе с иудой Хрущевым?

Подобно С. Кремлеву (сочинителю разных версий убийства руководителя КПСС и Советского государства), на два стула сел и М. Пазин. Во-первых, как мы уже отметили, он выразил убеждение в том, что великого кормчего отравил Берия, а во-вторых, не отверг и возможности убийства вождя агентами спецслужб США и Израиля («И сотворили они это черное дело путем взрыва дачи Сталина»). Кровь стыла у нас в жилах от ужаса, когда мы читали страницу книги М. Пазины, описывающую невиданное злодеяние гнусного диверсанта.

Поневолу всплывают в памяти строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»:

Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал! [13, с. 8].

Да, все попытки российских историков найти убийц Сталина не дали реальных результатов. Есть пылкие признания в любви к Иосифу Виссарионовичу, раздаются проклятия в адрес того или иного соратника великого вождя, плодятся фантастические выдумки о страшных террористах, подосланных мировым капитализмом. Но так и нет тех увесистых улик, дающих право указать пальцем на того, кто совершил преступление века и украл у человечества надежду на вечное коммунистическое счастье.

Ищут настойчиво убийцу Великого экзекутора и зарубежные специалисты. Любопытно узнать, что написал о его смерти Д. Хоскинг, один из самых квалифицированных историков Англии: «5 марта 1953 г. скоропостижно скончался Сталин. Зная о его планах по поводу ближайших соратников, нетрудно задаться вопросом: была ли эта смерть естественной? Ясного ответа не существует. С одной стороны, он был сильно болен: несколькими годами ранее он перенес первый удар. С другой стороны, у сотрудников Сталина (если их можно назвать таковыми) было предостаточно причин для того, чтобы ускорить его конец. В течение нескольких месяцев, предшествовавших смерти Сталина, были уволены его личный секретарь Поскребышев, начальник охраны генерал Власик и личный психиатр доктор Виноградов. Последние двое были арестованы. Сталин пришел к выводу, что им нельзя больше верить. Его паранойя достигла той стадии, когда уже начала угрожать его собственной безопасности. Когда в ночь с 1 на 2 марта он испытал очередной удар, его дача была изолирована от внешнего мира войсками службы безопасности. Существовала прекрасная возможность лишить его медицинской помощи или даже сделать укол, который мог помочь ему отправиться на тот свет. Дочь Сталина Светлана рассказывала, что когда она видела отца в последний раз, его окружали неизвестные врачи» [21, с. 302—303].

Вот и такой опытный, талантливый историк, как Д. Хоскинг, бросив острый взгляд на события в Кремле в феврале-марте 1953 года, не нашел злодея, убившего Сталина. А может быть,

задумался Л. Млечин, генералиссимус простился с жизнью без чьей-либо преступной помощи? И предложил свою версию событий, очень правдоподобную, с нашей точки зрения: «1 марта после отъезда членов президиума Сталин удалился в библиотеку. Здесь у него произошло кровоизлияние в мозг. Сталин потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он и лежал без медицинской помощи. Из-за его собственных маниакальных страхов охрана и прислуга не смели войти к нему в комнату, не решались по собственной инициативе вызвать врачей. Дозвонились сначала до Г. М. Маленкова. В два часа ночи тот приехал на дачу, взяв с собой Берия.

Охранники доложили, что нашли Сталина на полу, подняли и положили на диван. Теперь он вроде как спит. Маленков с Берией не вошли в комнату: вдруг Сталин проснется и увидит, что они застали его в таком положении. Все члены Президиума ЦК боялись Сталина. Только вечером 2 марта у постели Сталина появились врачи. Первый подошедший к Сталину доктор страшился взять больного за руку.

Приехал министр госбезопасности С. Д. Игнатьев; он также боялся войти в дом уже умирающего Сталина. Все еще трепетали перед ним. Никто не смог бы поднять на него руку. Сталин убил сам себя. Он создал вокруг себя такую атмосферу страха, что его собственные помощники и охранники не решились помочь ему в смертный час» [15, с. 386—387].

Вопросы, возникшие в связи с таинственными обстоятельствами кончины кровавого диктатора (благодетеля советского народа?), будут волновать историков еще долгое время. Для широких же масс будет иметь огромное положительное значение сама смерть величайшего деспота. На весах истории она перетянет, пожалуй, выдающиеся реформы Александра II. Каким гуманным эхом отдалась по России не только дата вечного упокоения Иосифа Виссарионовича (5 марта 1953 года), но и весть о его тяжелой болезни.

...3 марта Евгения Гинзбург, истерзанная 16-летними муками пребывания в тюрьмах и концлагерях, встретила на Колыме. Обреченная на вечное поселение, ни на что не надеясь, она мечтала о наступлении дня избавления от бесконечных страданий: «Ну когда же придет долгожданная смерть?.. Ведь только она может отпустить меня на свободу. И главное — она погасит память. Я обессилена настолько, что не могу больше выносить не только ожидания новых мук, но даже памяти об уже пройденных. В это время кто-то включил вилку репродуктора в

штепсель. И вдруг сквозь трескучие разряды я слышу... что я слышу, Боже милосердный:

— Наступило ухудшение... Сердечные перебои. Пульс нитевидный... Мы передавали бюллетень о болезни Иосифа Виссарионовича Сталина...

— Антоша, — твердила я, вцепившись в руку мужа, — Антоша... А вдруг... А вдруг он поправится?

— Не говори глупостей, Женюша, — почти кричал возбужденный Антон, — я говорю тебе как врач: выздоровление невозможно... Это агония...

Я упала руками на стол и бурно разрыдалась. Тело мое сотрясилось. В одну минуту передо мной пронеслось все. Все пытки и все камеры. Все шеренги казненных и несметные толпы замученных. И моя, моя собственная жизнь, уничтоженная Его дьявольской волей.

Где-то там, в уже нереальной для нас Москве, испустил последнее дыхание кровавый идол XX века — это было величайшее событие для миллионов еще недомученных его жертв...

В скорбные дни погребения Великого и Мудрого в эфире царил Иоганн Себастьян Бах... Политзаключенные, озираясь по сторонам, обменивались потаенным блеском глаз, возбужденными шепотами. Все были словно пьяны. У всех кружились головы от предвкушения перемен...

— Говорят, Молотов будет.

— Вряд ли... Тупица... Может только зады твердить...

— Скорей, Берия...

— А тогда как бы еще солонее не было...

Но единой и общей для всех была уверенность, что кто бы ни сел сейчас на престол московский (в том, что диктатура будет единоличной, как-то даже не сомневались), он будет менее жесток, чем покойник. Потому что более жестоким быть нельзя не только по человеческой, но даже по дьявольской мерке» [7, с. 544—545].

Группа выдающихся историков во главе с Б. Харенбергом дала И. В. Сталину в «Хронике человечества» краткую и точную характеристику: «...Еще при жизни В. И. Ленина встал во главе партии. Одолев в жесточайшей борьбе за власть соперников, он с конца 20-х гг. фактически был единоличным правителем огромного государства. Под его руководством аграрная Россия стала одной из самых могущественных держав мира, а после победы во Второй мировой войне (наряду с США) — одной из супердержав. Эти достижения были оплачены ценой неисчис-

лимых жертв всего народа. Массовые репрессии, подавление всякого инакомыслия стали неотъемлемой частью того явления, которое именуется сталинизмом» [20, с. 990].

1 марта 1953 года, в момент падения тирана в бессознательном состоянии, в Советской России закончилась эпоха средневекового кровавого варварства.

Литература

1. Авторханов А. Загадка смерти Сталина / А. Авторханов // Новый мир. — 1995. — № 15. — С. 215—226.
2. Адзубей А. Те десять лет / А. Адзубей. — М. : Советская Россия, 1989. — 335 с.
3. Антонов-Овсенко А. Берия / А. Антонов-Овсенко. — М. : АСТ, 1999. — 480 с.
4. Антонов-Овсенко А. Портрет тирана / А. Антонов-Овсенко. — М. : Грегори-Пейдж, 1994. — 480 с.
5. Верт А. История Советского государства / А. Верт. — М. : Аванти, 1995. — 479 с.
6. Вишневская Г. Галина. История жизни / Г. Вишневская. — М. : Горизонт, 1992. — 574 с.
7. Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника культа личности / Е. Гинзбург. — М. : Советский писатель, 1990. — 608 с.
8. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Госполитиздат, 1959. — Т. 4. — 464 с.
9. Краткий философский словарь. — М. : Главполиграфиздат, 1952. — 614 с.
10. Кремлев С. Зачем убили Сталина? Преступление века / С. Кремлев. — М. : Эксмо, 2011. — 478 с.
11. Крючков В. А. Личность и власть / В. А. Крючков. — М. : Просвещение, 2004. — 349 с.
12. Лаврин А. Хроника Харона. Энциклопедия смерти / А. Лаврин. — М. : Московский рабочий, 1993. — 511 с.
13. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — М. : Госполитиздат, 1957. — Т. 1. — 426 с.
14. Микоян А. Так было. Размышления о минувшем / А. Микоян. — М. : Вагриус, 1999. — 637 с.
15. Млечин Л. Сталин / Л. Млечин. — М. : Пальмира, 2017. — 447 с.
16. Пазин М. Страсти по власти: от Ленина до Путина / М. Пазин. — СПб. : Питер, 2012. — 384 с.
17. Радзинский Э. Загадки жизни и смерти / Э. Радзинский. — М. : Вагриус, 2003. — 1247 с.
18. Суходеев В. Сталин. Энциклопедия / В. Суходеев. — М. : Алгоритм, 2014. — 640 с.
19. Торбеев Г. И. Сталин: правда и вымысел / Г. И. Торбеев, П. Г. Свечников. — Челябинск, 2007. — 607 с.
20. Харенберг Б. Хроника человечества / Б. Харенберг. — М. : Большая энциклопедия, 1996. — 1200 с.
21. Хоскинг Д. История Советского Союза / Д. Хоскинг. — Смоленск : Русич, 2000. — 490 с.
22. Хрущев Н. Воспоминания. Избранные фрагменты / Н. Хрущев. — М. : Вагриус, 1997. — 511 с.
23. Энциклопедия. История России. XX век. — М. : Аванта, 1995. — 670 с.

DEATH (MURDER?) OF I. V. STALIN: HISTORIOGRAPHIC NOTES

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

Who was the most dear and beloved for the Soviet people in the middle of the 20th century? Of course, Joseph Vissarionovich. Almost all the citizens of the USSR thought that it was the complex of all the wonderful human qualities. "For the majority," the well-known journalist A. Adzhubey correctly noted, "the special place of our state on the world stage, confidence in overcoming difficulties, obstacles and troubles was associated with the name of Stalin. He can do anything, find the only right solution. So accustomed to believe, so to think, the phenomenon of this personality has become so established — above God, closer than father and mother, one of a kind."

The closed Kremlin seemed to the workers, collective farmers and intellectuals to be a kind of Olympus, where the light of progressive mankind, together with its loyal associates, in a gracious atmosphere solves the daunting tasks associated with the construction of an ideal communist society. Stalin appeared to be a powerful creature who was guaranteed immortality. After all, the population of the country of the Soviets never heard or read any official reports, not only about serious illnesses of the leader, but even about mild colds. And suddenly our radio reported in early March 1953, first about a serious illness, and then about the demise of a genius of all time. It was hard to believe. The most incredible rumors spread throughout Moscow, and then throughout the country, because the "great and terrible" could not go to the next world as banal and primitive as an ordinary citizen.

But to publicly discuss the numerous, directly detective versions of the death of the most outstanding man on the globe became possible only after the collapse of the communist empire.

Key words: Kremlin, Stalin's dacha, Beria, Khrushchev, illness, death of the dictator, Mikoyan, G. Vishnevskaya, poisoning, paranoia, insanity, versions, murder, prison, concentration camp, exile, medieval bloody barbarism.

References

1. Avtorkhanov A. (1995) Zagadka smerti Stalina [Mystery of death of Stalin]. Novyj mir, (15), p. 215—226.
2. Adzhubey A. (1989) Te desyat let [Those ten years]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 335 p.
3. Antonov-Ovseenko A. (1999) Beriia [Beriya]. Moscow: AST, 480 p.
4. Antonov-Ovseenko A. (1994) Portret tirana [Tyrant portrait]. Moscow: Gregori-Pejdzh, 480 p.
5. Vert A. (1995) Istoriya Sovetskogo gosudarstva [History of the soviet state]. Moscow: Avanti, 479 p.
6. Vishnevskaya G. (1992) Galina. Istoriya zhizni [Galina. The History of Life]. Moscow: Gorizont, 574 p.
7. Ginzburg E. (1990) Krutoj marshrut. Khronika kulta lichnosti [Harsh route. Personality cult chronicle]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 608 p.
8. Gogol N. V. (1959) Sobr. soch.: v 6 t. [Collected works in 6 vol.]. Moscow: Gospolitizdat, Vol. 4, 464 p.
9. Kratkiy filosofskiy slovar [Brief philosophical dictionary]. Moscow: Glavpoligrafizdat, 614 p.
10. Kremlev S. (2011) Zachem ubili Stalina? Prestuplenie veka [Why did they kill Stalin? Crime of the century]. Moscow: Eksmo, 478 p.
11. Kryuchkov V. A. (2004) Lichnost i vlast [Personality and power]. Moscow: Prosveshchenie, 349 p.
12. Lavrin A. (1993) Khronika Kharona. Entsiklopediya smerti [Charon Chronicle. Encyclopedia of death]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 511 p.
13. Lermontov M. Yu. (1957) Sobr. soch.: v 4 t. [Collected works: in 4 vol.]. Moscow: Gospolitizdat, Vol. 1, 426 p.
14. Mikoyan A. (1999) Tak bylo. Razmyshleniya o minuvshem [It was. Thoughts about the past]. Moscow: Vagrius, 637 p.
15. Mlechin L. (2017) Stalin [Stalin]. Moscow: Palmira, 447 p.
16. Pazin M. (2012) Strasti po vlasti: ot Lenina do Putina [Passion for power. From Lenin to Putin]. St. Petersburg: Piter, 384 p.
17. Radzinskiy E. (2003) Zagadki zhizni i smerti [Riddles of life and death]. Moscow: Vagrius, 1247 p.
18. Suhodееv V. (2014) Stalin. Enciklopediya [Stalin. Encyclopedia]. Moscow: Algoritm, 640 p.
19. Torbeev G. I., Svechnikov G. I. (2007) Stalin: pravda i vymysel [Stalin: truth and fiction]. Chelyabinsk, 607 p.
20. Harenberg B. (1996) Khronika chelovechestva [Chronicle of humanity]. Moscow: Bolshaya entsiklopediya, 1200 p.
21. Hosking D. (2000) Istoriya Sovetskogo Soyuza [History of Soviet Union]. Smolensk: Rusich, 490 p.
22. Hrushchev N. (1997) Vospominaniya. Izbrannye fragmenty [Memories. Selected Fragments]. Moscow: Vagrius, 511 p.
23. Entsiklopediya. Istoriya Rossii. XX vek [Encyclopedia. Russian history. 20th century]. Moscow: Avanta, 670 p.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Н. С. Бабиева

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
n.s.babieva@mail.ru

А. В. Шве́ц

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
Goldline555@mail.ru

З. М. Багомедова

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
wispe@yandex.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ С АНОМАЛИЯМИ ОККЛЮЗИИ ЗУБНЫХ РЯДОВ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью применения междисциплинарного подхода в целенаправленной работе по речевому развитию детей. Статья ориентирована на определение границ компетенций специалистов для оказания максимально эффективной помощи пациенту. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является междисциплинарный подход к коррекции речевых нарушений у детей с аномалиями окклюзии зубных рядов, способствующий эффективному взаимодействию специалистов и составлению индивидуального плана терапии для каждого ребенка. В результате проведенного исследования были значительно ускорены коррекционные мероприятия по устранению различных нарушений речевой иннервации. Сформировался стереогноз в органах артикуляции, что активизировало кинестетические афферентации и способствовало созданию сенсомоторного базиса для нормативного произношения звуков.

Материалы статьи могут быть полезны для логопедов, дефектологов, ортодонт, стоматологов.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, коррекция речи, речевая патология, кинестезия, миофункциональная коррекция.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из приоритетных задач развития российского общества является формирование здорового поколения. Своевременная сформированность всех функций ребёнка позволяет адаптироваться к новым условиям действительности и достичь социально-психологического благополучия. В настоящее время растёт число детей, имеющих те или иные проблемы с развитием физического и психического здоровья.

Количество детей с задержкой речевого развития различной этиологии имеет тенденцию к увеличению. Раннее выявление и предупреждение функциональных нарушений речевых структур позволит добиться полноценного развития детей.

Аномалии периферического речевого аппарата обусловлены множеством причин органического и функционального характера.

Невозможно представить здоровое поколение без правильно сформированного артикуляционного аппарата. Одной из функций артикуляционного аппарата является речевая иннервация. Логопед-дефектолог проводит коррекцию звукопроизношения и устраняет недостатки речевого развития, стимулирует развитие речи при её отсутствии.

Однако эффективность результатов речевой коррекции зависит в том числе от понимания логопедом принципов роста и развития зубочелюстной системы (ЗЧС) и организма человека в целом. Умение своевременно выявить сопутствующие факторы риска развития аномалий прикуса, ведущих к нарушению речи, такие как нарушение носового дыхания, положение и функция языка, а также их своевременная коррекция даёт возможность логопеду-дефектологу принимать активное участие в формировании здорового поколения.

Навыки логопеда-дефектолога дифференцировать нарушения дают возможность определять границы своих компетенций и своевременно направлять детей к смежным специалистам (ортодонт, детскому стоматологу, гигиенисту, оториноларингологу, неврологу) для оказания максимально эффективной помощи пациенту.

Приступая к работе с детьми, логопеды, как правило, не имеют возможности получить полноценную оценку о состоянии артикуляционного аппарата ребёнка, так как в направлении центральной психолого-медико-педагогической комиссии (ЦПМПК) отсутствует заключение ортодонта и лор-врача. В то же время за последние годы из сферы деятельности ортодонта практически полностью исчезла профилактическая ра-

бота с дошкольниками и школьниками по причине отмены стоматологических кабинетов в большинстве образовательных учреждений страны. Согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14.04.2006 № 289 в рабочую сферу ортодонта включаются лечебная, диагностическая и профилактическая компетенция по поддержанию здоровья детей с первых месяцев жизни [1]. Таким образом, в настоящее время затруднён тесный контакт логопеда и ортодонта. Восстановление междисциплинарного взаимодействия ведёт к расширению профессионального кругозора специалистов и более качественной коррекции функций артикуляционного аппарата и в частности речи.

Одним из важных факторов, определяющих развитие артикуляционного аппарата, зубочелюстной системы и правильного смыкания зубов, является действие мышц челюстно-лицевой области во время жевания, глотания, дыхания и речи, а также в состоянии покоя. Нарушение миодинамического равновесия между мышцами — мощный этиопатогенетический фактор возникновения аномалий положения зубов и развития челюстей, приводящий к аномалии окклюзии (аномалии прикуса) [2]. Восстановление функций мышечных паттернов, соответствующих функциям глотания, физиологического дыхания, артикуляции, является одной из главных задач логопедической коррекции.

Миофункциональная терапия — это один из современных методов, применяемых для восстановления миодинамического равновесия перiorальной мускулатуры, в том числе в логопедии. Результатом адекватной миофункциональной коррекции будет являться восстановленное носовое дыхание, нормальное положение и функции мышц челюстно-лицевой области, нормальный рост и развитие всего артикуляционного аппарата. Миофункциональный подход подразумевает междисциплинарное взаимодействие и составление индивидуального плана терапии для каждого ребёнка.

В логопедической практике отмечается прямая взаимосвязь аномалии прикуса и нарушения произношения. *Органическая (механическая) дислалия* — нарушения звукопроизношения, обусловленные анатомическими дефектами органов артикуляции и наблюдающиеся при сохранном слухе и сохранной иннервации периферического аппарата речи [4, с. 5]. Для речи детей с анатомическими деформациями органов артикуляции характерны следующие соответствия нарушения фонетического строя речи и аномалии ЗЧС, представленные в таблице 1 [3].

Таблица 1

Соответствия нарушения фонетического строя речи и аномалии ЗЧС

Сигматизм (С.) Прикус	Сигма- тизм сви- стающих зв. С, С', З, З', Ц	Меж- зубный сигма- тизм	Боко- вой сигма- тизм	Призуб- ный сигма- тизм	Губно- зубной сигма- тизм	Ши- пящий сигма- тизм	С. ши- пящих зв. Ш, Ж, Щ, Ч	Межзубное произнесе- ние З, Т, Т', Д, Д', Н, Н
Нейтральный прикус с протрузией верхних резцов		+					+	+
Нейтральный фронталь- ный открытый прикус		+					+	+
Дистальный прикус с протрузией верхних резцов		+			+		+	+
Дистальный прикус с ретрузией верхних резцов							+	
Дистальный фронталь- ный открытый прикус		+						+
Мезиальный фронталь- ный открытый прикус		+						+
Односторонний или дву- сторонний нейтральный боковой открытый прикус			+					
Односторонний или дву- сторонний дистальный боковой открытый прикус			+					
Односторонний или дву- сторонний мезиальный боковой открытый прикус			+					
Односторонний или дву- сторонний перекрёстный прикус			+					
Глубокий прикус в соче- тании с нейтральным, дистальным или мези- альным прикусом				+				
Прямой прикус в сочета- нии с нейтральным, дистальным или мези- альным прикусом				+				
Мезиальный прикус и его разновидности								
Ранняя потеря молочных зубов		+						+
Нейтральный прикус с протрузией верхних резцов								+
Нейтральный фронталь- ный открытый прикус								+
Дистальный прикус с протрузией верхних резцов								+

Согласно Международной классификации болезней различают:

- основные аномалии размеров челюстей;
- аномалии челюстно-черепных соотношений;
- аномалии соотношения зубных дуг;
- челюстно-лицевые аномалии функционального происхождения;
- болезни височно-нижнечелюстного сустава [4].

К зубочелюстным аномалиям часто приводят такие функциональные нарушения, как ротовое дыхание, инфантильное или реверсивное глотание, вредные миофункциональные привычки (сосание предметов, стискивание зубов и пр.), гипертонус и гипотонус периоральной мускулатуры [5].

В норме человек дышит через нос. В процессе роста и развития под влиянием загрязненной окружающей среды и аллергических реакций у ребенка разрастается лимфоидная ткань в виде небных миндалин и аденоидов, чрезмерный рост которых сокращает объем дыхательных путей, и ребенок начинает дышать ртом. Происходит опускание нижней челюсти с перемещением языка из свода неба на дно полости рта. Так как верхняя челюсть лишается поддержки языка, то наблюдается ее сужение и она приобретает подковообразную или V-образную форму. В процессе нарушаются функции глотания, язык занимает позицию на боковых зубах (латеральное прокладывание языка), что препятствует их нормальному прорезыванию. Смешанный или ротовой тип дыхания, при котором присутствует привычное разомкнутое положение губ в покое, приводит к вялости оральной мускулатуры, которая проявляется в недостаточном тонусе круговой мышцы рта. Нарушается функция смыкания губ и снижается четкость речи. Происходит лабиализация гласных звуков, что приводит к нарушению просодической стороны речи [6]. Данные исследования опирались на теорию организации движений Н. А. Бернштейна, в корне которой лежит теория сенсорных коррекций. В ней используется принцип построения движения на основе нервного импульса, поступающего из мозга в определенную группу мышц; в свою очередь из проприоцептивных органов чувств поступают корректировки о достигнутых результатах. Происходит сравнение «идеальной модели движения» с «достигнутой», на основании чего на периферию направляются новые корректирующие нервные импульсы. Таким образом, происходит процесс построения движений, в котором между мозгом и исполнительными органами су-

ществует не только прямая, но и непрерывная обратная связь [7].

Отметим, что для развития произношения необходим хорошо развитый артикуляционный аппарат без анатомических дефектов, сформированная дифференцированность движений органов артикуляции и полнота кинестетических ощущений различных положений языка в ротовой полости, а также овладение произвольными компонентами двигательной деятельности (кинестетический праксис).

Одним из инструментов миофункциональной терапии являются миофункциональные устройства производства Австралийского Центра миофункциональных исследований (MRC). Миофункциональные устройства данного производителя были сконструированы и запатентованы австралийским учёным, врачом-стоматологом Крисом Фарреллом и впервые представлены в 1989 году.

Аппараты MRC помогают бороться с вредными миофункциональными привычками, приучая детей дышать носом, держать язык в небном положении, правильно глотать, а также создают воздействие слабых сил, вследствие которых зубные дуги расширяются и зубы имеют возможность прорезываться в правильное положение.

Устройства для миофункциональной коррекции применяются при преортодонтическом лечении детей в период молочного и раннего сменного прикуса. Наиболее ощутимый эффект получают пациенты, проходящие лечение в возрасте от 2,5 до 10 лет [8].

В линейке миофункциональных устройств MRC есть аналогичные модели для применения в комплексной терапии миофункциональных нарушений специалистами нестоматологического профиля — миофункциональные устройства Myosa.

Целью данного исследования было определение эффективности применения устройств для миофункциональной коррекции в структуре логопедического коррекционного процесса у детей старшего дошкольного возраста с дистальной окклюзией.

На базе ГБОУ школа 2120 ДОП № 2 (г. Москва) были определены две группы детей 5—6 лет. Выборка экспериментальной группы (ЭГ) была случайной. В неё вошли 30 детей, которые согласились применять миофункциональный аппарат согласно инструкциям врача-ортодонта и выполнять соответствующие упражнения под контролем логопеда. По согласованию с родителями занятия с логопедом проходили на базе миофункционального ортодон-

тического центра «Миодент» (г. Москва), использующего в своей работе протоколы лечения аномалий окклюзий по системе MRC и оснащённого необходимым программным обеспечением для проведения занятий.

Контрольная группа в количестве 25 детей проходила традиционную логопедическую коррекцию в ГБОУ школа 2120 ДОП № 2 без миофункциональных устройств MRC.

В обеих группах программа и формат занятий с логопедом были одинаковыми. Каждое занятие включало задание на развитие тонкой моторики рук, просодики, слухового внимания, артикуляционной и дыхательной гимнастики, постановки, автоматизации и дифференциации

звуков. Дети ЭГ выполняли упражнения на дыхание и развитие тонкой моторики рук с аппаратом MRC во рту и носили аппарат MRC ежедневно 1 час днём и всю ночь.

В ЭГ и КГ находились дети с диагнозом дистальная окклюзия с протрузией/ретрузией передних резцов, чрезмерным резцовым перекрытием в сопровождении фонетического недоразвития речи в виде органической дислалии.

В оценке состояния лицевого и орального праксиса были использованы пробы, заимствованные из работы В. В. Харке [9]. Сравнивая результаты двух групп по динамике праксиса (27 проб), мы использовали Т-критерий Уилкоксона. Результаты приведены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Лицевой и оральный праксис (экспериментальная группа)

Переменные	Кол-во человек	Т-критерий Уилкоксона	Z-критерий	P-value	
МЛ_До_1 & МЛ_ПОСЛЕ_1	25	0,0	4,4	0,000	***
МЛ_до_2 & МЛ_ПОСЛЕ_2	26	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_3 & МЛ_ПОСЛЕ_3	22	0,0	4,1	0,000	***
МЛ_До_4 & МЛ_ПОСЛЕ_4	24	0,0	4,3	0,000	***
МЛ_До_5 & МЛ_ПОСЛЕ_5	27	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_6 & МЛ_ПОСЛЕ_6	23	0,0	4,2	0,000	***
МЛ_До_7 & МЛ_ПОСЛЕ_7	25	0,0	4,4	0,000	***
МЛ_До_8 & МЛ_ПОСЛЕ_8	23	0,0	4,2	0,000	***
МЛ_До_9 & МЛ_ПОСЛЕ_9	26	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_10 & МЛ_ПОСЛЕ_10	22	0,0	4,1	0,000	***
МЛ_До_11 & МЛ_ПОСЛЕ_11	22	0,0	4,1	0,000	***
МЛ_До_12 & МЛ_ПОСЛЕ_12	26	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_13 & МЛ_ПОСЛЕ_13	27	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_14 & МЛ_ПОСЛЕ_14	22	0,0	4,1	0,000	***
МЛ_До_15 & МЛ_ПОСЛЕ_15	26	0,0	4,5	0,000	***
МЛ_До_16 & МЛ_ПОСЛЕ_16	25	0,0	4,4	0,000	***
МЛ_До_Ср&МЛ_ПОСЛЕ_Ср	30	0,0	4,8	0,000	***
МГ_До_17 & МГ_ПОСЛЕ_17	23	0,0	4,2	0,000	***
МГ_До_18 & МГ_ПОСЛЕ_18	23	0,0	4,2	0,000	***
МГ_До_19 & МГ_ПОСЛЕ_19	21	0,0	4,0	0,000	***
МГ_До_20 & МГ_ПОСЛЕ_20	27	0,0	4,5	0,000	***
МГ_До_21 & МГ_ПОСЛЕ_21	24	0,0	4,3	0,000	***
МГ_До_22 & МГ_ПОСЛЕ_22	26	0,0	4,5	0,000	***
МГ_До_23 & МГ_ПОСЛЕ_23	16	0,0	3,5	0,000	***
МГ_До_24 & МГ_ПОСЛЕ_24	23	0,0	4,2	0,000	***
МГ_До_25 & МГ_ПОСЛЕ_25	22	0,0	4,1	0,000	***
МГ_До_26 & МГ_ПОСЛЕ_26	23	0,0	4,2	0,000	***
МГ_До_27 & МГ_ПОСЛЕ_27	25	0,0	4,4	0,000	***
МГ_До_Ср&МГ_ПОСЛЕ_Ср	30	0,0	4,8	0,000	***

Примечание: *** P < 0,001.

Таблица 3

Лицевой и оральный праксис (контрольная группа)

Переменные	Кол-во человек	T-критерий Уилкоксона	Z-критерий	P-value	
МЛ_до_1 & МЛ_ПОСЛЕ_1	14	0,0	3,3	0,001	***
МЛ_до_2 & МЛ_ПОСЛЕ_2	8	0,0	2,5	0,012	*
МЛ_до_3 & МЛ_ПОСЛЕ_3	12	0,0	3,1	0,002	**
МЛ_до_4 & МЛ_ПОСЛЕ_4	6	0,0	2,2	0,028	*
МЛ_до_5 & МЛ_ПОСЛЕ_5	11	0,0	2,9	0,003	**
МЛ_до_6 & МЛ_ПОСЛЕ_6	13	0,0	3,2	0,001	**
МЛ_до_7 & МЛ_ПОСЛЕ_7	7	0,0	2,4	0,018	*
МЛ_до_8 & МЛ_ПОСЛЕ_8	7	0,0	2,4	0,018	*
МЛ_до_9 & МЛ_ПОСЛЕ_9	11	0,0	2,9	0,003	**
МЛ_до_10 & МЛ_ПОСЛЕ_10	14	0,0	3,3	0,001	***
МЛ_до_11 & МЛ_ПОСЛЕ_11	10	0,0	2,8	0,005	**
МЛ_до_12 & МЛ_ПОСЛЕ_12	14	0,0	3,3	0,001	***
МЛ_до_13 & МЛ_ПОСЛЕ_13	3	0,0	1,6	0,109	
МЛ_до_14 & МЛ_ПОСЛЕ_14	9	0,0	2,7	0,008	**
МЛ_до_15 & МЛ_ПОСЛЕ_15	9	0,0	2,7	0,008	**
МЛ_до_16 & МЛ_ПОСЛЕ_16	8	0,0	2,5	0,012	*
МЛ_до_Ср&МЛ_ПОСЛЕ_Ср	25	3,0	4,3	0,000	***
МГ_до_17 & МГ_ПОСЛЕ_17	14	0,0	3,3	0,001	***
МГ_до_18 & МГ_ПОСЛЕ_18	5	0,0	2,0	0,043	*
МГ_до_19 & МГ_ПОСЛЕ_19	10	0,0	2,8	0,005	**
МГ_до_20 & МГ_ПОСЛЕ_20	8	0,0	2,5	0,012	*
МГ_до_21 & МГ_ПОСЛЕ_21	11	0,0	2,9	0,003	**
МГ_до_22 & МГ_ПОСЛЕ_22	11	0,0	2,9	0,003	**
МГ_до_23 & МГ_ПОСЛЕ_23	7	0,0	2,4	0,018	*
МГ_до_24 & МГ_ПОСЛЕ_24	8	0,0	2,5	0,012	*
МГ_до_25 & МГ_ПОСЛЕ_25	13	0,0	3,2	0,001	**
МГ_до_26 & МГ_ПОСЛЕ_26	9	0,0	2,7	0,008	**
МГ_до_27 & МГ_ПОСЛЕ_27	15	0,0	3,4	0,001	***
МГ_до_Ср&МГ_ПОСЛЕ_Ср	23	0,0	4,2	0,000	***

Примечание: * $P < 0,05$, ** $P < 0,01$, *** $P < 0,001$.

Для сравнения между собой ЭГ и КГ по состоянию лицевого и орального праксиса и скорости автоматизации в речи шипящих звуков использовался U-критерий Манна-Уитни. Результаты приведены в таблице 4, на рисунке 1.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе статистического анализа можно констатировать, что у ЭГ показатели автоматизации шипящих звуков ниже по сравнению с КГ. Показатели по динамике праксиса выявили значимые отличия в состоянии мышц лица (МЛ) и мышц

губ (МГ) у ЭГ до и после исследования, о чём свидетельствовал показатель $P\text{-value} = 0,001$.

Большой по значению $P\text{-value}$ у контрольной группы свидетельствует, что значимой динамики в состоянии мышц до и после исследования не отмечалось.

При использовании МФА автоматизация звуков в ЭГ наступает быстрее практически в два раза.

При постановке звуков нет необходимости использовать дополнительный инструментальный (всё делает аппарат).

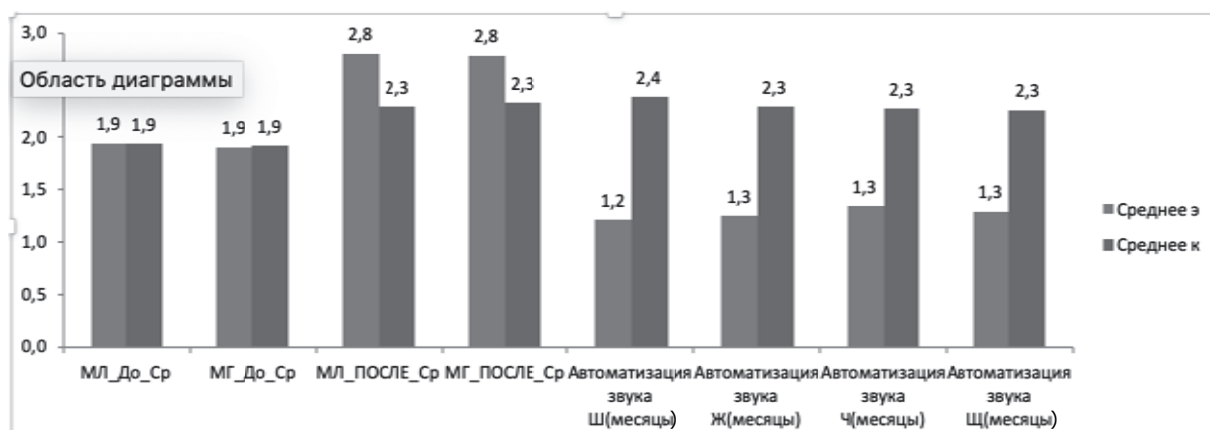

Рис. 1. Сравнительный анализ ЭГ и КГ (автоматизация шипящих (месяцы) и состояние лицевого и орального праксиса до и после исследования)

Таблица 4

Сравнение между собой ЭГ и КГ по лицевому и оральному праксису (U-критерий Манна-Уитни в ЭГ и КГ)

Переменные	Сумма рангов		U-критерий Манна-Уитни	Z-критерий	P-value		Кол-во наблюдений	
	Эксперимент	Контроль					Эксперимент	Контроль
МЛ_До_1	736,5	803,5	271,5	-1,7	0,082		30	25
МЛ_до_2	799,0	741,0	334,0	-0,7	0,494		30	25
МЛ_До_3	1013,0	527,0	202,0	2,9	0,004	**	30	25
МЛ_До_4	809,0	731,0	344,0	-0,5	0,606		30	25
МЛ_До_5	822,0	718,0	357,0	-0,3	0,767		30	25
МЛ_До_6	887,0	653,0	328,0	0,8	0,432		30	25
МЛ_До_7	736,0	804,0	271,0	-1,7	0,080		30	25
МЛ_До_8	847,5	692,5	367,5	0,1	0,906		30	25
МЛ_До_9	841,0	699,0	374,0	0,0	0,993		30	25
МЛ_До_10	1002,0	538,0	213,0	2,7	0,006	**	30	25
МЛ_До_11	948,5	591,5	266,5	1,8	0,068		30	25
МЛ_До_12	929,5	610,5	285,5	1,5	0,132		30	25
МЛ_До_13	550,0	990,0	85,0	-4,9	0,000	***	30	25
МЛ_До_14	907,5	632,5	307,5	1,1	0,257		30	25
МЛ_До_15	862,0	678,0	353,0	0,4	0,716		30	25
МЛ_До_16	782,0	758,0	317,0	-1,0	0,331		30	25
МЛ_До_Ср	843,0	697,0	372,0	0,0	0,966		30	25
МГ_До_17	970,5	569,5	244,5	2,2	0,028	*	30	25
МГ_До_18	792,0	748,0	327,0	-0,8	0,422		30	25
МГ_До_19	783,0	757,0	318,0	-1,0	0,340		30	25
МГ_До_20	730,0	810,0	265,0	-1,9	0,064		30	25
МГ_До_21	831,5	708,5	366,5	-0,1	0,892		30	25
МГ_До_22	837,0	703,0	372,0	0,0	0,966		30	25
МГ_До_23	926,0	614,0	289,0	1,4	0,148		30	25
МГ_До_24	762,0	778,0	297,0	-1,3	0,190		30	25

Переменные	Сумма рангов		U-критерий Манна-Уитни	Z-критерий	P-value		Кол-во наблюдений	
	Экспери- мент	Контроль					Экспери- мент	Контроль
МГ_До_25	876,5	663,5	338,5	0,6	0,543		30	25
МГ_До_26	806,5	733,5	341,5	-0,6	0,577		30	25
МГ_До_27	828,0	712,0	363,0	-0,2	0,846		30	25
МГ_До_Ср	866,5	673,5	348,5	0,4	0,660		30	25
МЛ_ПОСЛЕ_1	844,5	695,5	370,5	0,1	0,946		30	25
МЛ_ПОСЛЕ_2	982,5	557,5	232,5	2,4	0,016	*	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_3	1072,5	467,5	142,5	3,9	0,000	***	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_4	987,0	553,0	228,0	2,5	0,013	*	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_5	1013,5	526,5	201,5	2,9	0,003	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_6	988,5	551,5	226,5	2,5	0,012	*	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_7	955,5	584,5	259,5	1,9	0,052		30	25
МЛ_ПОСЛЕ_8	1030,0	510,0	185,0	3,2	0,001	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_9	1001,5	538,5	213,5	2,7	0,007	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_10	1020,5	519,5	194,5	3,0	0,002	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_11	1047,0	493,0	168,0	3,5	0,000	***	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_12	1011,0	529,0	204,0	2,9	0,004	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_13	736,5	803,5	271,5	-1,7	0,082		30	25
МЛ_ПОСЛЕ_14	1005,5	534,5	209,5	2,8	0,005	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_15	1000,5	539,5	214,5	2,7	0,007	**	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_16	965,5	574,5	249,5	2,1	0,035	*	30	25
МЛ_ПОСЛЕ_Ср	1171,5	368,5	43,5	5,6	0,000	***	30	25
МГ_ПОСЛЕ_17	1027,5	512,5	187,5	3,2	0,002	**	30	25
МГ_ПОСЛЕ_18	1009,5	530,5	205,5	2,9	0,004	**	30	25
МГ_ПОСЛЕ_19	881,0	659,0	334,0	0,7	0,494		30	25
МГ_ПОСЛЕ_20	965,5	574,5	249,5	2,1	0,035	*	30	25
МГ_ПОСЛЕ_21	1008,0	532,0	207,0	2,8	0,005	**	30	25
МГ_ПОСЛЕ_22	1008,0	532,0	207,0	2,8	0,005	**	30	25
МГ_ПОСЛЕ_23	1015,5	524,5	199,5	3,0	0,003	**	30	25
МГ_ПОСЛЕ_24	915,0	625,0	300,0	1,3	0,208		30	25
МГ_ПОСЛЕ_25	975,0	565,0	240,0	2,3	0,023	*	30	25
МГ_ПОСЛЕ_26	990,5	549,5	224,5	2,5	0,011	*	30	25
МГ_ПОСЛЕ_27	971,5	568,5	243,5	2,2	0,027	*	30	25
МГ_ПОСЛЕ_Ср	1158,5	381,5	56,5	5,4	0,000	***	30	25
Автоматизация звука Ш (месяцы)	575,0	965,0	110,0	-4,5	0,000	***	30	25
Автоматизация звука Ж (месяцы)	562,0	978,0	97,0	-4,7	0,000	***	30	25
Автоматизация звука Ч (месяцы)	610,0	930,0	145,0	-3,9	0,000	***	30	25
Автоматизация звука Ц (месяцы)	553,5	986,5	88,5	-4,8	0,000	***	30	25

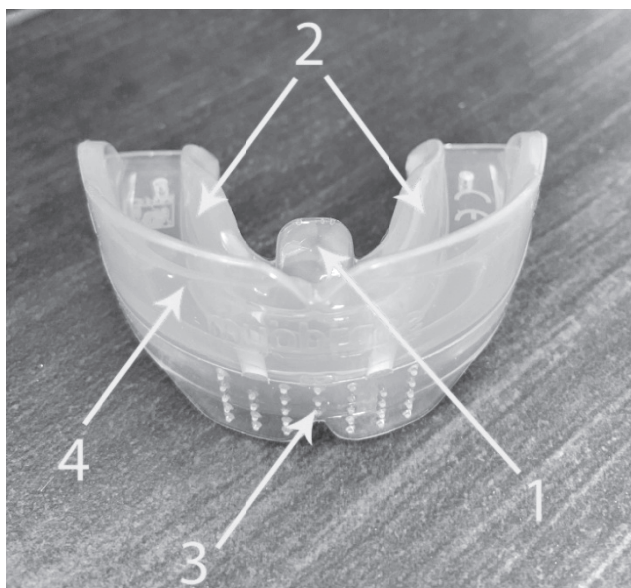

Рис. 2. Myobrace K1 для детей

В результате проведённого исследования было выявлено благоприятное коррекционное воздействие применения миофункционального аппарата MRC в логопедической практике по следующим направлениям:

1. С помощью маркерного язычка (1) (рис. 2) выработалось правильное верхнее положение языка с упором в переднюю треть твёрдого нёба. Это привело к улучшению функции переключаемости языка с верхнего подъёма на нижний, что важно при работе с дифференциацией шипящих и свистящих звуков.

2. Элеватор для языка (2), предотвращающий опускание языка за нижние зубы, способст-

вовал выработке какуминальной позиции языка, необходимой для постановки и автоматизации шипящих звуков.

3. Губной бампер (3, 4) снимал избыточное давление нижней и верхней губы на зубные ряды и активизировал смыкательную функцию губ.

4. Сформировался стереогноз в органах артикуляции, что активизировало кинестетические афферентации и способствовало созданию сенсомоторного базиса для появления группы шипящих.

Созданный артикуляционный базис в будущем будет способствовать появления соноров по подражанию.

Литература

1. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14 апреля 2006 г. № 289 «О мерах по дальнейшему совершенствованию стоматологической помощи детям в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/4182713/#ixzz66OScxqOu>.
2. Мью Д. Мальокклюзия зубов: ортотропический подход / Д. Мью. — М. : ТАРКОММ, 2018. — 256 с.
3. Международная классификация болезней МКБ-10. — URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=10061>.
4. Образцов Ю. Л. Пропедевтическая ортодонтия : учебное пособие / Ю. Л. Образцов, С. Н. Ларионов. — СПб. : СпецЛит, 2006. — 210 с.
5. Григоренко Н. Я. Диагностика и коррекция звукопроизносительных расстройств у детей с нетяжелыми зубочелюстными аномалиями : учебник / Н. Я. Григоренко, С. А. Цыбульский. — М. : Книголюб, 2005. — 144 с.
6. Архипова Е. Ф. Миофункциональная коррекция и профилактика нарушений звукопроизношения / Е. Ф. Архипова. — М. : В. Секачев, 2017. — 74 с.
7. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность / Н. А. Бернштейн. — М. : Книга по требованию, 2012. — 496 с.
8. Харке В. В. Эффективность артикуляционной миогимнастики при ортодонтическом лечении аномалий окклюзии у детей с нарушениями звукопроизношения : автореф. дис. ... канд. мед. наук / В. В. Харке. — Волгоград, 2007. — 32 с.
9. Influence of Pre-Orthodontic Trainer treatment on the perioral and masticatory muscles in patients with Class II division 1 malocclusion. — URL: <https://myobrace.ru/images/myobrace/influence-of-pre-orthodontic-trainer-treatment-on-the-perioral-and-masticatory-muscles-in-patients-with-class-II-division-1-malocclusion.pdf>.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN CHILDREN WITH ABNORMALITIES OF DENTAL OCCLUSION

N. S. Babieva

First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov (Moscow, Russia)
n.s.babieva@mail.ru

A. V. Shvets

First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov (Moscow, Russia)
Goldline555@mail.ru

Z. M. Bagomedova

First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov (Moscow, Russia)
wispe@yandex.ru

The relevance of the problem under study is due to the need to apply an interdisciplinary approach in a focused work on the speech development of children. The article aims to determine the boundaries of competencies of specialists to provide the most effective care to the patient.

The leading approach to the study of this problem is the interdisciplinary approach to the correction of speech disorders in children with anomalies in occlusion of the dentition, which allows the effective interaction of specialists and the preparation of an individual treatment plan for each child.

As a result of the study, corrective measures to eliminate various disorders of speech innervation were significantly accelerated. Stereognosis has formed in the organs of articulation, which has activated kinesthetic afferentations and contributed to the creation of a sensory-motor basis for the normative pronunciation of sounds.

Article materials may be useful for speech therapists, defectologists, orthodontists, dentists.

Key words: interdisciplinary approach, speech correction, speech pathology, kinesthesia, myofunctional correction.

References

1. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsialnogo razvitiia RF ot 14 aprelya 2006 g. № 289 "O merakh po dalneishemu sovershenstvovaniyu stomatologicheskoy pomoshchi detiam v Rossiiskoy Federatsii [Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 14, 2006 N 289 "On measures to further improve dental care for children in the Russian Federation"]. GARANT System. URL: <http://base.garant.ru/4182713/#ixzz660ScxqOu>.
2. Mew D. (2018) Malokklyuziya zubov: ortotropicheskiy podkhod [Dental malocclusion: an orthotropic approach]. Moscow: TARKOMM, 256 p.
3. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney MKB-10 [International classification of diseases ICD-10]. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=10061>.
4. Obratsov Yu. L., Larionov S. N. (2006) Propedevticheskaya ortodontiya: uchebnoe posobie [Propaedeutic orthodontics: Textbook]. St. Petersburg: SpetsLit, 210 p.
5. Grigorenko N. Ya., Tsybulsky S. A. (2005) Diagnostika i korrektsiya zvukoproiznositelnykh rasstroystv u detey s netyazhelymi zubochelestnymi anomaliyami [Diagnosis and correction of sound-reproducing disorders in children with mild dentoalveolar anomalies: Textbook]. Moscow: Book-love, 144 p.
6. Arkhipova E. F. (2017) Miofunktsionalnaya korrektsiya i profilaktika narusheniy zvukoproiznosheniya [Myofunctional correction and prevention of violations of sound pronunciation]. Moscow: V. Sekachev, 74 p.
7. Bernstein N. A. (2012) Fiziologiya dvizheniy i aktivnost [Physiology of movements and activity]. Moscow: Book on Demand, 496 p.
8. Harke V. V. (2007) Effektivnost artikulyatsionnoy miogimnastiki pri ortodonticheskom lechenii anomalii okklyuzii u detey s narusheniyami zvukoproiznosheniya [The effectiveness of articulatory myogymnastics in orthodontic treatment of occlusion abnormalities in children with impaired sound pronunciation]. Volgograd, 32 p.
9. Influence of Pre-Orthodontic Trainer treatment on the perioral and masticatory muscles in patients with Class II division 1 malocclusion. URL: <https://myobrace.ru/images/myobrace/influence-of-pre-orthodontic-trainer-treatment-on-the-perioral-and-masticatory-muscles-in-patients-with-class-II-division-1-malocclusion.pdf>.

А. Ю. Волкова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
annavolkova.98@mail.ru

Е. Н. Каленик

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗРЕЗЕ ФИЗИКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Оценка конкурентоспособности региона является одной из ключевых характеристик его комплексного развития. В связи с этим данная работа посвящена исследованию конкурентоспособности Ульяновского региона в разрезе физкультурно-спортивной составляющей региональной политики. Для проведения анализа в выбранной сфере с помощью метода оценки региональной конкурентоспособности авторами были выделены некоторые ключевые, на их взгляд, показатели в соответствии с выбранной сферой исследования. В статье раскрывается вопрос перспективности дальнейшего развития и привлекательности Ульяновской области для инвесторов. На основании данных Отчета Министерства физической культуры и спорта Ульяновской области за 2018 год была рассмотрена динамика избранных показателей с 2008 по 2018 год по таким позициям, как динамика количества официальных соревнований, проведенных на территории Ульяновской области; динамика количества ульяновских спортсменов, вошедших в состав сборных команд Российской Федерации; динамика официальных спортивных соревнований, в которых приняли участие ульяновские спортсмены; динамика численности работников физкультурно-спортивной сферы по территории Ульяновской области; динамика объема финансовых средств, затраченных на создание и совершенствование физкультурно-спортивной инфраструктуры. По результатам исследования указанных показателей авторами делаются выводы и дается обобщенная оценка региона в рамках перспективности развития и привлекательности для инвесторов. Кроме того, рассматривается эффективность Ульяновской области как международной спортивной площадки, чему способствует наличие современных спортивных объектов и высокий уровень подготовки квалифицированных кадров спортивной отрасли. Также в статье указываются положительные и отрицательные стороны нынешней региональной политики в разрезе физкультурно-спортивной составляющей. В завершение исследования авторами приводятся возможные направления повышения конкурентоспособности Ульяновского региона в спортивной сфере, а также устанавливается, может ли направление физической культуры и спорта выступать в качестве существенного конкурентного преимущества для изучаемого региона и является ли оно перспективным для развития и инвестиционной активности.

Ключевые слова: конкурентоспособность региона, спортивная сфера, региональная политика, конкурентные преимущества, спорт, физкультурно-оздоровительный аспект, Ульяновская область.

Опыт развитых государств на данный момент свидетельствует о том, что для повышения социально-экономического уровня государства в первую очередь необходимо развивать конкурентные преимущества всех его субъектов [3, с. 29]. Именно по этой причине регионы внутри одного государства поставлены в условия соперничества между собой. В данном случае имеет смысл употребление термина «конкурентоспособность» [1, с. 54].

Конкурентоспособность — экономическая категория, позволяющая сравнить положение отдельно взятого объекта на рынке относительно других схожих посредством определенных показателей. Данное понятие редко используют

для оценки региона страны, хотя рейтинговые оценки по отдельным показателям распространены достаточно широко [2].

Следует отметить, что общепринятой теории межрегиональной конкуренции, подобно теории международной конкуренции или конкуренции фирм, пока не существует. В связи с этим исследование конкурентоспособности региона можно осуществлять как с помощью методов, применяемых для анализа национальной конкурентоспособности, так и разработать собственные показатели и способы сравнения [8, с. 127].

Каждый регион обладает конкурентными преимуществами и, соответственно, должен поддерживать их, а также создавать новые, так как

именно совокупность региональных конкурентных преимуществ определяет привлекательность региона для тех целевых групп, в притоке которых он заинтересован [9, с. 68].

В данной работе будет оценен физкультурно-спортивный аспект региональной политики Ульяновской области с целью выявления конкурентных преимуществ региона. Так, по результатам данного исследования будет получен ответ на вопрос «Является ли спортивная сфера перспективной для развития и привлечения инвесторов?».

Для такой оценки требуется выделить показатели, которые являются репрезентативными для определения текущего положения и направления дальнейшего развития региона.

В качестве необходимых показателей были выбраны следующие:

- количество проведенных спортивных соревнований;
- количество участников спортивных соревнований;
- количество ульяновских спортсменов, включенных в состав сборных страны;
- количество официальных спортивных соревнований, в которых приняли участие ульяновские спортсмены;
- численность работников физкультурно-оздоровительной сферы на территории Ульяновской области;
- динамика объема финансовых средств, затраченных на создание и совершенствование физкультурно-спортивной инфраструктуры.

На основании данных Отчета Министерства физической культуры и спорта Ульяновской области за 2018 год [4] будет приведена динамика избранных показателей в табличной форме.

По итогам 2018 года на территории Ульяновского региона было проведено 381 официальное спортивное соревнование (табл. 1), из которых:

- 258 официальных соревнований регионального, межрегионального, всероссийского и международного уровней;
- 123 официальных физкультурно-спортивных мероприятия, относящихся к категории любительского и массового спорта.

Мы можем наблюдать, что общая динамика как количества официальных соревнований, физкультурно-оздоровительных мероприятий, так и количества их участников имеет по большому счету положительную тенденцию.

К примеру, за последние 5 лет показатель проведенных спортивных мероприятий увеличился на 32,75 %, а количество участников воз-

росло на 59,02 %. Наибольших значений оба показателя достигли в 2018 году: 318 мероприятий и 194 тыс. человек соответственно.

Таблица 1

Динамика количества официальных соревнований, проведенных на территории Ульяновской области в 2008—2018 гг.

Год	Количество официальных соревнований, физкультурно-оздоровительных мероприятий	Количество участников (тыс. чел.)
2008	301	73,4
2009	276	72,2
2010	256	72
2011	282	75,5
2012	285	77
2013	287	122
2014	249	122
2015	291	132
2016	371	168
2017	322	168
2018	381	194

Такая ситуация объясняется тем, что на развитие массового спорта, продвижение здорового образа жизни и, как следствие, проведение физкультурно-оздоровительных спортивных мероприятий в 2018 году за счет средств областного бюджета Ульяновской области было направлено около 135 566,9 тыс. рублей, что на 60,2 % больше, чем в предыдущем году (81 636 тыс. рублей).

Другим направлением региональной политики в сфере спорта является развитие спорта высших достижений и системы подготовки спортивного резерва.

На территории Ульяновской области успешно развиваются 75 видов спорта, среди которых базовыми являются бокс, гребля на байдарках и каноэ, дзюдо, легкая атлетика, плавание, спортивная борьба, спортивная гимнастика, тхэквондо, тяжелая атлетика, футбол, художественная гимнастика, биатлон, кикбоксинг, хоккей с мячом.

В 2018 году 110 спортсменов региона вошли в составы сборных команд Российской Федерации (табл. 2).

Как мы можем заметить, динамика количества ульяновских спортсменов, включенных в составы сборных команд Российской Федерации, не является линейной. Наибольшего значения данный показатель достиг в 2016 году, а к 2018 году сократился на 6,8 %. Но, с другой стороны, нельзя не отметить общую положительную динамику исследуемого показателя.

Таблица 2

Динамика количества ульяновских спортсменов, вошедших в состав сборных команд Российской Федерации в 2012–2018 гг.

Год	Количество спортсменов, чел.	Количество видов спорта
2012	29	9
2013	29	12
2014	70	13
2015	96	14
2016	118	14
2017	100	14
2018	110	14

Также необходимо упомянуть, что происходит поступательный рост количества видов спорта, в сборных по которым числятся спортсмены Ульяновской области — на 55,56 % больше в 2018 году относительно 2012 года.

По итогам 2018 года 4778 ульяновских спортсменов приняли участие в 501 выездном соревновании межрегионального, всероссийского уровня и тренировочных сборах сборных команд Ульяновской области (табл. 3).

Таблица 3

Динамика официальных спортивных соревнований, в которых приняли участие ульяновские спортсмены в 2008–2018 гг.

Год	Общее количество выездных соревнований всех уровней	Количество спортсменов — участников от региона (тыс. чел.)
2008	273	2,4
2009	275	2,5
2010	276	2,3
2011	278	2,5
2012	297	2,8
2013	294	2,5
2014	298	2,6
2015	311	2,8
2016	346	3,7
2017	415	4,2
2018	501	4,8

Исходя из данных таблицы 3, можно говорить о том, что показатель участия ульяновских спортсменов в выездных соревнованиях различных уровней демонстрирует значительный рост. Например, этот показатель в 2018 году вырос на 83,5 % по сравнению с данными 2008 года, а за три последних года мы можем наблюдать самую значительную динамику в течение всего периода исследования: 346 — в 2016 году, 415 — в 2017 году и 501 — в 2018 году.

Кроме того, отметим заметный рост количества спортсменов — участников данных соревнований от региона. Этот показатель существенно выделяется в период с 2015 по 2018 год, его рост составил 71,4 % в 2018 году относительно 2015 года.

Примечательно, что в 2018 году на развитие спорта высших достижений и системы подготовки спортивного резерва в Ульяновской области в рамках государственной программы «Развитие физической культуры и спорта в Ульяновской области на 2014–2021 годы» направлено 156 736,1 тыс. рублей, что на 12 % меньше, чем в 2017 году (200 901,5 тыс. рублей).

Среди еще одних направлений региональной политики в сфере спорта названо развитие кадрового потенциала.

В 2018 году численность работников, занятых в физкультурно-спортивной сфере на территории Ульяновской области, достигла 2668 человек (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности работников физкультурно-спортивной сферы по территории Ульяновской области в 2004–2018 гг.

Годы	Среднегодовая численность работников, чел.
2004	2358
2005	2386
2006	2360
2007	2273
2008	2986
2009	2300
2010	2147
2011	2152
2012	2207
2013	2398
2014	2352
2015	2390
2016	2398
2017	2513
2018	2668

Судя по данным таблицы 4, мы можем видеть некоторое падение показателя количества работников физкультурно-спортивной сферы на территории региона до 2011 года, затем данный показатель демонстрирует уверенный рост. Так, к 2018 году он увеличился на 23,98 % по сравнению с 2011 годом. Наибольшего значения показатель численности работников физкультурно-спортивной сферы достиг в 2018 году — 2668 человек, из которых 1994 человека с высшим и 613 — со средним физкультурным обра-

зованием. Но все еще в настоящее время остается потребность в специализированных кадрах, особенно в сельской местности.

Касательно такого направления региональной политики в сфере спорта, как развитие материальной базы, ситуация следующая (табл. 5).

Таблица 5

Динамика объема финансовых средств, затраченных на создание и совершенствование физкультурно-спортивной инфраструктуры в 2004—2018 гг.

Годы	Объем средств, всего, млн руб., из них	Федеральный	Региональный	Муниципальный	Внебюджетные источники
2004	27,6	5,3	5,0	3,8	13,5
2005	20,5	3,8	0,7	0,9	15,0
2006	119,4	6,1	40,9	5,5	66,9
2007	155,4	74,5	41,6	23,6	15,7
2008	79,6	16,7	38,5	21,3	3,1
2009	70,6	44,9	4,3	10,6	10,8
2010	169,1	100,6	59,3	8,2	1,0
2011	277,6	100,7	121,8	51,7	3,4
2012	697,1	235,9	240,7	93,3	126,6
2013	558,3	254,6	179,8	30,8	93,1
2014	1002,2	117,0	463,3	26,3	395,6
2015	927,1	159,5	628,2	107,1	32,3
2016	836,7	11,1	722,1	83,1	20,4
2017	610,5	234,4	298,8	56,1	21,1
2018	547,2	30,4	395,9	64,1	56,8

Как мы можем видеть из таблицы 5, изменение количества финансовых средств, затраченных на создание и совершенствование физкультурно-спортивной инфраструктуры за последние 14 лет, не имеет линейной динамики.

Например, по колонке общего количества затраченных средств явно выделяется 2014 год. Это можно объяснить тем, что в данном году был построен крытый стадион для хоккея с мячом «Волга-Спорт-Арена». В 2016 году на стадионе прошли матчи 36-го Чемпионата мира по хоккею с мячом (что объясняет соответствующие расходы за этот год).

Рассмотренные выше показатели в совокупности представляют положительную динамику, что наилучшим образом характеризует рассмотренный регион с позиции физкультурно-спортивной составляющей. Это свидетельствует о том, что регион обладает перспективами для дальнейшего развития и спортивная сфера имеет все шансы считаться конкурентным преимуществом данной области.

В ходе работы пленарной сессии «Здоровый регион — здоровый бизнес» на площадке форума «Россия — спортивная держава» 11 октября 2018 года опыт Ульяновского региона по развитию спортивной инфраструктуры с использованием инструментов государственно-частного партнерства был признан одним из лучших в стране [6].

По итогам 2017 года Ульяновская область вошла в тройку регионов-лидеров по качеству нормативно-правового обеспечения сферы государственно-частного партнерства, по уровню развития необходимой институциональной среды [7].

Как заявляет заместитель министра спорта РФ П. Новиков: «Сегодня перед нами стоит задача развивать взаимодействие с бизнесом. Ульяновская область является одним из наиболее передовых регионов, который перед собой поставил эту задачу и стал ее реализовывать, ведь за развитием государственно-частного партнерства — будущее. Ульяновск — город, который активно участвует в этом процессе, город, который много сделал для того, чтобы государственно-частное партнерство продвигалось вперед» [5].

Ульяновская область зарекомендовала себя как эффективная площадка для проведения международных спортивных событий:

- Этап кубка мира по боксу — 2016;
- Чемпионат мира по хоккею с мячом — 2016;
- I Фестиваль национальных видов спорта и игр государств — участников СНГ;
- Первенство мира по хоккею с мячом среди юношей 17 лет;
- VII Международный спортивный форум «Россия — спортивная держава».

Успеху в организации подобных мероприятий способствуют развитая инфраструктура региона, в первую очередь в городе Ульяновске, наличие современных спортивных объектов и высокий уровень подготовки квалифицированных кадров спортивной отрасли [10].

Но в то же время нельзя обойти стороной проблемные участки региональной политики в физкультурно-оздоровительной сфере, среди которых можно выделить:

- недостаточное развитие материально-технической базы, что наиболее ярко заметно в муниципальных образованиях;
- недостаточное финансирование для приобретения необходимого спортивного инвентаря и оборудования для детско-юношеских спортивных школ муниципальных образований Ульяновской области, сельских поселений;

— наличие дефицита в молодых, высококвалифицированных специалистах и тренерах в области физической культуры и спорта, особенно в сельских муниципальных образованиях.

Так, учитывая все положительные аспекты развития, а также недоработанные области, спортивная сфера нуждается в более пристальном внимании в рамках региональной политики для обеспечения дальнейшего развития и процветания всей Ульяновской области в целом.

Повышение конкурентоспособности данного региона в спортивной сфере возможно по следующим направлениям:

— повышение конкурентоспособности посредством факторов производства — квалифицированной рабочей силы;

— повышение конкурентоспособности на основе инвестиций — в данном случае в физкультурно-оздоровительную сферу;

— подготовка инфраструктуры для реализации большего числа инвестиционных проектов.

Таким образом, конкурентоспособность региона зависит от многих факторов, которые необходимо исследовать для более глубокого и всестороннего анализа преимуществ того или иного субъекта. В данной работе был рассмотрен только один из таких факторов, а именно спортивный аспект. Данная область региональной политики может выступать в качестве конкурентного преимущества и является перспективной для развития и инвестиционной активности.

Литература

1. Берман С. С. Управление устойчивым развитием региональных социально-экономических систем через оценку их конкурентоспособности (на примере субъектов Приволжского федерального округа) / С. С. Берман, В. Р. Медведева // РППЭ. — 2019. — № 4(102). — С. 54.
2. Имяреков С. М. Анализ влияния показателей оценки региональной эффективности на показатели региональной конкурентоспособности / С. М. Имяреков, В. Б. Соколов, А. А. Тусков // Московский экономический журнал. — 2019. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-pokazatelei-otsenki-regionalnoi-effektivnosti-na-pokazateli-regionalnoi-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 28.02.2020).
3. Киселев А. О. Влияние крупных спортивных мероприятий на конкурентоспособность городов / А. О. Киселев // Скиф. — 2017. — № 16. — С. 29.
4. Отчёт Министерства физической культуры и спорта Ульяновской области «Об итогах развития отрасли физической культуры и спорта в Ульяновской области за 2018 год и основных направлениях деятельности на 2019 год» / Официальный сайт Законодательного Собрания Ульяновской области. — URL: <http://www.zsuo.ru/deyatelnost/doklady-otchety/13766-otchjot-ministerstva-fizicheskoy-kultury-i-sporta-ulyanovskoj-oblasti-ob-itogakh-razvitiya-otrasli-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-ulyanovskoj-oblasti-za-2018-god-i-osnovnykh-napravleniyakh-deyatelnosti-na-2019-god.html> (дата обращения: 15.11.2019).
5. Официальный сайт Министерства физической культуры и спорта Ульяновской области. — URL: <https://sport.ulgov.ru/index.php/component/k2/item/1798-opyt-ulyanovskoj-oblasti-po-razvitiyu-sportivnoj-infrastruktury-s-ispolzovaniem-instrumentov-gchp-priznan-odnim-iz-luchshikh-v-strane> (дата обращения: 16.11.2019).
6. Официальный сайт Губернатора и Правительства Ульяновской области. — URL: <https://ulgov.ru/news/regional/2018.10.12/51838> (дата обращения: 28.02.2020).
7. Официальный сайт АО «Корпорация развития Ульяновской области». — URL: http://www.ulregion.com/center_gchp/news/3268 (дата обращения: 28.02.2020).
8. Тимофеева В. И. Анализ конкурентоспособности регионов Сибири / В. И. Тимофеева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2018. — № 12-2. — С. 127.
9. Тусков А. А. Эконометрический анализ факторов формирования конкурентоспособности и потенциала развития Пензенского региона / А. А. Тусков // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2018. — № 4(28). — С. 68.
10. Цуканов Н. В. Повышение вовлеченности населения в здоровый образ жизни и массовый спорт / Н. В. Цуканов // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Ульяновской области. Аналитический вестник. — 2019. — № 3(717). — URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/101487 (дата обращения: 16.11.2019).

ASSESSMENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE ULYANOVSK REGION IN THE CONTEXT OF THE SPORTS COMPONENT OF REGIONAL POLICY

A. Y. Volkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
annavokova.98@mail.ru

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kente@mail.ru

Assessing the region's competitiveness is one of the key characteristics of its integrated development. In this regard, this work is devoted to the study of the competitiveness of the Ulyanovsk region in the context of physical education and sports component of regional policy. To conduct an analysis in the selected area using the method of assessing regional competitiveness, the authors identified some key, in their opinion, indicators in accordance with the selected area of research. The article reveals the issue of prospects for further development and attractiveness of the Ulyanovsk region for investors. Based on the data of the Report of the Ministry of physical education and sports of the Ulyanovsk region for 2018, the dynamics of selected indicators from 2008 to 2018 was considered for such positions as the dynamics of the number of official competitions held in the territory of the Ulyanovsk region; the dynamics of the number of Ulyanovsk athletes who joined the national teams of the Russian Federation; dynamics of official sports competitions in which Ulyanovsk athletes took part; dynamics of the number of employees of the sports sphere in the territory of the Ulyanovsk region; dynamics of the amount of financial resources spent on the formation and development of the sports infrastructure. Based on the results of the study of these indicators, the authors draw conclusions and give a generalized assessment of the region within the framework of development prospects and attractiveness for investors. In addition, the paper studies the efficiency of the Ulyanovsk region as an international sports ground, which is facilitated by the presence of modern sports facilities and a high level of training of qualified personnel in the sports industry. The article also indicates the positive and negative aspects of the current regional policy in the context of physical education and sports component. The authors present possible directions for improving the competitiveness of the Ulyanovsk region in the sports field, and also establish whether the direction of physical education and sports can act as a significant competitive advantage for the studied region and whether it is promising for development and investment activity.

Key words: competitiveness of the region, sports sphere, regional policy, competitive advantages, sport, physical culture and health aspect, Ulyanovsk region.

References

1. Berman S. S., Medvedeva V. R. (2019) Upravlenie ustojchivym razvitiem regionalnyh sotsialno-ekonomicheskikh sistem cherez otsenku ih konkurentosposobnosti (na primere subjektov Privolzhskogo Federalnogo okruga) [Management of stable development of regional social and economic systems through the assessment of their competitive ability (on the example of the subjects of Volga Federal district)]. RPPE, 4 (102), p. 54.
2. Imyarekov S. M., Sokolov V. B., Tuskov A. A. (2019) Analiz vliyaniya pokazateley otsenki regionalnoy effektivnosti na pokazateli regionalnoy konkurentosposobnosti [Influence analysis of performance evaluation of regional efficiency on the regional competitive ability]. Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal, (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-pokazateley-otsenki-regionalnoi-effektivnosti-na-pokazateli-regionalnoi-konkurentosposobnosti> (access date: 28.02.2020).
3. Kiselev A. O. (2017) Vliyaniye krupnykh sportivnykh meropriyatiy na konkurentosposobnost gorodov [Influence of mass sport events on the competitive ability of the cities]. Skif, (16), p. 29.
4. Otchet Ministerstva fizicheskoy kultury i sporta Ulyanovskoy oblasti "Ob itogakh razvitiya otrasli fizicheskoy kultury i sporta v Ulyanovskoy oblasti za 2018 god i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti na 2019 god" [Record of the Ministry of sport of Ulyanovsk region "On the results of the development of sports area in the Ulyanovsk region for 2018 and main tendencies for 2019"]. URL: <http://www.zsuo.ru/deyatelnost/doklady-otchety/13766-otchjot-ministerstva-fizicheskoy-kultury-i-sporta-ulyanovskoy-oblasti-ob-itogakh-razvitiya-otrasli-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-ulyanovskoy-oblasti-za-2018-god-i-osnovnykh-napravleniyakh-deyatelnosti-na-2019-god.html> (access date: 15.11.2019).
5. Ofitsialnyy sayt Ministerstva fizicheskoy kultury i sporta Ulyanovskoy oblasti [Official site of the Ministry of sports of Ulyanovsk region]. URL: <https://sport.ulgov.ru/index.php/component/k2/item/1798-opyt-ulyanovskoy-oblasti-po-razvitiyu-sportivnoj-infrastruktury-s-ispolzovaniem-instrumentov-gchp-priznan-odnim-iz-luchshikh-v-strane> (access date: 16.11.2019).
6. Ofitsialnyy sayt Gubernatora i Pravitel'stva Ulyanovskoy oblasti [Official site of the governor of Ulyanovsk region government]. URL: <https://ulgov.ru/news/regional/2018.10.12/51838> (access date: 28.02.2020).
7. Ofitsialnyy sayt AO "Korporatsiya razvitiya Ulyanovskoy oblasti" [Official site of the Corporation of development of Ulyanovsk region]. URL: http://www.ulregion.com/center_gchp/news/3268 (access date: 28.02.2020).
8. Timofeeva V. I. (2018) Analiz konkurentosposobnosti regionov [Sibiri Analysis of competitive ability of Siberia regions]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika, (12-2), p. 127.
9. Tuskov A. A. (2018) Ekonometricheskij analiz faktorov formirovaniya konkurentosposobnosti i potentsiala razvitiya Penzenskogo regiona [Economic analysis of formation factors of competitive ability and development potential of Penza region]. Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve, 4 (28), p. 68.
10. Tsukanov N. V. (2019) Povysheniye vovlechenosti naseleniya v zdorovyy obraz zhizni i massovyy sport [Increasing social engagement in healthy lifestyle and mass sport]. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Ulyanovskoy oblasti. Analiticheskiy vestnik, 3(717). URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/101487 (access date: 16.11.2019).

А. Д. Гемранова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Shabrova94@gmail.com

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов, с которыми сегодня сталкивается развивающееся и набирающее силу движение по созданию и внедрению в систему высшего образования массовых открытых онлайн-курсов (МООК). В данной статье рассматривается роль электронного обучения в эффективности университетского образования. Авторами сделана попытка осмысления преимуществ интернет-технологий в рамках современной системы высшего образования, проанализировано положительное влияние инновационных подходов в университетском образовании на систему высшего образования в целом, систематизированы потенциальные трудности и положительные стороны внедрения онлайн-обучения в образовательный процесс. В статье предложена альтернатива традиционной программе обучения в виде системы электронного обучения (E-learning). Также описывается план мероприятий, необходимых для эффективной интеграции интернет-технологий в университетское образование.

Объектом исследования выступает онлайн-обучение как новая педагогическая технология. Предметом исследования является интеграция интернет-технологий в университетское образование. Методология исследования представлена общенаучными методами, такими как анализ и синтез информации из открытых источников, аналитическое обобщение теоретических данных, а также сравнительный анализ. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что университетское образование претерпевает изменения в ходе своего развития, отвечая на запросы эпохи и общества, в котором оно существует. Новизна данного исследования состоит в анализе различных аспектов онлайн-обучения в рамках цифровизации высшего образования. Практическая значимость заключается в возможности использования данного исследования для наиболее полного и широкого изучения настоящей темы.

Ключевые слова: университет, образование, инновации, онлайн-обучение, образовательные ресурсы, интерактивные средства обучения МООК, интернет-технологии, цифровизация, E-learning.

В результате технологических инноваций структура высшего образования претерпевает значительные изменения. Мы являемся свидетелями этих изменений в способах преподавания высшего образования и способах обучения студентов. В то время как традиционная установка лекционного обучения по-прежнему формирует основу системы высшего университетского образования, она постепенно усиливается за счет интеграции новых инструментов, педагогических технологий и дополняется возможностями онлайн-обучения. Новые технологии и подходы к образованию уже оказывают явное и позитивное влияние на высшее образование. Они поддерживают эффективные действия для повышения качества и расширения охвата высшего образования в рамках Болонского процесса, участниками которого на данный момент являются 48 стран и Европейская комиссия [10].

Подобные изменения уже сегодня начинают действовать более качественному образованию и обучению как в университете, так и за его пределами — в режиме онлайн, поскольку образовательные ресурсы со всего мира становятся более доступными и используются более интерактивные средства для обучения.

Основываясь на расширении возможностей обучения в системе отечественного университетского образования, в нашей статье мы задаемся вопросом: способна ли эта новая система обучения создавать и поддерживать прочную связь между университетами — поставщиками знаний и студентами — потребителями этих знаний?

Ответом на этот вопрос может послужить изучение данной проблемы посредством анализа положительного влияния инновационных подходов в университетском образовании на систему высшего образования в целом.

На наш взгляд, положительными моментами онлайн-обучения являются следующие аспекты.

Во-первых, методы онлайн-обучения намного лучше адаптированы к потребностям различных студентов. Существует огромный потенциал для расширения доступа к высшему образованию и увеличения числа студентов. Интернет-технологии предоставляют возможность учиться в любое время и в любом месте. Эта гибкость важна для определенной категории учеников и позволит внедрить изменения в высших учебных заведениях в рамках непрерывного профессионального обучения. Данное обстоятельство станет важным инструментом для обеспечения широкого профиля профессионального образования, которое способно удовлетворить запросы всех учащихся.

Во-вторых, новые технологии могут способствовать более тесному сотрудничеству как с глобальными партнерами, так и на региональном уровне. Развитие партнерских отношений в области образования является важным элементом стратегии Европы в области сотрудничества с другими частями мира, а также механизмом повышения уровня образования в странах с формирующимся рынком. На региональном уровне интернет-технологии могут служить основой национальных усилий для расширения сотрудничества между университетами и обмена опытом. Преимущества очевидны, и сегодня необходимо предпринять согласованные действия для обеспечения того, чтобы потенциал был полностью реализован.

В последнее время дискуссия о цифровом обучении стала доминантой в результате появления такого феномена, как массовый открытый онлайн-курс (МООК). Массовый открытый онлайн-курс (сокр. МООК; англ. Massive open online courses, MOOC) — обучающий курс с массовым интерактивным участием с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через Интернет, одна из форм дистанционного образования [2]. В качестве дополнений к традиционным материалам учебного курса, таким как видео, чтение и домашние задания, массовые открытые онлайн-курсы дают возможность использовать интерактивные форумы пользователей, которые помогают создавать и поддерживать сообщества студентов, преподавателей и ассистентов. Для МООК характерны короткие видеоролики, интересные задания и, конечно, оживленное общение преподавателей и студентов [3]. Онлайн-курс доступен для всех и включает открытые учебные

материалы и возможности для взаимодействия и сотрудничества между учащимися.

По нашему мнению, для эффективной интеграции интернет-технологий в образование необходимы следующие мероприятия:

- поддержка и поощрение новых технологий и связанных с ними педагогических подходов в условиях университетского образования со стороны органов государственной власти;

- создание и распространение большего числа курсов онлайн-обучения, ориентированных на непрерывное профессиональное образование;

- стимулирование высших учебных заведений к участию в новых формах открытых онлайн-курсов;

- поддержание и развитие импульса к открытости и свободному доступу к образовательным ресурсам.

Цель интернет-технологий должна состоять в том, чтобы обеспечить возможность использования всех общедоступных образовательных ресурсов. Реализация этих амбиций — не простая задача. Она должна включать значительные изменения в работе вузов, а также трансформацию культуры и мышления. Задачи потребуют целенаправленных действий и поддержки.

В-третьих, в высшем образовании сохраняется культура консерватизма, которая, на наш взгляд, под воздействием современности должна измениться. Это требует сильного руководства и видения как от государственных органов, так и от институциональных лидеров.

Несмотря на то, что уже существует широкий диапазон передовой практики, может отмечаться и несогласованный подход. Настало время разработать всеобъемлющие стратегии как на национальном, так и на институциональном уровне для принятия новых способов обучения и обучения в рамках высшего образования. Современному образованию необходимо принять решение о том, какое сочетание необходимо для всей системы, чтобы удовлетворить потребности всех учащихся. Для этого важно определить поддержку, необходимую для достижения этой цели. В частности, целевые финансовые стимулы будут иметь первостепенное значение для начинающих инициатив. Централизованные структуры и поддержки внутри образовательных учреждений могут служить двигателем для изменения и включения новых подходов в рамках образования. Разумеется, преподавательский состав находится на переднем крае для внесения этих изменений и должен владеть навыками и знаниями, чтобы в полной мере использовать набор новых обучающих инструментов. Посто-

янное профессиональное развитие преподавателей должно стать нормой во всех высших учебных заведениях.

Конечно, новые модели предоставления образования, такие как открытые онлайн-курсы, имеют не только положительное влияние, но и вызывают специфические проблемы. Учитывая возможности, которые они дают для личностного развития на протяжении всей жизни, непрерывное профессиональное обучение и интернационализацию, необходимо, чтобы государственные органы рассмотрели, как эти возможности обучения могут быть более полно внедрены в систему высшего образования. Несоизмеримое расширение технологий и их использование привело к расширению ассортимента инструментов для электронного обучения (E-learning) и области их применения.

По нашему мнению, надежной альтернативой традиционной программе обучения может послужить система электронного обучения (E-learning) — это передача знаний и управление процессом обучения с помощью новых информационных и телекоммуникационных технологий [6]. В процессе электронного обучения используются интерактивные электронные средства доставки информации, преимущественно Интернет и корпоративные сети компаний, но не исключены и другие способы, как, например, компакт-диски.

Принимая во внимание, что высшие учебные заведения и, в частности, преподавательский состав являются основными действующими лицами в осуществлении этих педагогических изменений, органы государственной власти обязаны создавать благоприятную среду и стимулировать их действия. Как пишет в своей статье И. В. Кирия: «Внедрение MOOK гипотетически создает новую систему разделения труда, когда личность того, кто придумал курс, может отличаться от личности того, кто его представляет в видеолекциях, наподобие того, как книгопечатание окончательно отделило личность автора от личности издателя (переписчика). Онлайн-курсы перестают быть индивидуальным образовательным продуктом конкретного профессора и превращаются в продукт коллективный, в производстве которого задействовано все большее количество творческих работников, включая самих пользователей» [1].

Несмотря на критику онлайн-обучения и лиц, сопротивляющихся внедрению системы электронного обучения, подобные инновационные подходы собирают энтузиастов в различных областях университетского образования. Сего-

дня мы стоим на пороге реальных трансформационных изменений в высшем образовании. Появление цифровых технологий за последние два десятилетия значительно изменило мир и будет продолжать это делать. Технологии ведут к серьезным изменениям в профессиональной и личной жизни людей во всем мире, воздействуя на все аспекты общества, и в настоящее время являются неотъемлемой частью того, как большинство людей взаимодействует, работает, учится и получает доступ к знаниям и информации. Новые и появляющиеся технологии уже начинают оказывать трансформирующее воздействие на обеспечение высшего образования. Есть все основания использовать потенциал этих разработок на службе высокого качества высшего образования. Но для этого нам необходимо расширить и углубить наше понимание того, что эти новые технологии и педагогические инструменты могут являться неотъемлемой частью обеспечения высшего образования, и определить, какие меры могут быть приняты для их дальнейшего стимулирования, облегчения и продвижения.

В последние годы мы стали свидетелями значительных изменений в высшем образовании. Это обусловлено многими факторами:

- экономические и социальные изменения требуют более высокого уровня навыков;

- контингент учащихся становится все более разнообразным, люди продолжают учиться на протяжении всей своей трудовой жизни, и растет их потребность в более гибких возможностях обучения.

По мере того как цифровые технологии становятся повсеместными, в обществе появляются новые ожидания для более простого доступа, лучшего качества, более гибких подходов и расширения возможностей онлайн в сфере высшего образования.

По данным ЮНЕСКО, ожидается, что мировой спрос на высшее образование возрастет экспоненциально от 100 миллионов студентов в настоящее время до 250 миллионов человек к 2051 году [9]. Этот рост будет особенно зависеть от таких развивающихся стран, как Китай и Индия. Даже в ЕС, где во многих странах наблюдается сокращение населения, число учащихся в высших учебных заведениях продолжает увеличиваться. Значительная часть этого роста связана со взрослыми и возвращающимися учениками — сложной когортой, большинство из которых будут учиться, а также работать. Эти прогнозы требуют хорошо спланированных действий и затрагивают множество проблем.

Особый интерес к онлайн-обучению зародился у научного сообщества еще во второй половине XX столетия, а именно в 1960 году, когда Иллинойсский университет связал классы с компьютерными терминалами. Учащиеся могли получить доступ к лекциям других курсов, записанным на телевизоры или аудиоустройства [5]. К концу XX века, в 1994 году, образовательная организация CompuHigh основала первую в мире школу онлайн-обучения Whitemore School, а уже в 2016 году онлайн-обучение признали одним из самых быстро развивающихся секторов в сфере образования благодаря буму вспомогательных технологий (виртуальная и дополненная реальности, мобильные устройства, искусственный интеллект) [5].

Растущий импульс в сторону открытых образовательных подходов и ресурсов, успехи в обучении, основанные на технологиях, привели к появлению множества цифровых платформ и порталов, которые обеспечивают свободный доступ к образовательным ресурсам и учебным материалам из учреждений по всему миру и позволяют отдельным лицам проводить широкий спектр онлайн-курсов. Постепенно появляются новые типы коротких, ориентированных онлайн-курсов. Концепция предоставления высшего образования сама по себе является фундаментальной проблемой с возможностью «разделить» ее основные компоненты. Высшие учебные заведения больше не являются единственным поставщиком услуг в сфере высшего образования, и ряд специализированных компаний теперь предоставляют некоторые «элементы» высшего образования, такие как платформы курсов, экзаменационные и сертификационные услуги, учебная поддержка, аналитика обучения и т. д.

Современные программы обучения модернизируются. Учителя и студенты имеют доступ к более широкому спектру материалов, а новые технологии и педагогические подходы «смешиваются» с традиционными условиями в классе. Все чаще люди предпочитают учиться онлайн. В тандеме эти формы обучения становятся все более признанными в обществе. В результате как традиционные высшие учебные заведения, так и новые типы провайдеров разрабатывают ряд онлайн-мероприятий, охватывающих программы полной степени, непрерывное профессиональное развитие и более короткие курсы типа MOOC. Проходит много дискуссий о том, насколько разрушительными и далеко идущими будут эти события. Они варьируются начиная от тех, кто предсказал окончание обучения в университетах, как Натан Харден: «Всего несколько

десятилетий, и половина колледжей и университетов в Соединенных Штатах исчезнет, но такие школы, как Гарвард, будут иметь миллионы студентов» [8]. Никто не мог предсказать взрыв интереса к MOOC, который произошел в 2012—2013 годах. Но теперь начинает появляться более ясная картина, и мы можем изучить эти нововведения и подумать о том, как наилучшим образом использовать их для трансформации и переориентации высшего образования.

Университеты обладают навыками, необходимыми для успешного использования новых цифровых технологий. Включение таких технологий в подготовку учебных курсов будет иметь важное значение для успешного использования новых способов обучения и расширения возможностей онлайн-обучения. Широкий выбор инструментов, программ, технологий и источников информации может затруднить работу преподавателей. Новые технологии и связанные с ними методики преподавания требуют квалификации разного уровня из более традиционного обучения, и это может оказать дополнительное давление на преподавательский состав. Академический персонал — это не всегда эксперты широкого профиля. Они также нуждаются в специальном обучении, руководстве и поддержке для обеспечения качественной работы. Это особенно справедливо, поскольку интеграция новых способов обучения приводит к меняющейся роли преподавателей и экспертов в конкретном предмете. Согласно опросу колледжа Бэбсона, только 28 % академических сотрудников считают, что электронная обучающая система MOOC является надежным средством для организации курсов [7].

Учебные учреждения также должны обеспечивать обучение студентов цифровым навыкам, особенно первокурсников. Недавнее исследование Европейской комиссии показало, что во многих странах более половины студентов не используют ИКТ для проектов или классных занятий. Если ученики не получают эти навыки в школе, они должны получить их в университете. Сетевое взаимодействие и взаимодействие со сверстниками — важный элемент учебного процесса, и онлайн-платформы, например, такие как Google и Second Life, создаются именно для этого [4]. Они должны стать неотъемлемой поддержкой для онлайн-обучения студентов. Система электронного обучения может и должна являться одним из наиболее эффективных и доступных методов получения знаний, ресурсом, который превратится в один из основных видов деятельности университетов XXI века.

На наш взгляд, электронное обучение может оказаться средством, с помощью которого университеты способны предложить более гибкие программы обучения для каждого студента. Мы предполагаем, что в ближайшем будущем во многих университетах нашей страны будет сформировано большое количество моделей обучения и программ, основанных на электронных технологиях обучения. Подобные инновации в системе образования должны пробудить у молодого поколения интерес к обучению в университетах и замотивировать на получение высшего образования. Успех этой инициативы в решающей степени зависит от качества образовательных программ, разработанных университетами и внедренных посредством электронного обучения.

В заключение хотелось бы отметить, что все эти действия отражают растущую реализацию потенциального воздействия на качество и охват высшего образования. Система образования и сами высшие учебные заведения все еще решают, как реагировать на эти изменения. Инициативы разбросаны и часто не согласованы. Перспективы исследований в этом направлении мы видим в глубоком изучении данной темы, поскольку у исследователей пока еще нет полного понимания положительного влияния, которое могут оказать новые способы обучения, также нет стратегического и политического планирования у вузов и существует ряд препятствий для более широкой интеграции новых способов обучения в массы.

Литература

1. Кирия И. В. Онлайн-образование и «креативная мифология»: феномен массовых открытых онлайн-курсов через призму критической теории медиа / И. В. Кирия. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/1/online-obrazovanie-i-kreativnaya-mifologiya-fenomen-massovykh-otkrytykh-online-kursov-cherez-prizmu> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Массовый открытый онлайн-курс. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/массовый_открытый_онлайн-курс (дата обращения: 20.11.2019).
3. MOOC-курсы. — URL: <https://open.spbstu.ru/mooc> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Рамки компетенции ЮНЕСКО в области ИКТ для учителей. — URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002134/213475e.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).
5. E-learning. Модель образования XXI века. — URL: <http://lit.sochisirius.ru/e-learning> (дата обращения: 20.02.2020).
6. E-learning. — URL: <http://hotuser.ru/distanczionnoe-obuchenie/1142--e-learning> (дата обращения: 20.11.2019).
7. Jeff Denneen and Tom Dretler, The Financially Sustainable University. Bain & Company. — URL: <https://www.bain.com/insights/financially-sustainable-university> (дата обращения: 20.11.2019).
8. Nathan Harden. The End of the University as We Know It / Nathan Harden. — URL: <https://www.the-american-interest.com/2012/12/11/the-end-of-the-university-as-we-know-it/> (дата обращения: 20.11.2019).
9. UNESCO. — URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001924/192417m.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).
10. Болонский процесс. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Болонский_процесс (дата обращения: 20.11.2019).

INNOVATIVE APPROACH IN UNIVERSITY EDUCATION

A. D. Gemranova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
Shabrova94@gmail.com

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

The article studies the role and effectiveness of e-learning in university education, which is gaining ground today. The authors made an attempt to comprehend the advantages of Internet technologies within the framework of the modern system of higher education, analyzed the positive impact of innovative approaches in university education on the higher education system as a whole, and systematized the potential difficulties and positive aspects of introducing online learning into the educational process. The article proposes an alternative to the traditional training program in the form of e-learning system (E-learning). It also describes the action plan necessary for the effective integration of Internet technologies in university education.

The object of the study is online learning as a new pedagogical technology. The subject of the study is the integration of Internet technologies in university education. The research methodology is represented by general scientific methods, such as analysis and synthesis of information from open sources, analytical generalization of theoretical data, as well as comparative analysis. The relevance of the research topic is due to the fact that university education undergoes changes in the course of its development, responding to the needs of the era and society in which it exists. The novelty of this study lies in the analysis of various aspects of online learning in the digitalization of higher education. The practical significance lies in the possibility of using this study for the most complete and widespread study of this topic.

Key words: university, education, innovation, online learning, educational resources, MOOC, interactive learning tools, Internet technologies, digitalization, E-learning.

References

1. Kiriya I. V. Onlain obrazovanie i "kreativnaya mifologiya": fenomen massovykh otkrytykh onlain-kursov cherez prizmu kriticheskoy teorii media [Online education and "creative mythology": the phenomenon of massive open online courses through the prism of critical media theory]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/1/onlayn-obrazovanie-i-kreativnaya-mifologiya-fenomen-massovykh-otkrytykh-onlayn-kursov-cherez-prizmu> (access date: 02.20.2020).
2. Massovyj otkrytyj onlain kurs [Mass open online course]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/mass_open_on_online_course (access date: 20.11.2019).
3. MOOK-kursy [MOOC courses]. URL: <https://open.spbstu.ru/mooc> (access date: 20.11.2019).
4. Ramli kmpetentsii UNESCO v oblasti IKT dlya uchiteley [UNESCO's ICT competency framework for teachers]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002134/213475e.pdf> (access date: 20.11.2019).
5. E-LEARNING. 21st Century Education Model. URL: <http://lit.sochisirus.ru/e-learning> (access date: 20.02.2020).
6. E-learning. URL: <http://hotuser.ru/distanczionnoe-obuchenie/1142--e-learning> (access date: 20.11.2019).
7. Jeff Denneen and Tom Dretler, The Financially Sustainable University. Bain & Company. URL: <https://www.bain.com/insights/financially-sustainable-university> (access date: 20.11.2019).
8. Nathan Harden. The End of the University as We Know It. URL: <https://www.the-american-interest.com/2012/12/11/the-end-of-the-university-as-we-know-it> (access date: 20.11.2019).
9. UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001924/192417m.pdf> (access date: 20.11.2019).
10. The Bologna process. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bolonsky_process (access date: 20.11.2019).

Ж. Н. Дюльдина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
gannad@mail.ru

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА «РИСУНОК СЕМЬИ ЗОНТИКАМИ» В ДЕТСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

В статье рассматривается использование проективного рисования в психологической и психотерапевтической работе с детьми. На сегодняшний день в науке существуют различные классификации проективных методов, в частности «рисунчатые тесты» с тематикой «семья». Применение рисуночных техник (проективных методик) в исследовании личности ребенка более широко распространено за рубежом. В нашей стране начали уделять больше внимание рисунку как средству познания структуры личности только в последние годы. Исторически использование методики «Рисунок семьи» связано с общим развитием «проективной психологии». Самое раннее упоминание в литературе о применении данной методики принадлежит В. Хьюлсу (Hulse W., 1951). Особое место в работе с детьми на современном этапе развития проективного рисования, несомненно, принадлежит А. И. Копытину, Л. Д. Лебедевой и пр. Анализируя разные подходы и методы в проективном рисовании, автор предлагает свою собственную проективную методику «Рисунок семьи зонтиками».

Ключевые слова: проективное рисование, проекция, «рисунчатые» тесты и методики, проективная методика «Рисунок семьи зонтиками» Ж. Н. Дюльдиной.

Использование проективного рисования в психологической и психотерапевтической работе с детьми давно привлекает внимание практикующих психологов и психотерапевтов, а также педагогов. Как отметил К. Г. Юнг, «...руки быстро распутают то, что не может мозг». Н. Роджерс говорила о том, что в творчество многое привносится из бессознательного, переживаний и интуиции [9].

Одним из первых понятие проекции для обозначения метода исследования ввел в 1939 году Л. Франк. Его работы носят теоретико-методологический характер и породили множество экспериментальных исследований, среди которых особо следует выделить два направления: 1) изучение роли стимула в проекции личностно значимого материала; 2) изучение феномена проекции как психологического механизма, лежащего в основе действенности этой группы методов.

«Проекция» как психологическое понятие появилось впервые в психоанализе в 1896 году и принадлежит З. Фрейду.

Первое описание процесса проекции в ситуации со стимулами, допускающими их различную интерпретацию, принадлежит известному американскому психологу Генри Мюррею (1935).

Первым проективным тестом в привычном смысле этого слова был метод свободных ассоциаций К. Г. Юнга, созданный в 1904—1905 гг.

Именно К. Г. Юнгу принадлежит открытие и доказательство феномена, лежащего в основе всех проективных методик, а именно возможности посредством косвенного воздействия на значимые области переживания и поведения человека («комплексы») вызывать изменения в экспериментальной деятельности.

Основоположниками проективных тестов были зарубежные авторы: Appel (1937), W. Wolff (1946), W. Hulse (1951), P. Burns (1972), S. Kaufman (1972), J. Dileo (1973), L. Corman (1964), G. Chomentauskas (1983); отечественные ученые: К. Маховер (1949), Ч. Ширн (1997), К. Рассел (1997), И. А. Захаров (1982), А. А. Бодалев (1989), В. В. Столин (1989), Л. Д. Лебедева (2010).

В словаре-справочнике по психодиагностике теоретическое обоснование проективных методик базируется на понятии «проекция» (от лат. *projectio* — выбрасывание вперед). Проективные методики — это совокупность методик, направленных на исследование личности и разработанных в рамках проективного диагностического подхода [2, с. 250].

Холмс Д. считает необходимым выделить два «измерения» проекции:

1) что проецируется; субъект воспринимает в другом свои собственные черты или черты, ему самому не присущие;

2) осознает ли субъект обладание той чертой, которая проецируется, или нет.

Комбинация этих измерений позволяет классифицировать все известные виды проекции.

По мнению Р. Кеттелла, проективные методики характеризует крайне слабая научная обоснованность. Его основные аргументы состоят в следующем:

1) проективная психология оказалась неспособной четко сформулировать гипотезу о том, какие слои личности преимущественно отражаются в показателях проективных тестов — открыто проявляющиеся, осознаваемые или, напротив, бессознательные, скрытые;

2) интерпретационные схемы не учитывают, что защитные механизмы — идентификация и проекция — могут искажать восприятие проективных стимулов одновременно и притом в разных направлениях;

3) остается неясным вопрос о том, какие именно личностные переменные проецируются — влечение, бессознательные комплексы, динамические аффективные состояния, устойчивые мотивы [1].

Таким образом, проекция не осознается, а проникает в сознание как измененное восприятие внешнего мира человеком, ребенком, что очень важно в психологической и психотерапевтической работе с детьми (Н. Роджерс, К. Г. Юнг).

Особое место в работе с детьми на современном этапе развития проективного рисования, несомненно, принадлежит А. И. Копытину, Л. Д. Лебедевой и пр.

Для нас важно, как точно выделяет Л. Д. Лебедева, что субъективное содержание мыслей, чувств, переживаний, особенности своего внутреннего мира человек неосознанно переносит на художественные образы как внешние объекты, и этот процесс, имеющий бессознательный характер, рассматривается именно как спонтанный акт, а не волевой.

«Мы особо ценным считаем, что это представляется в психологической и психотерапевтической работе с детьми, так как результат спонтанной изобразительной деятельности, особенно в работе с детьми, менее подвержен контролю сознания, и в психодиагностике, на наш взгляд, более целесообразно использовать проективное тестирование, которое строится: на любимом виде деятельности детей как творчество (а именно рисование); на построении экспериментальной ситуации, в которой допускается множественность возможных интерпретаций» [9, с. 136].

На сегодняшний день в психологической и психотерапевтической работе с детьми сложились различные классификации проективных методов (Л. Д. Лебедева, А. И. Копытин и пр.).

Мы рассмотрим «рисуночные» тесты и методики, относящиеся к типу экспрессивных методов, предполагающих изобразительную деятельность на заданную или свободную тему, что сближает их с методом анализа продуктов деятельности субъекта, а в терапевтическом контексте — с арт-терапией. Также нами будет проанализирована тема, которая очень часто встречается в «рисуночных» проективных тестах, — «Семья».

В настоящее время в науке существуют различные классификации проективных методов, в частности «рисуночные» тесты с тематикой «Семья», «Рисунок семьи» («Моя семья», «Семья в образах животных», «Семья в образах сказочных героев», «Рисунок семьи в образах цветов»).

Известные проективные тесты и методики разнятся диагностической направленностью. Можно выделить следующие инструкции к методикам:

— Л. Корман предлагает рисовать представления о семье: «Нарисуй семью, как ты ее себе представляешь»;

— В. Хьюлс конкретизирует: «Нарисуй свою семью»;

— Р. Бернс, С. Кауфман просят испытуемых: «Нарисуй рисунок, в котором каждый член семьи и ты что-нибудь делают»;

— Л. Д. Лебедева предлагает изобразить «Рисунок семьи в образах цветов» (в проективном и арт-терапевтическом контекстах).

Традиционно в психодиагностике оцениваются формальные элементы художественного материала (размер фигуры, ее расположение на листе бумаги, степень завершенности рисунка, цветовой выбор, особенности рисования: стирание, перерисовывание и др.).

В арт-терапии, напротив, первостепенная значимость формального анализа рисунка отрицается. Вместе с тем доказано, что проективные рисунки не только предоставляют разносторонние возможности для исследования индивидуальности личности, но и способствуют адекватному и безопасному выражению человеком негативных, подавляемых, социально неприемлемых чувств (Т. Зинкевич-Евстигнеева, Д. Кудзиков и др.).

Арт-терапия является междисциплинарным подходом, соединяющим в себе различные области знания (психологию, медицину, педагоги-

ку, культурологию и т. д.), в ее основе выступает художественная практика, так как в ходе арт-терапевтических занятий клиент вовлекается в изобразительную деятельность.

Слово «арт-терапия» (art therapy) стало впервые использоваться в 1940-х гг. в англоязычных странах. Её авторы М. Наумбург (Naumburg, 1947, 1966) и А. Хилл (Hill, 1945) применяли термин для обозначения тех форм клинической практики, в рамках которых психологическое «сопровождение» клиентов с эмоциональными, психическими и физическими нарушениями осуществлялось в ходе занятий изобразительным творчеством с целью лечения и реабилитации [6].

Мы уделяем особое внимание использованию проективного рисования в психологической и психотерапевтической работе с детьми (в проективном и арт-терапевтическом контекстах).

Классическими работами в области детской арт-терапии стали публикации Э. Крамер «Арт-терапия в сообществе детей», «Арт-терапия с детьми» и «Детство и арт-терапия» (Kramer, 1958, 1971, 1979), в которых отражены взгляды автора на природу детского художественного творчества и его психотерапевтические возможности.

Отечественный опыт применения арт-терапии в работе с детьми проанализирован в работах М. Ю. Алексеевой (2003), Е. Р. Кузьминой (2001), Л. Д. Лебедевой (2003), А. В. Гришиной (2004), Л. А. Аметовой (2003), Е. А. Медведевой, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комиссаровой, Т. А. Добровольской (2001).

Лебедева Л. Д., рассматривая арт-терапию в образовании на современном этапе, четко обозначила, что это системная инновация, которая характеризуется:

- 1) комплексом теоретических и практических идей, новых технологий;
- 2) многообразием связей с социальными, психологическими и педагогическими явлениями;
- 3) относительной самостоятельностью (обособленностью) от других составляющих педагогической действительности (процессов обучения, управления и др.);
- 4) способностью к интеграции, трансформации [8].

Киселева М. В. выделяет цель и задачи арт-терапии.

Цель арт-терапии — гармонизация внутреннего состояния клиента, т. е. восстановление его способности находить оптимальное,

способствующее продолжению жизни состояние равновесия.

Задачи арт-терапии:

- 1) акцентировать внимание клиента на его ощущениях и чувствах;
- 2) создать оптимальные для клиента условия, способствующие наиболее четкой вербализации и проработке тех мыслей и чувств, которые он привык подавлять;
- 3) помочь клиенту найти социально приемлемый выход как позитивным, так и негативным чувствам.

Основная техника арт-терапевтического воздействия — это техника активного воображения, открывающая клиенту неограниченные возможности для самовыражения и самореализации в продуктах творчества при активном познании своего «Я».

Карл Юнг использовал термин «активное воображение» для обозначения такого творческого процесса, в ходе которого человек наблюдает за развитием своей фантазии, не пытаясь сознательно воздействовать на нее.

Выделяются три формы арт-терапии: активная, пассивная и смешанная. Пассивная форма — клиент использует художественные произведения, созданные другими людьми: рассматривает картины, читает книги, прослушивает музыкальные произведения. Активная форма — клиент сам создает продукты творчества: рисунки, скульптуры, истории, музыкальные композиции, спонтанные танцы. Смешанная форма — клиент использует имеющиеся произведения искусства (музыкальные произведения, картины, сказки и т. п.) для создания своих продуктов творчества [5].

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. рассматривает три подхода, на основании которых может осуществляться интерпретация рисунков [5]:

- клинический;
- исследовательский;
- психологический.

Проблемы духовно-нравственного «голода» современных детей ведут к актуализации междисциплинарного подхода, который соединяет в себе различные области знаний, такие как психология, медицина, педагогика, культурология и др. (о которых говорилось выше), что еще раз говорит о важности проективного рисования в психологической и психотерапевтической работе с детьми (в проективном и арт-терапевтическом контекстах) на современном этапе.

Флоренская Т. А., исследуя проблемы, которые бесконечно окружают нас с детства и кроются в «дефиците любви», отмечает, что

они приводят к тяжким последствиям в душевном развитии ребенка. При этом дети воспринимают мир отношений в узком диапазоне минорных настроений (грусти, обиды, враждебности и страха), искаженно видят и реальные отношения между людьми. Если ребенку недостает любви, возникают так называемые «психические отклонения», трудности характера, дефекты личности вплоть до душевных заболеваний [11].

В продолжение слов Т. А. Флоренской особо важными становятся утверждения Д. Джеффриса о том, что в основе наиболее жестоких случаев насилия взрослых лежат болезненные, травмирующие переживания, связанные с бесчисленными унижениями и неприятием человека в детстве. Дефицит внимания приводит к ухудшению успеваемости, нередко — к агрессивному и асоциальному поведению ребенка как способу компенсации недостатка признания и любви со стороны взрослых.

Все это происходит в самом главном первом социализирующем институте, таком как семья.

В нашей работе мы хотим предложить проективную методику «Рисование семьи зонтиками». Как показывают наблюдения, процесс рисования семьи зонтиками с последующей вербализацией опыта также может приводить к спонтанному отреагированию ранее неосознаваемых, вытесненных или непринимавшихся чувств и эмоций, что может способствовать психотерапевтическому эффекту.

Как правило, в «рисуночных» тестах, проективных методиках инструкция к рисованию представляет собой некий посыл бессознательному испытуемого (ребенка), т. е. актуализирует определенные пласты его внутренних переживаний собственной жизни.

В предлагаемой нами методике «Рисунок семьи зонтиками» место носит метафорический смысл (в данном контексте это символ зонта, который имеет определенный исторический и культурный смысл) и актуализирует представления автора об эмоционально-чувственных и, самое важное, внутрисемейных отношениях. Ранее автором статьи были рассмотрены половозрастные особенности развития детского творчества, а именно междисциплинарный подход [3, 4], проведен анализ важности учета этих особенностей при работе психолога.

Разрабатывая проективную методику «Рисунок семьи зонтиками», мы руководствовались идеями Л. Кормана (Corman L., 1964) и Л. Д. Лебедевой (2011) предлагать как можно менее структурированную ситуацию. Это соответству-

ет общему принципу проекции, расширяет границы спонтанного рисования и открывает дополнительные диагностические возможности для специалиста.

Половозрастные особенности развития детского творчества, на наш взгляд, предполагают междисциплинарный подход. Данный вопрос на сегодняшний день является одним из важных аспектов развития детского творчества. Считаем, что невозможно разделить возрастные процессы и половые различия, которые происходят как у мальчиков, так и у девочек. Эти два психофизиологических «мира» существуют параллельно друг другу и в помощь друг другу. Поэтому в современной науке этим аспектам развития детей обоих полов должно уделяться особое внимание. Определение психического возраста ребенка по изображению человека Леонардо да Винчи, на наш взгляд, является информационным, так как с трех до 13 лет у ребенка идет процесс рисования человека по нарастающей, и полное его изображение характерно именно для 12—13-летнего возраста. Поэтому наша проективная методика «Рисунок семьи зонтиками» является адаптивной для всех возрастов как мальчиков, так и девочек. Символ зонтика — это купол-мама, трость-папа и введенное культурно-историческое и философское значение этого загадочного и неоднозначного предмета в жизни человека (табл. 1).

В процессе апробации было выявлено, что такая работа с легкостью принимается и выполняется испытуемыми (детьми) любого возраста начиная с 6—7 лет (дети младше этого возраста в исследовании не участвовали).

Символ зонта, отражая проявления индивидуального и коллективного бессознательного, отличался многозначностью. Важно, что у каждого человека зонт вызывает собственные ассоциации, представления, впечатления.

Современная психология не видит в зонте чего-то божественного и космического. Для нее этот предмет символизирует потребность человека в защите, уход в себя, страх перед окружающим миром, отсутствие независимости, самостоятельности и чувства собственного достоинства.

Во всех религиях и учениях зонт также является символом защиты и удачи. И если по поводу мировой оси и всяческих комплексов еще можно спорить, то для современного человека захватить с собой «защитный купол» от осадков и не подмочить свою дорогую одежду — это действительно настоящее счастье.

Таблица 1

История зонта в различных культурах

Территория	История зонта
Египет и Китай	История зонта насчитывает уже не одно тысячелетие. Впервые упоминание о зонтике найдено в документах XI столетия до нашей эры. В Египте и Китае его носили вельможи и цари, защищаясь от солнца. Сейчас зонт есть у каждого, а кто-то имеет даже по несколько экземпляров. Ученые предполагают, что родиной зонта является Китай или Египет. Здесь он был символом власти. Лишь император и его приближенные могли иметь зонты. Высота его была почти 1,5 м, а вес — более двух килограмм. Как свидетельствуют источники, достоверная история появления зонта нам неизвестна. Хотя существует несколько легенд. Согласно одной из них, много столетий назад в Китае любящий муж придумал для своей жены «крышу, которая будет всегда при ней», чтобы она не отказывала себе в пеших прогулках в любую погоду
Древний Рим	В Древнем Риме зонты были похожи на конус
Монголия и Индия	В Монголии зонты крепили к трону и являлись символом власти. В Индии зонт тоже считался мерлом власти: чем важнее была персона, тем больше зонтов имела его свита. У индусов есть рассказ о девушке Зите, которая была доброй и трудолюбивой. От длительного нахождения под солнцем ее прекрасное лицо распухло и покраснело. Один из богов решил помочь Зите выйти замуж и подарил ей навес над головой с ручкой, чтобы жаркие лучи больше не обжигали ее кожу и потенциальные женихи смогли увидеть, какая она на самом деле красавица
Тибет	В Тибете светские люди ходили с зонтами, сделанными из павлиньих перьев, а духовенство — с зонтами белого и желтого цвета
Древняя Греция	В Древнюю Грецию зонты попали с Востока и пользовались популярностью у женщин в Риме
Франция, XVII в., весна 1715 г., Париж	В XVII в. жители Франции зонт для защиты от солнца называли «парасоль». У него была костяная ручка, а верх сделан из вошеного полотна. Весной 1715 г. в Париже был сделан первый в истории складной зонт
При Людовике XIV	При Людовике XIV «зонтиконосцами» были заполнены почти все улицы в Париже. Их можно было даже арендовать во время дождя
Россия, XVIII в.	Мода на зонты в России возникла только в XVIII в. Особой популярностью пользовались непрактичные кружевные зонтики
Англия, 1750 г.	С 1750 г. зонт стали использовать как средство защиты от дождя. Впервые это сделал в Англии Джонас Хенвей, удивив многих прохожих
Юго-Восточная Азия	В Юго-Восточной Азии люди считали, что конструкция зонта была выбрана не случайно. Сам купол символизировал солнечный диск, его спицы — лучи светила, а ручка — мировую ось. Таким образом, получается, что зонт изначально задумывался для людей, имеющих особый вес в обществе, ведь в руках им надлежало держать земную и небесную ось, которая хранила целый небосвод

Итак, зонт является универсальным символом, обладает глубокими разнообразными смысловыми потенциями на разных уровнях психосемантического пространства.

Множественность значений символа зонта объясняется в науке стремлением к иерархии — упорядочиванию различных планов реальности: материального, социального, духовного и пр. Важно отметить, что раскрытие символических значений содействует восстановлению психоэмоционального равновесия и гармонизации чувств личности испытуемого (ребенка).

Все вышесказанное иллюстрирует терапевтическую составляющую проективного рисунка «Рисунок семьи зонтиками». Итак, если поместить практическое задание «Нарисуй семью

зонтиками» в терапевтический контекст, подобную работу можно рассматривать как проективный рисунок или тематическую арт-терапию.

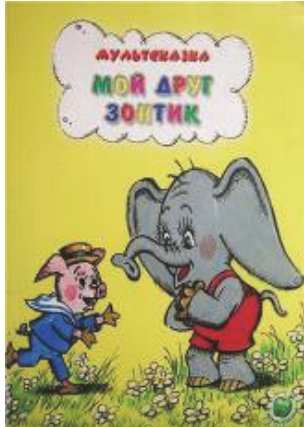
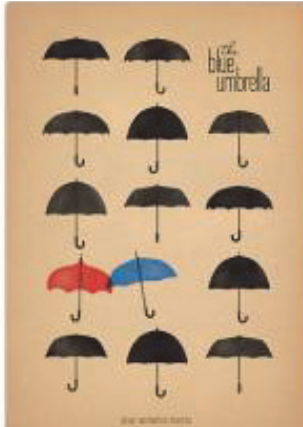
Открытия, которые совершит испытуемый (ребенок) в своем рисунке вместе с педагогом-психологом или со специалистом по арт-терапии, помогут построить гипотезу для следующего шага в терапевтическом процессе. Несомненно, как рисуночный тест, данная работа обладает диагностическим потенциалом и может применяться в методе проективных методик и в контексте арт-терапии как мягкий, гуманный способ психодиагностики, если основной задачей исследователя является сбор психосоциальной информации об испытуемом.

Таблица 2

Представление зонта в разных видах искусства

Зонт в живописи		
Passer Payez. Louis Leopold Boilly. 1803 	Женщина под зонтиком (В поле). Художник Иван Крамской. 1883 	
Площадь Европы в дождливый день. Художник Гюстав Кайботт. 1877 	Three Little Kittens. Joseph Clark. 1883 	Зонтики. Художник Огюст Ренуар. 1885
Девочка с зонтиком. Художник Огюст Ренуар 	Young Girl. Hendricus Jacobus Burger 	La Plage, Le Treport. Albert Aublet
Коля с красным зонтом. Художник Аркадий Пластов. 1939 	Green Umbrella. Scott Burdick 	Кораблик. Художник Татьяна Дерий

Продолжение табл. 2

Зонт в пословицах и поговорках, притчах, стихах			
Кончается дождь — забывается зонтик (японская пословица) Пошел дождь — поздно бежать за зонтом (китайская пословица) Раскрытый зонтик не сравнится с ветром, который сам прилетел (китайская пословица) Снег на зонтике становится легким, когда подумаешь о том, что это твой снег (японская пословица)	Мальчик с зонтиком (притча) Лето было в разгаре, и в одном городе была сильная засуха. Городской священник созвал всех утром в храм молиться о дожде. Пришёл весь город, а один ребёнок пришёл с зонтиком. Люди начали смеяться над ним. Они спрашивали: — Глупыш, зачем ты притащил зонтик? Потеряешь. Дождя не будет. Ребёнок ответил: — А я думал, что если вы помолитесь, дождь придёт!	Замечательные строки Марины Бородинской в стихотворении «Бумажный зонтик»: Расписное веретёнце, Зонтик из бумаги — Он не защитит от солнца, Не спасёт от влаги. Может он измяться скоро И легко порваться, Но от яркого узора Трудно оторваться! Осторожно, не сминая, Подняли, раскрыли: Он, как бабочка цветная, Расправляет крылья. Он, как парусник над бездной, В поднебесной шири, — Однодневный, бесполезный, Самый прочный в мире!	Зонтик и сачок. История в картинках для детей. Художник В. Г. Сутеев. Иллюстрация к детскому журналу «Зонтик и сачок». 1960-е гг.
Зонт в мультфильмах			
Мой друг зонтик. СССР. 1982 	Волшебные зонтики. Россия. 1992 	Синий зонтик (The Blue Umbrella). США. 2013 	

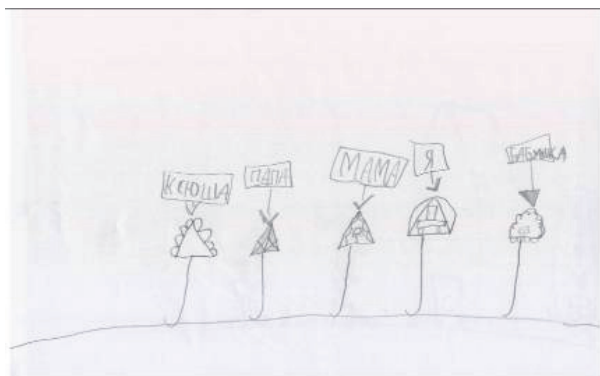
Инструкция к проективной методике «Рисунок семьи зонтиками», по нашему мнению, является своеобразным посланием к своему собственному бессознательному, актуализирует определенные аспекты внутренней жизни испытуемого (ребенка). При этом изображение становится материалом для самоанализа, самовосприятия себя в семейной ситуации, что особенно необходимо при работе с семьей и детьми.

Испытуемый (ребенок) отражает на бумаге собственное видение жизненных обстоятельств, свою индивидуальность, ассоциативные связи,

прошлый, будущий и настоящий опыт, установки, убеждения и прочее; осознание и изменение отношения к прошедшим и происходящим в данный момент событиям, принятие или неприятие ответственности за собственную жизнь и происходящее вокруг.

В таблице 2 показано, как зонт видят в разных видах искусства: в живописи, в пословицах и поговорках, притчах, стихах, мультипликации.

Ниже приведены работы детей 6—7 лет в технике проективной методики «Рисунок семьи зонтиками» (см. рис. 1).

Петр М., 6 лет

Василий П., 7 лет

Дарья А., 7 лет

Владимир К., 7 лет

Василий Л., 7 лет

Варвара Ц., 7 лет

Рис. 1. Рисунки детей 6—7 лет
в технике проективной методики «Рисунок семьи зонтиками»

С позиций диагностического потенциала проективной методики «Рисунок семьи зонтиками» логично отнести к классу экспрессивных проективных методик, построенных на рисова-

нии по свободной или заданной теме. Данная методика может быть интересна психологам, педагогам-психологам, а также студентам, аспирантам и преподавателям.

Литература

1. Бодалев А. А. Общая психодиагностика / А. А. Бодалев, В. В. Столин. — СПб. : Речь, 2000. — 440 с.
2. Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. — СПб. : Питер, 2000. — 528 с.
3. Дюльдина Ж. Н. Половозрастные особенности развития детского творчества: междисциплинарный подход / Ж. Н. Дюльдина // Проблемы воспитания и обучения в контексте современных условий объективного осложнения процессов социальной адаптации личности : материалы СXXXVIII Международной научно-практической конференции [Мероприятие проводилось в заочно-интерактивной форме в Лондоне (Великобритания). 9—15 февраля 2017 г.]. — С. 53—57.
4. Дюльдина Ж. Н. Психолого-педагогические особенности детского творчества / Ж. Н. Дюльдина // Актуальные методы и приемы психологического консультирования : коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зебра, 2018. — С. 85—117.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Психодиагностика через рисунок в сказкотерапии / Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Д. Б. Кудзилов. — СПб. : Речь, 2003. — 144 с.
6. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе / М. В. Киселева. — СПб. : Речь, 2007. — 336 с.
7. Копытин Л. И. Арт-терапия детей и подростков / Л. И. Копытин, Е. Е. Свистовская. — 2-е изд., стер. — М. : Когито-Центр, 2014. — 197 с.
8. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л. Д. Лебедева. — СПб. : Речь, 2003. — 256 с.
9. Лебедева Л. Д. Проективная методика «Рисунок семьи в образах цветов» в психологическом консультировании / Л. Д. Лебедева // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 1(5). — С. 133—137.
10. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств / Н. Роджерс // Вопросы психологии. — 1995. — № 1. — С. 132—139.
11. Флоренская Т. А. Мир дому твоему. Человек в человеке / Т. А. Флоренская // Воспитание школьников. — 1999. — № 1. — С. 34—39; № 2. — С. 27—31; № 4. — С. 37—40.

PROJECTIVE TECHNIQUE "DRAWING A FAMILY WITH UMBRELLAS" DURING CHILDREN PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Zh. N. Dyuldina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
gannad@mail.ru

This article discusses the use of projective drawing during the psychological and psychotherapeutic work with children. Today, there are various classifications of projective methods, in particular "drawing tests" used in the context of a family. The use of drawing techniques (projective techniques) in the study of a child personality is more widespread abroad. In our country, only in recent years they have begun to concentrate on drawing as a means of learning the personality structure. Also, historically, the use of the "Family Drawing" methodology has been associated with the general development of "projective psychology". As indicated, the earliest mention in the literature about the use of "Family Drawing" belongs to W. Hjul (Hulse W., 1951). A special place in working with children at the present stage of development of projective drawing undoubtedly belongs to A. I. Kopytin, L. D. Lebedeva, etc. Analyzing different approaches and methods in projective drawing, the author offers his own projective methodology "Drawing a family with umbrellas".

Key words: projective drawing, projection, "drawing" tests and methods, projective technique "Family drawing with umbrellas" by J. N. Dyuldina.

References

1. Bodalev A. A., Stolin V. V. (2000) Obshchaya psihodiagnostika [General psychognosis]. St. Petersburg: Izd-vo "Rech", 440 p.
2. Burlachuk L. F., Morozov S. M. (2000) Slovar-spravochnik po psihodiagnostike [Guide dictionary on psychognosis]. St. Petersburg: Izdatelstvo "Piter", 528 p.
3. Dyuldina Zh. N. (2017) Polovozrastnye osobennosti razvitiya detskogo tvorchestva: mezhdisciplinarnyy podhod [Age and gender peculiarities of children's craft development]. International scientific and practical conference "Problemy vospitaniya i obucheniya v kontekste sovremennykh usloviy objektivnogo oslozhneniya protsessov sotsialnoy adaptatsii lichnosti", p. 53—57.

4. Dyul'dina Zh. N. (2018) Psihologo-pedagogicheskie osobennosti detskogo tvorchestva [Psychological and pedagogical peculiarities of children's craft]. Aktualnye metody i priemy psihologicheskogo konsultirovaniya: kollektivnaya monografiya. Ulyanovsk: Zebra, p. 85—117.
5. Zinkevich-Evstigneeva T. D., Kudzilov D. B. (2003) Psihodiagnostika cherez risunok v skazkoterapii [Psychological assessment by means of a drawing in tale-therapy]. St. Petersburg: Rech, 144 p.
6. Kiseleva M. V. (2007) Art-terapiya v prakticheskoy psihologii i sotsialnoy rabote [Art-therapy in practical psychology and social work]. Rech, 336 p.
7. Kopytin L. I., Svistovskaya E. E. (2014) Art-terapiya detey i podrostkov [Art-therapy of children and teenagers]. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr, 197 p.
8. Lebedeva L. D. (2003) Praktika art-terapii: podhody, diagnostika, sistema zanyatiy [Art-therapy practice: approaches, diagnosis, class system]. St. Petersburg: Rech, 256 p.
9. Lebedeva L. D. (2011) Proektivnaya metodika "Risunok semyi v obrazah tsvetov" v psihologicheskom konsultirovanii [The projective methodology "Family drawing in images of flowers" in psychological counseling]. Natsionalnyj psihologicheskij zhurnal, 1(5), p. 133—137.
10. Rodzhers N. (1995) Put k tselostnosti: cheloveko-tsentririrovannaya terapiya na osnove ekspressivnyh iskusstv [Path to entirety: person-centred therapy on the basis of expressive arts]. Voprosy psihologii, (1), p. 132—139.
11. Florenskaya T. A. (1999) Mir domu tvoemu. Chelovek v cheloveke [Peace be with your home. Humaneness in human]. Vospitanie shkolnikov, (1), p. 34—39; (2), p. 27—31; (4), p. 37—40.

Ж. Н. Дюльдина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
gannad@mail.ru

ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ АСПЕКТЕ КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается перинатальная грамотность в религиозном аспекте как основа развития физически и духовно-нравственно здорового общества. Автором приведены взгляды ведущих ученых на внутриутробный период, на тонкость и важность соблюдения и сохранения чистоты отношений. Делается акцент на формирование психологических проблем человека уже во внутриутробном состоянии, так как, по мнению автора, перинатальный период является *уникальным временем* профилактики нарушений физического и психического здоровья.

Дается сопоставление религиозного и светского подхода к данному вопросу. Констатируется, что православный взгляд есть основа для формирования здоровой и гармоничной личности, в то время как наука лишь исправляет ошибки, вызванные пренебрежением заповедей.

Анализируются работы, где выявляются структурные взаимодействия матери и ребенка (Р. Ж. Мухамедрахимов, Г. Г. Филиппова), затрагивается вопрос воспитания до рождения (Н. Чечерина), рассматривается отношение к беременной в народной традиции (Ж. Н. Жарикова), изучается создание теста отношений беременной (И. В. Добряков) и работы в разных направлениях перинатальной психологии и медицины (Ю. И. Шмурак, Е. П. Шихова, Т. В. Филипповская и др.).

Ключевые слова: перинатальный период, внутриутробный период, зачатие, аборт, пренатальная и перинатальная психология (ППП), психогенетика, биогенетический закон, теория рекапитуляции.

Беременность и внутриутробный период развития ребенка на протяжении всей истории человечества несли в себе особое таинство и занимали особое место в науке, творчестве и религии. Сегодня доказано, что, развиваясь

внутриутробно, малыш все чувствует и понимает, испытывает различные эмоции и переживания. Их окраска целиком зависит от поведения будущей мамы во время беременности.

Приведем несколько примеров.

Притча о двух близнецах

Жили два близнеца в материнской утробе,
И другому один как-то высказал мысль:
«Ты знаешь, мне кажется есть после родов
Удивительная и прекрасная жизнь!»

И другой, потянувшись под маленьким сводом,
Тут улыбки беззубой своей не сдержал:
«Это просто смешно — верить в жизнь после родов», —
Брату верующему в ответ он сказал.

«Как, по-твоему, жизнь может выглядеть эта?»
«Я не знаю, как точно», — близнец отвечал.
«Но мне кажется там, на земле, больше света,
Я однажды во сне этот свет увидел!»

«Я, конечно, не знаю, как все это будет,
Но мы можем своими ногами пойдем!
И еще, правда, это похоже на чудо,
Но, возможно, что мы даже есть будем ртом!»

«Ерунда, вот уж это никак невозможно!
Наша жизнь пуповина и так коротка!
А ногами ходить и представить-то сложно!
Нет, не сможем ходить мы ногами никак!»

«И оттуда никто еще не возвращался,
Что за бред у тебя, братец мой, на уме?!
Все закончится родами — не обольщайся!
Наша жизнь — это только страдание во тьме!»

«А мне кажется, брат», — первый не унимался:
«Что когда-нибудь сможем увидеть мы Мать,
И мы временно здесь, чтобы мало-помалу
Жизни той, после родов, основы листать!»

Брат неверующий лишь покачал головою:
«Верить в Мать — это просто за гранью идей!
Я не вижу её, значит, нет, хоть завою.
Ну скажи, если умный, скажи, Она где?!»

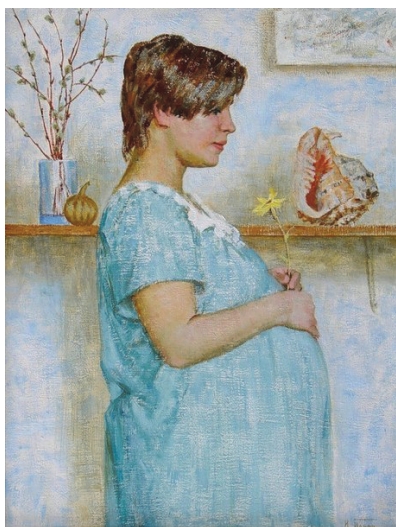
«Как ответить тебе, брат, я даже не знаю!
Но я чувствую сердцем заботу Её!
И ночами, когда всё вокруг затихает,
Она гладит наш мир и тихонько поет...

Все наполнено Ею, и радость такая,
Словно в Ней прибываю и Ею живу!
И хоть точно про жизнь после родов не знаю,
Но я верю, что будет она наяву!»

27. Во время родов ее оказалось, что близнецы в утробе ее. 28. И во время родов ее показалась рука (одного); и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый. 29. Но он возвратил руку свою; и вот вышел брат его. И она сказала: как ты роторг себе преграду? И наречено ему имя: Фарес. 30. Потом вышел брат его с красной нитью на руке. И наречено ему имя: Зара.

Эти стихи образуют эпилог истории Фамари — рассказ о рождении у нее близнецов, напоминающий по некоторым чертам рассказ 25:22—26 о рождении Исава и Иакова: Зара (с евр. «восход»), который, по человеческим соображениям, имел быть первородным и получить все преимущества первородства, должен был уступить и первенство рождения, и все права первородства брату своему Фаресу (евр. Перец — разрыв, как бы вопреки природе), который один из 5-ти сыновей Иуды образовал главную линию потомства Иуды, а именно через него произошел из колена Иудина Давид, а в конце времен — Христос Спаситель (1 Пар. 2:5—9; Руфь 4:17—22; Мф. 1:3—6; Лк. 3:31—35).

(Лопухин А. Толковая Библия. Том 1)

Беременная картина.
Художник Игорь Панов

Автопортрет.
Художник Анна Роуз Бэйн (Anna Rose Bain (USA. 1985))

Современный мир в своем укладе раздробился на сегменты, сотни и тысячи взглядов на одну и ту же ситуацию, проблему, так как все мы разные, но когда это происходит не в рамках православия, то превращается в неуправляемый хаос; человек теряет почву под ногами и начинает заново изобретать «колесо».

В статье мы хотим остановиться на самом фундаментальном и ключевом моменте развития человека — **перинатальном периоде**.

Считается, что заниматься исследованием ребенка в утробе матери — удел медиков и психологов, но жизнь человека не может быть «разорвана» при изучении. Сегодня современное общество перинатальный период развития полностью «передало» в медицину и психологию, хотя, как показывают исследования великих педагогов, начало перинатального изучения полностью относится именно к педагогике. Это сказано в трудах Я. А. Коменского («Материнская школа», V глава), П. Ф. Лесгафта («Семейное воспитание ребенка и его значение», IV глава),

Б. Никитина, Л. Никитиной («Мы, наши дети и внуки», с. 20), К. Зорина, игумена Евмения, протоиерея Андрея Ткачева и многих других.

Древняя мудрость гласит, что воспитание начинается с момента зачатия. В одной притче говорится, что когда к мудрецу пришли родители новорожденного малыша и спросили: «Когда нам начинать его воспитывать?», мудрец ответил: «Вы опоздали ровно на девять месяцев!».

Протоиерей Андрей Ткачев проповедовал, что «семя нельзя изливать как попало, с кем попало и куда попало. Прелюбодейное излитие семени есть тайный вид кровопролития, вернее — залог будущих кровопролитий. Опять можно вспомнить историю Давида, и не только ее одну» [17, с. 57]. И это есть та тайна, та сокровенность и духовность появления человека на свет, зарождающаяся с огромного духовного начала людей, которые хотят стать родителями. Приведенные слова протоиерея А. Ткачева точно и глубоко говорят об ответственности деторождения и процесса блуда, что за этим стоит.

Отказ от православных ценностей, которые складывались тысячелетиями, в России привел к тому, что деторождение и зачатие превратились в «гигиенический» процесс. Многие современные женщины считают аборт обыденным делом. Пугающе страшно, что современный человек теряет грань между добром и злом. И самое страшное, что это начинается с самого святого и самого таинственного процесса — зачатия, внутриутробного развития маленького человека.

Попробуем разобраться в особенностях и опасностях этого вмешательства в Божий промысел.

Если некая культура узаконит разврат, то тем самым она узаконит человеческие жертвоприношения. Это — неизбежный закон, рожденный внутренней логикой. Раз ты блудишь открыто и ритуально, во славу своих «богов», то ты будешь лить чью-то кровь открыто и ритуально, во славу тех же «богов». Если же ты блудишь тайно, но неистово, ты тоже будешь проливать кровь так же тайно, но так же преступно, например, через аборт.

Вот картина из повседневности, повторяющаяся часто, но запах ужаса от этого не утратившая. Она тоже состоит из крови и семени и тоже незримо связана с древними культами разврата и кровопролитий.

В книге «Свобода любви или идол блуда?» протоиерей Андрей Ткачев очень четко и образно говорит о последствиях бездуховности отношения родителей к внутриутробному периоду развития, «...мы находим потрясающие сознание слова, которые не просто пугают, а, к сожалению, являются страшной реальностью сегодняшнего времени: женщина сделала аборт, а через месяц забеременела снова. Такое часто случается. Организм уже перестроился на сложный процесс вынашивания, и вдруг из него вырвали с мясом чуть было зародившуюся жизнь. Тогда организм женщины жадно стремится впитать в себя, усвоить семя, чтобы продолжить внезапно прерванное материнство. Если между прерванной и вновь начавшейся беременностью прошло совсем немного времени, а ребенок все так же нежелателен, аборт вряд ли опять сделают. Велика опасность для организма женщины. Ребенок, скорее всего, родится. Такое часто случается.

На выходе получится то, рядом с чем Хичкок отдыхает.

Во-первых, это «лишний», «незапланированный» человек. Он никогда бы не родился, если бы перед ним не был жестоко убит его брат или сестра. Сколько бы ни прожил на свете

этот, родившийся, он рискует всю жизнь проносить под кожей ощущение собственной «ненужности», «случайности». Ведь даже Всемогущий Господь Бог вынужден дарить такому человеку жизнь, приспосабливаясь к человеческому произволу.

Во-вторых, его первым жилищем будет камера пыток. Матка, в которой человек безвыходно проживет девять (!) первых месяцев жизни, будет комнатой, стены которой забрызганы свежей кровью недавно расчлененного брата или сестры. Переночуйте в пыточном бункере хотя бы ночь и скажите сами: может ли родиться нормальным человек, проживший в подобном помещении более полугода?

Сможет ли такой человек любить свою мать? Вопреки логике и воспитательным постулатам, не будет ли он ощущать присутствие убийцы рядом с той, кого всю жизнь будет называть «мамой»?

Наконец, в-третьих, если родился мальчик, перед которым убили девочку, или наоборот, — то не впитают ли родившийся человек еще в утробе запахи и интуиции противоположного пола? Трансвеститы и гермафродиты, лесбиянки и гомосексуалисты — не оттуда ли, хотя бы отчасти? *И не оттуда ли столь частое ныне непреодолимое отчуждение между детьми и родителями?...»* [17, с. 18—19].

На цитату протоиерея А. Ткачева приведем пример из практики. Автор статьи работала при женской консультации в районной больнице. С 2009 года по закону Министерства здравоохранения беременная женщина должна проходить наряду со всеми специалистами и психолога. На прием пришла женщина со сроком 8 месяцев беременности, вся в слезах и в большом отчаянии. На вопрос, что случилось, был дан краткий ответ: «Я боюсь, что ребенок погибнет». И слезы, слезы, слезы...

В результате долгого разговора выяснилось, что первому ребенку 6 лет; через 2 месяца после родов она быстро забеременела и пошла на аборт. Через 2 месяца после аборта снова забеременела и решила оставить малыша, но на сроке 8 месяцев случилась замершая беременность. Через 2 месяца после операции женщина снова беременеет и рождает. Когда ребенку исполнилось 8 месяцев, мать застаёт в колыбельке мертвого малыша. Через 2 месяца после похорон женщина снова беременеет. На сроке беременности 8 месяцев, осознав все, пациентка сама пришла со слезами к психологу. Ситуация просто жуткая и, самое главное — показательная.

Еще один пример из этой же женской консультации. Молодая женщина встречалась с парнем, он ушел в армию, и она, не дождавшись, забеременела от другого. Юноша, вернувшись из армии, берет ее замуж, хотя и знает, что она в положении. Рождается девочка, он ее удочеряет, но очень хочет своего ребенка. Женщина всячески этому препятствует, аргументируя тем, что у них есть ребенок (дочь). И вдруг она заболевает хронической миомой матки. У нее ровно 9 месяцев растёт опухоль, опухоль вырезают, организм отдыхает, и все повторяется снова. Оказывается, она все же забеременела от мужа, но, не сказав ему, сделала аборт, а спустя некоторое время началась эта страшная болезнь. Для мужчины это тоже была трагедия: он рыдал, не мог понять, почему его лишили счастья отцовства, почему убили его малыша.

В книге «Феномен насилия (от семейного до глобального): взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины» **П. Г. Фёдор-Фрайберг** [18] делает свой вывод: перинатальный период является *уникальным временем* (выделено мною. — *Ж. Д.*) профилактики нарушений физического и психического здоровья. Он обобщает мировой опыт ученых, которые работали с маньяками и безоговорочно приходили к выводу о том, что все нарушения закладываются в самый первый и важный этап человеческого существования — зачатие и перинатальный период.

Широко известный в научных кругах **Станислав Гроф** писал: «Мы, кажется, вовлечены в драматическую гонку времени, которая не имеет прецедента за всю историю человечества. Под угрозой находится будущая жизнь на этой планете. Если мы продолжим старые стратегии, которые по своим последствиям являются чрезвычайно самоубийственными, маловероятно, что человеческая разновидность выживет. Однако если достаточное число людей подвергнется процессу глубокого внутреннего преобразования, мы могли бы достичь уровня развития сознания, когда мы заслужим гордое имя, которое мы дали нашей разновидности: *homo sapiens*» [18, с. 38].

Американский ученый **Т. Верни** утверждает, что личность человека формируется до его появления на свет. Ребенок чувствует мысли, переживания, эмоции матери, именно эти впечатления впоследствии сформируют его характер, поведение, психику [20]. Т. Верни делает заключение: «Наша единственная надежда на лучший мир состоит в усилении и углублении этой врожденной способности заботиться, леле-

ять и сочувствовать другим... Что не является необходимым, так это борьба с уличным насилием с помощью государственного насилия. Мы не нуждаемся в большем количестве полиции, большем количестве судов и большем количестве тюрем. Мы нуждаемся в более сознательном воспитании» [18, с. 89].

Подобед Н. Д. считает, что уже плод может получать информацию «на клеточном уровне». «Ни в один из моментов своей дальнейшей жизни человек не развивается так интенсивно, как в пренатальном периоде, начиная с клетки и превращаясь в совершенное существо, обладающее удивительными способностями и неугасимым стремлением к знанию» [16, с. 96]. С ее точки зрения, воспитание и обучение в пренатальном периоде происходят в основном за счет «впитывания информации». В возможностях плода к имитации и к приобретению опыта автор сомневается.

Как мы говорили выше, внутриутробный период сегодня изучают только медицина и психология, но, на наш взгляд, это должен быть именно религиозный аспект изучения, который вносит саму основу — духовное начало и таинство рождения и происхождения человека, а затем уже добавятся психолого-педагогические и медицинские основы, так как невозможно «расчлененно» изучать развитие и особенности человеческого начала.

Для анализа внутриутробного периода развития предлагаем ввести такое понятие, как **микафактор** (от лат. *mīca* — крошка, крошечка, крупинка) [11—15, 19], и в его рамках рассмотреть взаимосвязи: мать — дитя, отец — мать — дитя, общество — мать — дитя, окружение — мать — дитя, семья и т. д.

На сегодняшний день актуальность пре- и перинатальной психологии и медицины достаточно обоснована, в данных направлениях ведутся серьезные исследования с середины XX века — за рубежом, с начала XXI века — в России. Исследователи идут по разным направлениям, изучая закономерности процессов развития и констатируя феномены и особенности тех или иных нарушений, происходящих в пре- и перинатальный период.

Многими авторами делается попытка выявить структурные взаимодействия матери и ребенка (**Р. Ж. Мухамедрахимов, Г. Г. Филлипова**), доказать важность воспитания до рождения (**Н. Чечерина**), рассмотреть отношение к беременной в народной традиции (**Ж. Н. Жарикова**), создать тесты отношений беременной (**И. В. Добряков**) [9] и проводится

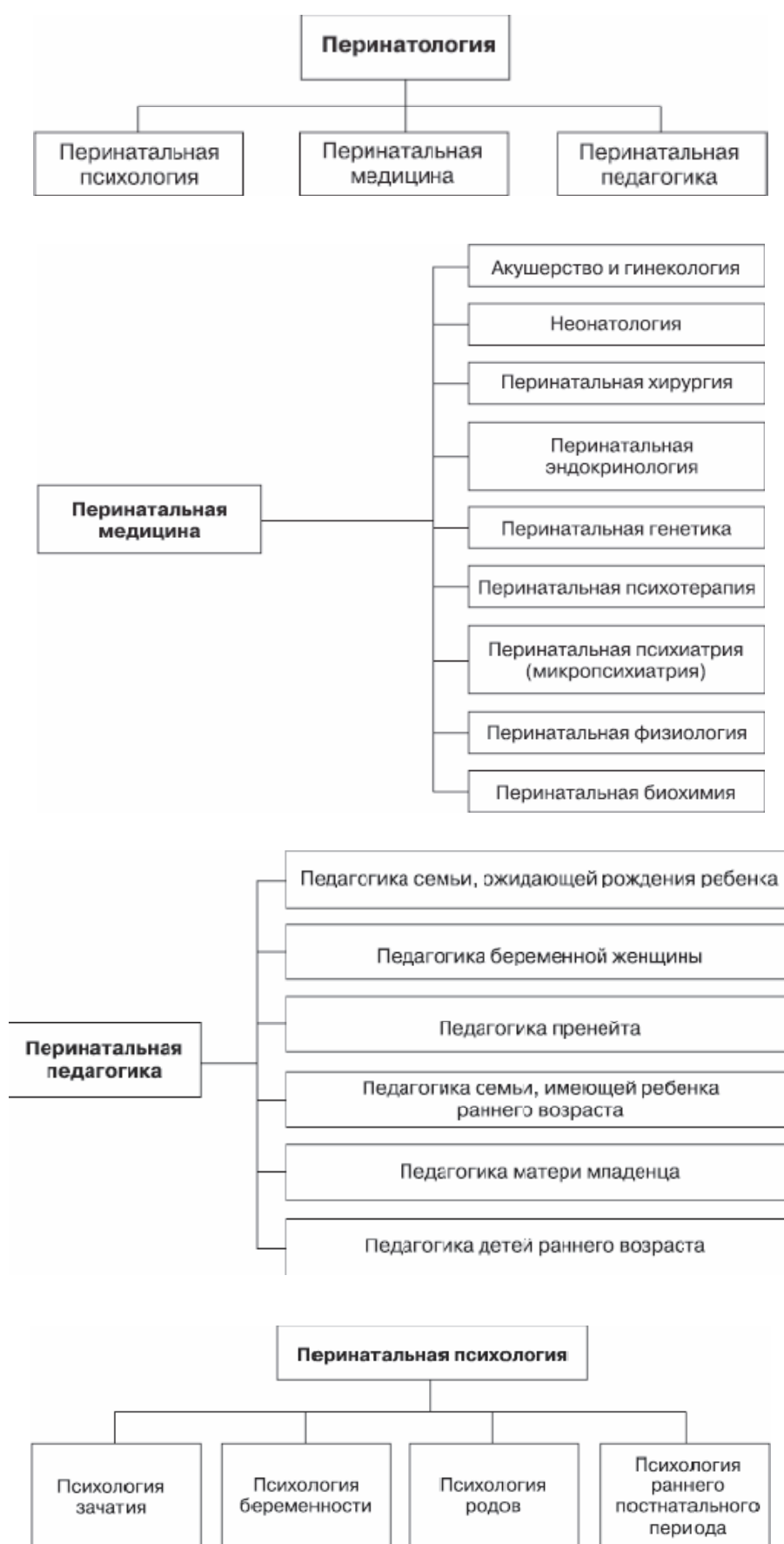

Рис. 1. Психолого-педагогические основы изучения человека [8, 9]

работа в разных направлениях перинатальной психологии и медицины (*Ю. И. Шмурак, Е. П. Шихова, Т. В. Филипповская* и др.).

Приведем уже существующие в науке подходы по данному вопросу.

Пренатальная и перинатальная психология (ППП) — современное научное направление, изучающее эмоциональное восприятие **плода (пренейта)** и его память, а также влияние воспринятых во время беременности и родов впечатлений на образ мышления, эмоциональные проявления и стиль поведения ребенка и взрослого человека в течение всей его последующей жизни. PPP включает в себя два раздела: **фундаментальный и прикладной**.

Фундаментальный — теоретический раздел, изучающий феномен сознания и бессознательного пренейта, пути и механизмы обмена информацией между матерью и пренейтом, механизмы фиксации в памяти впечатлений, полученных пренейтом, и их проявление (освобождение) в постнатальной жизни, участие генетических, эпигенетических и гуморальных факторов, механизмы возникновения психологических и психосоматических расстройств, теоретические основы их профилактики и лечения и др.

Прикладной — практический раздел, занимающийся профилактикой и психотерапией последствий пренатальных и перинатальных травм, родовым воспитанием пренейта и родителей, психопрофилактической подготовкой женщин к родам и др.

Выделим следующие отрасли, направления, концепции.

Психогенетика (греч. *psycho* — душа + *genetitos* — относящаяся к рождению, происхождению) — область знания, пограничная между психологией и генетикой, предметом исследования в которой является соотношение и взаимодействие наследственности и среды в формировании межиндивидуальной вариантности психических черт человека (*И. В. Равич-Щербо*).

Теория рекапитуляции (от лат. *recapitulatio* — сжатое повторение) — концепция, раз-

работанная американским психологом С. Холлом, которая, модифицируя биогенетический закон Э. Геккеля (1866), распространяет его действие на психическое развитие детей.

Исходя из рекапитуляционной теории, Холл доказывал, что ребёнок в своём развитии повторяет все стадии развития психики, которые прошло человечество (*О. А. Карабанова*).

Затронем общие понятия и теоретические проблемы психологии развития.

Биогенетический закон (в психологии) (от греч. *bios* — жизнь и *genesis* — происхождение) — перенос на психическое развитие ребенка соотношения, установленного немецкими естествоиспытателями **Ф. Мюллером, Э. Геккелем**, между онтогенезом (индивидуальным развитием организма) и филогенезом (историческим развитием организмов).

Биогенетический закон служит основой теории рекапитуляции, согласно которой в онтогенезе детской психики воспроизводятся основные стадии биологической эволюции и/или этапы культурно-исторического развития человечества (*Д. Болдуин, К. Бюлер, С. Холл, В. Шпорк, А. И. Подольский* и др.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перинатальная грамотность в религиозном аспекте как основа здорового общества на сегодняшний день совершенно утрачена обществом. Те основы, которые даны нам как заповеди Божии, в плане блуда и семейных отношений мужчины и женщины очень сильно потеряли свое первоначальное значение, поэтому возникают многочисленные трудности, проблемы и порой катастрофы.

Чтобы все поправить, общество прибегает к науке (см. рис. 1), где путем проб и ошибок снова старается изобрести «колесо» (в данном случае это разделы педагогики, психологии и медицины), но, как было сказано выше, невозможно изучать человека, «разорвав» его науками на части, это целое и единое Божье творение, имеющее триединство (дух, душу и тело).

Литература

1. Абрамченко В. В. Профилактика нервно-психических нарушений у недоношенных детей / В. В. Абрамченко // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей : сборник материалов конференции. — СПб. : МПГУ, 2001.
2. Берн Э. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — М., 1988.
3. Боровикова Н. В. Акмеологический потенциал беременной женщины. Социально-психологический анализ / Н. В. Боровикова. — М. : Социнновация, 1998.
4. Брехман Г. И. Перинатальная психология: открывающиеся возможности / Г. И. Брехман // Перинатальная психология в родовспоможении : сборник материалов межрегиональной конференции. — СПб., 2005.
5. Верни Т. Рождение и насилие / Т. Верни // Феномен насилия (от домашнего до глобального): взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины / под ред. проф. Г. И. Брехмана и проф. П. Г. Федор-Фрайберга. — СПб., 2005.

6. Гармашева Н. Л. Патологические основы охраны внутриутробного развития человека / Н. Л. Гармашева, Н. Н. Константинова. — Л. : Медицина, 1985. — 157 с.
7. Герхард Сю. Как любовь формирует мозг ребенка / Сю Герхард ; пер. с англ. Ю. В. Рыковской. — М. : Этерна, 2013. — 320 с.
8. Добряков И. В. Типология гестационной доминанты / И. В. Добряков // Ребенок в современном мире : тезисы докладов 3-й Международной конференции. — СПб. : ЮНЕСКО, МО России, 1996.
9. Добряков И. В. Здоровые роды — счастливый малыш / И. В. Добряков, И. П. Лазарева. — СПб. : ИК «Комплект», 1998. — 268 с.
10. Добряков И. В. Перинатальная психология / И. В. Добряков. — СПб. : Питер, 2010.
11. Дюльдина Ж. Н. Психолого-педагогическая подготовка будущих родителей к воспитанию ребенка (в перинатальном периоде, младенчестве и раннем возрасте) / Ж. Н. Дюльдина // Технологии социальной работы в образовательной практике : коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зебра, 2016. — С. 72—88.
12. Дюльдина Ж. Н. Миксфакторы как основа социализации личности в пренатальный (и перинатальный) период развития в семье / Ж. Н. Дюльдина // Беременная женщина и современный социум: проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции. 17—19 сентября 2013 г. — Екатеринбург, 2013. — С. 225—228.
13. Дюльдина Ж. Н. Перинатальная педагогика: право на актуализацию / Ж. Н. Дюльдина // Проблемы и перспективы современной науки : сборник статей ЦНС по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Часть 3. — М. : ISI-journal, 2016. — С. 30—34.
14. Дюльдина Ж. Н. Психолого-педагогические основы семейной жизни: однонациональная и многонациональная семья / Ж. Н. Дюльдина // ГУ СЗН ОЦСПСиД. — Ульяновск, 2007. — 52 с.
15. Дюльдина Ж. Н. Психолого-педагогические основы брака и семьи : учебно-методическое пособие / Ж. Н. Дюльдина. — Саарбрюкен (Saarbrücken) : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. — 250 с.
16. Подобед Н. Д. Внутриутробное воспитание плода / Н. Д. Подобед // Перинатальная психология и акушерство : учебное пособие / под ред. проф. Н. А. Жаркина. — Волгоград : Волгоградская медицинская академия, 2001.
17. Протоиерей Андрей Ткачев. Свобода любви или идол блуда? / А. Ткачев. — М. : Даниловский благовестник, 2011. — 192 с.
18. Феномен насилия (от семейного до глобального): взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины / Г. И. Брехман и др. ; ред. Г. И. Брехман, П. Г. Фёдор-Фрайберг. — СПб. : Хайфа, 2005.
19. Dyuldina Jeanne Nikolaevna. Sexual (Gender) Social Adaptation of a Child during the Perinatal Period // Middle-East Journal of Scientific Research. — URL: <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr16%2812%2913.htm>.
20. Verry T. R. Womb Ecology / World Ecology: Talk delivered at 2nd World Congress for Prenatal Education. Athens, Greece. 1994. May 14.

PERINATAL LITERACY IN THE RELIGIOUS ASPECT AS THE BASIS OF A HEALTHY SOCIETY

Zh. N. Dyuldina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
gannad@mail.ru

The article discusses perinatal literacy in a religious aspect as the basis for the development of a healthy society, both physically and spiritually. The author provides significant views on the prenatal life, as well as the subtleties and importance of observing and maintaining clear relationship. The author focuses on the formation of psychological problems of a person, including in fetal life, since, according to the author, the perinatal period is a unique time for the prevention of physical and mental health disorders.

A comparison is given of the religious and secular approach to this issue. As we can see, the Orthodox view is the basis for a healthy and harmonious personality, while science already corrects errors that were caused by the neglect of the commandments.

The author analyses the works that consider the structural interactions between mother and child (Mukhamedrakhimov R. Zh., Filippova G. G.), prenatal education effects (Checherina N.), attitude to a pregnant woman in a folk tradition (Zharikova Zh. N.), creation of a test of the relationship of a pregnant (Dobryakov I. V.), as well as the works on perinatal psychology and medicine (Shmurak Yu. I., Shikhova E. P., Filippovskaya T. V. etc.).

Key words: perinatal life, prenatal life, conception, semen, abortion, fornication, prenatal and perinatal psychology (PPP), psychogenetics, biogenetic law, recapitulation theory.

References

1. Abramchenko V. V. (2001) Profilaktika nervno-psikhicheskikh narusheniy u nedonoshennykh detey [Prevention of neuropsychiatric disorders in premature infants]. Perinatal psychology and neuropsychic development of children: a collection of conference materials. St. Petersburg: MPPU.
2. Burn E. (1988) Lyudi, kotorye igrayut v igry [People who play games]. Moscow.

3. Borovikova N. V. (1998) Akmeologicheskiy potentsial beremennoy zhenshchiny. Sotsialno-psikhologicheskiy analiz [Acmeological potential of a pregnant woman. Socio-psychological analysis]. Moscow: Sotsinnovatsiya.
4. Brekhman G. I. (2005) Perinatalnaya psikhologiya: otkryvayushchiesya vozmozhnosti [Perinatal psychology: emerging opportunities]. Perinatal psychology in obstetrics: Collection of materials of the interregional conference. St. Petersburg.
5. Verni T. (2005) Fenomen nasiliya (ot domashnego do global'nogo): vzglyad s pozitsii prenatal'noy i perinatal'noy psikhologii i meditsiny [The phenomenon of violence (from domestic to global): a view from the perspective of prenatal and perinatal psychology and medicine]. Edited by G. I. Brekhman, P. G. Fedor-Freiberg. St. Petersburg.
6. Garmasheva N. L., Konstantinova N. N. (1985) Patofiziologicheskie osnovy okhrany vnutriutrobnogo razvitiya cheloveka [Pathophysiological basis for the protection of intrauterine development]. L.: Medicine, 157 p.
7. Gerhard Sue (2013) Kak lyubov formiruet mozg rebenka [How love forms the brain of a child]. Moscow: Eterna, 320 p.
8. Dobryakov I. V. (1996) Tipologiya gestatsionnoy dominanty [Typology of gestational dominant]. Child in the modern world: Abstracts of the 3rd international conference. St. Petersburg: UNESCO, Russian Ministry of Defense.
9. Dobryakov I. V., Lazareva I. P. (1998) Zdorovye rody — schastliviy malysh [Healthy birth — a happy baby]. St. Petersburg: IK Komplekt, 268 p.
10. Dobryakov I. V. (2010) Perinatalnaya psikhologiya [Perinatal psychology]. St. Petersburg: Peter.
11. Dyuldina Zh. N. (2016) Psikhologo-pedagogicheskaya podgotovka budushchikh roditeley k vospitaniyu rebenka (v perinatalnom periode, mladenchestve i rannem vozraste) [Psychological and pedagogical preparation of future parents for raising a child (in the perinatal period, infancy and early age)]. Social work technologies in educational practice: collective monograph. Ulyanovsk: Zebra, p. 72—88.
12. Dyuldina Zh. N. (2013) Mikafactory kak osnova sotsializatsii lichnosti v prenatalnyj (i perinatalnyj) period razvitiya v semye [Mycofactors as the basis for the socialization of personality in the prenatal and (perinatal) period of development in the family]. International Scientific and Practical Conference "Pregnant Woman and Modern Society: Problems and Prospects", September 17—19, 2013, Ekaterinburg, p. 225—228.
13. Dyuldina Zh. N. (2016) Perinatalnaya pedagogika: pravo na aktualizatsiyu [Perinatal pedagogy: the right to update]. Collection of articles of the central nervous system "International scientific research" based on the materials of the VIII international scientific-practical conference: "Problems and prospects of modern science", Part 3, Moscow: collection of articles (standard level, academic level). Moscow: "ISI-journal", p. 30—34.
14. Dyuldina Zh. N. (2007) Psikhologo-pedagogicheskie osnovy semeinoy zhizni: odnonatsionalnaya i mnogonatsionalnaya semya [Psychological and pedagogical foundations of family life: a multinational and multinational family]. GU SZN OTSSPPSiD. Ulyanovsk, 52 p.
15. Dyuldina Zh. N. (2014) Psikhologo-pedagogicheskie osnovy braka i semyi: uchebno-metodicheskoe posobie [Psychological and pedagogical foundations of marriage and family]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 250 p.
16. Podobed N. D. (2001) Vnutriutrobnoe vospitanie ploda [Intrauterine fetal education]. Perinatal psychology and obstetrics: Textbook. Volgograd Medical Academy.
17. Archpriest Andrei Tkachev (2011) Svoboda lyubvi ili idol bluda? [The freedom of love or the idol of fornication?]. Moscow: Danilovsky Blagovestnik, 192 p.
18. Brekhman G. I., Fedor-Freiberg P. G. (2005) Fenomen nasiliya (ot semeynogo do global'nogo): vzglyad s pozitsii prenatal'noy i perinatal'noy psikhologii i meditsiny [The phenomenon of violence (from family to global): a view from the perspective of prenatal and perinatal psychology and medicine]. St. Petersburg: Hayfa.
19. Dyuldina Jeanne Nikolaevna, Sexual (Gender) Social Adaptation of a Child during the Perinatal Period. Middle-East Journal of Scientific Research. URL: <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr16%2812%2913.htm>.
20. Verny T. R. (1994) Womb Ecology / World Ecology: Talk delivered at 2nd World Congress for Prenatal Education. Athens. Greece. 1994. May 14.

Ж. Н. Дюльдина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
gannad@mail.ru

МУЗЕЙНО-ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОГРАММА «ОБРАЗ»

В статье представлены концепция и технологическая карта музейно-православной программы «Образ», основные цели и задачи ее реализации в рамках развития духовно-нравственных ценностей у обучающихся посредством семейных ценностей «семья — малая церковь» и церковных музеев. Данная музейно-православная программа проводится впервые в г. Ульяновске. Она может дать старт для более активного изучения проблемы технологий музейной педагогики в православном воспитании.

Специфика воспитательной работы в педагогическом и психологическом аспектах рассматривается по-разному. Из-за возрастания требований к высшим учебным заведениям стала необходима модернизация музеев. На сегодняшний день церковные музеи являются перспективным, но практически не разработанным направлением развития музейного дела.

На основе изученных данных была составлена музейно-православная программа, которая поможет студентам педагогических специальностей в процессе профессиональной ориентации средствами музейной педагогики.

На базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века» подготовлена работа по специфике воспитательной и духовно-нравственной работы музея. Музей размещен в одном из флигелей бывшей усадьбы священника симбирского Троицкого собора И. А. Анаксагарова. Экспозиция музея воспроизводит традиционный жилой дом горожанина среднего достатка. Вся обстановка состоит из подлинных экспонатов, собранных работниками музея.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, семья, семейные ценности, воспитание, музейно-православная программа «Образ».

КОНЦЕПЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МУЗЕЙНО-ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОГРАММЫ «ОБРАЗ»

Концепция музейно-педагогической программы

Название: «Образ».

Цель программы: формирование и развитие духовно-нравственных ценностей у обучающихся посредством семейных ценностей «семья — малая церковь» и церковных музеев.

Задачи:

1. Раскрыть у обучающихся духовно-нравственные ценности посредством семейных ценностей «семья малая церковь» и церковных музеев.

2. Познакомить обучающихся с известными православными личностями Симбирска — Ульяновска в Музее-усадьбе городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века».

3. Научить обучающихся понимать и подавать духовно-нравственные ценности с помощью музейных коммуникативных и интерактивных средств.

Структура программы: музейно-православная программа «Образ» разделена на несколько этапов:

1. Интерактивные занятия в церковных музеях России.
2. Музейные семейные ценности, реликвии.
3. Музейные экскурсии.

Между каждым этапом проводится показ кинофильма, который направлен на формирование мотивации к педагогической деятельности и развитие воспитательных качеств и духовно-нравственных ценностей.

Новизна программы: данная музейно-православная программа проводится в г. Ульяновске впервые. Она может дать старт для более активного изучения проблемы технологий музейной педагогики в православном воспитании.

Место проведения программы: Музей-усадьба городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века».

Музей размещен в одном из флигелей бывшей усадьбы священника симбирского Троицкого собора И. А. Анаксагарова.

Экспозиция музея воспроизводит традиционный жилой дом горожанина среднего достатка. Вся обстановка состоит из подлинников. На территории усадьбы находятся: большой дом с мезонином, где жила семья священника, два флигеля, а также надворные постройки, воссозданные по чертежам, рисункам и фотографиям (летняя кухня, баня, каретный сарай, беседка, колодец).

Макет колодца выполнен по акварельному рисунку известного симбирского художника Дмитрия Архангельского. Музей городского быта — необычный музей. Здесь нет стеклянных витрин с экспонатами и объяснениями к ним. Вместо залов — комнаты, в столовой все готово к обеду.

Автор-разработчик: Дюльдина Ж. Н.

Целевая аудитория: студенты.

Технологическая карта музейно-православной программы

№	Тема занятия	Цель занятия	Время	Содержание занятия
1 блок. Интерактивные занятия в церковных музеях России				
1	Интерактивное видеозанятие «Наследие России»	- совершенствование умений находить духовно-нравственные ценности; - развитие коммуникационных способностей; - развитие творческих способностей; - формирование мотивации к музейно-педагогической деятельности	90 мин.	Интерактивное видеозанятие проводится в аудиторном классе на базе УлГПУ имени И. Н. Ульянова в виде документальных отрывков с духовно-нравственными ценностями в церковных музеях России. Студенты по очереди высказывают свою точку зрения, приводят конкретные примеры того, верна или неверна данная точка зрения. В заключение проводится обсуждение и рефлексия
2	Интерактивная игра-занятие «Я — экскурсовод»	- развитие коммуникационных способностей; - развитие творческих способностей; - формирование стремлений к педагогической и исследовательской деятельности; - формирование организационных способностей	90 мин.	Интерактивная игра-занятие проводится в Музее-усадьбе городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века» в виде словесного и коммуникационного поединка между студентами на тему «Как воспитать в себе экскурсовода». Позже учащиеся устно излагают свои идеи по духовно-нравственному наследию в региональном контексте. В заключение проводится обсуждение и рефлексия
3	Интерактивно-музейное занятие «Воспитание духовно-нравственных ценностей: православие и музей»	- формирование мотивации к педагогической деятельности; - развитие педагогических склонностей; - отработка навыков убеждения; - отработка умений находить аргументы в подтверждение своей позиции; - совершенствование умений находить подход к людям; - развитие коммуникационных способностей	90 мин.	Интерактивно-музейное занятие проводится на базе аудитории УлГПУ имени И. Н. Ульянова в виде словесного поединка между студентами на тему «Воспитание духовно-нравственных ценностей: православие и музей». Все участники-студенты делятся на 2 группы — «православие» и «музей», задача которых — на примере определенных высказываний поразмышлять о воспитании духовно-нравственных ценностей и доказать его значимость для общества. Студенты по очереди высказывают свою точку зрения, приводят конкретные примеры того, что данная точка зрения имеет или не имеет право на существование. В заключение проводится обсуждение и рефлексия
4	Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма «Остров» (2006)			
	Продолжительность — 114 минут. Режиссёр: Павел Лунгин. Аннотация фильма: Время действий — Вторая мировая война. Главный герой фильма Анатолий и его старший товарищ Тихон перевозят уголь. Неожиданно в темноте появляются немцы и захватывают корабль. Никого, кроме них, на корабле нет. Немцы предлагают Анатолию убить Тихона и остаться в живых. Анатолий, сам не понимая, делает это. Проходят годы. Старца Анатолия почитают за праведную жизнь и поистине чудесную помощь, которую он оказывает приехавшим к нему людям. Однако страшный грех убийства, совершенный им во время войны, не дает ему покоя.			

№	Тема занятия	Цель занятия	Время	Содержание занятия
Чувствуя приближение своей кончины, Анатолий готовится к смерти и пока не знает, что скоро будет прощен Богом... Киносеанс проводится в аудиторном классе на базе УлГПУ имени И. Н. Ульянова с использованием компьютера, проектора и экрана. После просмотра фильма проходит его обсуждение				
2 блок. Музейные семейные ценности, реликвии				
5	Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные реликвии»	- формирование мотивации к духовно-нравственным ценностям в рамках музейной деятельности; - развитие коммуникативных способностей	90 мин.	Тематическая экскурсия-обсуждение проводится на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века». В ходе экскурсии идет речь о возникновении и важности семейных и духовно-нравственных ценностей. Экскурсия предполагает дальнейшее активное обсуждение темы со студентами
6	Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные ценности — «Семья — малая церковь»»	- формирование мотивации к приоритету духовно-нравственных ценностей; - развитие коммуникативных способностей	90 мин.	Тематическая экскурсия-обсуждение проводится на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века». В экскурсии речь идет о духовно-нравственных ценностях семьи священника. Экскурсия предполагает дальнейшее активное обсуждение темы со студентами
7	Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма «Русский крест» (2010)			
Продолжительность — 182 минуты. Режиссёр: Григорий Любомиров. Аннотация фильма: В июле 1941 года в городишке Гдов Ленинградской области в НКВД содержится священник отец Александр, попавший туда за свои проповеди, в которых он рассказывал верующим о своем видении. Святые якобы молили Спасителя о том, чтобы Он не оставил Россию в начавшейся войне, но Спаситель отвечал, что в России так велика мерзость запустения, что невозможно больше терпеть эти беззакония, и война есть справедливая кара забывшей о Боге России. Из-за этих проповедей капитан госбезопасности Яковлев и обвиняет отца Александра в пособничестве наступающим немцам, что в тех условиях было равносильно смертному приговору. Киносеанс проводится в аудиторном классе на базе УлГПУ имени И. Н. Ульянова с использованием компьютера, проектора и экрана. После просмотра фильма проходит его обсуждение				
3 блок. Музейные экскурсии				
8	Интерактивные экскурсии по музеям мира «Православие и Я»	- активизация творческого потенциала; - развитие коммуникативных способностей; - активизация педагогических склонностей	90 мин.	Интерактивные экскурсии по музеям мира «Православие и Я» проводятся с использованием компьютера, проектора и экрана. Из темы мероприятия видно, что данный подход построен по типу интерактивного музея, который дает возможность обучающимся в рамках занятия ознакомиться с российскими и мировыми шедеврами, формирующими духовно-нравственные ценности
9	Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма «Настоятель» (2010)			
Продолжительность — 91 минута. Режиссёр: Армен Назибян. Аннотация фильма: Убит священник, отец Михаил, настоятель церкви небольшого провинциального города. В город приезжает новый настоятель. Он хочет навести в городе порядок и свести к минимуму преступность. Единственное его оружие — слово Божие. Но всеми делами в городе управляет некто Агафонов, очень богатый бизнесмен, сделавший состояние на торговле наркотиками. Агафонов и его боевики держат в страхе весь город, а вскоре они узнают о криминальном прошлом отца Андрея, который когда-то был известным питерским преступным авторитетом. Трагические события привели его к Богу, а помог ему именно отец Михаил. У Андрея нет выбора — в одиночку он начинает борьбу с людьми Агафонова... Киносеанс проводится в аудиторном классе на базе УлГПУ имени И. Н. Ульянова с использованием компьютера, проектора и экрана. После просмотра фильма проходит его обсуждение				

Как мы видим, технология музейной педагогики в православном воспитании — неотъемлемая часть системы современного образования. Пока она является новой и неразработанной и имеет огромный потенциал для дальнейшего развития в данном направлении при воспитании духовно-нравственных ценностей. В рамках этой работы была сформирована музейно-православная концепция «Образ», в которой представлены воспитательные занятия нескольких типов, а именно: интерактивные занятия, музейные игры, музейные экскурсии и показ кинофильмов. В ходе данных уроков студенческая молодежь получила представление о духовно-нравственном воспитании как на занятиях, так и на экскурсиях в Музей-усадьбу городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века».

Устный опрос учащихся показал, что после проведенных занятий большинство из них пересмотрели свои взгляды на духовно-нравственные ценности. Было выяснено, что многие молодые люди лучше осознали свою значимость как будущих граждан, так и будущих родителей, что они для своих будущих учеников будут являться воспитателями не только умственной деятельности, но и моральных и нравственных качеств.

Таким образом, можно констатировать, что свое назначение музейно-православная программа «Образ» выполнила. Оно заключалось в том, чтобы каждый студент, обучающийся в педагогическом вузе, и, соответственно, будущий специалист педагогического профиля понял, что его будущая работа так же важна и необходима, как и работа полицейского, медицинского работника, сотрудника юридической сферы. Ведь обязанностью учителя является его умение просвещать будущие молодые умы Отечества. Кроме этого, данная музейно-православная программа создана в помощь педагогическому составу университета в качестве практико-интерактивно-воспитательного курса для студентов, который на конкретных примерах поможет юным специалистам погрузиться в их деятельность.

Рассмотрим содержание Музейно-православной программы «Образ» более подробно.

СОДЕРЖАНИЕ МУЗЕЙНО-ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОГРАММЫ «ОБРАЗ»

1 блок. Интерактивные занятия в церковных музеях России

Интерактивное видеозанятие «Наследие России»

Интерактивное видеозанятие проводится в аудиторном классе на базе УлГПУ имени

И. Н. Ульянова в виде документальных отрывков с духовно-нравственными ценностями в церковных музеях России.

Студенты по очереди высказывают свое мнение, приводят конкретные примеры того, что данная точка зрения имеет или не имеет право на существование.

В заключение проводится обсуждение и рефлексия.

Содержание занятия

Продолжительность занятия составила 90 минут. На занятие пришло 8 студентов, которые разделились на 2 команды — «за» и «против». В течение всего занятия было приведено шесть высказываний известных педагогов (Я. А. Коменского, В. А. Сухомлинского и др.). Студентам было дано 10 минут на размышление, после этого им следовало высказать свою точку зрения, привести доводы и конкретные примеры, подтверждающие или опровергающие данное высказывание. После 10-минутного обсуждения первая команда начала приводить подтверждающие аргументы и примеры. В заключение проводится рефлексия.

Интерактивная игра-занятие «Я — экскурсовод»

Интерактивная игра-занятие «Я — экскурсовод» проводится в Музее-усадьбе городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века» в виде словесного и коммуникационного поединка между студентами на тему «Как воспитать в себе экскурсовода». Позже учащиеся устно излагают свои идеи по духовно-нравственному наследию в региональном контексте. В заключение проводится обсуждение и рефлексия.

Содержание занятия

Продолжительность занятия составила 90 минут. На занятие пришло 8 студентов, которые разделились на 2 команды: команда № 1 «Родители» и № 2 «Дети». Студентам было дано 25 минут на подготовку. За это время необходимо было придумать название маршрута, проложить путь следования, распределить время, определить целевую аудиторию и рассказать немного о духовно-нравственных ценностях в представленном музее.

Маршрут команды № 1 «Родители» звучит так: «Браки совершаются на небесах». Это маршрут, рассчитанный на посещение комнат отца семейства и матери, анализ обстановки, традиций и ценностей каждого из членов.

Маршрут команды № 2 «Дети» — «Будьте как дети». Этот маршрут приводит в детскую, где студенты анализируют детско-родительские

отношения, систему воспитания в прошлом и особенности формирования духовно-нравственных ценностей.

В заключение идет обсуждение маршрутов, студенты ищут особенности и закономерности в системе воспитания прошлого исходя из предлагаемых маршрутов, проводится рефлексия.

Интерактивно-музейное занятие «Воспитание духовно-нравственных ценностей: православие и музей»

Интерактивно-музейное занятие проводится на базе аудитории УлГПУ имени И. Н. Ульянова в виде словесного поединка между студентами на тему «Воспитание духовно-нравственных ценностей: православие и музей». Все участники-студенты делятся на 2 группы — «православие» и «музей», задача которых на примере определенных высказываний поразмышлять о воспитании духовно-нравственных ценностей и доказать его значимость для общества. Студенты по очереди высказывают свою точку зрения, приводят конкретные примеры того, что данная точка зрения верна. В заключение проводится обсуждение и рефлексия.

Содержание занятия

Все участники-студенты делятся на 2 группы — «за» и «против», задача которых на примере определенных высказываний поразмышлять о воспитании и доказать его значимость для общества. Отличительной особенностью данного занятия является его проведение в стенах музея. Студенты по очереди высказывают свою точку зрения, приводят конкретные примеры того, что данная точка зрения верна или неверна. Учащиеся, излагая свои идеи о том, как их профессия важна в контексте воспитания на сегодняшний день, подсознательно дают себе внутреннюю мотивационную установку. В заключение проводится обсуждение и рефлексия.

Продолжительность занятия составила 90 минут. На занятие пришло 15 студентов, которые разбились на 2 команды — «за» и «против». Все участники поделились между собой так, что в каждой команде получилось по 4 участника, 1 тайм-кипер, 2 эксперта жюри, 1 ведущий, 1 фотограф. Каждый из участников команды выбирает свою очередность выступления (первый, второй и т. д.). После этого 4-й участник по правилам становится командиром команды. Сложность данного занятия состояла в том, что каждому из участников дается разное время на ответ: первому — 1 минута, второму — 45 секунд, третьему — 30 секунд и четвертому-командиру, завершающему — 15 секунд. На обдумывание

каждого высказывания игрокам дается 10 минут, после чего они должны высказать свою точку зрения, привести доводы и конкретные примеры, подтверждающие или опровергающие данное высказывание. По ответам всех участников командам присуждались баллы. Они составлялись в зависимости от того, раскрыл ли ответчик данную тему, были ли приведены правильные примеры, подтверждающие данное высказывание, уложился ли он в регламент ответа.

В заключение проводился подсчет очков, обсуждение оценки знаний учащихся и рефлексия.

2 блок. Музейные семейные ценности, реликвии

Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные реликвии»

Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные реликвии» проводится на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века». В экскурсии идет речь о возникновении и важности семейных и духовно-нравственных ценностей.

Экскурсия предполагает дальнейшее активное обсуждение темы со студентами. Студенты представляют истории своих семей в виде «Семейного древа» и «Герба семьи».

На занятие пришло 8 человек. Продолжительность занятия составила 90 минут.

Завершается тематическая экскурсия повествованием о событиях недавнего времени — современностью. После экскурсии идет обсуждение, учащиеся высказывают свое мнение, и подводятся итоги.

Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные ценности — "Семья — малая церковь"»

Тематическая экскурсия-обсуждение «Семейные ценности — "Семья — малая церковь"» проводится на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века».

В экскурсии речь идет о духовно-нравственных ценностях семьи священника. Экскурсия предполагает дальнейшее активное обсуждение темы со студентами.

На экскурсию пришло 8 человек. Продолжительность занятия составила 90 минут.

Экскурсия начинается с вводной части, в которой рассказывается о значимости духовно-нравственных ценностей на протяжении всей жизни человека и общества. После экскурсии идет обсуждение, высказываются мнения учащихся и подводятся итоги.

3 блок. Музейные экскурсии

Интерактивные экскурсии по музеям мира «Православие и Я»

Интерактивные экскурсии по музеям мира «Православие и Я» проводятся с использованием компьютера, проектора и экрана.

Из темы мероприятия видно, что данный подход построен по типу интерактивного музея, который дает возможность обучающимся в рамках занятия ознакомиться с российскими и мировыми шедеврами, формирующими духовно-нравственные ценности.

Продолжительность занятия составила 90 минут. На занятие пришло 8 студентов, которые были участниками интерактивного путешествия по музеям мира, где искали особенности и закономерности духовно-нравственного воспитания. Все участники игры с интересом включились в процесс, много спорили и доказывали свою точку зрения.

4 блок. Показ кинофильмов

1. Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма «Остров» (2006).

2. Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма ««Русский крест» (2010).

3. Киносеанс. Просмотр православного художественного фильма «Настоятель» (2010).

По нашему мнению, просмотр именно этих фильмов способствует развитию и формированию духовно-нравственных ценностей и представлений.

Студенты видят на примере главных героев роль важного и второстепенного в жизни общества со всех ее сторон и «примеряют» ее на себя. В ходе просмотренных фильмов у студентов сложилось свое мнение об истории православия в разных временных рамках развития страны. Просмотр фильмов никого из учащихся не оставил равнодушным, они много спорили и доказывали свою точку зрения.

Киносеансы проводились в аудиторном классе на базе УлГПУ имени И. Н. Ульянова с использованием компьютера, проектора и экрана.

Подводя итог проведенным занятиям на основе музейно-православной программы «Образ», можно сделать вывод о том, что в результате у студентов расширились знания о духовно-нравственном развитии себя как личности и общества в целом. С помощью данной программы студенты улучшили свои навыки в контексте формирования мотивации и развития педагогических склонностей и способностей (коммуникативных, организационных, творческих). Кроме

этого, у молодых людей развились навыки отстаивания своей точки зрения, убеждения и нахождения подхода к людям. Учащиеся стали глубже понимать ту роль, которую они могут играть в жизни школьника. Ведь именно с помощью педагога дети будут постигать мир и духовно-нравственные ценности. Именно на них — будущих учителей впоследствии будут равняться их воспитанники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, проведенное в ходе подготовки данной работы, позволяет сделать следующие выводы.

В ходе работы была выявлена и изучена на основе различных источников история возникновения и развития технологий музейной педагогики в православном воспитании; удалось охарактеризовать и сравнить воспитательную и духовно-нравственную работу, создать Музейно-православную программу «Образ» с элементами воспитательной работы со студентами и провести ее на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века».

Специфика воспитательной работы в педагогическом и психологическом аспектах рассматривается по-разному. Из-за возрастания требований к высшим учебным заведениям стала необходима модернизация музеев. На сегодняшний день церковные музеи являются перспективным, но практически не разработанным направлением развития музейного дела.

Автором представлено исследование по специфике воспитательной и духовно-нравственной работы музея, подготовленное на базе Музея-усадьбы городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX века». В рамках этой работы была создана Музейно-православная программа «Образ», в которой представлены воспитательные занятия нескольких типов, а именно:

- 1) интерактивные занятия в церковных музеях России;
- 2) музейные семейные ценности, реликвии;
- 3) музейные экскурсии;
- 4) интерактивные занятия, музейные игры и показ кинофильмов.

В ходе данных уроков студенческая молодежь получила представление о воспитательной работе как в православной, так и в музейной среде.

На основе изученных данных была составлена музейно-православная программа, которая поможет студентам педагогических специальностей в процессе профессиональной ориентации средствами музейной педагогики.

Литература

1. Дюльдина Ж. Н. Формирование духовно-нравственных ценностей в современном образовательном пространстве : монография / Ж. Н. Дюльдина, Л. Н. Белоногова, Н. Н. Белухина, М. М. Шубович, Л. И. Еремина. — Ульяновск : УлГПУ, 2015. — 80 с.
2. Дюльдина Ж. Н. Историко-педагогический аспект формирования семейных отношений в России в период XVI—XX вв. / Ж. Н. Дюльдина // Симбирский научный вестник. — 2012. — № 3(9). — С. 85—93.
3. Дюльдина Ж. Н. Проблемы культурно-религиозного и этического образования: семья, религия, культура : монография / Ж. Н. Дюльдина, Д. В. Макаров, А. Ю. Тихонова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 192 с.
4. Здравомыслов К. Я. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях / К. Я. Здравомыслов. — СПб., 1908.
5. Зимняя И. А. Воспитание — проблема современного образования в России / И. А. Зимняя, Б. Н. Боденко, Н. А. Морозова. — М., 1999. — С. 25.
6. Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в России / М. Е. Каулен. — М., 2005.
7. Никишин Н. А. Музей и новые технологии / Н. А. Никишин. — М. : Прогресс-Традиция, 1999.
8. Мансветов И. Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. — 1872. — № 2.
9. Тихонова А. Ю. Музейная педагогика: проектирование деятельности / А. Ю. Тихонова. — Ульяновск : УлГПУ, 2017. — 58 с.
10. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела / Л. М. Шляхтина, С. В. Фокин. — СПб., 2000.

MUSEUM-ORTHODOX PROGRAM "IMAGE"

Zh. N. Dyuldina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

gannad@mail.ru

The article presents the concept and the technological map of Museum-Orthodox program "Image". The main goals and objectives for its implementation are presented in the framework of the development of spiritual and moral values of students by means of family values "family is a small church", as well as church museums. This museum-Orthodox program is applied for the first time in Ulyanovsk. It can give a start to a more active study of the problems of museum pedagogy technologies in Orthodox education.

The specifics of educational work in pedagogical and psychological aspects is considered differently. Due to the increasing requirements for higher education institutions, the modernization of museums became necessary. Today, church museums are a promising direction in the development of museum business, and are practically not developed.

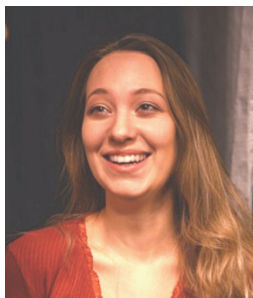
Based on the data studied, the author compiled a museum-Orthodox program that will help students of pedagogical specialties in the vocational guidance by means of museum pedagogy.

On the basis of the Museum-Estate of urban life "Simbirsk in the late XIX — early XX centuries", the paper describes the specific educational and spiritual-moral work of the museum. The museum is located in one of the wings of the former estate of the priest of the Simbirsk Trinity Cathedral of I. A. Anaksagorov. The museum exposition presents the traditional residential building of a middle-class citizen. The whole atmosphere consists of original exhibits collected by the museum staff.

Key words: spiritual and moral values, family, values, family values, education, museum-Orthodox program "Image".

References

1. Dyuldina Zh. N., Belonogova L. N., Belukhina N. N., Shubovich M. M., Eremin L. I. (2015) Formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostey v sovremennom obrazovatelnom prostranstve: monografiya [The formation of spiritual and moral values in the modern educational space: monograph]. Ulyanovsk, UIGPU named after I. N. Ulyanov, 80 p.
2. Dyuldina Zh. N. (2012) Istoriko-pedagogicheskiy aspekt formirovaniya semeynykh otnosheniy v Rossii v period XVI—XX vv. [Historical and pedagogical aspect of the formation of family relations in Russia during the XVI—XX centuries]. Simbirskiy nauchbyy vestnik, 3(9), p. 85—93.
3. Dyuldina Zh. N., Makarov D. V., Tikhonova A. Yu. (2014) Problemy kulturno-religioznogo i eticheskogo obrazovaniya: semya, religiya, kultura: monografiya [Problems of cultural, religious and ethical education: family, religion, culture: monograph]. Moscow: FLINTA: Nauka, 192 p.
4. Zdravomyslov K. Ya. (1908) Svedeniya o konsistoriskikh arkhivakh i tserkovno-arkheologicheskikh uchrezhdeniyakh v eparkhiyakh [Information about the Consistory archives and church-archaeological institutions in the dioceses]. St. Petersburg.
5. Zimnaya I. A., Bodenko B. N., Morozova N. A. (1999) Vospitanie — problema sovremennogo obrazovaniya v Rossii [Education is a problem of modern education in Russia]. Moscow, 25 p.
6. Cowlen M. E. (2005) Muzei-khramy i muzei-monastyri v Rossii [Museum-churches and museum-monasteries in Russia]. Moscow.
7. Nikishin N. A. (1872) Muzei i novye tekhnologii [Museum and New Technologies]. Moscow: Progress-Tradition.
8. Mansvetov I. D. (1872) Ob ustroystve tserkovno-arkheologicheskikh muzeev [Arrangement of church and archaeological museums]. Pravoslavnoye obozrenie, (2).
9. Tikhonova A. Yu. (2017) Muzeynaya pedagogika: proektirovaniye deyatel'nosti [Museum pedagogy: designing the activities]. Ulyanovsk: UIGPU, 58 p.
10. Shlyakhtina L. M., Fokin S. V. (2000) Osnovy muzeynogo dela [The basics of museum business]. St. Petersburg.

Я. Е. Ионова

Школа № 1574 г. Москвы
(г. Москва, Россия)
81196@mail.ru

ОТ УМЕРЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ К ДЕМЕНЦИИ (ОПИСАНИЕ СЛУЧАЯ ИЗ ПРАКТИКИ ПАЦИЕНТКИ Х.)

В статье приводится описание больной с синдромом когнитивных нарушений, уделено внимание данному синдрому как часто встречающейся в настоящее время проблеме; освещены возможные причины данного нарушения и важность своевременной диагностики, коррекции и профилактики дальнейших осложнений. Описан случай из практики пациентки Х. с предоставлением анамнеза, жалоб больной. Представлены результаты диагностики, выполненные совместно с неврологом, дефектологом и нейродефектологом, а также приведены возможные коррекционные мероприятия по улучшению состояния пациента в целом и отдельных нарушенных когнитивных функций (памяти, мышления, внимания, восприятия и в меньшей мере речи). Приведены некоторые упражнения для улучшения глубокой чувствительности, также нарушенной в данном конкретном случае болезни.

Пациентка была выписана из больницы с улучшением. Её состояние отслеживается и по мере надобности проводится коррекция профилактических мероприятий.

Ключевые слова: синдром когнитивных нарушений, заболевания нервной системы, деменция, поражения головного мозга, болезнь Альцгеймера, нейродегенеративные болезни, афазия, серозный менингит.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее частых неврологических симптомов является нарушение когнитивных функций.

Когнитивные нарушения — это снижение памяти, умственной работоспособности и других познавательных функций. Когнитивными функциями называются наиболее сложные функции головного мозга, осуществляющие процесс познания мира и обеспечивающие целенаправленное взаимодействие с ним: восприятие информации, обработку и анализ информации, запоминание и хранение, обмен информацией, построение и осуществление программы действий.

Поскольку когнитивные функции связаны с интегрированной деятельностью головного мозга, когнитивная недостаточность развивается при разнообразных очаговых и диффузных поражениях головного мозга. Причины могут быть самые разнообразные: длительные стрессы, периоды физической и умственной нагрузки, различные заболевания нервной системы и внутренних органов, недостаточность кровоснабжения, кислородное голодание, сосудистые нарушения головного мозга, инсульты, черепно-мозговые травмы, нейроинфекции.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методов исследования использовали изучение истории болезни, результатов

анализов, жалоб пациентки. Рассматривались случаи пациентов с похожими симптомами. Наблюдение пациентки осуществлялось в условиях стационара. Была проведена комплексная диагностика неврологом, дефектологом, нейродефектологом, а также консилиум по её итогам. С пациенткой проводили беседы, опрос, коррекционные занятия.

ОБСУЖДЕНИЕ

Когнитивные нарушения при многоочаговом или диффузном поражении головного мозга принято классифицировать по тяжести нарушений. Данные нарушения не всегда связаны с возрастом человека. Рассмотрим степени выраженности нарушений и их проявления.

Легкая степень носит нейродинамический характер, больше всего страдает оперативная память — особенно снижается способность запоминания имен и фамилий, телефонов и дат, скорость обработки информации, способность к быстрому переключению деятельности, появляется рассеянность, ухудшается работоспособность.

Умеренная выраженность отражает ухудшение состояния пациента, интеллектуальные нарушения могут привести к деменции. Выделяют несколько вариантов, в каждом из которых акцент нарушения ложится на определенную когнитивную функцию. Амнестическая недоста-

точность проявляется в нарушениях памяти о текущих и недавно прошедших событиях, прогрессирует со временем, может перерасти в болезнь Альцгеймера. Множественная когнитивная недостаточность выражается в нарушениях сразу нескольких высших психических функций: памяти, пространственной ориентировки, интеллекта и других. Данный вариант характерен для дисциркуляторной энцефалопатии, болезни Паркинсона, фронтотемпоральной деменции. Третий вариант — нарушение когнитивных функций при сохранной памяти, преобладание нарушений речи и праксиса. Наблюдается при нейродегенеративных болезнях, прогрессирующей афазии, кортикобазальной дегенерации, деменции с тельцами Леви. Последний вариант — это выраженное нарушение когнитивных функций, т. е. деменция [2, 3]. Характеризуется ярко выраженными нарушениями речи, ориентации в пространстве, времени, нарушениями гнозиса и праксиса, больше всего нарушается память и интеллект. Чаще всего сочетается с нарушениями эмоционально-волевой сферы и неврологической симптоматикой (парезы, расстройства координации движений).

Приводим собственные наблюдения синдрома когнитивных нарушений: пациентка Х., 40 лет, научный сотрудник, занимающийся научно-исследовательской деятельностью, сбором статистических данных и написанием статей.

Из анамнеза: обратилась с жалобой о невозможности продолжать научную деятельность из-за внезапно ухудшившейся памяти и речи, ее понимания. В течение жизни жалоб не возникало. В 20 лет перенесла серозный менингит, который стал причиной ухудшения мышления, понимания речи, дизартрии, нарушения зрительного и тактильного восприятия, а также координации и походки, девиации языка. Инсульта не было. Наблюдается парез правой стороны тела [8]. В декабре 2018 года самостоятельно обратилась к неврологу и нейропсихологу с целью обследования и лечения, так как в таком состоянии не может больше продолжать работать. За время госпитализации проявилась бацилофобия.

Обследование пациентки показало грубое нарушение зрительной памяти и восприятия (проба на зашумленных картинках разных видов), тактильной чувствительности (рисование цифр и букв на руке, ощупывание предметов) и ощущения пространства и времени (проба «слепые часы», выполнение простых просьб на ориентировку в кабинете). При выполнении заданий проявилось игнорирование одной части

листа, непонимание инструкции к заданию. Через несколько дней после первичной диагностики возникло ухудшение состояния. Решено было провести повторное обследование с теми же заданиями. Нарушений внимания не было выявлено, как и в прошлый раз. Время по пробе таблицы Шульте колебалось в разные периоды утомления от 35 до 55 секунд. С заданиями на составление узоров и фигур из кубиков и танграма без подсказок не справилась. Слуховая память сохранна, по пробе «10 слов» сначала были названы 7 слов, с третьей попытки — все слова. Те задания, которые Х. выполнила с затруднениями в прошлую диагностику, в этот раз выполнила в разы хуже. Были проведены коррекционные занятия с нейродефектологом, логопедом и психологом с упором на коррекцию и улучшение зрительного восприятия и памяти [10].

Если нарушение когнитивных функций связано с левым полушарием головного мозга, то можно наблюдать такие внешние симптомы, как неспособность пациента писать, считать, читать, начинаются затруднения с логикой, анализом, нарушаются математические способности. Если пострадало правое полушарие, то появляются пространственные нарушения, уходит способность мечтать, сочинять, фантазировать, сопереживать, заниматься рисованием и другим творчеством. У пациентки Х. было поражено левое полушарие (имеется парез справа).

Деятельность лобных долей мозга связана с восприятием запахов и звуков, с эмоциональным окрашиванием окружающего мира, отвечает за опыт, запоминание, речь, моторику и двигательные акты. Если заболевание затрагивает теменные доли мозга, то пациент теряет чувствительность. Затылочные доли отвечают за сохранность восприятия (зрения), за способность видеть цветные картинки, анализировать, узнавать лица, предметы. Изменения в области мозжечка характеризуются неадекватным поведением и нарушением речи, координации и равновесия.

Остановимся подробнее на пораженных долях головного мозга пациентки Х.

Она не узнает предметы и картинки, как было описано выше. За это отвечает затылочная доля левого полушария (поля № 17, 18, 19, 22). Невозможность собрать из деталей целостный образ без зрительной опоры говорит о нарушении теменной доли (поля № 3, 4, 5 и 7). Нарушения памяти и сужение объема воспринимаемой информации возникают из-за поражения височной доли левого полушария (поля № 20, 21 и 37). Нарушается зона № 22, которая явля-

ется центром речи Вернике, т. е. это акустико-гностический сенсорный речевой центр, отвечающий за расшифровку закодированной, поступающей извне информации. У пациентки, соответственно, нарушены поля № 41 и 42, что проявляется возникновением сенсорной афазии. Также, напомним, у пациентки имеется дизартрия вследствие пареза правой стороны и нарушения тонуса мышц и работы речевого аппарата. Идет нарушение и поля № 40 — это двигательный центр, отвечающий за сложные и тонкие моторные навыки, центр глубокой чувствительности [7].

ВЫВОДЫ

У пациентки Х. выявлен синдром когнитивных нарушений умеренной выраженности с множественными нарушениями когнитивных функций, в первую очередь памяти, восприятия, чувствительности и оптико-пространственного гнозиса [1, 11]. Нарушены I и II блоки мозга, отвечающие за энергию и контроль действий, за их переключение, получение и обработку информации из окружающего мира [6]. Отмечены функциональные нарушения теменно-затылочного-височного, заднего и базально-лобного синдромов.

РЕКОМЕНДАЦИИ

На основании вышесказанного были даны рекомендации для самостоятельной профилактики дальнейшего ухудшения познавательных процессов, которые включали:

— коррекцию мнестических процессов на основе дифференциации слуховых ассоциаций;

— упражнения на ориентировку в пространстве и на листе бумаги (право-лево, верх-низ, центр), упражнения по координации движений и их контролю (разные движения обоими руками одновременно);

— тренировку развития памяти на основе ассоциаций или ассоциативного ряда запоминания фамилий, имен, телефонов, дат и т. д. [5].

Следовало через воздействие на различные модальности добиться глубокой чувствительности и совершенствовать поверхностную чувствительность, используя температуру, цвет, материал, звук. За каждым перечисленным свойством предмета стоит определенная доля мозга — на распознавание температуры реагирует теменная доля, на изменения цвета — затылочная, на разные модальности звуков — височная, а на материал — центры головного мозга [4].

В результате правильного сочетания рекомендаций и их последовательного и систематического выполнения у пациентки Х. наступило улучшение [1, 9]. Через некоторое время она вернулась к работе, но взяла облегченную нагрузку; она пока не в состоянии выполнять самостоятельно некоторые обязанности, контролировать и анализировать правильность своих действий.

Существует высокая вероятность, что в дальнейшем пациентка Х. если не полностью, то максимально восстановит все нарушенные функции и вернет себе все рабочие обязанности. Мы, в свою очередь, продолжаем поддерживать с ней связь и следить за состоянием ее психического и физического здоровья.

Литература

1. Блейхер В. М. Клиника приобретенного слабоумия / В. М. Блейхер. — СПб. : Питер, 1998. — 107 с.
2. Боголепова А. Н. Коррекция функции холинергической системы у больных с когнитивными расстройствами / А. Н. Боголепова // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2009. — № 1.
3. Захаров В. В. Применение препарата проноран (пирибедил) при легких когнитивных расстройствах у пожилых больных с дисциркуляторной энцефалопатией / В. В. Захаров, А. Б. Локшина // Неврологический журнал. — 2004. — Т. 9, № 2. — С. 30—35.
4. Захаров В. В. Когнитивные расстройства в пожилом и старческом возрасте : методическое пособие для врачей / В. В. Захаров, Н. Н. Яхно. — М., 2005.
5. Захаров В. В. Нарушения памяти / В. В. Захаров, Н. Н. Яхно. — М. : Гэотар-Мед, 2003. — С. 150.
6. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека / А. Р. Лурия. — М. : Изд-во МГУ, 1969.
7. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. — М. : Изд-во МГУ, 1973.
8. Любов Е. Б. Ранние признаки деменции: дорого вовремя время / Е. Б. Любов. — М. : ООО «Новые возможности», 2011.
9. Слободин Т. А. Когнитивный резерв: причины снижения и защитные механизмы / Т. А. Слободин, А. В. Горева // Международный неврологический журнал. — 2012. — № 3(49). — С. 161—165.
10. Яхно Н. Н. Нарушение памяти в неврологической практике / Н. Н. Яхно, В. В. Захаров // Неврологический журнал. — 1997. — Т. 4. — С. 4—9.
11. XVII Всемирный неврологический конгресс. Сообщение 1 // Неврологический журнал. — 2002. — 1.7, № 1. — С. 53—61.

FROM MILD COGNITIVE IMPAIRMENT TO DEMENTIA (DESCRIPTION OF A PRACTICE CASE OF PATIENT X.)

Y. E. Ionova

School N 1574 (Moscow, Russia)

81196@mail.ru

This article describes a case of a person suffering from a cognitive disorder syndrome as a common problem nowadays. The author highlights the possible causes of the disorders, as well as the importance of timely diagnosis, correction and the prevention of further complications. The paper presents a case of patient X. with the description of anamnesis and the patient's complaints. The results of the diagnostics done in cooperation with a neurologist, a defetologist and a neurodefetologist are stated, as well as possible correctional activities aimed at improving the condition of the patient in general and at improving separately particular impaired cognitive functions such as, in this case, memory, thinking, attention, perception and speech to a small extent. The author describes several exercises for improving deep sensitivity in this particular case. The patient was discharged from the hospital with the signs of improvement. The condition of the patient is being tracked and the correction of the prophylactic measures, if necessary, is taken.

Key words: cognitive disorder syndrome (cognitive disability), nervous system diseases, dementia, brain disorders, Alzheimer disease, neurodegenerative diseases, aphasia, aseptic meningitis.

References

1. Bleicher V. M. (1998) Klinika priobretennogo slaboumiya [Clinic of acquired dementia]. St. Petersburg: Piter, p. 107.
2. Bogolepova A. N. (2009) Korrektsiya funktsii kholinergicheskoy sistemy u bolnyh s kognitivnymi rasstroystvami [Correction of the function of the cholinergic system in patients with cognitive disorders]. Zhurnal nevrologii i psikiatrii, (1).
3. Zakharov V. V., Lokshina A. B. (2004) Primenenie preparata pronoran (piribedil) pri legkih kognitivnyh rasstroystvakh u pozhilyh bolnyh s distsirkulyatornoy entsefalopatiey [Use of Prononan (piribedil) in mild cognitive impairments in elderly patients with dyscirculatory encephalopathy]. Nevrologicheskiy zhurnal, (2), p. 30—35.
4. Zakharov V. V., Yakhno N. N. (2005) Kognitivnye rasstroystva v pozhilom i starcheskom vozraste [Impairment of memory and attention in the elderly]. Moscow.
5. Zakharov V. V., Yakhno N. N. (2003) Narusheniya pamyati [Changes in memory]. Moscow: Geotar-Med, p. 150.
6. Luria A. R. (1969) Vysshie korkovye funktsii cheloveka [Higher cortical functions of a man]. Moscow: Izd-vo MGU.
7. Luria A. R. (1973) Osnovy neyropsikhologii [An introduction to neuropsychology]. Moscow: Izd-vo MGU.
8. Lyubov E. B. (2011) Rannie priznaki dimetsii [Early signs of dementia]. Moscow: OOOI "Novye vozmozhnosti".
9. Slobodin T. A., Goreva A. V. (2012) Kognitivnyy rezerv: prichiny snizheniya i zashchitnye mekhanizmy [Cognitive reserve: causes of decreases and protective mechanisms]. Mezhdunarodnyy nevrologicheskiy zhurnal, 3(49), p. 161—165.
10. Yakhno N. N., Zakharov V. V. (1997) Narushenie pamyati v nevrologicheskoy praktike [Impairment in memory in neurologic practice]. Nevrologicheskiy zhurnal, (4), p. 4—9.
11. XVII Universal neurology congress (2002) Address 1 [XVII Vsemirnyy nevrologicheskiy congress. Soobshchenie 1]. Nevrologicheskiy zhurnal, 1.7 (1), p. 53—61.

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

И. А. Архипова

Губернский колледж
г. Сызрани
(г. Сызрань, Россия)
irsen-da@mail.ru

СМЕНА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ: ПЕРЕХОД ОТ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, НАВЫКОВ К ОБЩИМ КОМПЕТЕНЦИЯМ

Статья посвящена проблеме формирования общих компетенций в условиях современного среднего профессионального образования. Рассматривается исторический аспект появления общих компетенций, проводятся аналогии между предшествующими компетентностному подходу знаниями, умениями и навыками. Компетентностный подход трактуется как историческая необходимость смены образовательных приоритетов, методические и теоретические аспекты которого складывались задолго до появления официального понятия «компетенция». Современное отечественное образование находится на пути непрерывной модернизации. Значительные изменения касаются системы среднего профессионального образования. Перед колледжами ставится задача формирования специалиста, компетентного как в профессиональной, так и в социальной сфере, конкурентоспособного в жестких условиях рынка труда, творческого и мобильного в поиске решения проблем, физически здорового и обладающего качествами гражданина-патриота. Проведенный анализ современных научно-педагогических представлений показал, что исследователи рассматривали проблему с разных сторон. Для более глубокого понимания современного состояния проблемы формирования общих компетенций необходимо рассмотреть ее исторический аспект. Временные рамки охвата данной проблемы — 1980—2000 гг. По мнению авторов статьи, именно этот период является начальным этапом формирования компетентностного подхода в отечественном образовании. Несмотря на то, что на новые тенденции, связанные с внедрением данного подхода, оказали влияние политические процессы и развитие образовательных систем зарубежных стран, внедрение компетентностного подхода в России, как и смена образовательных приоритетов от знаний, умений и навыков к компетенциям, имели свою самобытность и специфичность.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, стандарт, знания, умения, навыки, профессионал.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования нового поколения (ФГОС СПО) ориентирован на формирование у обучающихся общих и профессиональных компетенций. Профессиональные компетенции узконаправлены, специфичны для каждой конкретной специальности, общие же компетенции относятся к общему (метапредметному) содержанию СПО.

Стандарты среднего профессионального образования нового поколения ориентированы на формирование специалиста в соответствии с требованиями работодателя, рынка труда и стандартов Worldskills. В этих условиях общие компетенции приобретают равнозначность по отношению к профессиональным, так как современному обществу нужен не только профессионал, владеющий суммой знаний, умений и навыков, но и мобильный рабочий, умеющий действовать в ситуации неопределенности, работать в команде, имеющий индивидуальный

стиль деятельности, готовый к проявлению инициативы при решении профессиональных задач. Среднее профессиональное образование ориентировано не на содержание, а на конкретный результат. Поэтому все компетенции — как профессиональные, так и общие — рассматриваются с точки зрения применения в профессии и в повседневной жизни человека в целом.

К сожалению, долгое время формирование общих компетенций трактовалось как образовательный результат дисциплин общеобразовательного цикла. Но во ФГОС СПО любой специальности общие компетенции обозначены как составляющие профессиональных модулей. В настоящее время активно ведется разработка методического и практического материала по формированию общих компетенций будущего специалиста в рамках профессиональных модулей.

Появление и развитие компетентностного подхода в России многие исследователи связывают с вхождением России в Болонский процесс

в 2003 году. И хотя Болонский процесс был направлен прежде всего на систему высшего образования как единого европейского образовательного пространства, компетентностный подход вскоре стал основой и среднего профессионального образования. В настоящее время термин «компетенция» — ключевой в профессиональном образовании любого уровня, используемый при разработке профессиональных образовательных стандартов [9].

Внедрение в сферу среднего профессионального образования компетентностного подхода из системы высшего образования связано прежде всего с развивающейся в начале 2000-х годов идеей двухступенчатого образования (колледж — вуз), которая находит свое применение лишь после 2010 года (не повсеместно).

Закономерность развития системы среднего профессионального образования в аспекте внедрения в него структуры компетенций связана с историей развития отечественного образования в целом.

В 1970-х годах в отечественном образовании был введен обязательный уровень полного общего образования. Это было связано с экономическим фактором — повышением цен на нефть на мировом рынке. На качество и результативность образования данная мера никакого воздействия не имела, как и на экономику в целом. Подобная ситуация повторилась в 2000-х годах и была связана с таким же экономическим фактором. В Конституции 1993 года было узаконено обязательное основное общее образование [7].

Вышесказанное означает, что при поступлении в колледж (техникум, училище) студент на первых курсах осваивает программу 10—11 класса параллельно с предметами профессионального цикла.

Суть компетентностного подхода заключается в приоритетности результатов образовательного процесса над его содержанием. В этом состоит сущность преобразований, спроецированных Болонским процессом, идея которого — централизация и стандартизация мирового образования. Проще всего этого достичь путем унификации самих образовательных программ. И в данном процессе возможно сделать лишь результаты обучения сопоставимыми, но при этом добиться одинакового программного и учебно-методического обеспечения невозможно.

Следует отметить, что компетентностный подход в системе среднего профессионального образования внедрялся параллельно с высшим образованием.

Компетентностный подход постепенно делал систему образования более вариативной: стала внедряться технология модульного обучения, появилось разделение учебных часов на обязательные и вариативные части, учебные заведения получили больше свобод в составлении учебных планов и программ и т. д.

Историческое событие в международной системе образования, связанное с Болонским процессом, знаменовало собой появление в России методологии, технологии компетенций, смену мышления и научной парадигмы образования в целом.

«Итак, *компетенция* — это комплексная характеристика готовности выпускника применять полученные знания, умения и личностные качества в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности.

В стандартах предыдущего поколения (ГОС-2) также был раздел, описывавший итоги обучения в виде так называемых ЗУНов — *знаний, умений, навыков*. Однако в ГОС-2 было довольно подробно прописано содержание образования, в такой ситуации ЗУНЫ играли второстепенную роль. Во ФГОС-3 акценты смещены на результаты обучения, которые студенты должны продемонстрировать по завершении обучения.

Отличия между компетенциями и ЗУНами хотя и имеются, но они не слишком велики. Ничего удивительного в этом нет, так как перед разработчиками ФГОС-3 была поставлена цель сохранения преемственности стандартов разных поколений (что разумно, так как образование — не место для революционных преобразований)» [21, с. 6].

Предпосылками появления компетентностного подхода были знания, умения и навыки. Именно они фокусировали в себе то, что в государственных стандартах называется общими компетенциями.

Рассмотрим отличия компетенций от ЗУНов.

Во-первых, знания, умения и навыки узкоспецифичны и относились к одному предмету, дисциплине. Межпредметная связь при этом не просматривалась. Компетенции же имеют широкий спектр направленности и являются общими для дисциплин и модулей. Во-вторых, знания, умения и навыки были определены для каждой дисциплины отдельно, имели свою специфику в зависимости от предмета. Общие компетенции ограничены в количестве, при этом они могут формироваться разными путями, при изучении разных дисциплин, модулей, междисциплинарных курсов. При этом введение вариативной со-

ставляющей учебного плана позволяет менять и набор дисциплин, в результате изучения которых развивается та или иная общая компетенция [11].

В период 1980—2000 гг., предшествующий появлению компетентностного подхода, общая направленность образовательных программ была больше теоретическая, практико-ориентированное обучение связано именно с появлением уже ФГОС-3.

Знания, умения и навыки, лежащие в основе образовательных стандартов до 2000 года, были ориентированы прежде всего на содержание дисциплины, в рамках которой они развивались. При этом студенты в процессе изучения дисциплин не всегда видели перспективу применения полученных ЗУНов в реальной жизни. Компетентностный подход позволил изменить приоритеты, направив весь образовательный процесс на будущую профессиональную деятельность. Это повысило не только результативность процесса обучения, но и мотивацию будущих специалистов. Компетентностный подход позволил перейти от теории к практике, применяемой в профессиональной сфере и жизнедеятельности вообще.

В период, предшествующий появлению компетентностного подхода, положительным явлением было развитие науки и теории в целом. Практико-ориентированная направленность современного образования привела к потере (не повсеместно) связи и с мировой наукой, и с реальной экономикой.

Смена образовательной траектории связана прежде всего с исторической ситуацией в целом. После 1999 года динамично стала развиваться экономика, все сферы жизнедеятельности общества. Система образования была вынуждена успевать за изменениями рынка труда, подчиняться его условиям и законам. Требования работодателей перестали быть конкретными: специалист, подготавливаемый в профессиональной образовательной организации, должен был обладать широким спектром знаний, умений и навыков не только по профессии, но и в личностном плане. Именно этот широкий спектр ЗУНов и был преобразован в компетенции. Общие же компетенции суммировали в себе все необходимое для эффективного трудоустройства и востребованности специалиста [14].

Смена образовательных приоритетов связана с изменением содержания процесса обучения: на смену образовательным технологиям, ориентируемым на сумму знаний, пришли тех-

нологии, способные развивать креативное мышление, творческий подход к профессиональной деятельности, вариативность в выборе сфер деятельности, способность осваивать компетенции смежных профессий [1]. Результатом освоения основной образовательной программы (ООП) теперь является приобретение комплекса общекультурных и профессиональных компетенций вместо набора знаний, умений и навыков.

Фундаментальной основой образовательных стандартов второго поколения была триада ЗУНов — знаний, умений и навыков. Вся теоретическая подготовка, вкладываемая в понятие «знания», проецировалась на практические составляющие — умения и навыки. При этом ни теория, ни практика, получаемая студентом в стенах образовательной организации, никак не отвечала профессиональным требованиям, предъявляемым к молодому специалисту на производстве.

Теперь на место триады «знать — уметь — владеть» пришли компетенции. Новый вектор образования может быть сформулирован так: «От прагматической модели компетенций будущего специалиста — к научно-знаниевой модели обучения» [2].

Общие компетенции рассматриваются исследователями в разных аспектах. При переходе от одного федерального государственного образовательного стандарта к другому изменялись формулировки «общих компетенций», добавлялись новые компетенции. В настоящее время обозначены 12 общих компетенций ФГОС СПО. По определению А. В. Хуторского, это «ключевые» компетенции [18].

Для удобства рассмотрения общие компетенции ФГОС СПО можно систематизировать следующим образом.

1. Ценностно-смысловые

ОК-1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес.

ОК-4. Осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения профессиональных задач, профессионального и личностного развития.

ОК-8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации.

2. Общекультурные

ОК-11. Строить профессиональную деятельность с соблюдением регулирующих ее правовых норм.

ОК-12. Исполнять воинскую обязанность, в том числе с применением полученных профессиональных знаний (для юношей).

3. Учебно-познавательные

ОК-2. Организовывать собственную деятельность, определять методы решения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество.

ОК-3. Оценивать риски и принимать решения в нестандартных ситуациях.

4. Информационные

ОК-4. Осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения профессиональных задач, профессионального и личностного развития.

ОК-5. Использовать информационно-коммуникационные технологии для совершенствования профессиональной деятельности.

5. Коммуникативные

ОК-6. Работать в коллективе и команде, взаимодействовать с руководством, коллегами и социальными партнерами.

6. Социально-трудовые

ОК-3. Оценивать риски и принимать решения в нестандартных ситуациях.

ОК-7. Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчинённых), результат выполнения заданий.

ОК-9. Осуществлять профессиональную деятельность в условиях обновления ее целей, содержания, смены технологий.

ОК-10. Соблюдать основы здорового образа жизни, требований охраны труда.

7. Компетенции личностного самосовершенствования

ОК-8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации.

ОК-4. Осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения профессиональных задач, профессионального и личностного развития.

Появление новых федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (ФГОС СПО четвертого поколения), как и ФГОС третьего поколения, нацелено на формирование общих и профессиональных компетенций, определяющих личность профессионала, выпускника-специалиста [18].

Появление ФГОС четвертого поколения является закономерным последствием модернизации рынка труда, расширением требований работодателей, ужесточением условий рынка тру-

да. К учреждениям среднего профессионального образования возросли требования, в том числе и в части эффективного поведения выпускников на рынке труда.

Образовательные приоритеты, направленные на выпускника четвертого поколения, изменились не только под влиянием развития системы образования, но и в связи с нестабильной политической и экономической обстановкой. Понятия «образованность» и «квалификация» рассматриваются как составляющие специалиста, при этом квалификация основана на соответствии подготовки выпускника требованиям ФГОС, а образованность связана с наличием всех необходимых сформированных компетенций для согласования с требованиями профессионального стандарта. Образовательные программы нового поколения отличаются вариативностью, которая дает возможность включать в учебные планы дисциплины и модули в соответствии с требованиями работодателя. Этим же обусловлено и требование, предъявляемое к организациям среднего профессионального образования максимально увеличить процент студентов, проходящих обучение в дуальной форме (когда все практические занятия и модули преподаются на предприятиях, т. е. на базе работодателя) [4].

Появление компетенций и повышение их роли и значимости послужило причиной того, что работодатель стал активным участником образовательного процесса колледжей и техникумов: с работодателем согласовываются программы подготовки, учебные программы дисциплин, модулей и практик, учебные планы и иные документы. Также в соответствии с законодательством работодатель является председателем комиссии на государственной итоговой аттестации. Все эти нововведения оказали непосредственное влияние на формулировки компетенций образовательных стандартов.

С появлением новых ФГОС список общих компетенций расширился. Без изменения остались компетенции, связанные с обработкой информации. Компетенции, связанные с коммуникацией, были разделены на ситуации общения. Сократились компетенции, направленные на самоорганизацию и самоуправление. Они были перераспределены в другие компетенции.

Значительно изменились формулировки общих компетенций духовно-нравственной направленности: из списка была изъята компетенция ценностного отношения к профессиональной деятельности, добавлены отдельно гражданско-патриотические и общечеловеческие

ценности, ценности сохранения окружающей среды.

Появляется новая компетенция — ОК-10, формулирующая требования к работе с профессиональной документацией. Внимание уделено и физическому развитию личности выпускника, что отражено в ОК-08. Функциональная грамотность в чрезвычайных ситуациях лежит в основе компетенции ОК-07. Основы планирования *предпринимательской деятельности* представлены в ОК-11 [3].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что до 2000 года, до появления компетентностного подхода в системе профессионального образования, содержание общих компетенций было рассредоточено не только в знаниях, умениях и навыках различных дисциплин, но и в целях и задачах воспитательной системы (гражданственность, патриотизм и т. д.).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Социально-экономические изменения в России привели к необходимости модернизации многих социальных институтов, и в первую очередь системы образования. Реформирование в значительной степени коснулось системы среднего профессионального образования. Под влиянием Болонской концепции, нацеленной на внедрение компетентностного подхода и приведение к общему знаменателю системы высшего образования разных стран, данный подход нашел отражение и в системе СПО.

В рассматриваемый нами период (1980—2000 гг.) происходил ряд изменений в системе общего образования, в результате чего обязательным стало основное общее образование: в учебные планы училищ, техникумов, колледжей были введены предметы 10—11 класса. В системе СПО обучение будущих специалистов велось на основе развития у них знаний, умений и навыков (так называемых ЗУНов). Процесс обучения был теоретизирован.

В соответствии с концепцией формирования ЗУНов развивалась и методология по данной проблеме. По сути, часть ЗУНов и представляли собой общие компетенции, только в более узком смысле. Но их применение было направлено на изучение какого-то одного предмета.

Но уже в конце 1990-х годов педагоги, ученые стали приходить к выводу, что для современного специалиста необходимо владение более широкими ЗУНами, выходящими за рамки предмета или дисциплины. Уже в этот период авторы начинают говорить о компетентностном подходе, необходимости формирования компетенций. Но речь шла больше о профессиональных компетенциях. Общие же компетенции описывались как необходимые качества будущего профессионала, без конкретизации.

Деятельность является определяющим фактором проявления компетенции. В соответствии с данной позицией компетенция трактуется как способность человека к изменениям, изменениям смыслообразующим, внутренним, вызванным требованиями внешнего мира.

С внедрением в начале 2000-х годов модульного обучения компетентностный подход стал неотъемлемой частью федеральных государственных образовательных стандартов. И уже с появлением ФГОС-3 возникают и общие компетенции. Со временем их формулировки изменяются, добавляются новые. В итоге сейчас для всех специальностей обозначены 12 общих компетенций.

Таким образом, предпосылками появления общих компетенций можно считать знания, умения и навыки, которые были объектом изучения в 1980—2000 гг.

Развитие методологии формирования общих компетенций студентов среднего профессионального образования происходило параллельно с изменением политической, экономической ситуации и тенденциями развития системы образования в России в целом.

Литература

1. Анцыферова Л. И. Развитие личности специалиста как субъекта своей профессиональной жизни / Л. И. Анцыферова. — М. : Институт психологии АН СССР, 1991. — С. 27—42.
2. Афанасьева Е. Г. Формирование общих компетенций у студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе воспитательной деятельности / Е. Г. Афанасьева. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obshchih-kompetentsiy-u-studentov-uchrezhdeniy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-v-protsesse-vospitatelnoy>.
3. Афанасьев Д. В. Компетентностный подход и кредитно-модульная система обучения / Д. В. Афанасьев, В. С. Грызлов // Высшее образование в России. — 2013. — № 6. — С. 11—18.
4. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В. И. Байденко // Высшее образование в России. — 2004. — № 11. — С. 3—13.
5. Батышев С. А. Блочно-модульное обучение / С. А. Батышев. — М. : Транс-сервис, 1997. — 258 с.

6. Бейсенбаева Б. С. Современные подходы к формированию компетенций студентов для обучения будущего специалиста / Б. С. Бейсенбаева, К. А. Сырлыбаева, Г. С. Бишаева, Н. Н. Медетбекова // Молодой ученый. — 2017. — №13. — С. 517-519. — URL: <https://moluch.ru/archive/147/40019>.
7. Ведерникова Л. В. Профессиональное становление студентов в условиях модернизации педагогического образования / Л. В. Ведерникова, О. А. Поворознюк // Сибирский педагогический журнал. — 2013. — № 6. — С. 102—105.
8. Гайсаева М. М. Формирование общих компетенций у студентов колледжа в процессе преподавания истории : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / М. М. Гайсаева. — [Место защиты: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»], 2018. — 272 с.
9. Гребнев Л. С. Болонский процесс и «четвертое поколение» образовательных стандартов / Л. С. Гребнев. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-i-chetvertoe-pokolenie-obrazovatelnyh-standartov>.
10. Завалишина Д. Н. Модели профессионального развития человека / Д. Н. Завалишина // Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / сост. В. А. Бодров. — М. : ПЕР СЭ ; Логос, 2007. — 855 с.
11. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. — 2003. — № 5. — С. 34—42.
12. Климов Е. А. Общий обзор возможных нежелательных ходов профессионального развития / Е. А. Климов // Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / сост. В. А. Бодров. — М. : ПЕР СЭ ; Логос, 2007. — 855 с.
13. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. — М., 1990.
14. Пискунова Е. В. Определение компетенций в образовательных программах / Е. В. Пискунова // Pandia.org. Энциклопедия знаний. — URL: <http://www.pandia.ru/text/77/192/20521.php>.
15. Сериков В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технология / В. В. Сериков. — Волгоград : Перемена, 1994. — 152 с.
16. Талызина Н. Ф. Пути разработки профиля специалиста / Н. Ф. Талызина [и др.]. — Саратов : СГУ, 1987. — 176 с.
17. Хуторской А. В. Ключевые компетенции: технология конструирования / А. В. Хуторской // Народное образование. — 2003. — № 5. — С. 55—61.
18. Хуторской А. В. Эвристическое обучение / А. В. Хуторской. — М. : МПА, 1998. — 266 с.
19. Чошанов М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения : методическое пособие / М. А. Чошанов. — М. : Народное образование, 1996. — 160 с.
20. Шевелева С. С. Открытая модель образования / С. С. Шевелева. — М. : Магистр, 1997. — 47 с.
21. Шеваль Е. Цель образования: знания или компетенции / Е. Шеваль // Троицкий вариант — наука. — 2011. — № 16(85). — С. 6.

CHANGE OF EDUCATIONAL PRIORITIES: TRANSITION FROM KNOWLEDGE AND SKILLS TO GENERAL COMPETENCIES

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

I. A. Arkhipova

Syzran Provincial College (Syzran, Russia)
irsen-da@mail.ru

The article is devoted to the problem of formation of General competencies in the conditions of modern secondary vocational education. The authors consider the historical aspect of the emergence of common competencies, and draw analogies between the knowledge, skills and abilities that precede the competence approach. The competence approach is interpreted as a historical need to change educational priorities, the methodological and theoretical aspects of which were formed long before the official concept of "competence" appeared. Modern national education is on the path of continuous modernization. The system of secondary vocational education is suffering significant changes. The task of colleges is to form a specialist who is competent both in the professional and social sphere, competitive in the harsh conditions of the labor market, creative and mobile in dealing with problems, physically healthy and possessing the qualities of a citizen-patriot. The analysis of modern scientific and pedagogical ideas showed that the researchers considered the problem from different sides. For a deeper understanding of the current state of the problem of forming common competencies, it is necessary to consider its historical aspect. The time frame for the coverage of this problem is 1980—2000. According to the authors, this period is the initial stage of the formation of the competence approach in domestic education. Despite the fact that the new trends associated with the implementation of this approach were influenced by political processes and the development of educational systems in foreign countries, the introduction of the competence approach in Russia, as well as the change of educational priorities from knowledge, skills and abilities to competencies, had their own identity and specificity.

Key words: competence, competence approach, standard, knowledge, skills, professional.

References

1. Antsyferova L. I. (1991) Razvitie lichnosti spetsialista kak subjekta svoey professionalnoy zhizni [Development of specialist's personality as a subject of his professional life]. Moscow: Institut psikhologii AN SSSR, p. 27—42.
2. Afanasjeva E. G. Formirovanie obshchih kompetentsiy u studentov uchrezhdeniy srednego professionalnogo obrazovaniya v protsesse vospitatelnoy deyatel'nosti [Formation of general competencies in students of secondary vocational education in the process of educational activity]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obshchih-kompetentsiy-u-studentov-uchrezhdeniy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-v-protsesse-vospitatelnoy>.
3. Afanasyev D. V., Gryzlov V. S. (2013) Kompetentnostnyy podhod i kreditno-modulnaya sistema obucheniya [Competence approach and credit-module system of education]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (6), p. 11—18.
4. Baydenko V. I. (2004) Kompetentsii v professionalnom obrazovanii (k osvoeniyu kompetentnostnogo podhoda) [Competencies in the vocational education (on the acquiring the competence approach)]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (11), p. 3—13.
5. Batyshev S. A. (1997) Blochno-modulnoe obuchenie [Unit-module education]. Moscow: Trans-servis, 258 p.
6. Beysenbaeva B. S., Syrybaeva K. A., Bishaeva G. S., Medetbekova N. N. (2017) Sovremennyye podhody k formirovaniyu kompetentsiy studentov dlya obucheniya budushhego spetsialista [Modern approaches to competence formation of students for future specialist education]. Molodoy uchenyy, (13), p. 517—519. URL: <https://moluch.ru/archive/147/40019>.
7. Vedernikova L. V., Povoroznyuk O. A. (2013) Professionalnoe stanovlenie studentov v usloviyah modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya [Professional becoming of students in the context of modernization of Teacher education]. Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal, (6), p. 102—105.
8. Gaysaeva M. M. (2018) Formirovanie obshchih kompetentsiy u studentov kolledzha v protsesse prepodavaniya istorii [The formation of common competencies among college students in the process of teaching history]. Dis. ... Candidate of Pedagogic sciences: 13.00.08, 272 p.
9. Grebnev L. S. Bolonskiy protsess i "chetvertoe pokolenie" obrazovatel'nykh standartov [Bologna process and "the fourth generation" of educational standards]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-i-chetvertoe-pokolenie-obrazovatel'nykh-standartov>.
10. Zavalishina D. N. (2007) Modeli professionalnogo razvitiya cheloveka [Models of professional development of a person]. Psihologicheskie osnovy professionalnoy deyatel'nosti: khrestomatija. Moscow: PER SE; Logos, 855 p.
11. Zimnyaya I. A. (2003) Klyuchevyye kompetentsii — novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competencies — a new paradigm of the result of education Klyuchevyye]. Vysshee obrazovanie segodnya, (5), p. 34—42.
12. Klimov E. A. (2007) Obshchiy obzor vozmozhnykh nezhelatel'nykh hodov professionalnogo razvitiya [General view of possible unfavorable pace of professional development]. Psihologicheskie osnovy professionalnoy deyatel'nosti: khrestomatija. Moscow: PER SE; Logos, 855 p.
13. Kuzmina N. V. (1990) Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya [Professionalism of a teacher's personality and master of the job training]. Moscow.
14. Piskunova E. V. Opredelenie kompetentsiy v obrazovatel'nykh programmakh [Defining competencies in the educational programs]. Pandia.org. Entsiklopediya znaniy. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/192/20521.php>.
15. Serikov V. V. (1994) Lichnostnyy podhod v obrazovanii: kontseptsiya i tekhnologiya Personal [approach in education: concept and technology]. Volgograd: Peremena, 152 p.
16. Talyzina N. F. (1987) Puti razrabotki profilya spetsialista [Ways of the development of a specialist's profile]. Saratov: SGU, 176 p.
17. Hutorskoy A. B. (2003) Klyuchevyye kompetentsii: Tekhnologiya konstruirovaniya [Key competencies: design technology]. Narodnoe obrazovanie, (5), p. 55—61.
18. Hutorskoy A. B. (1998) Evristicheskoe obuchenie [Discovery learning]. Moscow: MPA, 266 p.
19. Choshanov M. A. Gibkaya tekhnologiya problemno-modul'nogo obucheniya: Metodicheskoe posobie [Flexible technology of problem-based learning: study guide]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 160 p.
20. Sheveleva S. S. (1997) Otkrytaya model obrazovaniya [Open model of education]. Moscow: "Magistr", 47 p.
21. Sheval E. (2011) Tsel obrazovaniya: znaniya ili kompetentsii [The goal of education: knowledge or competencies]. Troitskiyvariant — nauka, 16(85), p. 6.

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

Т. С. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
cherry07@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАТОРА РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Применение арт-технологий в рамках современного образования прежде всего связано с профилактической, социализирующей, развивающей направленностью их воздействия. Социокультурная сущность выступает при этом определяющей основой применения всего комплекса арт-технологий. За время своего развития арт-технологии, представленные прежде всего в комплексе арт-терапии и арт-педагогики, аккумулировали в себе достижения психологической и педагогической науки и практики. В их основе находятся прежде всего теоретические разработки и практические приёмы разных направлений психотерапии, художественной педагогики, а также используется опыт и специфика образности изобразительного искусства, музыки, хореографии, литературы. Важным для современного образования является опора на методологические основания философии, педагогики, психологии и культурологии, социологии и антропологии.

Благодаря интеграции с самыми различными научными дисциплинами и направлениями искусства, направления арт-технологии продолжают активно развиваться, осваивая новые области практического применения и обогащаясь современными идеями.

У каждого человека есть возможности успешной социализации и социальной адаптации, но степень их реализации определяется социальной ситуацией, в которой человек находится. Показателем успешной социализации и адаптации является способность человека жить в современных условиях. Способствовать этому призваны и разнообразные технологии, разработанные в арт-терапии и арт-педагогике.

Ключевые слова: социализация, образование, арт-технологии, арт-терапия, арт-педагогика, культура, искусство, творчество.

В современной системе профессиональной подготовки происходят значительные изменения, связанные с введением компетентного подхода. Данный подход предполагает повышение качества образования выпускников высших учебных заведений с помощью формирования у них компетенций, соответствующих запросам работодателей в различных сферах деятельности.

Специальность «Организация работы с молодежью» имеет целый перечень профессиональных компетенций, среди которых есть инструментальная компетенция — владение педагогическими приемами и техниками, необходимыми для работы с различными категориями молодежи. Это означает, что выпускник данной специальности должен быть готов к осуществлению своей профессиональной деятельности с использованием различных арт-технологий.

В основе любой профессии наравне с теоретическими знаниями и практикой лежат профессионально-ценностные и эстетические компоненты. В распоряжении Правительства РФ об основах государственной молодежной политики

особо отмечается, что гарантом благополучного развития государства и общества в современном мире выступает молодежь с активной гражданской позицией, обладающая созидательным мировоззрением, независимым мышлением, владеющая профессиональными знаниями, высокой культурой.

Исходя из этого, одной из ключевых целей государства и общества является создание базовых условий для всесторонней самореализации молодых людей в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, при которых они смогут развивать индивидуальные качества и проявлять высокий уровень социальной активности.

Работа с молодежью — это «профессиональная деятельность, направленная на решение комплексных задач по реализации молодежной политики в сферах труда, права, политики, науки и образования, культуры и спорта, коммуникации, здравоохранения, взаимодействия с государственными организациями и общественными институтами, молодежными и дет-

скими общественными объединениями, а также с работодателями» [2, с. 1].

Специалист по работе с молодежью — «имеющий соответствующую профессиональную квалификацию работник федерального, регионального или муниципального органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, а также организации любой формы собственности, осуществляющей работу с молодежью» [2, с. 3].

Высококвалифицированные специалисты данной области необходимы нашей стране, поэтому бакалавров этого направления готовят во многих высших учебных заведениях РФ. Студенты проходят профессиональное обучение, изучая педагогическое обеспечение работы с молодежью, социологию молодежи, психологические и социальные основы работы с молодежью. Однако для более успешного осуществления профессиональной деятельности после завершения обучения важно в рамках вуза студентам прививать правильную ценностную установку.

Под трудовыми ценностями понимают определенную форму и идеал личности, к которому стремится специалист и которому он подражает. Следовательно, трудовые ценности — это представления и суждения человека о значимости для него труда в целом и отдельных его сторон, наполненные эмоциональным содержанием, выступающие своеобразными индикаторами трудовой мотивации [6].

Чтобы разобраться в том, какие трудовые ценности присущи организации работы с молодежью, необходимо сначала охарактеризовать само понятие ценностей.

Работа с молодежью как будущая профессиональная деятельность бакалавров этого направления находится на стыке педагогики, психологии и социальной работы и поэтому предъявляет к специалисту большое количество требований, в том числе наличие соответствующей ценностной установки. При работе непосредственно с молодежью основными ценностями организатора работы с молодежью выступают педагогические ценности [11].

Организация работы с молодежью (ОРМ) — одна из тех специальностей, в сферу деятельности которых входит работа с детьми и молодыми людьми, имеющими различное здоровье. В связи с этим специалисты ОРМ, как и все мировое сообщество, заинтересованы в решении проблем толерантного и гуманного отношения к особым категориям людей, нуждающихся наравне со всеми в полномправном участии в жизни общества. К таковым можно отнести, безус-

ловно, лиц, ограниченных в физических и психических возможностях.

В рамках данной работы нами рассматривается социально-педагогическая деятельность организатора работы с молодежью как одна из разновидностей профессиональной деятельности, которая направлена на оказание помощи молодому человеку в процессе его социализации, освоения им социокультурного опыта и на создание условий для его самореализации в современном обществе.

Социально-педагогическая деятельность близка к педагогической деятельности, однако имеет свои отличительные черты. Она осуществляется в разнообразных образовательных учреждениях и направлена не на приобретение определенных знаний, а на оказание адресной определенной помощи для конкретного молодого человека, помощи в решении проблем. Основные направления — это прежде всего профилактика дезадаптаций, реабилитация в сложной ситуации, налаживание контакта с окружающей средой.

Важен уровень подготовки специалиста в рамках социально-педагогической деятельности. Сформированность социально-педагогических компетенций специалиста по работе с молодежью необходима прежде всего потому, что они по роду своей деятельности призваны решать многие проблемы в образовательных учреждениях, молодежных общественных объединениях, учреждениях досуга и летнего отдыха.

«Проблемы, связанные с реализацией на практике гуманистической, антропоцентрической парадигмы управления образовательным учреждением, могут быть решены на основе управления педагогическими системами с позиции психотерапевтического подхода» [14, с. 32].

Работа в этих учреждениях и организациях содержательная, разноплановая и требует знаний и технологий, методик и подходов использования широкого спектра профессиональных умений организатора работы с молодежью. Социально-педагогическая деятельность — это процесс решения социальных проблем молодежи, это сложный социокультурный процесс, структурными компонентами которого являются:

- 1) определение целей и задач;
- 2) определение проблемного поля взаимодействия;
- 3) определение направленности деятельности;
- 4) определение механизмов и методов в рамках реализации деятельности;
- 5) социокультурное взаимодействие;
- 6) анализ результатов.

Социально-педагогическая деятельность реализуется в виде целостного комплекса мероприятий и направлений и имеет долгосрочную направленность. Специалистом выбирается сфера деятельности, технологии, устанавливается ее направленность. При этом организуется непосредственная работа с молодежью, определяются наиболее важные ее направления [10].

Успешной формой работы с молодежью является художественное, научное, техническое творчество. Посредством творческой деятельности молодой человек переживает собственную целостность, осознает свою индивидуальность, она отражает его внутренний мир, его стремления, желания, переживания.

С помощью творчества можно справиться с внутренними трудностями, негативными переживаниями, которые в силу подросткового или юношеского возраста кажутся порой непреодолимыми. В процессе творческой деятельности молодой человек проходит путь от интереса, через приобретение конкретных навыков, к профессиональному самоопределению, одному из факторов успешной социализации. Развитие творческих способностей у данной возрастной группы создает условия для адаптации в современном социуме.

Значительный потенциал для развития художественного творчества заключен в изобразительной и декоративной деятельности, направленной на эстетическое воспитание подрастающего поколения.

«Изобразительная деятельность включает в себе большие возможности: это средство умственного, моторного, эмоционально-эстетического и волевого развития детей, совершенствование психических функций: зрительного восприятия, воображения, памяти, мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование)» [3, с. 1].

Для молодого человека рисование в разном возрасте становится средством выражения своих убеждений и чувств. Материалы для занятий, а также техники подбираются с учетом возрастных и индивидуальных особенностей. Во время использования различных техник и материалов специалист формирует у молодого человека желание выйти за привычные рамки прикладного творчества, которые он осваивал в детстве, это пробуждает в них желание самостоятельно творить, формирует креативность в решении многих задач.

Более ярко понятие «творчество» раскрывается в «Большом толковом словаре по культурологии» Б. И. Кононенко: «Процесс культурной

человеческой деятельности, в результате которого создаются качественно новые материалы и духовные ценности. Творчество — способность человека из доставляемого действительностью материала созидать новую реальность, удовлетворяющую многообразным потребностям человеческой жизнедеятельности» [4, с. 273].

Также творческая деятельность создает благоприятную атмосферу, заряжая положительными эмоциями. Это путь приобретения уверенности в собственных силах, что в дальнейшем становится основой для преодоления внутренних комплексов. К тому же в процессе творчества создаются неповторимые индивидуальные и коллективные работы. Это позволяет в дальнейшем принимать участие в различных конкурсах и выставках как индивидуально, так и с коллективом [12].

Для реабилитации или адаптации широко применяются занятия музыкой. С давних времен музыка используется с целью медицинского, коррекционного и развивающего воздействия на личность. В результате научных исследований в этой области появились такие понятия и направления арт-технологий, как «музыкотерапия», «кинезитерапия», «вокалотерапия».

Музыка, правильно использовавшаяся в процессе коррекционного социального воспитания, дает ощутимые практические результаты: улучшается память, мыслительная деятельность, двигательная активность, увеличивается словарный запас. Данный процесс формируется на базе культурного, художественного и музыкального обогащения личности [7].

Занятия музыкой практически не имеют ограничений в плане социально-педагогической направленности деятельности. В этом жанре принимает участие молодежь с различными проблемами. Определяющим фактором здесь выступает наличие музыкального слуха, но и сформированность умения слушать и понимать музыку является одной из приоритетных задач.

Занятия хореографией представляются как художественно-реабилитационный жанр и одновременно молодежный. Современные танцевальные направления — это прежде всего возможность раскрыть свой потенциал.

Танец, пластика и сценический образ воодушевляют, соединяют действия группы в единое целое, создают общую художественную атмосферу, заставляют переключать сознание с собственных мыслей на очередность танцевальных движений, ритмику и многие другие составляющие хореографического номера.

Огромную роль при постановке играют эмоциональные и физические возможности каждого отдельного танцовщика в зависимости от специфики его подготовленности. «В процессе занятий хореографией решается целый комплекс проблем: физическое развитие, развитие эмоциональной и волевой сферы, творческое развитие, духовное и эстетическое воспитание и, в конечном счете, развитие индивидуальных качеств личности» [8, с. 105].

Выделяя основные технологии и формы работы с молодежью с использованием арт-технологий и арт-терапии, при их использовании нельзя забывать о том, что социально-адаптационная работа требует от каждого специалиста самоотдачи, уважения к молодому человеку и глубоких профессионально-теоретических и практических знаний в данной области. Это все связано с формированием творческого потенциала молодежи. Но прежде всего он должен быть сформирован у организаторов работы с молодежью. Это определенные сформированные качества специалиста, способного организовать творческую атмосферу, создать креативное начало в рамках самореализации.

Так, в «Большом психологическом словаре» под редакцией Б. Г. Мещерякова креативность определяется как «творческие возможности человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и/или ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания» [9, с. 222].

В словаре С. М. Вишняковой «Профессиональное образование. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика» креативность понимается следующим образом: «уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности; способность сделать, осуществить нечто новое: решение проблемы, новый метод или инструмент, новое произведение искусства» [5, с. 94].

Креативность проявляется в ориентированности на познавательный процесс; в возможностях создавать новейшие идеи, отклоняться от классических схем мышления и поведения, в беглости и гибкости мышления; а также существует в характере человека — в уникальности, предприимчивости, неординарности, терпимости к неопределенности, интуиции.

Понятие «потенциал» принадлежит к количеству общенаучных определений. Педагогиче-

ская функция потенциала реализуется в направляющей значимости творческой работы личности, выступающей в свойстве основания творческого преобразования собственной жизнедеятельности. Арт-технологии в этом направлении деятельности являются базовыми для работы. Они призваны решить многие проблемы в молодежной среде.

Но наиболее полное определение творческого потенциала личности можно найти в книге Д. В. Чернилевского «Креативная педагогика и психология». Там творческий потенциал понимается следующим образом: это «система индивидуальных способностей, позволяющих оптимально менять приемы действий в соответствии с новыми условиями, а также знаний, умений, навыков, убеждений, определяющих результаты деятельности и побуждающих личность к творческой самореализации и саморазвитию» [10, с. 137].

Отличительной особенностью творческого потенциала личности считается его чрезмерность по взаимоотношению к реализации, присутствие «запаса» способностей. Последнее считается обстоятельством, позволяющим индивидууму эффективно разрешать новейшие трудности. И технологии арт-педагогики и арт-терапии призваны помочь специалисту по организации работы с молодежью для решения данных проблем.

Творчество порождает воображение. Это не что иное, как желание постоянно развиваться, двигаться вперед, стремиться к совершенству. Формирование творческого потенциала индивида может вызвать гиперактивность человеческого мозга, преобладание бессознательного над сознательным [13].

Специалист ОРМ должен обладать всеми знаниями о специфике и технологиях работы с использованием арт-терапии и арт-технологий как с детьми с ОВЗ, так и с различными молодежными группами. И для этого студентам данной специальности читают курсы технологии работы с особыми категориями молодежи, методики организации работы с молодежью, психологии творчества. Студенты проводят различные мероприятия в специализированных школах, участвуют в благотворительных акциях, используя свои знания и умения в арт-технологиях.

Мир культуры и искусства выступает основой для формирования культуры личности, он способен выполнять и терапевтическую функцию, применяя весь свой потенциал [1].

Литература

1. Алексеева М. Ю. Практическое применение элементов арт-терапии в работе учителя / М. Ю. Алексеева. — М., 2003. — 87 с.
2. Аметова Л. А. Формирование арт-терапевтической культуры младших школьников. Сам себе арт-терапевт / Л. А. Аметова. — М., 2003. — 82 с.
3. Богданович В. Новейшая арт-терапия. О чем молчат искусствоведы / В. Богданович. — М. : Золотое сечение, 2008. — 224 с.
4. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. — М. : Вече : АСТ, 2003. — 512 с.
5. Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С. М. Вишнякова. — М. : НМЦ СПО, 1999. — 550 с.
6. Зинкевич Т. Д. Волшебный источник. Теория и практика сказкотерапии / Т. Д. Зинкевич, А. М. Михайлов. — СПб. : Изд-во «Смарт», 1996. — 144 с.
7. Каур И. Сказки на грани миров / И. Каур. — М. : АСТ, 2016. — 128 с.
8. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Е. А. Медведева, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комиссарова, Т. А. Добровольская. — М. : Академия, 2001. — 248 с.
9. Мещеряков Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — М. : Прайм-Еврознак, 2003. — 450 с.
10. Чернилевский Д. В. Креативная педагогика и психология / под ред. Д. В. Чернилевского, А. В. Морозова. — М. : РГБ, 2015. — 520 с.
11. Ушаков Д. В. Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Д. В. Ушаков. — М. : Институт психологии РАН, 2006. — 624 с.
12. Черняева С. А. Психотерапевтические сказки и игры / С. А. Черняева. — СПб. : Речь, 2002. — 450 с.
13. Шарипов Ф. В. Психология и педагогика творчества и обучение исследовательской деятельности. Педагогическая инноватика / Ф. В. Шарипов. — М. : Логос, 2015. — 582 с.
14. Митин С. Н. Психотерапевтический подход в управлении развитием образовательных систем / С. Н. Митин // Сибирский научный вестник. — 2016. — № 4(26). — С. 31—40.

SOCIOCULTURAL DIMENSION OF ART TECHNOLOGIES IMPLEMENTATION IN SOCIO-PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF THE YOUTH COORDINATOR

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tsmitina.ulsu@gmail.com

The implementation of art technologies in the framework of modern education is due to the preventive, socializing, developing orientation of their impact. At the same time, the sociocultural essence acts as the determining basis for the application of the whole complex of art technologies. During its development, art technologies presented primarily in the complex of art therapy and art pedagogy, accumulated the achievements of psychological and pedagogical science and practice. They are based primarily on theoretical developments and practical techniques, various areas of psychotherapy, as well as artistic pedagogy. The experience and specificity of figurative art, music, choreography, and literature are also used. Important for modern education is the reliance on the methodological foundations of philosophy, pedagogy, psychology and cultural studies, sociology and anthropology.

With the integration into various scientific disciplines and areas of art, art technology continue to develop exploring new areas of practical application and enriching with modern ideas.

Every person has the opportunities for successful socialization and social adaptation. But the degree of their implementation is determined by the social situation in which the person is. An indicator of successful socialization and adaptation is a person's ability to live in modern conditions. Technology art therapy and art pedagogy are designed for this.

Key words: socialization, education, art-technology, art-therapy, art-pedagogy, culture, art, creativity.

References

1. Alekseeva M. Yu. (2003) Prakticheskoe primeneniye elementov art-terapii v rabote uchitelya [Practical application art-therapy elements in teacher's work]. Moscow, 87 p.
2. Ametova L. A. (2003) Formirovaniye art-terapevticheskoy kultury mladshih shkolnikov. Sam sebe art-terapevt [Formation of art-therapy culture of primary school students. Your own art-therapeutic]. Moscow, 82 p.
3. Bogdanovich V. (2008) Noveyshaya art-terapiya. O chem molchat iskusstvovedy [Contemporary art-therapy. What fine art experts do not say]. Moscow: Zolotoe sechenie, 224 p.

4. Kononenko B. I. (2003) Bolshoy tolkovyy slovar po kulturologii [Unabridged culture defining dictionary]. Moscow: Veche: AST, 512 p.
5. Vishnyakova S. M. (1999) Professionalnoe obrazovanie. Slovar. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktualnaya leksika [Vocational education. Dictionary. Key concepts, terms, active vocabulary]. Moscow: NMC SPO, 550 p.
6. Zinkevich T. D., Mikhaylov A. M. (1996) Volshebnyy istochnik. Teoriya i praktika skazkoterapii [Magic source. Theory and practice of fairy tale therapy]. St. Petersburg: Izd-vo "Smart", 144 p.
7. Kaur I. (2016) Skazki na grani mirov [Fairy tales on the edge of worlds]. Moscow: AST, 128 p.
8. Medvedeva E. A., Levchenko I. Yu., Komissarova L. N., Dobrovolskaya T. A. (2001) Artpedagogika i artterapiya v spetsialnom obrazovanii [Art pedagogics and art therapy in special education]. Moscow: Akademiya, 248 p.
9. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. (2003) Bolshoy psikhologicheskiy slovar [Big psychology dictionary]. Moscow: Praym-EVROZNAK, 450 p.
10. Chernilevskiy D. V., Morozova A. V. (2015) Kreativnaya pedagogika i psihologiya [Creative pedagogy and psychology]. Moscow: RGB, 520 p.
11. Ushakov D. V. (2006) Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya. A. Ponomaryova [Psychology of art: the school of Ya. A. Ponomarev]. Moscow: Institut psihologii RAN, 624 p.
12. Chernyaeva S. A. (2002) Psikhoterapevticheskie skazki i igry [Psychology stories and games]. St. Petersburg: Rech, 450 p.
13. Sharipov F. V. (2015) Psikhologiya i pedagogika tvorchestva i obuchenie issledovatel'skoy deyatel'nosti. Pedagogicheskaya innovatika [Psychology and pedagogics of art and teaching the research activity. Pedagogical innovations]. Moscow: Logos, 582 p.
14. Mitin S. N. (2016) Psikhoterapevticheskiy podhod v upravlenii razvitiem obrazovatel'nykh sistem [Psychotherapeutic approach to the management of system development]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 4(26), p. 31—40.

А. А. Ощепков

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
sladkod@yandex.ru

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

АНТИСУИЦИДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ*

В статье проводится теоретический анализ проблематики, связанной с проявлением суицидального поведения, в рамках которого осуществляется аналитический обзор научных работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных особенностям жизнестойкости личности и саморегуляции поведения человека. Анализ теоретических и эмпирических работ позволил провести рассуждения об особенностях жизнестойкости как черты личности, определяющей личностный адаптационный потенциал и влияющий на снижение уровня проявления суицидального поведения. Делается вывод о том, что жизнестойкость как фактор снижения риска суицидального поведения выступает в форме личностного адаптационного потенциала, снижающего вероятность дезадаптации и совершения суицида, и является, таким образом, антисуицидальным потенциалом. Кроме того, результаты исследования позволяют говорить о том, что индивидуальное соотношение структурных компонентов жизнестойкости отражает большую степень реалистичности восприятия социального окружения, уровень саморегуляции социального поведения и готовность проявлять активность в ситуациях неопределенности, выступая, таким образом, фактором снижения риска проявления суицидального поведения.

Ключевые слова: суицидальное поведение, жизнестойкость личности, личностный адаптационный потенциал, антисуицидальный потенциал.

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента (№ МК-2074.2019.6).

Лишение человеком себя жизни всегда кажется парадоксальным, и еще более парадоксальным этот факт становится с учетом того, что данный акт совершается совершенно сознательно. Д. С. Кагарманов, З. Г. Максютова и Л. Р. Сиргалина утверждают, что суицид необходимо рассматривать как духовно-глубинный акт, способствующий осмыслению человеком фундаментальных мировоззренческих и аксиологических установок фило- и онтогенеза [7]. Данное высказывание сделано в русле работ В. П. Зинченко, рассматривающего суицид как некое отражение в сознании человека сочетания свободы и ответственности личности, что выступает основой борьбы бытия и небытия в онтологическом начале человека [6]. В этом плане такой глубинный онтологический подход в основании феномена суицида, совершаемого человеком, становится проблемой как отдельной личности, так и в целом социума, репрезентируя данную проблему на переднем плане.

На современном этапе развития науки о человеке все более осмысливается интегративный подход, сменяющий традиционные представления о сочетании биологических и социальных факторов в проявлении суицидального поведения и представляющий феномен суицида в виде комплекса факторов, что может быть положено в основу философской рефлексии сущностных характеристик суицидального поведения. Здесь уместно будет привести ряд точек зрения современных ученых по данному вопросу. Прежде всего, З. Г. Гаджинская, изучая в своем диссертационном исследовании смысл жизни человека, считает, что «тенденцию к самоубийству нельзя объяснить какой-либо одной особенностью общества или психического развития индивида» [4, с. 25]. Суицидальное поведение представляется результатом взаимодействия биологических, социальных и психологических предикторов, и на этой основе стоит сказать о том, что выделяется несколько современных

моделей суицидального поведения, в которых акцентируется один из предикторов [5].

На основе детальной философской рефлексии проблемы суицидального поведения можно обратиться к изучению практики деятельности социальных служб, занимающихся превенцией суицидального поведения и реализующих наиболее полностью интегративный подход. И здесь нам также представляются как минимум три больших группы факторов, влияющих на проявление суицида [2]. Выделяются социальные (демографические) факторы: возраст, гендер, семейное положение, страна проживания. В дополнение к этому в современном мире в ряду социальных факторов также выделяют еще и средства массовой информации, и в особенности сеть Интернет. Далее выделяются психиатрические (клинические) факторы, которые включают следующие психические заболевания, наиболее тесно связанные с проявлением суицида: депрессия, шизофрения. Кроме этого, психиатрические факторы включают клиническую историю болезни, особенности онтогенеза (например, совершение суицида родственником больного) [19]. Третьей, заключительной группой факторов выступают социально-психологические факторы, в которые входят особенности межличностного взаимодействия, индивидуально-личностные особенности. Для этой группы факторов имеют особую важность факторы личностного характера: самооценка, переживание различных форм насилия, межличностные и внутриличностные конфликты, занимающие особое место в повседневной жизнедеятельности [17].

Рассмотренные выше группы факторов имеют особую важность для решения проблем, связанных с феноменом суицидального поведения; это факторы проясняют механизмы способствующие проявлению суицида.

Немаловажное значение именно для профилактики суицидального поведения имеют факторы, предотвращающие суицид. В этом плане в Докладе Всемирной организации здравоохранения сказано следующее: «В то время как многие действия по предупреждению самоубийств направлены на снижение факторов риска, не менее важно изучать и укреплять факторы, которые, как доказано, повышают сопротивляемость человека и укрепляют его связи с другими, защищая от суицидального поведения» [26, р. 46]. А в плане предупреждения суицида в Докладе указаны религиозные верования и духовные убеждения, прочные личные взаимоотношения, особенно подчеркивается

образ жизни, под которым понимаются позитивные стратегии преодоления трудностей (копинг-стратегии) и благополучие [26]. В таком ракурсе стоит обратить внимание на феномен жизнестойкости как личностной черты, способствующей преодолению трудных жизненных ситуаций.

Пионером научной разработки проблематики, связанной с феноменом жизнестойкости, был С. Мадди, который в своих работах синтезировал идеи экзистенциальной философии и персонологические традиции Г. Мюррея и Г. Олпорта. В результате он представил жизнестойкость как психологическую живучесть и расширенную эффективность человека [23]. В отечественной психологии проблема жизнестойкости получила свое развитие в русле изучения совладающих с трудными жизненными ситуациями стратегий [1]. В современной отечественной психологии тема жизнестойкости получила дальнейшее развитие в изучении личностного адаптационного потенциала [10, 14], который позитивно детерминирует устойчивость человека к стрессогенным факторам. В рамках данного направления Д. А. Леонтьев склонен определять жизнестойкость как меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, при этом внутренняя сбалансированность сохраняется [11]. В этом аспекте Е. Ю. Баукина отмечает, что личность с высоким уровнем жизнестойкости «способна совладать с трудностями и изменениями, с которыми она сталкивается каждый день, и с теми, которые носят околоэкстремальный и экстремальный характер» [3, с. 5]. Если учесть тот факт, что жизнестойкость выступает таким внутренним ресурсом, который подконтролен самому человеку, то можно утверждать, что грамотная работа по формированию психолого-педагогической установки, придающей жизни смысл и ценность в любых условиях, способна укрепить жизнеутверждающую позицию и снизить уровень суицидального риска.

Таким образом, феномен жизнестойкости представляется как способность человека преодолевать и выдерживать трудные жизненные ситуации и поэтому выступает как устойчивость к ситуациям стрессогенного характера. А если учесть тот факт, что степень риска проявления суицида взаимосвязана с такими обстоятельствами, при которых человек находится в трудных жизненных ситуациях, то вправе полагать, что жизнестойкость может выступить в таких условиях фактором, который будет способствовать предупреждению суицида. Для изучения данного положения необходимо прояснить возможные

механизмы превенции суицидального поведения, связанные с жизнестойкостью личности.

Обращаясь к основоположнику изучения феномена жизнестойкости С. Мадди, можно определить жизнестойкость как диспозицию, включающую в себя три структурных компонента, а именно вовлеченность, контроль и принятие риска [22]. Учитывая указанную структуру жизнестойкости, С. Мадди был разработан тест жизнестойкости, который в отечественной психологии был адаптирован Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой с сохранением названной структуры [12]. Для дальнейшего анализа проясним определения каждого указанного структурного компонента. Прежде всего, включенность определяется как нахождение в кругу происходящих событий. Если у человека развит данный компонент, то он будет получать удовольствие от собственной деятельности, что, в свою очередь, будет повышать уровень осмысленности собственной жизни, а это выступает превентивным фактором суицидального поведения. Напротив, отсутствие данной установки на вовлеченность в собственную деятельность будет порождать чувство опустошенности и отверженности, что приводит к снижению осмысленности деятельности и, таким образом, выступает содействующим суицидальному поведению фактором. Структурный компонент контроля представляет собой такую установку, которая определяет, что борьба позволяет влиять на происходящее, хотя успех такого влияния не гарантирован. А противоположная установка — ощущение полной беспомощности, что, несомненно, выступает провоцирующим фактором проявления суицидального поведения. Более неоднозначен и интересен следующий компонент — принятие риска, который определяется как убежденность человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта. «И в этом плане человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к комфорту и безопасности обедняющим жизнь человека, что могло бы показаться на первый взгляд как поведение, ориентированное на поиск риска и острых ощущений в жизни. Однако если взглянуть на данный компонент как ориентацию на самореализацию, то становится очевидным, что и данная диспозиция выступает сильным жизнеутверждающим фактором, снижающим риск проявления суицидального поведения» [21, с. 30].

Вышеизложенные теоретические выкладки представляются обоснованными, однако для большей убедительности требуют рассмотрения массива эмпирических исследований, посвященных изучению жизнестойкости человека.

Изучая жизнеспособность и жизнестойкость больных с ВИЧ-инфекцией, А. А. Нестеровой была обнаружена отрицательная корреляция между базовыми личностными убеждениями, связанными с возможностью управлять своей жизнью, и жизнестойкостью. Данные результаты свидетельствуют о том, что люди с высоким уровнем жизнестойкости более реалистично осознают границы своего влияния на обстоятельства своей жизни [15]. В исследовании С. И. Кудинова, проведенном на выборке беженцев из Палестины, жизнестойкость определяется как личностная черта-предиктор для самореализации личности, и делается вывод о том, что содержательное сочетание компонентов вовлеченности, принятия риска, контроля детерминирует типологию жизнестойкости [9]. И. П. Краснощеченко, исследуя особенности жизнестойкости и направленности системы ценностей на выборке специалистов-управленцев, приходит к выводу, что среди важнейших истоков жизнестойкости личности усматривается вера в обучение [8, с. 487—493]. В исследовании жизнестойкости как социально-психологического параметра социальной среды образования Е. В. Шварева заключает, что жизнестойкость выступает фактором, определяющим готовность выбирать новую, неопределенную ситуацию в противовес равнодушному, безличному выбору. Данный результат указывает на то, что жизнестойкость выступает одним из ключевых параметров социальной и саморегуляции поведения человека и не сводится к роли буфера в ситуации стресса [20]. В своем диссертационном исследовании В. Р. Петросянц подтвердила гипотезу, касающуюся психологических особенностей, которые способствуют сохранению позитивного самоотношения у жертв буллинга, что свидетельствует о высоком личностном адаптационном потенциале и интернальности в межличностных взаимоотношениях [16].

Итак, в эмпирических исследованиях отечественных ученых жизнестойкость рассматривается в общем как черта личности, которая в трудных жизненных ситуациях повышает уровень личностного адаптационного потенциала. При этом структурные компоненты жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) образуют индивидуальную картину ее проявления и выражаются в более реалистичном вос-

приятии окружающего мира, в стремлении к самореализации, образуя, таким образом, способность к более стабильной саморегуляции поведения человека. Аналогичным образом исследуется жизнестойкость и в работах зарубежных ученых. Так, в исследовании Э. Мерино-Теодор обосновывается в теоретическом аспекте схема жизнестойкости как моделирующего фактора, связанного с эффективностью труда, а также эмпирически описывается взаимосвязь между усилиями, направленными на трудовую деятельность, и жизнестойкостью [25]. В работе Ж. Салим изучаются особенности спортсменов, которые ранее получили травму, но впоследствии вернулись к активному спорту, и, в частности, взаимосвязь между уровнем стресса у них и уровнем жизнестойкости [27]. В статье Р. Делахай изучаются процессы саморегуляции человека, помогающие взглянуть на феномен жизнестойкости как на некоторый фактор-посредник, определяющий форму реакции человека на стрессовую ситуацию, и в этом плане эмпирически исследуется совладающая самоэффективность как переменные — регуляторы поведения человека, связанные с жизнестойкостью личности [22].

Таким образом, в рамках нашего теоретического анализа можно предварительно определить жизнестойкость как черту личности, обеспечивающую личностный адаптационный потенциал, выступающую тем самым превентивным фактором снижения риска проявления суицидального поведения. Индивидуальное соотношение структурных компонентов жизнестойкости отражает большую степень реали-

стичности восприятия социального окружения, уровень саморегуляции социального поведения и готовность проявлять активность в ситуациях неопределенности, выступая, таким образом, фактором снижения риска проявления суицидального поведения. Вместе с этим эмпирических исследований, посвященных изучению взаимосвязи жизнестойкости и личностного адаптационного потенциала как фактора снижения риска проявления суицидального поведения, в массиве научных публикаций встречается немного. Так, в статье Д. В. Труевцева и О. А. Сагалаковой исследуется «антивитальное» поведение, включающее и суицидальное поведение, и жизнестойкость рассматривается как основной фактор, снижающий вероятность проявления «антивитального» поведения, который объясняется развитием адаптивных убеждений в отношении собственных способностей [18, с. 5]. В исследовании Е. Б. Любова рассматривается опыт внедрения программы превенции суицидального поведения, основой которой стала культуральная жизнестойкость, сформированная на традициях народов Крайнего Севера России, которая заключается в гармонизации отношений личности с миром [13]. В этом смысле жизнестойкость проявляется в форме личностного адаптационного потенциала как фактора снижения риска проявления суицидального поведения. А если учесть, что жизнестойкость как черта личности способствует снижению вероятности дезадаптации и совершения суицида, то можно сделать вывод, что жизнестойкость личности выступает в форме антисуицидального потенциала и, таким образом, его предопределяет.

Литература

1. Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня : сборник научных трудов. Вып. 2 / под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. — С. 82—90.
2. Алимова М. А. Суицидальное поведение: диагностика, профилактика, коррекция / М. А. Алимова. — Барнаул, 2014. — 100 с.
3. Баукина Е. Ю. Жизнестойкость как показатель психологического здоровья человека в профилактике суицидального поведения / Е. Ю. Баукина // Сборник материалов республиканской практической конференции «Технологии работы по профилактике суицидального поведения в подростково-молодежной среде». — Казань : Татграф, 2014. — 142 с.
4. Гаджинская З. Г. Смысл человеческой жизни и проблема суицида. Опыт философско-психологического исследования : дис. ... канд. филос. наук / З. Г. Гаджинская. — М., 1993. — 125 с.
5. Драгомир В. И. Суицид как психосоциальный феномен / В. И. Драгомир // Право, политика, история и личность : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Кизляр : Апробация, 2016. — С. 215—219.
6. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Вопросы философии. — 2011. — № 11. — С. 85—97.
7. Кагарманов Д. С. Смысл жизни и суицид как аксиологическая проблема / Д. С. Кагарманов, З. Г. Максютова, Л. Р. Сиргалина // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12, № 2. — С. 87—89.

8. Краснощеченко И. П. Концептуализация понятия «жизнестойкость личности» специалистами в сфере управления персоналом с разным типом направленности и ценностных ориентаций / И. П. Краснощеченко // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Калуга : Эйдос, 2016. — С. 487—493.
9. Кудинов С. И. Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов, С. М. Хаммад // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. — 2017. — Т. 6, № 3(23). — С. 229—238.
10. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2002. — С. 56—65.
11. Леонтьев Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2003. — 487 с.
12. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — М. : Смысл, 2006. — 23 с.
13. Любов Е. Б. Жизнестойкость и факторы риска суицидального поведения коренных малочисленных народов Севера России / Е. Б. Любов, Ю. А. Сумароков, Э. Р. Конопленко // Суицидология. — 2015. — № 3. — С. 23—30.
14. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22, № 1. — С. 16—24.
15. Нестерова А. А. Жизнеспособность и жизнестойкость личности как фактор психологической адаптации ВИЧ-инфицированных / А. А. Нестерова // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 1. — С. 20—24.
16. Петросянц В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. Р. Петросянц. — СПб., 2011. — 30 с.
17. Профилактика суицида среди несовершеннолетних / сост.: Н. А. Разнадежина, Л. А. Бездольная. — Сургут : Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2012. — 130 с.
18. Сагалакова О. А. Опросник «Антивитальность и жизнестойкость» / О. А. Сагалакова, Д. В. Трубецков // Медицинская психология в России. — 2017. — № 2. — С. 4—36.
19. Сыровквашина К. В. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков / К. В. Сыровквашина, Е. Г. Дозорцева // Консультативная психология и психотерапия. — 2016. — Т. 24, № 3. — С. 8—24.
20. Шварева Е. В. Жизнестойкость как психологическая характеристика участников современной образовательной среды / Е. В. Шварева // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 4. — С. 180—185.
21. Ощепков А. А. Особенности суицидального поведения молодежи и жизнестойкости личности / А. А. Ощепков, В. Б. Салахова // Симбирский научный вестник. — 2018. — № 3(33). — С. 28—36.
22. Delahaij R., Gaillard A., Karen van Dam W. K. Hardiness and the response to stressful situations: Investigating mediating processes // Personality and Individual Differences. — 2010. — Vol. 49. — Issue 5. — P. 386—390.
23. Maddi S., Khoshaba D., Persico M., Lu J., Harvey R., Bleecker F. The Personality Construct of Hardiness: Relationships With Comprehensive Tests of Personality and Psychopathology // Journal of Research in Personality. — 2002. — Vol. 36. — P. 72—85.
24. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. — 1994. — V. 63. — N 2. — P. 265—274.
25. Merino-Tejedor E., Hontangas-Beltrán P. M., Boada-Grau J., Lucas-Mangas S. Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort // Personality and Individual Differences. — 2015. — Vol. 85. — P. 105—110.
26. Preventing suicide: a global imperative. — Geneva : World Health Organization, 2014. — 98 p.
27. Salim J., Wadey R., Diss C. Examining the relationship between hardiness and perceived stress-related growth in a sport injury context // Psychology of Sport and Exercise. — 2015. — Vol. 19. — P. 10—17.

ANTI-SUICIDAL POTENTIAL: STUDY OF THE CONCEPT*

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University
"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)

sladkod@yandex.ru

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

valentina_nauka@mail.ru

The article provides a theoretical analysis of the problems associated with the manifestation of suicidal behavior, in the framework of which the authors carry out an analytical review of scientific works of domestic and foreign scientists on the characteristics of the vitality of a person and self-regulation of human behavior. The analysis of theoretical and empirical works allowed to discuss the features of resilience as a personality trait that determines the personal adaptive potential and affects the reduction in the level of manifestation of suicidal behavior. The authors concluded that the resilience as a factor of reducing the risk of suicidal behavior appears in the form of personal adaptation potential, which reduces the likelihood of maladaptation and suicide, and thus, acts as an anti-suicidal potential. In addition, the results of the study suggest that the individual ratio of the structural components of the resilience reflects a greater degree of realism in the

perception of the social environment, the level of self-regulation of social behavior and willingness to be active in situations of uncertainty, thus acting as a factor of reducing the risk of suicidal behavior.

Key words: suicidal behavior, resilience of a person, personal adaptive potential, antisuicidal potential.

* Grant-supported by the Presidency (№ MK-2074.2019.6).

References

1. Aleksandrova L. A. (2004) K konceptsii zhiznestoykosti v psihologii [Concept of resilience in psychology]. Sibirskaya psihologiya segodnya: collection of scientific works, (2). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, p. 82—90.
2. Alimova M. A. (2014) Suitsidalnoe povedenie: diagnostika, profilaktika, korrektsiya [Suicide behavior: diagnosis, prevention, correction]. Barnaul, 100 p.
3. Baukina E. Ju. (2014) Zhiznestoykost kak pokazatel psihologicheskogo zdorov'ya cheloveka v profilaktike suitsidalnogo povedeniya [Vital capacity as a determinant of psychological health of a person in the prevention of suicide behavior]. Collected works of the republican practical conference "Tehnologii raboty po profilaktike suitsidalnogo povedeniya v podrostkovo-molodezhnoy srede". Kazan: Tatgraf, 142 p.
4. Gadzhinskaya Z. G. (1993) Smysl chelovecheskoy zhizni i problema suitsida. Opyt filosofsko-psihologicheskogo issledovaniya [Sense of human life and the problem of suicide. Experience of philosophy-pedagogical research]. Dis. ... Cand of Philosophy. Moscow, 125 p.
5. Dragomir V. I. (2016) Suitsid kak psihosotsialnyy fenomen [Suicide as a psychosocial phenomenon]. Pravo, politika, istoriya i lichnost: materials of All-Russian scientific and practical conference. Kizlyar: Aprobatsiya, p. 215—219.
6. Zinchenko V. P. (2011) Tsennosti v strukture soznaniya [Values in consciousness structure]. Voprosy filosofii, (11), p. 85—97.
7. Kagarmanov D. S., Maksyutova Z. G., Sirgalina L. R. (2007) Smysl zhizni i suitsid kak aksiologicheskaya problema [Meaning of life and suicide as an axiological problem]. Vestnik Bashkirskogo universiteta, Vol. 12, (2), p. 87—89.
8. Krasnoshhechenko I. P. (2016) Kontseptualizatsiya ponyatiya "zhiznestoykost lichnosti" spetsialistami v sfere upravleniya personalom s raznym tipom napravlenosti i tsennostnykh orientatsiy [Conceptualization of the term "vital capacity of a person" by the specialists working in the sphere of workforce management of different type of direction and value orientation]. Lichnost, intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podhody i obrazovatelnye praktiki: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaluga: Eydos, p. 487—493.
9. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Hammad S. M. (2017) Zhiznestoykost kak prediktor samorealizatsii lichnosti v trudnykh zhiznennykh situatsiyah [Vital capacity as a predictor of self-realization of a person in difficult life situations]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya, Vol. 6, 3(23), p. 229—238.
10. Leontjev D. A. (2002) Lichnostnoe v lichnosti: lichnostnyy potentsial kak osnova samodeterminatsii [Personal in personality: personal potential as the basis of self-realization]. Uchenye zapiski kafedry obshchey psihologii MGU im. M. V. Lomonosova, (1). Moscow: Smysl, p. 56—65.
11. Leontjev D. A. (2003) Psihologiya smysla [Psychology of sense]. Moscow: Smysl, 487 p.
12. Leontjev D. A., Rasskazova E. I. (2006) Test zhiznestoykosti [Vital capacity test]. Moscow: Smysl, 23 p.
13. Lyubov E. B., Sumarokov Ju. A., Konoplenko E. R. (2015) Zhiznestoykost i faktory riska suitsidalnogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov severa Rossii [Viability and risk factors for suicidal behavior of indigenous peoples of the North of Russia]. Suitsidologiya, (3), p. 23—30.
14. Maklakov A. G. (2001) Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: ego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremal'nykh usloviyakh [Personal adaptive potential: ego-mobilization and the predicting in extreme conditions]. Psihologicheskii zhurnal, Vol. 22, (1), p. 16—24.
15. Nesterova A. A. (2011) Zhiznesposobnost i zhiznestoykost lichnosti kak faktor psihologicheskoy adaptatsii VICH-infitsirovannykh [Viability and vital capacity of a personality as a factor of psychological adaptation of HIV infected]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii, (1), p. 20—24.
16. Petrosyants V. R. (2011) Psihologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noy srede, i ih zhiznestoykost [Psychological characteristics of senior pupils, bullying participants in the educational environment, and their vital capacity]. Author's abstract ... Cand. of Philosophy, St. Petersburg, 30 p.
17. Raznadezhina N. A., Bezdolnaya L. A. (2012) Profilaktika suitsida sredi nesovershennoletnykh [Suicide prevention among minors]. Surgut: Publishing house of Budgetary institution Khanty-Mansisk autonomous district — Yugra "Methodology centre of the development of social service", 130 p.
18. Sagalakova O. A., Truevtsev D. V. (2017) Oprosnik "Antivitalnost i zhiznestoykost" [Questionary "Anti-vitality and vital capacity"]. Meditsinskaya psihologiya v Rossii, (2), p. 4—36.
19. Syrovkashina K. V., Dozortseva E. G. (2016) Psihologicheskie faktory riska suitsidalnogo povedeniya u podrostkov [Psychological factors of suicide behavior risk of teenagers]. Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya, Vol. 24, (3), p. 8—24.
20. Shvareva E. V. (2011) Zhiznestoykost kak psihologicheskaya kharakteristika uchastnikov sovremennoy obrazovatel'noy sredy [Vital capacity as a psychological characteristic of the participants of modern educational environment]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, (4), p. 180—185.
21. Oshhepkov A. A., Salakhova V. B. (2018) Osobennosti suitsidalnogo povedeniya molodezhi i zhiznestoykosti lichnosti [Peculiarities of suicide behavior of the youth and vital capacity of a personality]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 3(33), p. 28—36.

22. Delahaij R., Gaillard A., Karen van Dam W. K. Hardiness and the response to stressful situations: Investigating mediating processes // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. Issue 5. P. 386—390.
23. Maddi S., Khoshaba D., Persico M., Lu J., Harvey R., Bleecker F. The Personality Construct of Hardiness: Relationships With Comprehensive Tests of Personality and Psychopathology // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. P. 72—85.
24. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // *Journal of Personality Assessment*. 1994. V. 63, N 2. P. 265—274.
25. Merino-Tejedor E., Hontangas-Beltrán P. M., Boada-Grau J., Lucas-Mangas S. Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 85. P. 105—110.
26. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 98 p.
27. Salim J., Wadey R., Diss C. Examining the relationship between hardiness and perceived stress-related growth in a sport injury context // *Psychology of Sport and Exercise*. 2015. Vol. 19. P. 10—17.

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

А. А. Ощепков

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
sladkod@yandex.ru

ДИСПОЗИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА КАК ИНДИКАТОР НАПРАВЛЕННОСТИ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ)*

На современном этапе развития общества в силу постоянно изменяющихся социальных детерминант его развития большое значение имеет проблема формирования девиантного поведения в подростковом возрасте. Актуальной проблемой современного российского общества как в теоретическом, так и в практическом плане является девиантное поведение в подростковой среде. Девиантное поведение подростков — это сложная, многоаспектная проблема. В проблематике, связанной с девиантным поведением, наибольший интерес вызывает следующий малоисследованный аспект — система диспозиций личности подростка как индикатор склонности к девиантному поведению, связанному с возможностью проявления девиаций в поведении в различных формах в сложных жизненных ситуациях. В статье представлен теоретический анализ современного состояния проблемы диспозиционной системы личности подростка как индикатора направленности на девиантное поведение в сложной жизненной ситуации. На основании результатов теоретического анализа разработана и представлена программа эмпирического исследования и сформулированы выводы.

Ключевые слова: диспозиционная система, личность подростка, девиантное поведение, сложная жизненная ситуация.

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента (№ МК-2074.2019.6).

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важнейших проблем современного российского общества как в теоретическом, так и в практическом плане — девиантное поведение в подростковой среде. Проблема девиантного поведения подростков, являясь по своей сути междисциплинарной, рассматривается представителями различных областей гуманитарного знания, исследуются как социально-психологические характеристики групп подростков с девиантной ориентацией (групповые потребности, нормы, ценности), так и социально-психологические характеристики членов девиантных групп подростков (ценностные ориентации личности, социальные установки). Однако, несмотря на большое количество как теоретических, так и эмпирических исследований, посвященных проблеме изучения девиантного поведения подростков, можно говорить о том, что существует недостаток эмпирических исследований, направленных на изучение подростков, которые еще не проявили девиаций в поведе-

нии, но потенциально готовы к проявлению отклоняющегося поведения в сложной жизненной ситуации. Исследование подростков, потенциально готовых к проявлению девиантного поведения в сложной жизненной ситуации, позволит выявить особенности личности подростка, предрасполагающие к проявлению девиаций в поведении. В таком аспекте изучение диспозиционной системы личности подростка, склонного к девиантному поведению, основными иерархическими уровнями которой являются ценностные ориентации и социальные установки, позволит выявить взаимосвязи системы ценностей и социальных установок с уровнем склонности к девиантному поведению, выступая, таким образом, индикатором потенциального проявления девиантного поведения в сложной жизненной ситуации. Разработка проблемы девиантного поведения подростков в контексте исследования диспозиций личности позволит, в свою очередь, разработать и экспериментально опробовать психопрофилактические мероприя-

тия, направленные на снижение уровня склонности к девиантному поведению в подростковой среде.

Актуальность данной проблемы определена тем, что в современной психологической науке и практике большое значение имеет изучение механизмов формирования личности подростка, влияния социальных изменений на проявление девиаций у несовершеннолетних. Важным фактом является необходимость изучения механизмов формирования девиантного поведения подростков с учетом взаимосвязи личности с социальным окружением. По нашему мнению, исследование девиантного поведения подростков необходимо начинать с изучения особенностей ценностных ориентаций и социальных установок их личности в сложной жизненной социальной ситуации. Таким образом, задачей нашего исследования является изучение подростков, склонных к девиантному поведению, в рамках диспозиционной системы личности, которая позволяет рассматривать как личностные, так и социальные факторы во взаимосвязи.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В рамках зарубежной психологии изучение девиантного поведения представлено психодинамическими теориями А. Фрейд, З. Фрейда, О. Кернберг, А. Адлера, Э. Фромма, К. Хорни и многих других. Нормальность и аномальность личности в рамках экзистенциально-гуманистического подхода определяются в концепциях В. Франкла, У. Садлера. Представители бихевиоризма и необихевиоризма доказывают, что сущность девиантного поведения полностью определяется окружающей средой (Б. Скиннер, Е. Торндайк, Д. Уотсон и др.). Развитие теории научения представлено в когнитивных теориях А. Бандуры, Л. Мерфи, Р. Лазаруса, Е. Хэйма.

В зарубежной социальной психологии проблема девиантного поведения исследуется в рамках необихевиористской теоретической ориентации (Д. Тибо, Д. Доллард, А. Бандура, Г. Келли и др.), когнитивистского подхода (Ф. Хайдер, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, С. Аш, Д. Креч, Р. Крачфилд и др.), психоаналитической ориентации (В. Байон, В. Беннис, Г. Шепард, В. Шутц и др.), интеракционистского направления (И. Гофман, Т. Шибутани, Г. Келли). Также следует отметить современные теории девиантного поведения зарубежной социальной психологии: концепция социальных отклонений Р. Харре и теория поведения добровольного риска С. Линга [3].

В отечественной психологической науке и практике проблеме девиантного поведения несовершеннолетних посвящены труды таких выдающихся ученых, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Д. И. Фельдштейн, И. С. Кон, С. А. Беличева, А. Е. Личко и др. Лейтмотивом исследований отечественных психологов выступает утверждение о том, что подростковый возраст является группой повышенного риска. Сама проблема девиантного поведения объясняется двумя причинами:

- 1) несовпадение требований нормы требованиям жизни;
- 2) несоответствие требований жизни интересам данной личности.

Здесь следует отметить теорию отношений В. Н. Мясищева, исследования В. Н. Кудрявцева, Б. С. Братуся, А. В. Петровского, Ю. П. Платонова, Г. И. Колесниковой, С. А. Беличевой, Л. Г. Агеевой, Ю. А. Клейберга [1].

Изучение девиантного поведения подростков связано в отечественной социальной психологии также с исследованием групп подростков с девиантной ориентацией. Прикладные исследования девиантных групп подростков посвящены изучению социально-психологических характеристик социальных групп подростков с девиантной ориентацией — групповые потребности, нормы, ценности (И. В. Севастьянова, С. А. Беличева, С. В. Тачина, Е. А. Парыгина, А. Добрович, Т. Д. Владимирова, И. А. Семикашева, А. Л. Салагаев и многие другие). Индивидуальным характеристикам членов социальных девиантно-ориентированных групп подростков посвящены эмпирические исследования общепсихологической ориентированности (Т. Д. Марцинковская, Г. И. Забрянский, Т. Д. Владимирова, О. А. Селиванова, Ю. А. Щепина, И. С. Кон, С. А. Беличева, Е. В. Кучинская, В. С. Кукушин, И. П. Башкатов и многие другие).

Формирование и развитие психологических новообразований в каждом возрастном периоде определяет подростковый возраст как чрезвычайно сложный и опасный для проявления отклонений в поведении. Именно в подростковом возрасте наблюдаются расстройства личности, что приводит к нарушению общепринятых норм и правил морали и нравственности [2, 4]. Важная роль в плане личностного развития подростка принадлежит такой интегральной характеристике, как ценностные ориентации, являющиеся, в свою очередь, объектом междисциплинарного знания.

Большое внимание разработке проблем ценностных ориентаций, которые рассматрива-

ются как ценностные основания девиантного поведения подростков, уделяется в рамках философии (В. П. Тугаринов, А. Г. Здравомыслов, О. Г. Дробницкий, Г. П. Выжлецов, О. Н. Замотаева). Дифференциации ценностных ориентаций посвящены работы социологов В. В. Гаврилюк, Н. А. Стрикоз, В. Н. Кузнецова, А. В. Соколова, И. О. Щербаковой. В исследованиях ценностных ориентаций отечественными психологами преобладает системно-структурный подход (Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Г. Ковалев и др.). Изучению структуры и возрастной динамики ценностных ориентаций, их взаимосвязи с особенностями личности, индивидуально-типическими особенностями, профессиональной направленностью посвящены работы Е. Ф. Рыбалко, Н. А. Волковой, В. А. Токаревой, И. В. Дубровиной, Т. Г. Сухановой, К. Д. Шафранской, В. Н. Куницыной, Н. Б. Нестеровой, Е. А. Васиной. Существует направление в изучении ценностных ориентаций, которое связывает проблемы ценностей с проблемами общения подростков (Б. И. Додонов, И. И. Прокопьев, Г. П. Гурина, А. Р. Ратинов). Представление о системе ценностей личности как иерархии ее убеждений получило распространение в американской социальной психологии (М. Рокич, С. Шварц, У. Билски) [3].

Изучению ценностных ориентаций подростков посвящены многочисленные исследования как отечественных, так и зарубежных ученых (Р. Джессор, Р. Хавигхерст, Л. Кольберг, Р. Лернер, А. Дэвис, М. Пинкуарт, М. Мид, Е. А. Васина, В. Д. Сайко, М. С. Яницкий, Н. А. Кириллова, С. В. Молчанов, Л. А. Дюдюкина). Наряду с большим количеством исследований, посвященных изучению особенностей личности подростков, существует также целый пласт работ, направленных на исследование ценностных ориентаций девиантных подростков (О. В. Якимович, Г. Г. Бочкарева, М. С. Яницкий, В. В. Лунеев, Е. В. Звягина, Н. А. Плугина, Ю. А. Васильева, Т. В. Ковалева, О. К. Степанова, Н. В. Светлова, Л. Ф. Шестопалова, Т. А. Перевозная, О. В. Болотова, Т. Н. Смотров, В. В. Гриценко, Л. В. Зубова) [3].

Теоретико-методологический анализ существующих работ, посвященных проблеме изучения девиантного поведения несовершеннолетних, позволяет говорить о том, что исследование особенностей ценностных ориентаций девиантных подростков тесно связано с изучением социальных установок девиантных подростков. Феномен социальной установки остается в центре внимания на протяжении всего развития соци-

альной психологии, несмотря на то, что этот интерес то возрастает, то угасает. Фундаментальные исследования установки в системе личности известны в зарубежной (Г. Олпорт, М. Рокич, Л. Фестингер, У. Томас, Ф. Знанецкий, Л. Терстоун, Д. Майерс, М. Смит, Д. Катц и многие другие) и отечественной социальной психологии (А. Г. Асмолов, Д. Н. Узнадзе, Г. М. Андреева, Ш. А. Надирашвили, Д. И. Фельдштейн, А. А. Девяткин, В. А. Ядов и многие другие). Однако в отечественной психологической науке и практике понятие установки на девиантное поведение стало использоваться сравнительно недавно. Анализ и прогнозу направленности поведения на различного рода аддикции посвящены работы В. В. Гульдана, О. Л. Романовой, И. В. Ивановской, Н. С. Курека; на развитие суицидального поведения — труды О. И. Ефимовой, Н. А. Польской и др.; делинквентного поведения — исследования В. Н. Иванченко, А. Г. Асмолова, С. Н. Еникополова, И. А. Дюйменного, Р. В. Чиркиной и др. [3].

Представленный теоретико-методологический анализ проблемы изучения формирования и развития девиантного поведения в подростковом возрасте позволяет утверждать, что существует недостаток работ, посвященных изучению подростков, склонных к девиантному поведению в сложной жизненной ситуации. Таким образом, учитывая современные тенденции развития науки, во-первых, считаем необходимым использовать элементы системного подхода в исследовании проблемы девиантного поведения подростков в сложной жизненной ситуации и, во-вторых, отмечаем особую ценность изучения направленности личности (склонности) к девиантному поведению с целью предупреждения девиаций в поведении.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Исследование проблемы девиантного поведения подростков в сложной жизненной ситуации и изучение направленности личности (склонности) к девиантному поведению будет включать как теоретические, так и эмпирические методы.

В рамках теоретического направления необходим теоретико-методологический анализ научных работ и публикаций, посвященных девиантному поведению подростков, особенностям ценностных ориентаций и социальных установок подростков с девиантным поведением.

Методологической основой исследования должна выступать диспозиционная концепция регуляции социального поведения В. А. Ядова, которая позволяет исследовать системно про-

блему склонности к девиантному поведению у подростков. В эмпирическом направлении необходимо использовать методы сбора данных: набор психодиагностических методик и методы математической статистики с целью анализа данных психодиагностики подростков. Теоретической базой интерпретации результатов эмпирических исследований подростков должна являться диспозиционная концепция регуляции социального поведения В. А. Ядова [6].

Структура психодиагностического блока обусловлена конкретными эмпирическими задачами исследования:

1. Исследование ценностных ориентаций: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [9]; ценностный опросник С. Шварца [10]; методика личностных конструктов Дж. Келли, адаптированная к исследованию [7].

2. Исследование социальных установок: тест «Социальная установка» О. Ф. Потемкиной; метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированный к исследованию [8].

3. Исследование различных форм девиантного поведения: методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор — А. Н. Орел), представляющая стандартизированный тест-опросник, направленный на измерение склонности к реализации различных форм девиантного поведения.

Эмпирическая часть исследования будет выполнена на базе общеобразовательных школ, детского социально-реабилитационного центра для подростков, поставленных на учет в отдел по делам несовершеннолетних МВД.

Надежность и достоверность результатов исследования будет обеспечиваться исходными методологическими позициями, применением надежного и валидного инструментария, репрезентативностью выборки исследования, а также использованием методов математической статистики [5].

С целью обработки эмпирических данных предполагается использование следующих методов математической статистики: статистический t-критерий Стьюдента, кластерный анализ, корреляционный анализ, факторный анализ.

Результатом реализации программы исследования станут выявленные особенности системы диспозиций личности подростка, склонного к девиантному поведению в сложной жизненной ситуации. С этой целью будет проведена серия эмпирических исследований ценностных ориентаций и социальных установок подростков различных выборок: подростки без девиантного

поведения в сложной жизненной ситуации, подростки с девиантным поведением в сложной жизненной ситуации, подростки, склонные к девиантному поведению в сложной жизненной ситуации. В рамках исследования девиантного поведения подростков будут рассматриваться различные формы девиантного поведения — неконформное поведение, аддиктивное поведение, агрессивное поведение, аутоагрессивное поведение, делинквентное поведение. Кроме этого, исследования будут проводиться в различных социальных средах — социальная среда общеобразовательной школы и социальная среда социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних (сложная жизненная ситуация). В итоге сравнительного, кластерного и факторного анализа будут выявлены основные особенности диспозиционной системы личности подростка, склонного к девиантному поведению в сложной жизненной ситуации, как система индикаторов направленности личности подростка на девиантное поведение. Данные результаты позволят разработать обоснованные рекомендации по предупреждению проявления девиаций в поведении у подростков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанные рекомендации по предупреждению девиаций в подростковой среде позволят составить программу социально-психологической профилактики девиантного поведения подростков в сложной жизненной ситуации. Данная программа предполагает диагностику системы диспозиций у подростков, выявляя основные индикаторы склонности к девиантному поведению, дальнейшую коррекцию системы ценностных ориентаций и социальных установок подростков, направленную на изменение поведения с девиантного на нормативное. Таким образом, целью указанной программы будет профилактика девиаций в поведении у подростков с учетом различных форм девиантного поведения (агрессивное, аутоагрессивное, аддиктивное, делинквентное).

Далее будет проведено экспериментальное внедрение программы профилактики склонности к девиантному поведению на базе общеобразовательных школ с привлечением социальных педагогов и школьных психологов. Такая экспериментальная проверка позволит выявить потенциальные возможности использования результатов научного проекта в решении проблем, связанных с девиантным поведением в подростковой среде.

Литература

1. Суицид: очерки теории и практики / Н. В. Александрова, Е. С. Асмаковец, Е. А. Белебева, Т. А. Гаврилова, И. Т. Димитров, Н. С. Ефимова, С. А. Завражин, С. П. Мельничкин, М. А. Одинцова, Д. В. Четвериков, А. Д. Шеллер ; Министерство образования и науки, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» [Электронные данные] (1 папка: 1 файл оболочки и подкаталоги). — 2014.
2. Обеспечение психологической безопасности в детско-подростковой среде : методические рекомендации для педагогов общеобразовательных организаций / Е. Г. Артамонова, Н. В. Калинина, О. И. Ефимова, В. Б. Салахова ; под ред. Л. П. Фальковской. — М. : ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2018.
3. Ощепков А. А. Особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к девиантному поведению : дис. ... канд. психол. наук / А. А. Ощепков ; Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования. — Казань, 2012.
4. Психология развивающейся личности / под ред. А. В. Петровского. — М. : Педагогика, 1987. — 240 с.
5. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. — СПб. : Речь, 2010. — 349 с.
6. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. — М. : Наука, 1975. — С. 89—105.
7. Kelley H. H. The social Psychology of Groups / H. H. Kelley, J. W. Thibaut. — New Jersey : Transaction Publishers, 1986. — 339 p.
8. Osgood C. E. The measurement of meaning / C. E. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. — Philadelphia : University of Illinois Press, 1967. — 360 p.
9. Rokeach M. The nature of human values / M. Rokeach. — N. Y. : Free Press, 1973.
10. Schwartz S. H. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. — 1987. — Vol. 58, N 5. — P. 550—562.

**DISPOSITIONAL SYSTEM OF A TEENAGER'S PERSONALITY
AS AN INDICATOR OF THE ORIENTATION TOWARDS DEVIANT BEHAVIOR
IN A DIFFICULT LIFE SITUATION (RESEARCH PROGRAM)***

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

valentina_nauka@mail.ru

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University

"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)

sladkod@yandex.ru

At the present stage of development of society, due to constantly changing social determinants of its development, the problem of the formation of deviant behavior in adolescence is of great importance. The actual problem of modern Russian society, both theoretically and in practical terms, is deviant behavior in the teenage environment. Deviant behavior of adolescents is a complex, multifaceted problem. In the problems associated with deviant behavior, the most unexplored aspect is the system of dispositions of the teenager's personality as an indicator of the tendency to deviant behavior associated with the possibility of deviations in behavior in various forms in difficult life situations. The article presents a theoretical analysis of the current state of the problem of the dispositional personality system of a teenager, as an indicator of the focus on deviant behavior in a difficult life situation. Based on the results of theoretical analysis, a program of empirical research is developed and presented, conclusions are formulated.

Key words: psychological crisis, coping behavior, difficult life situations, personality resources.

* Grant-supported by the Presidency (№ МК-2074.2019.6).

References

1. Alexandrova N. V., Asmakovets E. S., Belebeka E. A., Gavrilova T. A., Dimitrov I. T., Efimova N. S., Zavrazhin S. A., Melnichkin S. P., Odintsova M. A., Chetverikov D. V., Sceller A. D. (2014) Suicid: ocherki teorii i praktiki [Suicide: Essays on Theory and Practice]. Ministry of Education and Science, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. Electronic data (1 folder: 1 shell file and subdirectories).
2. Artamonova E. G., Kalinina N. V., Efimova O. I., Salakhova V. B. (2018) Obespechenie psikhologicheskoy bezopasnosti v detsko-podrostkovoy srede: metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov obshcheobrazovatelnykh organizatsiy [Ensuring psychological safety in children and teenagers. Guidelines for teachers of educational organizations]. Moscow: FGBNU Center for the Protection of the Rights and Interests of Children.
3. Oshchepkov A. A. (2012) Osobennosti tsennostnykh orientatsiy i sotsialnykh ustanovok podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu [Features of value orientations and social attitudes of adolescents prone to deviant behavior]. Dis. ... Candidate of psychological sciences. Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education, Kazan.
4. Petrovsky A. V. (1987) Psikhologiya razvivayushcheysoy lichnosti [Psychology of a developing personality]. Moscow: Pedagoika, 240 p.

5. Sidorenko E. V. (2010) Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg: Rech, 349 p.
6. Yadov V. A. (1975) O dispozitsionnoy regulyatsii sotsialnogo povedeniya lichnosti [On dispositional regulation of the social behavior of a person]. Metodologicheskie problemy sotsialnoy psikhologii. Moscow: Nauka, p. 89—105.
7. Kelley H. H. (1986) The social Psychology of Groups / H. H. Kelley, J. W. Thibaut. New Jersey: Transaction Publishers, 339 p.
8. Osgood C. E. The measurement of meaning / C. E. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. Philadelphia: University of Illinois Press, 1967. 360 p.
9. Rokeach M. (1973) The nature of human values. N. Y.: Free Press.
10. Schwartz S. H. (1987) Toward a Universal Psychological Structure of Human Values / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 58, N 5. P. 550—562.

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

А. А. Ощепков

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
sladkod@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ СУИЦИДЕНТА*

В статье представлены результаты эмпирического исследования самосознания личности суицидента. Суицидальная попытка рассмотрена как способ выхода из кризисной ситуации. В результате проведенного исследования установлено, что суицидентам свойственны несколько сниженная степень переживания психологической безопасности; психосемантические пространства сознания суицидентов и людей, не склонных к суициду, отличаются друг от друга. Установлено, что жизнь для суицидентов — это уникальное явление, наполненное разнородными и зачастую противоречивыми тенденциями, но которое имеет определенный смысл для каждого из испытуемых и с которым можно затеять игру, в том числе опасную. Если понятию «смерть» группа лиц, не склонных к суициду, приписывает такие характеристики, как «завершенность», «необходимость», то суициденты к данным характеристикам добавляют «легкость» и «простота»; показатели жизнестойкости у суицидентов, оказывающей влияние на отношение к ситуации, значительно ниже показателей жизнестойкости у лиц, не склонных к суицидальному поведению. Кроме того, проведенное исследование позволило определить в качестве факторов превенции суицидального риска развитие жизнестойкости как конструктивную стратегию преодоления трудных жизненных ситуаций. Развитие стратегий преодоления и личностных качеств, на которых основано преодоление, способствует наращиванию ресурсов преодоления трудной ситуации, тем самым снижая степень кризисного переживания и обеспечивая отказ от крайних форм ухода от ситуации — суицидального поведения.

Ключевые слова: психологический кризис, суицидальное поведение, психосемантическое пространство, самосознание личности суицидента.

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента (№ МК-2074.2019.6).

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших проблем современного российского общества в научном и в практическом плане является исследование суицидальной активности и суицидального риска личности. Самоубийство — весьма сложный, многоаспектный и междисциплинарный феномен. Проблемное поле, которое представляет для нас интерес, включает такие социально-психологические аспекты суицидального поведения, как особенности ценностно-смысловой сферы человека, выбирающего деструктивный способ разрешения проблем в кризисной ситуации, своеобразие его психосемантического пространства самосознания в целом и его компонентов в частности.

Хотя в последние годы появились публикации по проблеме суицидального поведения, многие из них носят сугубо теоретический характер, а рассуждения авторов не подкреплены эмпирическими исследованиями. Новизна по-

ставленных нами исследовательских задач заключается в попытке выявить особенности субъективного семантического пространства суицидента, т. е. той системы категорий индивидуального сознания, при помощи которых личность оценивает и классифицирует различные объекты мира и понятия и принимает решение деструктивного поведения в ситуации кризиса. Исследуя самосознание суицидента, мы попытались ответить на вопрос, что открывается субъекту в нем самом и что он при этом чувствует по поводу самого себя.

Также нужно отметить, что существующие на сегодняшний день подходы и методы в основном обращаются к объективному опыту, изучают сложившуюся ситуацию, количественные показатели каких-либо параметров, критериев, но почти не исследуют субъективное миропонимание личности. Новизна данного исследования заключается в том, что его реализация осуществляется в контексте психосемантического

подхода, ориентированного на изучение субъективной стороны сознания личности, выбирающей суицидальный способ разрешения проблем, и предоставляющего исследователю возможность взглянуть на мир «глазами другого человека» и понять его мироощущение.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Исследования проблемы суицидального поведения, по своей сути маргинальной, волнуют представителей различных областей науки и практики. Весьма интенсивно исследования факторов суицидального риска проводятся в рамках социологии, где в качестве детерминант предлагаются степень индустриализации, урбанизации, экономической нестабильности, интенсивность миграционных потоков, нарушения жизненных стереотипов (Isometsa E., Vaillant G. E., Bille-Brahe U.). Социально-психологический пласт исследований (при традиционном понимании предмета социальной психологии) суицидального поведения касается в большей степени микросоциума, т. е. непосредственного окружения суицидента, чаще всего семьи (Pritchard C., Shneidman E. S.). Осуществлен ряд исследований семейных факторов суицида, среди которых отмечаются оскорбления ребенка в детстве, насилие, алкогольная и наркотическая зависимости, суицидальные попытки близких родственников (Maris R. W., 1997) [5]. Вместе с тем психологический анализ личности человека, совершившего суицидальную попытку, невозможен не только без анализа системы значимых отношений, но и без ценностно-смысловой сферы и особенностей сознания и самосознания [7].

В зарубежной и отечественной литературе большое количество исследований посвящено сознательным процессам. Достаточно новым подходом к проблемам сознания и его структуры является психосемантический подход, который возник на стыке трех дисциплин: психолингвистики, психологии восприятия и изучения индивидуального сознания. Психосемантический подход использует парадигму субъективного подхода к пониманию другого человека. В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы того, как субъект воспринимает других людей, окружающий мир и самого себя. Результативность данного подхода заключается в том, что он помогает увидеть мир глазами другого человека. Появление психосемантики в начале 50-х годов XX века ознаменовало собой принципиально новый этап в исследовании сознания, который связан с именами

Ч. Осгуда, Ч. Морриса, Н. Хомского, Дж. Келли, Д. Фодора, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, В. В. Верещагина, А. А. Мельчука и др.

Другим понятием, без которого невозможно обойтись при анализе проблемы суицидального поведения, является «психологический кризис». Разработкой данной проблемы в разные периоды занимались такие авторы, как Г. Селье, З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, А. Лазарус, К. Роджерс, Ф. Перлз, Э. Берн, А. Г. Амбрумова, О. Р. Арнольд, Ф. Е. Василюк, С. Б. Семичев, А. Ф. Бондаренко и др.

Важным моментом при рассмотрении подходов к изучению кризиса является разработка понятий «субъективная картина жизненного пути» (Ананьев Б. Г., 1996) и «жизненный путь личности» (Василюк Ф., 2006) [1, 3].

В наши дни проблемы кризисных состояний все чаще становятся объектом исследования как отечественных, так и зарубежных авторов, что, однако, не говорит о глубокой и всесторонней разработке теории кризиса. Имеющимся объяснительным моделям свойственны такие черты, как недостаточная разработанность системы категорий и недостаточная ясность связи используемых понятий с академическими психологическими построениями. Такие особенности рассматриваемых теорий, очевидно, связаны со спецификой их происхождения, так как кризис изначально являлся объектом воздействия практических психологов. Именно поэтому работы, затрагивающие проблематику кризисных состояний, как правило, носят «практический» характер и направлены главным образом на рассмотрение возможных методов коррекции кризисных состояний.

Смысл жизни является одной из наиболее общих, интегральных характеристик жизнепонимания и жизнеощущения личности. При этом некоторые авторы определяют смысл жизни через понятие ее цели (Чудновский В. Э., 1995), другие авторы различают понятия «смысл жизни» и «цель жизни» (Гаджинская З. Г., 1993). Жизненный смысл, являясь психологической реальностью, выступает как «концентрированная описательная характеристика наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого» (Леонтьев Д. А., 1999, с. 250). Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни является основным двигателем поведения и развития личности, которое В. Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию. Напротив, если данная тенденция остается

нереализованной, возникает «экзистенциальный вакуум» [10]. В то же время смысл жизни выступает и как психологический способ переживания жизни в процессе ее осуществления (Абульханова-Славская К. А., 1992). В состоянии психологического кризиса происходит «перекрытие» источников жизненного смысла (блокада жизненных целей, представление о невозможности самоактуализации) (Бородан С. В., Михлин А. С.). Результирующая всех этих воздействий выражается в утрате жизненного смысла, интереса к жизни, перспективы, вместе с тем возникает своеобразное позитивное, ценностное отношение к смерти. Изучение изменений смысловых образований в ситуации переживания психологического кризиса на эмпирическом уровне и выступает задачей нашего исследования.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

В рамках реализации исследования был проведен теоретический и эмпирический анализ проблемы. Результаты теоретического анализа свидетельствуют о том, что с каждым годом проблема самоубийства приобретает все более глобальный характер, а суицидальные попытки все чаще становятся формой поведения, к которой прибегает человек в той или иной кризисной ситуации. Наряду с социологическими и медицинскими аспектами данной проблемы в последние годы внимание ученых концентрируется на психологических аспектах проблемы суицидального поведения, в частности, на личности суицидента, присущих ей особенностях, которые могут способствовать формированию аутоагрессивного поведения. Наиболее подробно особенности суицидов и личности суицидентов, в основном объективные, рассмотрены в исследованиях и работах А. Г. Амбрумовой (Амбрумова А. Г., 1983), В. С. Ефремова (Ефремов В. С., 2004), Г. В. Старшенбаума (Старшенбаум Г. В., 2005). В них представлены возрастные, личностные, средовые, психопатологические факторы, дана классификация мотивов самоубийств, приведена статистика последних лет.

Несмотря на то, что проблема суицидальной активности является междисциплинарной и представители различных наук исследуют факторы (гендерные, возрастные и социокультурные), закономерности суицида, его особенности, вместе с тем весьма мало эмпирических исследований, ориентированных на изучение личности суицидента. Психосемантический подход, в рамках которого исследуется именно субъективная сторона сознания личности, дает психологу-

исследователю возможность взглянуть на мир «глазами другого человека».

Данный подход возник на стыке трех дисциплин: психолингвистики, психологии восприятия и изучения индивидуального сознания. Сам термин «психосемантика» был введен В. Ф. Петренко и А. Г. Шмелевым в 1983 году. Вместе с тем в современной психологии и суицидологии существует пробел в исследованиях самосознания личности суицидента в контексте психосемантического подхода.

Теоретический анализ взглядов психологов и эмпирических исследований по интересующей нас проблематике свидетельствует о том, что одной из ярких особенностей сознания суицидента является эгоцентризм: погруженность и заикленность человека на своих мучительных переживаниях и страданиях сочетается с негативным отношением к себе, аутоагрессией и пессимистическими личностными установками, а также внутренней и ситуационной ригидностью поведенческих стереотипов.

Наряду с этим у всех суицидентов обнаруживаются объективные и субъективные признаки социально-психологической дезадаптации личности. Объективно дезадаптация проявляется изменением поведения человека в ближайшем социальном окружении, ограничением возможности успешно справляться со своими социальными функциями или в патологической трансформации поведения. Субъективно дезадаптация проявляется широким диапазоном — от психологических негативно окрашенных переживаний до выраженных психопатологических синдромов [8].

В исследованиях И. В. Лазаревой был выделен комплекс структурных особенностей и свойств личности, способствующих формированию суицидальных тенденций (Лазарева И. В., 1996).

Основной целью предпринятого нами эмпирического исследования было изучение самосознания человека, совершившего суицидальную попытку. Было выдвинуто предположение о том, что когнитивная модель мира суицидента (набор имплицитных представлений индивида об окружающем мире, собственном Я, а также о способах взаимодействия между Я и миром [9]) отличается от когнитивной модели человека без суицидального риска.

Выборку нашего исследования составили 26 суицидентов разного пола и возраста (пациенты токсикологического отделения БСМП г. Ульяновска), 40 суицидентов, находящихся в стадии раннего постсуицида (20 девушек и 20 юно-

шей в возрасте от 20 до 25 лет — пациенты отделения неврозов ГКУЗ ОКПБ им Н. М. Карамзина г. Ульяновска), и 70 человек, не склонных к суициду, разных по возрасту и полу.

Методический инструментарий исследования включал «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, «Ценностный спектр» Д. А. Леонтьева, шкалу базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман (в модификации М. А. Падун и А. В. Котельниковой), метод семантического дифференциала (в модификации И. Л. Соломина), методику Г. С. Никифорова «События моей жизни», Торонтскую алекситимическую шкалу (TAS). В качестве методов обработки полученных результатов применялись методы математической статистики с использованием программных пакетов SPSS-Statistics (метод ранговой корреляции Спирмена, непараметрический критерий Манна-Уитни, параметрический критерий Фишера) [2].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Сравнительный анализ базисных убеждений в группе суицидентов и группе лиц, не склонных к суициду, выявил следующую особенность: уровень убежденности в доброжелательности окружающего мира выше в группе лиц, не склонных к суициду, чем в группе суицидентов. Сравнение базовых убеждений в отношении к осмысленности мира группы суицидентов и людей, не склонных к суициду, позволяет сделать вывод о том, что окружающий мир суицидентам представляется как бессмысленный, им присуща позиция, выражающаяся в отрицании осмысленности человеческого существования. В группе не склонных к суициду уровень убежденности в осмысленности мира выше, чем в группе суицидентов.

Результаты исследования отношения к ценности собственного «Я» группы суицидентов и основной группы свидетельствуют о том, что в основной группе уровень убежденности в ценности собственного «Я» выше, чем в группе суицидентов. Эмпирические данные говорят об убежденности суицидентов в том, что они не так удачливы, как большинство людей, в том, что их недостатки перевешивают их достоинства. Они не уверены в себе и сомневаются, что могут быть интересными для многих людей.

Результаты исследования убежденности в ценности собственного «Я» по контрольной группе свидетельствуют о наличии высокой ценности своего «Я». Для респондентов характерны представления о себе как о человеке, достойном любви и уважения, порядочном, со-

блюдающем требования морали. Респонденты убеждены, что в состоянии контролировать происходящие с ними события; а если ситуация складывается не в их пользу, удача и везение будут сопутствовать им, что позволяет им таким образом поддерживать чувство собственной неувязимости.

Данные тенденции могут свидетельствовать о пониженной степени переживания психологической безопасности. Группа людей, совершивших суицидальную попытку, находится в состоянии тревожного ожидания предстоящих будущих событий, что может служить препятствием в адекватном планировании своего будущего в позитивном направлении.

Осуществленный корреляционный анализ показателей базисных убеждений не выявил значимых корреляционных связей у суицидентов, в то время как у «несуицидентов» были выявлены корреляционные связи между такими убеждениями, как «Удача» и «Образ Я» ($r = 0,575$ при $p < 0,01$), «Образ Я» и «Справедливость» ($r = 0,422$ при $p < 0,05$), «Образ Я» и «Убеждения о контроле» ($r = 0,370$ при $p < 0,05$), «Справедливость» и «Убеждения о контроле» ($r = 0,379$ при $p < 0,05$). Таким образом, чем больше доля представлений о себе как хорошем, достойном человеке, тем выше степень убеждения человека в том, что он может контролировать происходящие с ним события, прогнозировать свое будущее, знать последствия тех или иных своих поступков, тем более он убежден в справедливости мира. Такие убеждения говорят об адекватной самооценке человека, о его уверенности в себе и своем будущем, являются основой для благоприятного прогноза о его адаптации в нашем изменчивом мире.

Следует отметить, что при интерпретации полученных результатов мы опирались на предложенную в 1992 году Р. Янофф-Бульман концепцию, суть которой сводится к следующему: людям свойственно истолковывать происходящие с ними события так, чтобы поддерживать стабильность субъективной картины мира, обеспечивающей необходимую опору в постоянно меняющейся реальности. Индивид конструирует свой жизненный опыт, пытаясь достичь чувства безопасности, основываясь на имплицитной внутренней структуре, включающей в себя убеждения о доброжелательности-враждебности окружающего мира, его справедливости, а также представления о собственном Я.

2. Результаты исследования особенностей психосемантического пространства личности с помощью методики «Ценностный спектр» сви-

детельствуют о том, что бытийным понятиям «несуициденты», как правило, приписывают следующие характеристики: жизнь (жизненность, необходимость, добро); смерть (завершенность); человек (красота, уникальность, самодостаточность); прошлое (завершенность, смысл, добро); настоящее (уникальность, необходимость, смысл, игра); будущее (совершенство).

В то же время приписывание определенных характеристик тем же понятиям характеризует особенности психосемантического пространства личности суицидента: жизнь (игра, уникальность, смысл, единство противоположностей); смерть (завершенность, легкость и простота); человек (красота, уникальность); прошлое (завершенность, смысл); настоящее (уникальность, смысл, игра).

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, суициденты относятся к смерти проще и легче, чем «несуициденты», жизнь для них носит характер игры, будущее для них представляется весьма туманным и неясным. Для лиц, не склонных к суициду, характерно наличие в человеке твердого внутреннего стрежня, отношение к жизненным этапам как уникальным и несущим добро, с будущим связываются надежды на улучшение жизни.

Кроме того, результаты, полученные с помощью методики «Ценностный спектр», показали, что суициденты, в отличие от испытуемых основной группы, значимо чаще приписывают жизни такую характеристику (ценность), как необходимость (то есть некоторая вынужденность, обреченность), игра. Жизнь для них — это уникальное явление, наполненное разнородными и зачастую противоречивыми тенденциями, но которое имеет определенный смысл для каждого из испытуемых и с которым можно затеять игру, в том числе опасную. «Несуициденты» приписывают этому понятию такие характеристики, как уникальность, жизненность, смысл, необходимость, добро. То есть жизнь для них — это уникальное явление, имеющее смысл, которое им необходимо и которое несет добро. Как мы видим, набор характеристик для данного бытийного понятия у «несуицидентов» отличается от набора характеристик суицидентов.

Результаты оценки полноты жизни показывают, что суициденты значимо реже приписывают жизни эту ценность. Таким образом, люди, выбравшие аутоагрессивный способ разрешения жизненного кризиса, существенно реже оценивают жизнь как полную (заполненную интересными делами и планами, наличие которых придает жизни интерес и насыщенность). Люди,

проявляющие в своем поведении аутоагрессивные тенденции, чаще не склонны считать свою жизнь чем-то особенным и уникальным, об этом свидетельствуют значимые различия между выборками в оценивании уникальности жизни.

У суицидентов наблюдается уменьшение «плюсов» жизни и возрастание «плюсов» смерти — смерть перестает пугать человека, а жизнь становится чем-то угрожающим, «необходимым», когда человек ощущает, что живет, просто потому что «надо жить», в то время как суициденты к этой характеристике добавляют «легкость» и «простота». Это может означать, что обе группы понимают смерть как явление, завершающее жизнь, но суициденты как люди, «поглядевшие смерти в лицо», оценивают ее как простую и легкую в достижении (для них жизнь потерять легко и безболезненно). Понятию «смерть» «несуициденты» приписывают лишь характеристику «завершенность» и отмечают необходимость смерти. На наш взгляд, в этом иллюстрируется действие механизма инверсии отношений к жизни и смерти.

Интересно отметить, что суициденты значительно чаще по сравнению с группой не совершавших суицидальной попытки при оценке человека использовали такие характеристики, как необходимость и простота. Это демонстрирует упрощенное восприятие человека, которое сочетается с признанием некой обреченности, необходимости человеческого существования.

При анализе оценок временных категорий (прошлое, настоящее и будущее) у суицидентов наблюдается недооценка уникальности прошлого. Эти результаты могут свидетельствовать о низкой степени удовлетворенности суицидентами самореализацией, т. е. низкой оценке пройденного жизненного пути. Также суициденты не видят смысла в настоящем, значимо реже приписывая характеристику «смысл» категории «настоящее». Наряду с вышеизложенными характеристиками отношения к жизни, у суицидентов по сравнению с основной группой наблюдается слабая ориентация на будущее. Это проявляется в недооценке полноты будущего, смысла будущего, что свидетельствует о несформированности, аморфности образа будущего, отсутствии реальных целей и планов на будущее [6].

3. Обработка эмпирических результатов, полученных с помощью методики семантического дифференциала, позволила выявить три кластера. В первый кластер входят такие компоненты, как «Общение с людьми», «Родители», «Увлечение», во второй кластер — «Жизнь»,

«Настоящее». Третий, одиночный кластер составило понятие «Смерть», которое имеет наиболее положительную окраску и получило наибольшее количество баллов по фактору «Ценность».

Наиболее динамичным понятием в обеих выборках оказалось понятие смерти, у группы суицидентов оно связано с положительными эмоциями, что может быть обусловлено периодом раннего постсуицида, недавней попыткой уйти из жизни, восприятием смерти как единственного способа решения проблемы.

Также обнаружена статистически значимая корреляция только между шкалами «прошлое» и «смерть» у группы суицидентов: чем негативнее респонденты оценивают свое прошлое, тем ярче и радостнее они воспринимают смерть.

В группе лиц, не склонных к суициду, корреляционные связи были обнаружены между понятиями «Мое будущее» и «Общение с людьми» и между понятиями «Мое прошлое» и «Мое увлечение». Прошлое имеет положительную окраску, в котором было много уникального и неповторимого.

4. В связи с нашим предположением о том, что люди, совершившие суицидальную попытку, испытывают трудности в осознании собственных чувств, одним из важнейших выступило исследование алекситимии (сниженная способность вербализации эмоциональных состояний). При исследовании уровня алекситимии у респондентов были выявлены следующие особенности: в группе лиц, совершивших суицидальную попытку, 7 % респондентов обладают неалекситимическим типом личности, а у 93 % респондентов выявлен алекситимический тип личности.

Результаты исследования алекситимии свидетельствуют о наличии неосознанных переживаний у данной группы испытуемых, которые приносят им ощущение беспокойства и опасности, что в свою очередь еще в большей степени усиливает общую неудовлетворенность и дезадаптированность. С одной стороны, суициденты тяготеют к общению с людьми, окружающими их, нуждаются в их поддержке, внимании и заботе, с другой стороны, они испытывают трудности в осознании собственных чувств и последующем их выражении в контакте с другими. Все это создает общую напряженность, что приводит к ощущению эмоционального дискомфорта.

В основной группе 95 % респондентов обладают неалекситимическим типом личности, и только у 5 % респондентов выявлен алекситимический тип личности. При этом респонденты из контрольной группы также могут испытывать

затруднения в общении с окружающими и понимании собственных эмоциональных состояний, хотя это и не является для них неразрешимой проблемой.

Статистический анализ полученных данных подтвердил гипотезу о наличии различий по шкале алекситимии у основной группы и группы суицидентов.

5. Один из важных вопросов, на который пытаются ответить не только ученые, но и писатели, философы: почему не все люди, которые попадают в кризисную ситуацию, совершают суицид? Поиск ответа на этот вопрос определил выбор дополнительной группы испытуемых. Ими стали люди с инвалидностью 1 и 2 группы (с сильно ограниченной дееспособностью), жизненная ситуация которых представляется также крайне непреодолимой и тяжелой. В данном исследовании использовались такие методики, как «Шкала депрессии (BDI)» А. Т. Бека (адаптация Н. В. Табариной), методика «Ценностный спектр», «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, «Тест жизнестойкости» С. Мадди.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что чаще всего депрессивность суицидентов и людей с тяжелыми соматическими заболеваниями различается незначительно ($U = 39,5$ при $p \leq 0,01$), но при этом личностные особенности, а в частности жизнестойкость, оказывающая влияние на отношение к ситуации, различаются ($U = 16,5$ при $p \leq 0,01$). Результаты, полученные по методике «Ценностный спектр», в какой-то степени подтверждают афоризм о том, что «наша жизнь состоит не из событий, а из нашего отношения к событиям». Суициденты, в отличие от здоровых и инвалидов, не видят добра в жизни ($\phi^* = 1,92$ при $p \leq 0,05$) и прошлом ($\phi^* = 1,657$ при $p \leq 0,05$), не оценивают жизнь как уникальную ($\phi^* = 1,926$ при $p \leq 0,05$) и полную событий ($\phi^* = 1,697$ при $p \leq 0,05$), и, наконец, будущее, которое еще не наступило, видится им завершенным ($\phi^* = 1,885$ при $p \leq 0,05$). На этом фоне вполне закономерными видятся полученные различия по шкале «добро в смерти» ($\phi^* = 2,239$ при $p \leq 0,05$) и «отсутствие смысла в настоящем» ($\phi^* = 1,938$ при $p \leq 0,05$).

Анализ полученных результатов по методике Ж. Нюттена «Метод мотивационной индукции» свидетельствует, что значимые различия наблюдаются в параметре S — личностные характеристики самого субъекта ($t_{\text{эмп}} = 4,8$ при $p \leq 0,01$), R — активность ($t_{\text{эмп}} = 2,9$ при $p \leq 0,01$), L — желание приобретать ($t_{\text{эмп}} = 2,5$ при $p \leq 0,05$) и P — потребность в отдыхе

($t_{\text{эмп}} = 4,2$ при $p \leq 0,01$), что можно трактовать как низкую степень ориентации на будущее у суицидентов, отсутствие отчетливых планов на жизнь.

Однако не все ответы респондентов-суицидентов можно было проклассифицировать, используя предложенные автором шкалы. Такие ответы, как «Я хочу, чтобы все изменилось», «Я надеюсь, что все получится», обезличенные фразы, свидетельствующие о нежелании личной активности, встречались столь часто, что мы не смогли их проигнорировать и объединили в особую группу, используя такую категорию, как «пассивная ориентация на будущее» и обозначив отдельной шкалой — Rf.

Аналогичные результаты были получены при использовании методики «События моей жизни» — наблюдается четкое описание прошлого (причем в большей степени отмечаются негативные события) и, напротив, нежелание выделять события будущего и оценивать их. Представляя свое место на нарисованной линии жизни, 25 % суицидентов, несмотря на достаточно молодой возраст, отмечают себя практически в конце этой линии.

Надеемся, что результаты нашего исследования станут отправной точкой для других работ в области раскрытия субъективных смыслов жизни и акта смерти, а также особенностей восприятия жизни теми, кто решил совершить попытку суицида. Таким образом, анализ результатов проведенного эмпирического исследования показал, что ценностно-смысловая сфера суицидентов отличается рядом особенностей. Несмотря на то, что такие данные могут показаться вполне логичными и закономерными, их научное объяснение видится нам необходимым, поскольку и по сей день многие склонны рассматривать суицидальное поведение как результат влияния тяжелых жизненных обстоятельств. Кроме того, полученные результаты могут быть положены в основу определения адекватных направлений психотерапевтической и психокоррекционной работы, причем не только с суицидентами, но и с лицами с тяжелыми соматическими заболеваниями, что определяет практическую значимость проведенного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования позволили нам сделать следующие выводы:

— Было выявлено, что суицидентам свойственны несколько сниженная степень переживания психологической безопасности, тенденции к проявлению убежденности в неблагоприятном

отношении мира и окружающих людей к ним, а также убежденности в случайности происходящих с ними событий. Кроме того, эмпирически доказано, что у людей, совершивших попытку суицида, значительно выше уровень алекситимии, чем в контрольной группе. Для них собственный эмоциональный мир, с одной стороны, не имеет личной ценности, с другой стороны, является «слепым пятном». Они испытывают трудности в осознании собственных чувств и последующем их выражении в контакте с другими. Все это создает общую напряженность, что находит выражение в общем ощущении эмоционального дискомфорта.

— Было установлено, что психосемантические пространства сознания суицидентов и людей, не склонных к суициду, отличаются друг от друга. Выявлены различия между осознанием смерти у суицидентов и лиц, не склонных к суициду. Группа суицидентов оценивает смерть как положительное явление, а также как радостный, легкий и красивый процесс. Можно предположить, что именно проблемы в прошлом привели их к осознанию того, что смерть — единственный выход из создавшейся ситуации. Также представления суицидентов о жизни, будущем и работе отличаются от аналогичных представлений людей, не склонных к суициду. Суициденты в большей степени ориентированы на прошлое, в то время как люди, не склонные к суициду, на будущее и настоящее.

— Было установлено, что жизнь для суицидентов — это уникальное явление, наполненное разнородными и зачастую противоречивыми тенденциями, но которое имеет определенный смысл для каждого из испытуемых и с которым можно затеять игру, в том числе опасную. Если понятию «смерть» группа лиц, не склонных к суициду, приписывает такие характеристики, как «завершенность», «необходимость», то суициденты к данным характеристикам добавляют «легкость» и «простота». У суицидентов человек несет в себе добро и хорошие качества; у основной группы человек обладает самодостаточностью, неким внутренним стержнем. Обе группы отметили «завершенность» главной характеристикой понятия «прошлое», однако для суицидентов прошлое несет некий смысл, тогда как для обычных людей прошлое имеет положительную окраску и неповторимость, уникальность. Настоящее для лиц, не склонных к суициду, уникально и необходимо как отрезок жизни, у суицидентов настоящее не имеет смысла. Выборка лиц, не склонных к суициду, характеризует будущее как совершенное. У всех суици-

дентов отмечается отсутствие четкого видения своего будущего.

— Результаты эмпирического исследования взаимосвязи уровня жизнестойкости личности и склонности к проявлению суицидального поведения свидетельствуют о том, что показатели жизнестойкости у суицидентов, оказывающей влияние на отношение к ситуации, значительно ниже показателей жизнестойкости у лиц, не склонных к суицидальному поведению ($U = 16,5$ при $p \leq 0,01$). Кроме того, проведенное исследование позволило определить в качестве факторов превенции суицидального риска развитие

жизнестойкости как конструктивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций. Развитие стратегий преодоления и личностных качеств, на которых основано преодоление, способствует наращиванию ресурсов преодоления трудной ситуации, тем самым снижая степень кризисного переживания и обеспечивая отказ от крайних форм ухода от ситуации — суицидального поведения. В ходе исследования были получены обширные данные о типах и содержании ситуаций, воспринимаемых суицидентами как трудных, о применяемых стратегиях разрешения этих ситуаций.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев. — М., 1996.
2. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика : учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук. — СПб. : Питер, 2012. — 384 с.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. — М. : Изд-во Московского ун-та, 2006. — 139 с.
4. Ефимова О. И. Особенности детско-родительских отношений как фактор в формировании суицидального риска / О. И. Ефимова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 8, № 1-2. — С. 181—185.
5. Ефимова О. И. Суицидальное поведение: опыт и перспективы исследования / О. И. Ефимова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2003. — Дек. — С. 166—176.
6. Ефимова О. И. Социально-психологические аспекты гетеро- и аутоагрессии: новые грани исследования / О. И. Ефимова, Н. В. Горбоконенко, Е. В. Козицина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2002. — № 4. — С. 141—150.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. — М., 1999. — С. 154.
8. Мороз В. А. Проблема суицида в молодежной среде / В. А. Мороз // Кирилло-Методиевские чтения в СамГТУ : сборник материалов X Всероссийской (с международным участием) ежегодной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (16 мая 2014 г., Самара, СамГТУ). — 2014. — С. 197—199.
9. Падун М. А. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман / М. А. Падун, А. В. Котельникова // Психологический журнал. — 2008. — Т. 29, № 4. — С. 98—106.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М., 1990.

FEATURES OF THE PSYCHOSEMANANTIC SPACE OF SELF-IDENTITY OF THE SUICIDE PERSONALITY*

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
valentina_nauka@mail.ru

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University
"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)
sladkod@yandex.ru

The article presents the results of an empirical study of the self-identity of the personality of a suicide. Suicidal attempt is considered as a way out of a crisis. As a result of the study, the authors concluded that suiciders are characterized by a slightly reduced degree of emotional security experience, a tendency to show confidence in the unfavorable attitude of the world and people around them, as well as confidence in the randomness of events that happen to them. The psychosemantic spaces of consciousness of suiciders and people indisposed to suicide are different. The authors emphasize that life for suiciders is a unique phenomenon, full of diverse and often conflicting tendencies, but has a certain meaning for each of the subjects and with which it is possible to start a game, including a dangerous one. If the people indisposed to suicide associate the concept "death" with "completeness", "necessity", then suiciders add "lightness" and "simplicity" to these characteristics. The indicators of viability in suiciders affecting the attitude to the situation, are significantly lower than the indicators of viability in people not prone to suicidal behavior. In addition, the study made it possible to identify the development of resilience as constructive strategies for overcoming difficult life situations as factors in the prevention of suicidal risk. The development of coping strategies and personal qualities on which coping is based contributes to building up resources to overcome a difficult situation, thereby reducing the degree of crisis experience and ensuring the rejection of extreme forms of avoiding the situation — suicidal behavior.

Key words: psychological crisis, suicidal behavior, psychosemantic space, self-identity of the suicide personality.

* Grant-supported by the Presidency (№ МК-2074.2019.6).

References

1. Ananyev B. G. (1996) Psikhologiya i problemy chelovekozvaniya. Izbrannue psikhologicheskie trudy [Psychology and problems of human knowledge. Selected psychological works]. Moscow.
2. Burlachuk L. F. (2012) Psikhodiagnostika: uchebnik dlya vuzov [Psychodiagnostics: Textbook for high schools]. St. Petersburg: Peter, 384 p.
3. Vasilyuk F. E. (2006) Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy [Psychology of stress. Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 139 p.
4. Efimova O. I. (2012) Osobennosti detsko-roditselskikh otnosheniy kak faktor v formirovaniі suitsidalnogo riska [Features of parent-child relationships as a factor in the formation of suicidal risk]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova, Vol. 8, (1-2), p. 181—185.
5. Efimova O. I. (2003) Suitsidalnoe povedenie: opyt i perspektivy issledovaniya [Suicidal behavior: experience and research prospects]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsen-tra Rossiiskoy akademii nauk, p. 166—176.
6. Efimova O. I., Gorbokonenko N. V., Kozitsina E. V. (2002) Sotsialno-psikhologicheskie aspekty getero- i autoagressii: novye grani issledovaniya [Socio-psychological aspects of hetero- and autoaggression: new facets of research]. Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda, (4), p. 141—150.
7. Leontiev D. A. (1999) Psikhologiya smysla [The psychology of meaning]. Moscow, p. 154.
8. Moroz V. A. (2014) Problema suitsida v molodezhnoy srede [The problem of suicide among young people]. Cyril and Methodius Readings in SamGTU. The collection of materials of the X All-Russian (with international participation) annual scientific and practical conference of students, undergraduates and graduate students (16 May, 2014, Samara, SamSTU), p. 197—199.
9. Padun M. A., Kotelnikova A. V. (2008) Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti R. Ianoff-Bulman [Modification of the methodology for the study of basic personality beliefs of R. Yanoff-Bulman]. Psikhologicheskii zhurnal, Vol. 29, (4), p. 98—106.
10. Frankl W. (1990) Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Во Ким Зунг

Московский университет
МВД РФ имени В. Я. Кикотя
(г. Москва, Россия)
coicodon16994@gmail.com

Д. А. Иванов

Московский
государственный институт
международных
отношений (университет)
МИД РФ
(г. Москва, Россия)
ida_2008_79@mail.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ВЬЕТНАМА)

В настоящее время наблюдается увеличение количества социальных отношений, следствием которых является интенсивный ритм современной жизни и развитие общественных отношений. Один из активных субъектов таких общественных отношений — юридическое лицо. Как правило, институт юридического лица имеет замысловатую историю становления и развития. На сегодняшний день юридические лица в качестве субъекта, обладающего соответствующими правами и обязанностями, вступают в различные общественные отношения, в том числе и в уголовно-процессуальные.

Статья посвящена рассмотрению понятия и формы юридического лица по законодательству Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам, а также его признаков, при наличии которых организация приобретает статус юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, организация, участник уголовно-процессуальных отношений.

Появление института юридического лица является результатом развития человеческого сообщества, который основан на многообразии социальных потреблений, усложнении общественных отношений, развитии человеческих знаний. В настоящее время данный институт становится одним из основных элементов правовой и экономической системы не только в отдельном государстве, но и во всем мире. Безусловно, юридическое лицо подлежит дальнейшему исследованию в научной жизни.

Рассматривая институт юридического лица, необходимо отметить, что его первая идея была

сформулирована в праве Древнего Рима. Основные черты выражались в том, что эта организация (союз, объединение), имущество которой должно быть нераздельным и обоснованным, выступала в гражданском обороте от своего имени. Наряду с этим в праве Древнего Рима был разработан принцип, согласно которому данная организация существовала независимо от изменений в составе ее участников [8, с. 115—120; 6, с. 268—272; 7, с. 7].

Говоря об обеспечении прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений, необходимо рассмотреть законо-

дательное определение юридического лица. Так, в России понятие юридического лица подробно устанавливается в гражданском законодательстве. Согласно ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации «юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [1]. В отличие от физических лиц, юридическое лицо представляет собой искусственно созданный человеком субъект права. В юридической литературе существуют различные способы квалификации юридических лиц:

- по организационно-правовой форме;
- по составу учредителей;
- по характеру прав и обязанностей участников;
- по составу учредительных документов или по объему вещественных прав юридических лиц.

Наиболее распространённым способом, на наш взгляд, является квалификация юридических лиц по цели их деятельности.

В ч. 1 ст. 50 ГК РФ российский законодатель определил, что юридическими лицами могут быть коммерческие организации или некоммерческие лица.

Коммерческие организации представляют собой организации, цель которых заключается в получении прибыли и распределении ее между участниками.

Коммерческие организации в соответствии с гражданским законодательством подразделяются на:

- хозяйственные товарищества и общества (ст. 60 ГК РФ);
- полное товарищество (ст. 69 ГК РФ);
- товарищество на вере (ст. 82 ГК РФ);
- крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 86.1 ГК РФ);
- общество с ограниченной ответственностью (ст. 87 ГК РФ);
- акционерное общество (ст. 96 ГК РФ);
- производственные кооперативы (ст. 106.1 ГК РФ);
- государственные и муниципальные унитарные предприятия (ст. 113 ГК РФ).

Некоммерческими организациями являются организации, в приоритет которых не ставятся цели получения прибыли и распределения между ее участниками, а ряд других целей. Хотя они все же могут заниматься предприниматель-

ской деятельностью для достижения основных целей.

Некоммерческие организации также можно разделить на разные виды:

- некоммерческие корпоративные организации (ст. 123.1 ГК РФ);
- потребительский кооператив (ст. 123.2 ГК РФ);
- общественные организации (ст. 123.4 ГК РФ);
- общественные движения (ст. 123.7-1 ГК РФ);
- ассоциации и союзы (ст. 123.8 ГК РФ);
- товарищества собственников недвижимости (ст. 123.12 ГК РФ);
- казачьи общества (ст. 123.15 ГК РФ);
- общины коренных малочисленных народов РФ (ст. 123.16 ГК РФ);
- адвокатские палаты (ст. 123.16-1 ГК РФ);
- адвокатские образования, являющиеся юридическими лицами (ст. 123.16-2 ГК РФ);
- нотариальные палаты (ст. 123.16-3 ГК РФ);
- фонды (ст. 123.17 ГК РФ);
- учреждения (ст. 123.21 ГК РФ);
- автономные некоммерческие организации (ст. 123.24 ГК РФ);
- религиозные организации (ст. 123.26 ГК РФ) и т. д.

По требованию российского законодательства юридическое лицо необходимо зарегистрировать в Едином государственном реестре юридических лиц. Юридическое лицо считается созданным с момента внесения в реестр соответствующей записи о его регистрации и прекращает свое существование с момента внесения в реестр записи о его исключении.

Во Вьетнаме институт юридического лица появился позднее, чем в России. Историческая система вьетнамских феодальных законодательств не предусматривала статус юридического лица. Только с 1862 года, на основе договора о свободной торговле во Вьетнаме, подписанного между императором Нгуен¹, Францией и Испанией, институт юридического лица стал известен. После этого во Вьетнаме гражданские отношения были урегулированы Французским Коммерческим Кодексом 1807 года. Статья 34 Закона о торговле в центральной части Вьетнама определила, что все торговые объединения, которые созданы в соответствии с требованиями данного закона, являются юридическим ли-

¹ Династия Нгуен — последняя феодальная династия во вьетнамской истории (1802—1945), во время существования которой отмечены многие исторические перипетии, особенно французское нашествие в середине XIX века.

цом. В 1931 году было принято решение о том, что все юридические лица должны быть зарегистрированы в государственном органе и иметь учредительные документы, определяющие их статус, род деятельности, цели, способы его ликвидации и т. д. [9, с. 8].

Из-за того, что Вьетнам долго находился в военном состоянии, законодатель не имел достаточной возможности подробного рассмотрения института юридического лица. До конца 1980-х годов во вьетнамском законодательстве отсутствовала нормативная правовая база, закрепляющая статус юридических лиц. Однако термин «юридическое лицо» чаще использовался в нормативных правовых документах. В это время юридическим лицом признавались государственные учреждения, общественные организации, государственные предприятия, хозяйственные кооперативы, предприятия с иностранными инвестициями. В 1995 году во Вьетнаме был принят Гражданский кодекс, в котором впервые законодатель признал юридическое лицо как субъект правоотношений, в том числе и гражданских. С этого момента в системе законодательства Вьетнама появилось понятие юридического лица. Наследуя успехи предыдущих этапов развития, вьетнамский законодатель продолжает развивать институт юридического лица в системе национального законодательства. В настоящее время во Вьетнаме действует Гражданский кодекс [2], принятый в 2015 году. Статья 74 ГК СРВ 2015 года определила, что «организация признается юридическим лицом, если она отвечает достаточно следующим требованиям: а) создана в соответствии с ГК СРВ 2015 года и иными причастными законами; б) имеет организационную структуру, соответствующую ст. 83 ГК СРВ 2015 года; с) имеет обособленное имущество, отличающееся от имущества физических и других юридических лиц, и отвечает им по своим обязательствам; д) самостоятельно участвует в правоотношениях» [2, ч. 1 ст. 74].

Вопросу квалификации юридических лиц по различным основаниям вьетнамский законодатель также уделял серьезное внимание. Согласно ГК СРВ 2015 года юридическое лицо делится на коммерческое и некоммерческое. Однако во Вьетнаме еще существуют пробелы по вопросу регистрации юридического лица. ГК СРВ 2015 года прямо не предусмотрел в нем обязанность регистрации нового юридического лица. Данный вопрос недостаточно разрешен и иными нормативными актами. Также во Вьетнаме отсутствует система Единого государственного реестра

юридических лиц. Вследствие вышеуказанных обстоятельств появляются трудности в сфере государственного регулирования. Вопрос о признании юридического лица потерпевшим от преступлений также находится в стадии разработки.

Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия юридического лица по гражданскому законодательству России и СРВ почти тождественны. Участвуя в правоотношениях, в том числе уголовно-процессуальных, юридическое лицо должно обладать обязательными признаками. Наличие таких признаков позволяет юридическому лицу приобретать статус субъекта правоотношений.

Предполагаем сначала перейти к рассмотрению понятия признака. Под признаком следует понимать показатель, примету, знак, по которым можно узнать, определить что-либо [4, с. 599]. В своей работе Д. А. Иванов указывает, что признаки юридического лица представляют собой его свойства, каждое из которых необходимо, а при наличии всех таких признаков определенное образование (организация, учреждение, предприятие) может приобретать статус юридического лица как субъекта правоотношений [10, с. 25].

В связи с тем, что понятия юридического лица в действующем законодательстве РФ и СРВ почти одинаковы, автор предполагает выделить признаки юридического лица по его законному определению следующим образом.

Во-первых, юридическое лицо должно иметь обособленное имущество. З. М. Заменгоф утверждает, что под имущественной обособленностью понимается объем прав на закрепленное за юридическими лицами имущество, с помощью которого юридические лица могут самостоятельно совершить какое-то действие на базе и по поводу данного имущества [5, с. 16]. Таким образом, имущественная обособленность юридического лица появляется при наличии у него имущественного обособления, т. е. закрепленного за субъектом имущества, создающего юридическую основу хозяйственной деятельности и ответственности за её результаты перед другими участниками оборота. Имущественная обособленность также означает, что имущество юридического лица должно находиться в отдельном правовом режиме (в отличие от имущества других юридических лиц) и не должно быть связано с ними. Хотелось бы отметить, что имущественная обособленность юридического лица возникает с момента его государственной регистрации и выступает в качестве необходи-

мой предпосылки участия юридического лица в правовых имущественных отношениях.

Во-вторых, в качестве обязательного признака юридических лиц также выступает структурное организационное единство. Данный признак означает, согласно позиции Е. А. Суханова, что организация как единое целое способна решать конкретные социальные вопросы. Организация с данным признаком должна иметь определенную внутреннюю структуру, которая выражается в наличии у нее устойчивых органов управления, обладающих соответствующей компетенцией, а при необходимых случаях — собственных подразделений для осуществления конкретных задач [3, с. 230].

Действующее гражданское законодательство РФ и СРВ также предусматривает положение об органах юридического лица как его ключевых признаках. Согласно ч. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми и учредительными документами. В свою очередь вьетнамский законодатель рассмотрел наличие организационного единства как одного из обязательных признаков для получения статуса юридического лица. В соответствии с ч. 1 ст. 83 ГК СРВ 2015 года юридическое лицо должно иметь орган управления. Структура, задачи и компетенции органов управления определены уставом юридического лица или решением о создании юридического лица. Органы управления юридического лица занимают ведущее место в его структуре, поскольку они осуществляют внутреннюю упорядоченную организационную и исполнительно-распорядительную деятельность и представляют данное юридическое лицо. Наличие, количество и функциональность органов юридического лица определяются его организационно-правовой формой, выступающей индивидуализирующим элементом организационного единст-

ва юридического лица, который позволяет отличить одну организацию от другой, идентифицировав ее структуру управления в имущественном обороте [12, с. 649].

В-третьих, следующим признаком юридического лица выступает самостоятельная имущественная ответственность. Как отмечает П. Г. Сычев, имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность являются неразрывно связанными признаками юридического лица [11, с. 32]. Данный признак означает, что организация, являющаяся юридическим лицом, самостоятельно несет ответственность за результаты своей деятельности именно принадлежащим ему имуществом.

В-четвертых, организация в качестве юридического лица может приобретать процессуальную правоспособность. Процессуальная правоспособность юридического лица выражается в том, что оно может свободно участвовать в правоотношениях, от своего имени приобретать субъективные права и нести обязанности в соответствии с законными требованиями, быть истцом или ответчиком в суде.

Кроме вышеперечисленных признаков для получения статуса юридического лица организация должна обладать рядом других признаков, таких как законность формирования юридического лица (которая требует законной регистрации юридического лица, при этом его деятельность должна соблюдать требования закона и соответствовать целям, для достижения которых было создано юридическое лицо); наличие соответствующих документов (уставы, учредительные договоры и т. п.), в которых фиксируются все обстоятельства формирования юридического лица, а также цели, характер, формы и особенности его деятельности.

Таким образом, вышеуказанные признаки позволяют организации получить статус юридического лица и выступать в различных правовых отношениях, в том числе уголовно-процессуальных.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.01.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019).
2. Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам. № 91/2015/QН13 от 21.11.2015.
3. Гражданское право. Общая часть : учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — М., 2004.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999.
5. Заменгоф З. М. Правовой режим материальных и финансовых ресурсов в хозяйственных системах / З. М. Заменгоф. — М. : Наука, 1987.
6. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / Д. В. Дождев. — М., 1996.
7. Корнелик Ф. И. Юридические лица в гражданском праве Российской Федерации : учебное пособие / Ф. И. Корнелик. — СПб., 2017.
8. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М., 1994.
9. Нгуен Ван Лам. Юридическое лицо в системе субъектов правоотношений : монография / Нгуен Ван Лам. — Ханой, 2011.

10. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Иванов. — М., 2008.
11. Сычев П. Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / П. Г. Сычев. — М., 2008.
12. Камышанский В. П. Ответственность за нарушение акционерного соглашения / В. П. Камышанский, С. А. Параскевова, Ю. А. Попова, А. С. Мнацаканян // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2012. — № 80.

CONCEPT, FEATURES AND LEGAL FORMS OF LEGAL ENTITIES AS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND VIETNAM)

Vo Kim Dung

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. J. Kikot (Moscow, Russia)
coicodon16994@gmail.com

D. A. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)
ida_2008_79@mail.ru

Currently there are substantial increases of social relations, which lead to intense tempo of modern living, as well as development of social interactions. One of the active party of such relations is a legal entity. Typically, the legal body has sophisticated history of evolution. Today, legal entities as a subject that holds the respective rights and obligations, enter into various social relations, including criminal procedure.

The article deals with the concept and form of a legal entity under the laws of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam, as well as its features, in the presence of which the organization acquires the status of a legal entity.

Key words: legal entity, organization, participant in criminal procedure relations.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoy Federatsii ot 30.1.1994 N 51-FZ (red. ot 16.12.2019) [Civil Code of the Russian Federation dated 30.1.1994 N 51-FZ (as amended on 16.12.2019)].
2. Grazhdanskiy kodeks Sotsialisticheskoy Respubliki Vjetnam. N 91/2015/QH13 dated 11/21/2015 [Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam. N 91/2015/QH13 dated 11/21/2015].
3. Sukhanov E. A. (2004) Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast: uchebnik [Civil law. General part: Textbook]. Moscow.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999) Tolkovyj slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
5. Zamengof Z. M. (1987) Pravovoy rezhim materialnykh i finansovykh resursov v khozyaistvennykh sistemakh [The legal regime of material and financial resources in economic systems]. Moscow: Nauka.
6. Dozhdev D. V. (1996) Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik [Private Roman Law: Textbook]. Moscow.
7. Cornelik F. I. (2017) Yuridicheskie litsa v grazhdanskom prave Rossiiskoy Federatsii: uchebnoe posobie [Legal entities in the civil law of the Russian Federation: study guide]. St. Petersburg.
8. Novitsky I. B., Peretersky I. S. (1994) Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik [Roman Private Law: Textbook]. Moscow.
9. Nguyen Van Lam (2011) Yuridicheskoe litso v sisteme subjektov pravootnosheniy: monografiya [The legal entity in the system of subjects of legal relations: monograph]. Hanoi.
10. Ivanov D. A. (2008) Zashchita sledovatelem prav i zakonnykh interesov yuridicheskikh lits, poterpevshikh ot prestupleniy [Protection by the investigator of the rights and legitimate interests of legal entities who have suffered from crimes]. Dis. ... Cand. Legal Sciences. Moscow.
11. Sychev P. G. (2008) Osobennosti uchastiya i garantiya prav organizatsii (yuridicheskikh lits) na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva [Features of participation and guarantee of the rights of organizations (legal entities) at the pre-trial stages of criminal proceedings]. Dis. ... Cand. Legal Sciences. Moscow.
12. Kamyshansky V. P., Paraskevova S. A., Popova Yu. A., Mnatsakanyan A. S. (2012) Otvetstvennost za narushenie aktsionernogo soglasheniya [Responsibility for violation of the shareholder agreement]. Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, (80).

А. В. Гриненко

Московский
государственный институт
международных отношений
(университет) МИД РФ
(г. Москва, Россия)
avgrinenko2@mail.ru

Д. О. Чистилина

Юго-Западный
государственный
университет
(г. Курск, Россия)
darya-chistilina@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена проблемным вопросам, касающимся определения подсудности суда с участием присяжных заседателей. Данная форма судопроизводства появилась в России благодаря Судебной реформе 1864 года. За образец были взяты английская и французская модели подобных институтов. Целью введения суда с участием присяжных заседателей в России было искоренение чиновничьего беспредела. В тот период к подсудности судов с участием присяжных заседателей было отнесено достаточно большое количество составов преступлений. Однако со временем его подсудность начала сужаться, что было связано с рядом социальных и политических причин. Отметим, что в вопросе определения подсудности важен разумный подход, особенно это касается судов с участием присяжных заседателей, где необходимо, чтобы простые граждане при разрешении вопроса о виновности подсудимого могли применить свой житейский опыт и здравый смысл. Современный суд с участием присяжных заседателей также столкнулся с проблемой корректности определения его подсудности. Автоматическое ее определение в соответствии с уровнем судов, на котором функционирует подобная форма судопроизводства, на наш взгляд, не является целесообразным, так как не учитывает специфики такого суда. Планомерное же сужение подсудности суда с участием присяжных заседателей не способствует его более широкому распространению.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, подсудность, уголовное дело, уголовный процесс, формы уголовного судопроизводства.

Развитие форм уголовного судопроизводства всегда стремилось идти по пути гуманизации, когда права и свободы человека и гражданина гарантировались действующим законодательством. Однако на протяжении довольно продолжительного периода уголовный процесс имел преимущественно инквизиционный характер. Лишь с течением времени появились демократические институты, которые повысили уровень обеспеченности прав граждан. Причем этот путь в разные периоды времени прошли практически все развитые страны, не была исключением и Россия.

После долгого преобладания инквизиционных начал в законодательстве благодаря Судебной реформе 1864 года появились такие демократические институты, как адвокатура, институт мировых судей, суд с участием присяжных заседателей и т. д. [16, с. 196—202]. Эти нововведения не сразу завоевали расположение как простых граждан, так и практикующих юристов. Особенно много вопросов было к суду присяжных.

Он появился как средство борьбы с коррупцией и произволом в судопроизводстве. Посредством участия в отправлении правосудия простых людей из разных сословий предполагалось повысить уровень доверия граждан к правоохранительной системе и поставить под общественный контроль решения чиновников судебной власти.

Однако как тогда, так и сейчас остается еще большое количество вопросов к этой форме судопроизводства, основным из которых является корректность определения подсудности суда с участием присяжных заседателей.

После Судебной реформы 1864 года суды присяжных имели достаточно широкую подсудность, которая включала в себя дела о так называемых государственных преступлениях. Однако со временем законодатель счел этот шаг не вполне удачным, ввиду чего в 1878 году из подсудности судов присяжных заседателей были изъяты и переданы в компетенцию военных судов некоторые категории дел (преступления

против государственного строя, покушения на представителей власти, сопротивление органам государственной власти, должностные преступления) [5, с. 137—150]. Это было связано с оправданием судом присяжных заседателей Веры Засулич, вина которой полностью подтверждалась собранными доказательствами. Однако исход этого дела, которое было решающим звеном в цепочке последующих изменений законодательства в данной сфере, на наш взгляд, получил ошибочную оценку. После неудачно проведенного стороной обвинения «Дела о пропаганде Империи» министр юстиции К. И. Пален, безусловно, желал реабилитироваться, поэтому допустил ряд ошибок, выведя Веру Засулич на открытый процесс с участием присяжных и исключив из дела политический подтекст. Все это, а также ошибки, допущенные следственным ведомством и государственным обвинителем в процессе рассмотрения дела, сыграли решающую роль в оправдании подсудимой [9, с. 125—130]. Однако именно присяжных заседателей обвинили в излишней лояльности к преступникам, поэтому и произошло значительное сужение подсудности судов с участием присяжных заседателей.

После прихода к власти Временного правительства (1917 год) компетенция суда присяжных была значительно расширена. В его ведение были возвращены все категории дел, ранее изъятые из его подсудности. Но в этом же году Декретом о суде № 1, принятым Совнаркомом 24 ноября 1917 года, суды с участием присяжных заседателей были упразднены вместе со всей ранее функционировавшей судебной системой.

Однако после перестройки появилась идея возрождения суда присяжных. В 1989 году гражданам было возвращено право на участие в рассмотрении уголовных дел путем формирования коллегии присяжных заседателей. Вместе с тем дальше декларирования дело не пошло, поскольку отсутствовал механизм реализации предоставленного права. Согласно Концепции судебной реформы 1991 года предполагалось вводить суд присяжных в составе судьи и 12 присяжных в районных судах и трех судей и 12 заседателей в высших, федеральных и окружных судах и в Верховном Суде Российской Федерации по всем делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание свыше одного года лишения свободы [11]. Отметим, что и в этом случае мы сталкиваемся с недостаточно обдуманно определенным подсудностью.

16 июля 1993 года был принят закон, нормы которого регулировали организацию и

функционирование суда с участием присяжных заседателей. Таким образом, после долгого перерыва данный институт был возрожден в российской правовой действительности. Позднее в Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года, было закреплено право граждан на участие в отправлении правосудия, единственным инструментом реализации которого является суд с участием присяжных заседателей.

Сразу после введения суда с участием присяжных заседателей в 1993 году присяжным заседателям оказалось подсудно более 40 статей Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), что в количественном отношении было почти в 10 раз меньше, чем предусматривалось в 1864 году.

1 июля 2002 года вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), который в главе 42 предусматривал порядок производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей.

На современном этапе до сих пор по поводу функционирования суда присяжных на страницах научной и публицистической печати ведется ожесточенная полемика, которая в большинстве своем сводится к вопросу: нужен или нет этот демократический институт современной России. При этом у него имеется масса недостатков, которые во многом обусловлены изначально неверным критерием формирования его подсудности [4, с. 3—5].

В теории уголовного процесса принято выделять три основных признака подсудности: предметный, территориальный и персональный. Если с последним все более или менее понятно, то затруднения вызывают лишь первые два.

Предметная подсудность определяется видом преступления, по которому ведется уголовное судопроизводство. Данный вопрос первоначально решает следователь (дознатель), квалифицируя преступное деяние по той или иной статье УК РФ. Однако право заявить ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей остается исключительно за обвиняемым, никто не может принудить его к этому.

Территориальная подсудность зависит от распределения полномочий судов по административно-территориальному принципу. Таким образом, суды с участием присяжных заседателей действуют в пределах территории субъекта Федерации [7, с. 49—56].

Изначально суд с участием присяжных заседателей был полномочен рассматривать все дела (за редким исключением), подсудные су-

дам субъекта, так как именно на этом уровне он и функционировал. По сути, законодатель просто назначил уровень судов, на котором действуют суды с участием присяжных заседателей и, не учитывая их специфики, автоматически переложил бремя разрешения категорий дел, подсудных данным судам, на плечи народа. Потом власть, возможно, испугалась существенного дисбаланса оправдательных и обвинительных приговоров, постановляемых судами с участием присяжных заседателей и обычными судами, а также социальных волнений в условиях кризиса и повернула на путь содержательного сужения компетенции судов присяжных [3, с. 1—5].

Первое значительное сужение подсудности в современной истории произошло в 2008 году Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ: из подсудности суда присяжных были изъяты и переданы на рассмотрение коллегии из трех профессиональных судей преступления, предусмотренные ст. 205, ч. 2—4 ст. 206, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 278, 279 и 281 УК РФ. В свете последних событий тех лет (дело Ульмана, Квачкова и другие) подобный шаг нашего законодателя был весьма предсказуем. Некоторые процессуалисты считают, что вообще было ошибочно вводить в компетенцию современного суда присяжных ряд государственных преступлений и что последние должны быть переданы исключительно профессиональным судьям [10]. Хотя отметим, что по таким преступлениям, как государственная измена (ст. 275 УК РФ) и шпионаж (ст. 276 УК РФ), в 2007—2008 гг. с участием присяжных не было вынесено ни одного оправдательного приговора [6, с. 4—5]. На наш взгляд, такой шаг законодателя можно объяснить лишь тем, что по таким делам часто фигурирует секретная информация, доступ к которой простых граждан крайне нежелателен, поэтому данное изъятие может быть более или менее оправдано.

Не вдаваясь в оценку правомерности этого шага, отметим, что, исключив из подсудности судов с участием присяжных заседателей дела о террористической деятельности, законодатель не просто лишил обвиняемых права на рассмотрение их дела судом с народным началом. Такое поведение следует признать скорее защитной политической реакцией на сложившуюся ситуацию, а хотелось бы научно обоснованного шага. Не стоит забывать, что целью введения института присяжных заседателей было достижение высокого качества работы правоохранительных органов, обвинения, а сам институт есть защита граждан, в том числе и от возможного произво-

ла властей [19, с. 31—33]. Только реальное и достаточное количество доказательств вины позволит признать человека виновным. Поэтому правоохранительные органы и обвинение будут вынуждены качественнее работать, собирать и закреплять доказательства вины, иначе суд с участием присяжных заседателей признает доказательства недостаточными, неубедительными и оправдает человека. В связи с этим показателен пример, когда единственным аргументом обвинения была видеокассета с записью свадьбы подсудимого. На свадьбе присутствовал его двоюродный брат-боевик, которого уже нет в живых [8, с. 61—65]. Считаем, что нецелесообразно строить обвинение на такой доказательственной базе в подобном суде.

Принципиально, на наш взгляд, и то, что в результате принятых изменений уже в который раз было редуцировано конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия. А ведь народ лишился возможности не только участвовать в управлении делами государства, но и оказывать посильную помощь ему в борьбе с терроризмом. И суд присяжных мог стать одним из действенных орудий в этой борьбе, так как осуждение со стороны общества, а не государства, порицание простыми людьми идей о завоевании независимости какими-либо нациями, о совершении социальных революций могли оказать существенное воздействие на исправление сложившейся ситуации.

В то же время не ясно, почему из подсудности суда присяжных изъяли такой состав, как массовые беспорядки. Ведь если устранение террористической деятельности поддается хоть какому-то логическому объяснению, то указанная законодательная новелла — нет. В данном случае отсутствует гриф «секретно» [6, с. 8—9]. Неужели законодатель боится, что присяжные начнут поголовно оправдывать обвиняемых по ст. 212 УК РФ? Нам представляется, что нет, так как массовые беспорядки подрывают в первую очередь мирный уклад жизни граждан. Поэтому маловероятно, что такое положение дел будет устраивать общественность.

Подобные шаги были не последними в ограничении компетенции судов с участием присяжных заседателей. Очередное сужение подсудности произошло в 2010 году: были исключены уголовные дела о преступлениях, составляющих сведения о государственной тайне, а также уголовные дела в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, судьи федерального суда, мирового судьи. Затем сократилась подсудность судов субъекта,

что также повлияло и на подсудность судов с участием присяжных заседателей. В 2013 году присяжные заседатели лишились возможности рассматривать уголовные дела против половой свободы и половой неприкосновенности (ч. 4 и 5 ст. 131, 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ), что, конечно, можно объяснить защитой потерпевших от публичного обнародования интимных подробностей, а также дополнительных моральных страданий [1, с. 696—701].

Было проведено исследование по поводу оценки возможности расширения подсудности дел, рассматриваемых судом с участием присяжных. Так, респондентам задавался вопрос: «Какие категории преступлений, по Вашему мнению, должен рассматривать суд присяжных?» Из ответов с очевидностью следует, что многие граждане поддерживают идею расширения подсудности уголовных дел. Каждый третий респондент готов отдать на рассмотрение суду с участием присяжных уголовные дела средней тяжести (32 %), а каждый четвертый (28 %) — небольшой тяжести [2, с. 6—7].

В 2016 году произошло значительное реформирование суда с участием присяжных заседателей, после того как Президент России В. В. Путин внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», который был принят законодательным органом нашей страны. В рамках данного законопроекта планировалось усовершенствовать положения законодательства о функционировании данной формы судопроизводства, распространив его подсудность на районные суды и уменьшив при этом число присяжных заседателей в коллегии до 6 человек в районных судах и до 8 человек в судах субъекта РФ [18, с. 253—255]. Признано, что подобный шаг будет способствовать укреплению демократических начал уголовного судопроизводства, повышению открытости правосудия и доверия общества к правоохранительной системе [17, с. 15—19]. В этом же году Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» значительно расширил компетенцию суда с участием присяжных заседателей за счет появления этой формы судопроизводства на уровне районных судов, а также уменьшил количественный состав коллегии. Теперь присяжные заседатели могут рассматри-

вать такие уголовные дела, как убийство (ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 4 ст. 111), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317), геноцид (ст. 357). Однако изменения вводились поэтапно, поэтому фактически «новый» суд с участием присяжных заседателей начал функционировать с середины 2018 года.

Значительные изменения подсудности судов с участием присяжных заседателей были связаны с обращением граждан в Конституционный суд РФ. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь» [14] и Постановлению Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова» [12] женщины и мужчины старше 65 лет также получили право на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей, несмотря на то, что смертная казнь к данным категориям граждан не применяется. Более того, в 2019 году было принято революционное решение, которое фактически позволило рассматривать судом с участием присяжных заседателей и уголовные дела в отношении несовершеннолетних при соблюдении нескольких условий: преступление совершено в соучастии с совершеннолетними, совершеннолетний обвиняемый заявляет ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, ввиду объективных причин дело нельзя выделить в отдельное производство [13]. В этом случае законодатель пытался найти баланс между интересами совершеннолетних и несовершеннолетних обвиняемых, признав, что все же суд с участием присяжных заседателей не ущемляет права несовершеннолетних граждан.

Несмотря на положительную тенденцию, все же считаем, что необходимо использовать иной подход к определению подсудности судов с участием присяжных заседателей. На наш взгляд, главным критерием подсудности дел,

подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, должна быть нравственная сторона дела. Именно она должна доминировать в делах, подсудных суду присяжных. Ведь присяжные заседатели не могут судить о виновности подсудимого с юридической точки зрения. В связи с этим целесообразно было бы отнести к их подсудности дела о преступлениях в социально-бытовой и семейной средах. В таких делах только непрофессиональные судьи смогут почувствовать тонкую грань между умыслом и неосторожностью, тщательно разработанным планом и тяжелым течением обстоятельств, наконец, способны возразить чрезмерной формальной определенности права.

С неграмотным определением подсудности судов с участием присяжных заседателей связана и другая проблема — возможно ли его размещение в социальных средах, отличающихся национальным либо социально-профессиональным колоритом и особым укладом жизни. Такими средами некоторые политики считают республики Северного Кавказа и вооруженные силы. Полагаем, что многие страны, имевшие схожие проблемы (например, расовые вопросы в США), в свое время применяли для их реше-

ния системный подход в вопросе реформирования данного правового института.

Сужение подсудности суда присяжных необоснованно ограничивает право обвиняемого в выборе формы судопроизводства. В условиях же гуманизации уголовного законодательства, когда санкции многих статей смягчили и исключили преступность и наказуемость некоторых деяний, это представляется абсурдным. Ведь рассмотрение дела судом присяжных дает больше гарантий вынесения справедливого решения по делу.

Многие процессуалисты признают социальную значимость суда присяжных и верят в его беспристрастность и справедливость. Особенно хочется отметить высказывание С. А. Пашина (федеральный судья в отставке): «Надо научиться уважать голос присяжных, и если уж они кого-то оправдали, то никого нельзя судить дважды» [15].

Таким образом, грамотный подход к определению подсудности судов с участием присяжных заседателей позволит более эффективно функционировать данной форме судопроизводства, что будет способствовать увеличению количества рассматриваемых ими уголовных дел.

Литература

1. Багуцкий Н. В. Проблемы исключения из подсудности суда присяжных отдельных уголовных составов / Н. В. Багуцкий // *Аллея науки*. — 2019. — № 1(28). — С. 696—701.
2. Волков К. А. Суд присяжных в социальном измерении / К. А. Волков // *Российский судья*. — 2011. — № 10. — С. 6—7.
3. Головкин Л. В. Конституционный суд vs суд присяжных / Л. В. Головкин // *ЭЖ-Юрист*. — 2010. — № 10. — С. 1—5.
4. Гриненко А. В. К вопросу о расширении компетенции суда с участием присяжных заседателей / А. В. Гриненко // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2015. — № 2. — С. 3—5.
5. Демичев А. А. Периодизация истории суда присяжных в России / А. А. Демичев // *Журнал российского права*. — 2001. — № 7. — С. 137—150.
6. Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации // *Адвокатская практика*. — 2009. — № 3. — С. 4—9.
7. Дудко Н. А. Понятие и виды подсудности уголовных дел суду присяжных / Н. А. Дудко // *Известия АлтГУ*. — 2006. — № 2(40). — С. 49—56.
8. Костров Г. К. Трудное время суда присяжных / Г. К. Костров // *Российская юстиция*. — 2007. — № 3. — С. 61—65.
9. Кузнецов А. В. Не изменивший правосудию. К 175-летию со дня рождения А. Ф. Кони / А. В. Кузнецов. — М. : Гра-ница, 2019. — 224 с.
10. Палата адвокатов Нижегородской области. Подсудность суду присяжных: история и современность. — URL: <http://www.apno.ru/content/view/804/39> (дата обращения: 10.02.2020).
11. Пашин С. А. История суда присяжных в постсоветской России / С. А. Пашин // *Индекс*. [Досье на цензуру]. — 2009. — № 30. — URL: <http://index.org.ru/journal/30/02-pashin.html> (дата обращения: 10.02.2020).
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова» // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 10.02.2020).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 10.02.2020).

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь» // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 10.02.2020).
15. Радио ЭХО Москвы. В круге света. Нужен ли суд присяжных в России? — URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/sorokina/555590-echo> (дата обращения: 11.02.2020).
16. Рябина Т. К. Правовое наследие судебных реформ в России в решении современных процессуальных проблем / Т. К. Рябина, А. А. Козявин // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : материалы Международной научно-практической конференции. — 2014. — С. 196—202.
17. Тарасов В. Н. Тенденции и проблемы развития института суда присяжных в России / В. Н. Тарасов // Судья. — 2016. — № 5. — С. 15—19.
18. Чистилина Д. О. Усеченные составы коллегии присяжных заседателей: благо или зло? / Д. О. Чистилина // Российское законодательство: новые проблемы, новые решения : сборник материалов Международной научно-практической конференции / Международный юридический институт, Тульский филиал. — 2016. — С. 253—258.
19. Шукюров А. Т. Институт присяжных заседателей в России / А. Т. Шукюров // Администратор суда. — 2012. — № 1. — С. 31—33.

PROBLEM ASPECTS OF DETERMINING THE JURISDICTION OF A COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS IN THE CONDITIONS OF REFORMING THE JUDICIAL SYSTEM

A. V. Grinenko

Moscow State Institute of international relations (University) (MGIMO University), FAM of Russia (Moscow, Russia)
avgrinenko2@mail.ru

D. O. Chistilina

Southwest State University (SWSU) (Kursk, Russia)
darya-chistilina@yandex.ru

The article is devoted to the issue of determining the jurisdiction of a court with the participation of jurors. This form of legal proceedings appeared in Russia due to the Judicial reform of 1864. The English and French models of similar institutions were taken as a model. The purpose of introducing a jury trial in Russia was to eliminate the lawlessness of officials. At that time, a fairly large number of crimes were assigned to the jurisdiction of courts with the participation of jurors. However, over time, the jurisdiction began to decrease, which was due to a number of social and political reasons. It should be noted that a reasonable approach is important in determining jurisdiction, especially in courts with the participation of jurors, where it is necessary for ordinary citizens to use their everyday experience and common sense in resolving the issue of the defendant's guilt.

The modern court with the participation of jurors also faced the problem of the correctness of the definition of its jurisdiction. In our opinion, it is not appropriate to automatically determine it in accordance with the level of courts at which such a form of legal proceedings operates, since it does not take into account the specifics of such a court. The systematic reduction of jurisdiction of court with participation of jurors does not contribute to its wider application.

Key words: court with the participation of jurors, jurisdiction, criminal cases, criminal procedure, forms of criminal proceedings.

References

1. Bagutskiy N. V. (2019) Problemy isklyucheniya iz podsudnosti suda prisyazhnykh otdelnykh ugovolnykh sostavov [Problems of expulsion of some elements of a crime from jury arbitrability]. *Alleya nauki*, 1(28), p. 696—701.
2. Volkov K. A. (2011) Sud prisyazhnykh v sotsialnom izmerenii [Jury trial in social measurement]. *Rossiyskiy sudya*, (10), p. 6—7.
3. Golovko L. V. (2010) Konstitutsionnyy sud vs sud prisyazhnykh [Constitutional court vs jury court]. *EZH-Yurist*, (10), p. 1—5.
4. Grinenko A. V. (2015) K voprosu o rasshirenii kompetentsii suda s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [Broadening of a court competence with the involvement of jurors]. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, (2), p. 3—5.
5. Demichev A. A. (2001) Periodizatsiya istorii suda prisyazhnykh v Rossii [Periodization of the history of jury court in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (7), p. 137—150.
6. Doklad Federal'noy palaty advokátov Rossiiskoy Federatsii. Obespechenie prav i interesov grazhdan pri osushchestvlenii ugovolno-pravovoy politiki v Rossiiskoy Federatsii [Report of Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. Protection of human rights and interests during criminal policy making in the Russian Federation]. *Advokatskaya praktika*, (3), p. 4—9.
7. Dudko N. A. (2006) Ponyatie i vidy podsudnosti ugovolnykh del sudu prisyazhnykh [Concept and types of criminal jurisdiction in jury trial]. *Izvestiya AltGU*, 2(40), p. 49—56.
8. Kostrov G. K. (2007) Trudnoye vremya suda prisyazhnykh [Hard time for the jury court]. *Rossiiskaya yustitsiya*, (3), p. 61—65.

9. Kuznetsov A. V. (2019) Ne izmenivshiy pravosudiye. K 175-letiyu so dnia rozhdeniya A. F. Koni [The person who wasn't unfaithful to justice. 175 years since A. F. Koni's birth]. Moscow: Granitsa, 224 p.
10. Palata advokatsov Nizhegorodskoy oblasti. Podsudnost sudu prisyazhnykh: istoriya i sovremennost [Chamber of Advocates of Nizhny Novgorod region. Jury arbitrability: history and modern times]. URL: <http://www.apno.ru/content/view/804/39> (access date: 10.02.2020).
11. Pashin S. A. (2009) Istoriya suda prisyazhnykh v postsovetsoy Rossii [History of jury court in postsoviet Russia]. Indeks, (30). URL: <http://index.org.ru/journal/30/02-pashin.html> (access date: 10.02.2020).
12. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.03.2017 N 7-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozenii punkta 2 chasti vtoroy statyi 30 i punkta 1 chasti tretyey statyi 31 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, chasti vtoroy statyi 57 i chasti vtoroy statyi 59 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V. D. Labusova" [Ruling of the constitutional court of the Russian Federation of 16.03.2017 N 7-P "In the case of testing of the constitutionality of the provisions of Point 2 Article 30 and Point 1 Article 31 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Part 2 Article 57 and Part 2 Article 59 of The Criminal Code of the Russian Federation in view of the complaint from V. D. Labusov"]. SPS "KonsultantPlyus". Section "Sudebnaya praktika" (access date: 10.02.2020).
13. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.05.2019 N 20-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2.1 chasti vtoroy statyi 30 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Leningradskogo oblastnogo suda" [Ruling of the constitutional court of the Russian Federation of 22.05.2019 N 20-P "In the case of testing of the constitutionality of the provisions of Point 2.1 Article 30 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation in view of the request of Leningrad regional court"]. SPS "KonsultantPlyus". Section "Sudebnaya praktika" (access date: 10.02.2020).
14. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.02.2016 N 6-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 1 chasti tretyey statyi 31 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina A. S. Lyamar" [Ruling of the constitutional court of the Russian Federation of 25.02.2016 N 6-P "In the case of testing of the constitutionality of the provisions of Point 1.3 Article 31 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation in view of the complaint of A. S. Lyamar"]. SPS "KonsultantPlyus". Section "Sudebnaya praktika" (access date: 10.02.2020).
15. Radio EHO Moskvy. V krug sveta. Nuzhen li sud prisyazhnykh v Rossii? [Radio Echo of Moscow. In the light. Does Russia need the jury court?]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/sorokina/555590-echo> (access date: 11.02.2020).
16. Ryabinina T. K., Kozyavin A. A. (2014) Pravovoe nasledie sudebnykh reform v Rossii v reshenii sovremennykh protsessualnykh problem [Legal heritage of judicial reforms in Russia through the solution of contemporary procedural problems]. V sbornike: 150 let Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva: Materials of international scientific-practical conference, p. 196—202.
17. Tarasov V. N. (2016) Tendentsii i problemy razvitiya instituta suda prisyazhnykh v Rossii [Trends and problems of the development of the jury court institute in Russia]. Sudyia, (5), p. 15—19.
18. Chistilina D. O. (2016) Usechennyye sostavy kollegii prisyazhnykh zasedateley: blago ili zlo? [Truncated jury court: boon or bane?]. Rossiiskoe zakonodatelstvo: novye problemy, novye resheniya: Materials of international scientific-practical conference. International Law Institute, Tula branch, p. 253—258.
19. Shukuyurov A. T. (2012) Institut prisyazhnykh zasedateley v Rossii [Jurors institute in Russia]. Administrator suda, (1), p. 31—33.

О. В. Ершова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия),
РАНХиГС
(г. Ульяновск, Россия)
oksiphil@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Духовная культура на протяжении истории человечества считалась высшей ценностью, объектом особого социального внимания. В статье рассматривается реализация партийно-государственной политики в сфере культуры и искусства на примере библиотечного дела на территории Ульяновской области в период СССР, исследуются исторические документы, характеризующие формирование и реализацию государственной культурной политики в Ульяновской области.

Актуальность изучения проблемы взаимодействия государства и культуры диктуется необходимостью переосмысления многих страниц отечественной истории, а также политическими интересами сегодняшнего дня, когда в общественных и государственных структурах ведется острая полемика по вопросу создания действенного механизма управления различными сферами жизни страны, в том числе и культурой.

В ходе исследования использовался когнитивный и исторический подход, применялся метод исторического, сравнительного анализа, структурно-функциональный анализ. Эмпирическую базу исследования составляют нормативно-правовые документы периода СССР из электронно-нормативной базы; документы из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, отражающие реализацию партийно-государственной политики в сфере культурного строительства, становления и развития учреждений культуры, творческих коллективов.

Ключевые слова: культура, искусство, библиотека, политика, государство.

В годы Великой Отечественной войны работа учреждений культуры и творческих коллективов, в том числе и библиотек, была полностью переориентирована на агитационно-пропагандистскую деятельность. Рассмотрим вопрос о работе библиотек в годы Великой Отечественной войны в Ульяновском регионе.

В отчете директора Дворца книги — одной из главных библиотек города и области вырисовывается картина работы библиотеки в первые годы Великой Отечественной войны (см. [5]). Констатируется, что с первых дней Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков Дворец книги всю массово-политическую и воспитательную работу перестроил в соответствии с условиями военного времени как в стенах библиотеки, так и вне её. С первого дня войны в читальном зале была организована агитвитрина на тему «Отечественная война советского народа», которая включала в себя материалы: а) передовая «Правды»; б) сводки Информбюро; в) официальный материал; г) боевые эпизоды и фотоиллюстрированный материал (см. [5]). Вне стен Дворца книги было

развернуто три агитвитрины в колхозах и две агитвитрины в госпиталях города.

С получением первого газетного материала о военных действиях было организовано два альбома газетных вырезок:

1. Отечественная война советского народа: правительственные сообщения.

2. Отечественная война советского народа: вести с фронта и боевые эпизоды.

Кроме того, подготовлена доска текущих событий в детском отделе с использованием газетного материала (см. [5]).

Дворец книги организовал за указанный период 36 книжных выставок с целью ознакомления читателей с имеющейся в библиотеке литературой по военному прошлому нашей Родины. Также был сделан акцент на литературу, способствующую приобретению знаний, связанных с обороной, мобилизующую внимание читателей вокруг поставленных задач в условиях военного времени.

Тематика выставок:

а) текущего характера — «Отечественная война советского народа против фашистских за-

хватчиков», «Сталинская авиация героически крушит фашистских захватчиков» и т. д.;

б) исторического характера — с информацией об истории войн, великом прошлом русского народа, патриотизме русского народа в художественной литературе, Первой империалистической войне 1914—1918 гг., Военно-морском флоте в боях за Родину и т. д.;

в) учебно-оборонного характера — «Учись обороняться от воздушного нападения», «Учись оказывать первую помощь, правила противо-воздушной и противохимической обороны»;

г) литературного характера — к 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова, к 5-летию со дня смерти Н. А. Островского, к 50-летию памяти И. А. Гончарова, к 175-летию памяти историка Карамзина — патриота русского народа (см. [5]).

Выставки устраивались как в стенах Дворца книги, так и в госпиталях, воинских частях, школах, ФЗО, колхозах.

В первые месяцы Великой Отечественной войны сотрудники библиотеки организовали 11 лекций на тему:

— «Кто такие германские фашисты, и почему они напали на Советский Союз»;

— «Расовые бредни германского фашизма»;

— «Звериное лицо фашизма в художественной литературе»;

— «Великая Отечественная война советского народа (обзор военных действий)»;

— «Лермонтов — патриот русского народа»;

— «Астрономия на службе обороны» [8, с. 26].

Сотрудники библиотеки проводили среди населения города и колхозов читки-беседы с обзором военных действий, героических эпизодов на фронтах войны. Работники коллектива провели большую массово-разъяснительную работу среди населения по организации помощи фронту, в результате чего было собрано 173 теплые вещи для Красной Армии.

Сотрудники библиотеки осуществили перестройку справочно-биографической работы в связи с военным положением в стране. Это нашло отражение в том, что в картотеке «Международное положение» были выделены новые разделы: «Отечественная война советского народа», «Германский фашизм» и др. По запросу военных специалистов был составлен указатель на тему «Страны-агрессоры». Были составлены картотеки-указатели журнально-газетного и книжного материала о Ледовом побоище, Куликовской битве, об Александре Невском.

Библиотека оказывала также справочно-консультационные услуги. Дворец книги пере-

строил свою работу в соответствии с запросом и интересом читателей, усилил обслуживание военно-инженерного и технического персонала. По запросу читателей инженерно-технического персонала Дворец книги организовал консультацию по иностранным языкам (немецкому, английскому, французскому). Были даны консультации по военному законодательству, о значении военной типографии в военном искусстве и др. (см. [5]).

В связи с изменившимися условиями работы и контингента читателей значительно вырос спрос на историческую, общественно-политическую, тематическую и мемуарную литературу, а также на литературу на иностранных языках. «Особый спрос имеют книги: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — статьи военного характера, Генри — «Гитлер против СССР», Гейден — «История германского фашизма», Осипов — «Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», Борисов — «Багратион», из художественной литературы — Толстой Л. Н. «Война и мир», Тарле «Наполеон» и т. д.» [8, с. 25].

Приведем еще один интересный факт из культурной жизни Ульяновской области в годы войны. В июле 1941 года в город Мелекес Куйбышевской области была эвакуирована часть книжного фонда Ленинградской государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Также были эвакуированы 14 научных работников, специалистов соответствующих фондов с членами их семей, всего из Ленинграда выехало 28 человек (см. [7]).

В годы войны и в послевоенные годы активную роль в культурно-просветительском деле играли избы-читальни (см. [1]). Так, к примеру, отдел пропаганды и агитации Тереньгульского райкома ВКП(б) в своем докладе обкому партии отметил культурно-созидающую функцию избы-читальни. В избе-читальне население регулярно проводит читки, обсуждения газетных статей, журналов, художественных книг. В избе-читальне организовывалась художественная самодеятельность, представленная хорошим, драматическим, музыкальным кружками, которые давали концерты для населения. В избе-читальне осуществлялось чтение лекций на исторические, научно-естественные, медицинские темы; выпускалась стенная газета и боевые листки (см.: Информация отдела пропаганды и агитации Тереньгульского райкома ВКП(б) обкому партии о лучшей избе-читальне от 04.12.1946 [1]). Изба-читальня являлась культурным центром колхозной деревни.

Таким образом, в рассматриваемый период избы-читальни выполняли не только функции библиотеки, но и эстрадно-концертную, информационно-пропагандистскую, воспитательно-образовательную.

Учитывая все трудности военного времени, можно утверждать, что культура не пришла в упадок, а численность даже самых массовых организаций культуры — клубов и библиотек — не претерпела серьезных изменений.

В послевоенный период сеть учреждений культуры и средств массовой информации планомерно расширялась. В середине 50-х годов XX века ситуация в Ульяновской области с библиотечным делом складывалась следующим образом. В области отмечалось расширение сети культурно-просветительских учреждений, и они укреплялись кадрами. На данный период имелось 459 государственных, 48 партийных, 41 профсоюзная и большая сеть ведомственных, колхозных и клубных библиотек. Книжные фонды всех библиотек превышали 3,5 миллиона экземпляров [2].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 22 сентября 1959 года «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» массовые библиотеки в районах области стали теснее связывать свою работу с жизнью колхозов и совхозов, улучшили пропаганду передового опыта и достижений сельскохозяйственной науки (см. [6]). Все районы и многие сельские библиотеки в 1960—1961 гг. провели читательские конференции на тему «Больше произвести сельскохозяйственной продукции при меньших затратах труда и средств» и др. Книговыдача литературы по всем отраслям выросла с 5,8 миллиона экземпляров в 1959 году до 6,4 миллиона экземпляров в 1960 году, а количество читателей возросло с 312 тысяч до 337,4 тысячи человек.

В соответствии с вышеуказанным постановлением ЦК КПСС из 464 государственных библиотек в области перешли на свободный доступ читателей к книжным фондам 370, в том числе на полный — 283 библиотеки (см. [6]). За 1960 год и за первую половину 1961 года было построено за счет местных средств 26 библиотек, для 60 библиотек расширены помещения и представлены более благоустроенные здания, 20 библиотек капитально отремонтированы, 15 помещений находились в стадии строительства (см. [6]).

В области библиотечного дела особое значение приобрело приобщение к книге массового читателя. Для этого в начале 1960-х годов был

проведен ряд мероприятий по увеличению сети передвижных библиотек, пунктов выдачи книг, по привлечению к библиотечной работе книгонош. В итоге к 1961 году библиотеками региона обслуживалось 80 % жителей.

Альтернативный подход в выстраивании картины библиотечного дела в Ульяновской области в 60-х годах дает директор Ульяновского Дворца книги в одном из писем секретарю обкома КПСС. Он пишет, что в нашем городе имеется широкая сеть массовых, профсоюзных, технических, школьных и ведомственных библиотек с книжным фондом (без технических) в 2 027 321 экземпляр. По всем библиотекам города состоят читателями и пользуются библиотечными книгами 113 208 человек. По этим данным можно было бы сказать, что библиотечные книги читают более 50 % населения. Но на самом деле большее количество читателей лишь состоят в ряде библиотек города, кроме того, в это количество входят читатели области, которые обслуживаются книгами через передвижки профсоюзных библиотек и через заочный абонемент Областной библиотеки (см. [3]).

С точки зрения директора Ульяновского Дворца книги, в городе плохо решается задача доведения библиотечной книги до каждой семьи. В районах Заволжья, в северной части города и Киндяковке «не обслуживаются книгой» более 10 тысяч семей. Такое положение объясняется тем, что в городе очень неправильно размещена библиотечная сеть: в центре города на 70 тысяч жителей приходится 56 библиотек с книжным фондом 1 410 500 книг, т. е. на каждого жителя приходится по 20 книг; в Засвияжье размещено 17 библиотек с книжным фондом 250 тысяч на 30 тысяч населения, в этом районе на каждого жителя приходится по 8,3 книги; в Заволжье на 45 тысяч населения имеется всего 7 библиотек, в том числе 2 массовые, одна профсоюзная с книжным фондом 96 260 экземпляров, книгообеспеченность на каждого жителя равна 2,1 книги (см. [3]). Несколько библиотек в центре города превратились в книжные склады, и их книжные фонды лежат неиспользованные.

В целом в начале 60-х годов библиотечная сеть города Ульяновска была представлена 17 массовыми библиотеками, 1 областной, 1 детской областной, 3 детскими, 28 профсоюзными, 38 школьными, 10 библиотеками средних учебных заведений, 3 библиотеками высших учебных заведений, 4 прочими; всего насчитывалось 100 библиотек.

Как отмечается в отчетных документах, у работников культпросветучреждений области

имелся большой опыт внешкольной работы с детьми и молодежью. В области насчитывалось 27 библиотек и 5 детских отделений при библиотеках для взрослых. В 1965 году количество читателей в детских библиотеках области составило 39 316 человек. Большинство детских библиотек осуществили 100 % охват чтением учащихся 1—8 классов в райцентрах (см. [4]).

Во всех библиотеках были взяты на учет дети, которые имели устойчивый интерес к какой-либо теме. Для таких ребят библиотекари составляли индивидуальные списки для чтения. Читатели Сенгилеевской, Большенагаткинской и Тагайской детских библиотек под руководством библиотекарей создали альбомы: «Прошлое и настоящее города Сенгилея», «История села Б. Нагаткино», «Тагай за 50 лет Советской власти». Они подбирали и изучали всю литературу о родном крае, встречались со старожилами, записывали их беседы, собирали фотографии, делали рисунки (см. [4]).

Группа молодежи в массовых библиотеках области составляла почти 50 % всех читателей, в сельских, если не считать читателей-детей, — около 20—30 %. Для усиления роли книги требовались читальные залы, которые имелись только в 10 библиотеках. Особенно большой ущерб работе с юношеством наносило отсутствие специальных юношеских библиотек. Дети до 8 класса включительно обслуживались специальными детскими библиотеками, после 8 класса юношество переходило в библиотеки для взрослых. Но во взрослых библиотеках не имелось юношеских отделений, фонды были

расставлены все вместе, в открытом доступе; не было специалистов, изучавших потребности этой группы молодежи. Кроме того, не велась работа с молодежью, которая временно не работала и не училась (см. [4]).

Было очевидно, что назрела острая необходимость образовать областные юношеские библиотеки и специальные юношеские отделения при районных, городских и сельских библиотеках.

ВЫВОД

В годы Великой Отечественной войны работа учреждений культуры и творческих коллективов была полностью переориентирована на агитационно-пропагандистскую деятельность. Учитывая все трудности военного времени, можно утверждать, что культура не пришла в упадок, а численность даже самых массовых организаций культуры — клубов и библиотек — не претерпела серьезных изменений. В послевоенный период сеть учреждений культуры, в том числе и библиотек, планомерно расширялась. Несмотря на то, что в начале 60-х годов XX века правительством и партией была введена экономия средств, выделяемых на сферу культуры, учреждения культуры, в том числе и библиотеки, активно развивались. В области библиотечного дела особое значение приобрело приобщение к книге массового читателя. Для этого в начале 1960-х годов был проведен ряд мероприятий по увеличению сети передвижных библиотек, пунктов выдачи книг, по привлечению к библиотечной работе книгонош.

Литература

1. ГАНИУО. — Ф. 8. — Оп. 5. — Д. 168. — Л. 104.
2. ГАНИУО. — Ф. 8. — Оп. 14. — Д. 1. — Л. 69—74.
3. ГАНИУО. — Ф. 8. — Оп. 5. — Д. 211. — Л. 62—69.
4. ГАНИУО. — Ф. 8. — Оп. 45. — Д. 306. — Л. 64—77.
5. ГАНИУО. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 1925. — Л. 128, 128 об., 129, 129 об., 130, 130 об.
6. ГАНИУО. — Оп. 20. — Д. 209. — Л. 21—23.
7. ГАНИУО. — Ф. 919. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 124.
8. Полянская О. А. Развитие библиотечного дела на территории Ульяновской области в период 1941—1949 гг. / О. А. Полянская // Поволжский педагогический поиск. — 2015. — № 2(12). — С. 22—26.

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF CULTURE AND ART IN THE ULYANOVSK REGION DURING THE SOVIET PERIOD (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

O. V. Ershova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ulyanovsk, Russia)
oksiphil@mail.ru

Spiritual culture throughout the history of mankind was considered the highest value, as well as the object of special social attention. The object of attention of the researcher was the implementation of party-state policy in the field of culture and art on the example of library work in the Ulyanovsk region during the USSR. The article considers historical documents characterizing the formation and implementation of the state cultural policy in the Ulyanovsk region.

The relevance of studying the problem of interaction between the state and culture is dictated by the need to rethink many pages of Russian history, as well as the political interests of today, when public and state structures are in sharp polemics on the issue of creating an effective mechanism for managing various spheres of the country's life, including culture.

The study used a cognitive and historical approach. The author used the method of historical analysis, comparative, structural and functional analysis. The empirical base of the research is constituted by regulatory documents of the USSR period from the electronic regulatory framework; documents from the funds of the State Archive of the Latest History of the Ulyanovsk Region, reflecting the implementation of party-state policy in the field of cultural construction, the establishment and development of cultural institutions, as well as creative groups.

Key words: culture, art, library, politics, state.

References

1. GANIUO. F. 8. Op. 5. D. 168. L. 104.
2. GANIUO. F. 8. Op. 14. D. 1. L. 69—74.
3. GANIUO. F. 8. Op. 5. D. 211. L. 62—69.
4. GANIUO. F. 8. Op. 45. D. 306. L. 64—77.
5. GANIUO. F. 13. Op. 1. D. 1925. L. 128, 128 ab., 129, 129 ab., 130, 130 ab.
6. GANIUO. Op. 20. D. 209. L. 21—23.
7. GANIUO. F. 919. Op. 1. D. 122. L. 124.
8. Polyanskaya O. A. (2015) Razvitie bibliotecnogo dela na territorii Ulyanovskoy oblasti v period 1941—1949 gg. [Development of library science on the territory of Ulyanovsk region in 1941—1949]. Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk, 2(12), p. 22—26.

А. В. Павлов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
andrewpavlov73@yandex.ru

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения способов обеспечения исполнения обязательств, возникающих из предварительного договора. Высказано мнение о недопустимости использования задатка в качестве способа обеспечения исполнения обязательства из предварительного договора. Автором анализируются предусмотренные законом способы обеспечения исполнения обязательств с точки зрения их применения к правоотношениям, возникающим из предварительного договора. При этом уделено внимание каждому способу обеспечения исполнения обязательства применительно к предварительному договору: залог, поручительство, задаток, аванс, неустойка, обеспечительный платеж. На основании проведенного анализа автором предлагаются изменения в действующее гражданское законодательство.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена следующим. Участники хозяйственного оборота стремятся минимизировать риски неисполнения контрагентом обязательств по договору. Этому служат предусмотренные гражданским законодательством способы обеспечения исполнения обязательств. Такие способы широко применяются в гражданском обороте. Также существует обширная судебная арбитражная практика по их применению. Вместе с тем, применительно к институту предварительного договора, возникают сложности в применении способов обеспечения исполнения обязательств. Во многом это обусловлено неточностью законодательных формулировок в отношении способов обеспечения исполнения обязательств, а также отсутствием единообразия судебной практики по вопросам применения способов обеспечения исполнения обязательств к предварительным договорам. Не дает ответов на дискуссионные вопросы и гражданско-правовая доктрина. Однако, по нашему мнению, единообразное применение способов обеспечения исполнения обязательства к предварительному договору положительно бы сказалось на стабильности гражданских правоотношений, а также на развитии института предварительного договора в целом.

Ключевые слова: предварительный договор, обеспечение исполнения обязательств, способы обеспечения исполнения обязательств, залог, поручительство, задаток, аванс, неустойка, обеспечительный платеж.

Существование института обеспечения исполнения обязательств обусловлено потребностью в эффективном механизме, гарантирующем получение того результата, к которому стороны стремились при заключении сделки. Способы обеспечения исполнения обязательств также гарантируют соблюдение контрагентом достигнутых договоренностей надлежащим образом и в установленные сроки [10].

Действующее законодательство в ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) содержит открытый перечень способов обеспечения обязательств. В частности, кодекс называет такие способы, как неустойка, залог, поручительство, банковская гарантия, задаток и иные способы. Способы обеспечения исполнения обязательств закрепляются законодательно и фиксируются в кон-

кретном договоре. Стороны гражданских правоотношений могут выбрать любой, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом способ обеспечения исполнения обязательства для любого заключаемого договора.

Однако относительно предварительного договора применение способов обеспечения исполнения обязательств вызывает на практике ряд проблем. В науке остаются дискуссионными вопросы по поводу возможности применения отдельных способов обеспечения исполнения обязательств к предварительному договору. Не дает однозначного ответа на данные вопросы и судебная практика.

Например, до сих пор вызывают споры вопросы о возможности применения задатка к правоотношениям, возникающим из предварительного договора. Одни авторы считают, что

обеспечение исполнения предварительного договора задатком возможно. Мотивируют сторонники данной точки зрения свою позицию тем, что на это нет непосредственного запрета в Гражданском кодексе РФ. Кроме того, это служит дополнительной гарантией заключения основного договора впоследствии, например договор купли-продажи. Подтверждение указанной позиции можно найти и в судебной практике. Например, о возможности применения задатка в предварительном договоре указывается в Определении Верховного Суда РФ от 13.11.2012 № 11-КГ12-20 [5].

Однако существует и противоположное мнение. Оно обусловлено тем, что задаток может быть обеспечен только денежными обязательствами, только договорами, которые заключены. Кроме того, говорится о том, что задатком могут обеспечиваться такие обязательства, в которых задаток выполняет все свои функции. Речь идет о таких функциях, как доказательственная, платежная и обеспечительная [7]. Такого мнения придерживается, например, Е. Л. Невзгодина [8]. Данная позиция находит свое выражение и в судебной практике. Так, в Постановлении Президиума ВАС от 19.01.2010 № 13331/09 [4] суд указал невозможность применения института задатка в предварительном договоре. Такая позиция высшей судебной инстанции обусловлена тем, что в силу закона обязательства, вытекающие из предварительного договора, носят неденежный характер. По мнению автора, с такой позицией следует согласиться.

Так, в современной литературе преобладает точка зрения о том, что исходя из юридической сущности самого предварительного договора не следует, что он сам по себе порождает обязательственные правоотношения.

Содержание такого договора составляют права и обязанности неимущественного характера [6]. Судебная практика придерживается такой же позиции. Среди ряда судебных актов по данному вопросу можно назвать Постановление ФАС Уральского округа № Ф09-8602/12 от 01.08.2014 [3].

Кроме того, существует еще один аргумент в пользу невозможности использования задатка как способа обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из предварительного договора. Это вопрос о судьбе задатка в случае, если основной договор будет заключен. Ученые, которые придерживаются точки зрения о необходимости обеспечения предварительного договора с помощью задатка, связывают сумму за-

датка с теми платежами, которые будут осуществлены после заключения основного договора. Однако это не отвечает обеспечительной функции задатка. Исходя из буквального толкования закона, суммой задатка обеспечивается именно предварительный договор. К основному договору такой способ обеспечения никакого отношения не имеет. Кроме того, необходимо обратить внимание еще на один нюанс. Так как предварительный договор носит организационный характер, он задатком обеспечен быть не может.

Исходя из анализа действующего закона, можно сделать такой вывод: денежные средства, передаваемые в целях заключения предварительного договора, нельзя считать ни задатком, ни авансом. Указанные суммы являются каким-то иным способом обеспечения. На такой способ обеспечения положения статей 380 и 381 ГК РФ не могут распространяться [9].

В теории и судебно-арбитражной практике сформировалась следующая позиция. Обеспечивать исполнение обязательств по предварительному договору можно только путем применения обеспечительного платежа. При этом стоит отметить, что в гражданских правоотношениях при заключении предварительного договора сторонами применяются различные виды способов обеспечения исполнения обязательств, включаемых в текст договора. Однако упоминание, что сумма, переданная будущим покупателем будущему продавцу при совершении предварительного договора, засчитывается в счет платежей по основному договору, положения не меняет. В связи с этим при возникновении спора судам следует оценивать поведение сторон предварительного договора. Необходимо выяснять, каким содержанием наделили стороны денежные средства, передавая их в обеспечение предварительного договора. В предварительном договоре обеспечительный платеж может быть назван абсолютно по-разному [9].

В связи с применением обеспечительного платежа при заключении предварительного договора следует отметить еще одну проблему. А именно судьбу этого платежа в случае, если основной договор не был заключен. В этом вопросе существует две позиции.

Согласно первой позиции, при незаключении основного договора обеспечительный платеж подлежит возврату. При этом не имеют значения причины незаключения основного договора. Сторонники данной позиции обосновывают ее таким образом. Предварительный договор направлен на обязательство сторон заключить

основной договор. Из сказанного следует, что неисполнение положений предварительного договора может повлечь за собой только требование об обязанности заключить основной договор, что относится к неимущественным требованиям. Суды, рассматривая подобные споры, часто придерживаются именно такой логики. В этом случае, мотивируя необходимость возврата обеспечительного платежа, суды применяют ссылку на норму ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] о неосновательном обогащении.

Согласно второй позиции, суды при рассмотрении таких дел должны исследовать обстоятельства, по которым основной договор не был заключен. Если присутствует вина какой-либо стороны в незаключении договора, обеспечительный платеж остается у той стороны, по чьей вине основной договор не был заключен. Такая позиция представляется наиболее правильной. По нашему мнению, такой подход в наибольшей степени соответствует принципам гражданского законодательства.

Предметом дискуссии в гражданско-правовой науке является также возможность применения в качестве способа обеспечения предварительного договора залога. Некоторые ученые говорят о возможности и целесообразности применения залога. При этом в качестве залога будет выступать предполагаемый предмет основного договора. Такое возможно, если применение залога не противоречит сути основного договора.

Тем не менее, исходя из анализа положений законодательства, следует указать, что залогом может быть обеспечено только имущественное обязательство. А мы выше уже выяснили, что предварительный договор носит не имущественный, а организационный характер. Именно поэтому считаем, что залог, как способ обеспечения обязательства, к предварительному договору применен быть не может.

Также, придерживаясь избранной нами позиции, полагаем, что в качестве обеспечения по предварительному договору не может быть применено и удержание. Исходя из положений ст. 360 ГК РФ, оно может гарантировать также только имущественное обязательство.

В силу тех же обстоятельств (нематериальный характер обязательств, присущих анализируемому договору) следует определить, что обязательства по предварительному договору поручительством также не могут быть обеспечены. Такой вывод возможно сделать по следующим основаниям. Участники договора изъ-

являют волю на заключение договора с определенным лицом, а исполнение условий договора имеет значение только для кредитора. Поэтому исполнение невозможно без должника по обязательству. Существующая возможность обеспечения обязательства поручительством, согласно п. 2 ст. 361 ГК РФ, принципиального значения не имеет, так как в данной ситуации в полной мере применимы наши выводы, сделанные в отношении обеспечения предварительного договора залогом.

Еще одним способом обеспечения является неустойка. Она широко применяется на практике. Во многом это обусловлено универсальностью его применения. Анализ законодательных положений, касаемых неустойки, позволяет прийти к следующему выводу. Какие-либо ограничения сферы применения рассматриваемого способа обеспечения исполнения обязательств отсутствуют. Закон относит уплату неустойки только к факту неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательства. При этом не имеет значения характер обязательства. В связи с этим автор настоящей работы считает, что такой способ обеспечения исполнения обязательств, как неустойка, может применяться и в отношении неимущественных обязательств, в том числе и для обязательств, возникающих из предварительного договора.

Что касается возмещения убытков как способа обеспечения исполнения обязательств, то применительно к предварительному договору необходимо отметить следующее. Рассматриваемый способ обеспечения исполнения обязательств является наиболее универсальной и эффективной мерой защиты. Он может применяться ко всем без исключения договорам, независимо от их правовой природы. Это касается и предварительного договора. При этом в литературе указывается на то, что в отношении предварительного договора такой способ обеспечения исполнения обязательств теряет ряд своих преимуществ. Так, зачастую сложно бывает определить размер убытков, возникших в результате незаключения основного договора. Вместе с тем сказанное не является основанием для отказа от применения такого способа исполнения обязательств к предварительным договорам.

Рассмотрим такой способ обеспечения исполнения обязательств, как принуждение к заключению договора. Данный способ по отношению к предварительному договору является наиболее действенным способом из всех ранее рассмотренных. Его недостатком является не-

возможность применения ко всем видам правоотношений, которые могут возникнуть в связи с заключением предварительного договора.

Необходимо дополнить, что в главе 23 ГК РФ определен открытый перечень способов обеспечения. Это означает, что любая гарантия исполнения обязательства может быть установлена в предварительном договоре, вне зависимости от установленных законодателем. При этом необходимо обратить внимание на следующее. При включении такого, не названного в законе способа обеспечения исполнения обязательства, участникам договора рекомендуется установить порядок реализации способа обеспечения. В отсутствие прописанного механизма будет затруднительно применить гарантию. Также это может повлиять и на толкование содержания договора. При отсутствии ясности в выражении воли сторон такое соглашение может быть признано судом незаключенным. К сказанному стоит добавить, что в литературе, а также в судебной практике нам не удалось обнаружить какие-либо новые способы обеспечения исполнения обязательств, не названных в законе. И здесь стоит отметить, что речь идет именно о новых способах обеспечения исполнения обязательств, а не названиях, поскольку стороны могут дать в договоре любое название способу обеспечения исполнения обязательства. Вместе с тем при определении его правовой природы следует исходить не из наименования того или иного способа, а из его сущности. Поэтому, как правило, в практике договорных отношений изобретенный сторонами новый способ обеспечения исполнения обязательства является аналогичным уже имеющемуся в законодательстве. Такой способ вписывается в модель, сформулированную гражданско-правовой нормой. И это несмотря на то, что стороны в договоре при формулировании такого способа не использовали терминов, имеющих устойчивое нормативное значение.

Подводя итог проделанному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Такие способы обеспечения, как залог и удержание, не должны использоваться как обеспечение для предварительного договора. Это связано с тем фактом, что предварительный договор является организационным, а указанными способами могут обеспечиваться лишь имущественные обязательства.

2. Задаток как способ обеспечения для предварительного договора достаточно часто заменяется обеспечительным платежом.

3. Обязательства из предварительного договора также не могут гарантироваться поручи-

тельством по тем основаниям, что требуется личное исполнение должника перед кредитором.

4. Наиболее полную и всестороннюю защиту нарушенных прав в рамках предварительного договора может обеспечить взыскание неустойки.

5. В настоящее время аналоги способов обеспечения исполнения обязательств, не предусмотренных законом, в теории гражданского права и в судебно-арбитражной практике в принципе отсутствуют.

В целях совершенствования правоприменительной практики, а также для дальнейшего развития теоретического изучения вопросов, ставших предметом рассмотрения в настоящей работе, необходимо внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. На законодательном уровне необходимо решить вопрос, к какому именно обязательству применим обеспечительный платеж. А именно к обязательству заключить основной договор или будущему имущественному обязательству. Для этого необходимо дополнительно внести изменения в п. 1 ст. 381.1 ГК РФ, который изложить в следующей редакции:

«Денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, и обязательство, возникшее по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 1062 настоящего Кодекса, а также обязательство, возникшее из предварительного договора, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Обеспечительным платежом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем».

2. В ст. 381.2 ГК РФ дополнительно внести п. 2, который изложить в следующей редакции:

«Правила об обеспечительном платеже (статья 381.1) применяются также к правоотношениям сторон, возникшим из предварительного договора, при отсутствии основного обязательства. В этом случае правила о задатке к таким правоотношениям не применимы».

3. Необходимо законодательно закрепить судьбу обеспечительного платежа при незаключении основного договора. Для этого необходимо внести изменения в ст. 381.2 ГК РФ, дополнительно внести пункт 3, который изложить в следующей редакции:

«Обеспечительный платеж, переданный при заключении предварительного договора, подлежит передаче той стороне, вина которой в незаключении основного договора отсутствует».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019 № 34-ФЗ, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301; 25.03.2019. — № 12. — Ст. 1224.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410; 25.03.2019. — № 12. — Ст. 1224.
3. Постановление ФАС Уральского округа от 01.08.2014 № Ф09-8602/12 по делу № А71-6213/2012 // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.01.2010 № 13331/09 по делу № А40-59414/08-7-583 // Вестник ВАС РФ. — 27.02.2010. — № 3.
5. Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2012 № 11-КГ12-20 // СПС КонсультантПлюс.
6. Васильев А. В. Предварительный договор в праве России и США : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Васильев. — М., 2007. — 299 с.
7. Журавлева А. А. Некоторые проблемы задатка при заключении договора купли-продажи жилого помещения / А. А. Журавлева // Жилищное право. — 2013. — № 9. — С. 57—62.
8. Невзгодина Е. Л. Задаток и договоры купли-продажи недвижимого имущества / Е. Л. Невзгодина // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2007. — № 2. — С. 47—50.
9. Подузова Е. Б. Способы обеспечения исполнения организационного обязательства: проблемы теории и практики / Е. Б. Подузова // Гражданское право. — 2015. — № 2. — С. 18—21.
10. Смолькова А. В. Правовая природа обеспечительного платежа / А. В. Смолькова, О. И. Капелюха // Закон. — 07.02.2013. — С. 53—57.

**METHODS OF ENSURING THE PERFORMANCE
OF OBLIGATIONS ARISING FROM THE PRELIMINARY CONTRACT****A. V. Pavlov**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

andrewpavlov73@yandex.ru

The article deals with topical issues of application of methods to ensure the performance of obligations arising from the preliminary contract. The author considers that it is inadmissible to use a Deposit as a way of securing the performance of an obligation from a preliminary contract. The author analyzes the ways provided by the law to ensure the fulfillment of obligations from the point of view of their application to legal relations arising from the preliminary contract. Based on the analysis, the amendments to the current civil legislation are proposed.

The relevance of the problem is due to the fact that the participants in the business turnover seek to minimize the risks of non-fulfillment by the counterparty of obligations under the contract. This is provided by civil law methods to ensure the fulfillment of obligations. Such methods are widely used in civil circulation. There is also an extensive judicial arbitration practice in their application. However, with regard to the institution of the preliminary contract, difficulties arise in the application of methods for ensuring the performance of obligations. This is largely due to the inaccuracy of legislative wording regarding the ways to ensure the performance of obligations, as well as the lack of uniformity of judicial practice on issues of applying the ways to ensure the fulfillment of obligations to preliminary agreements. The civil law doctrine does not provide answers to discussion questions. However, the author considers that the uniform application of ways to ensure the fulfillment of obligations to the preliminary contract would have a positive effect on the stability of civil relations, as well as the development of the preliminary contract institution as a whole.

Key words: preliminary contract, security of obligations, ways to ensure the performance of obligations, pledge, guarantee, deposit, advance, penalty, security payment.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 18.07.2019 N 34-FZ, s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2019). Sbranie zakonodatelstva RF. 05.12.1994. N 32. St. 3301; 25.03.2019. N 12. St. 1224 [The civil code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (ed. of 18.07.2019 N 34-FZ, with ed. and extra, of course. in force 01.10.2019). Collected legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. N 32. Article 3301; 25.03.2019. N 12. St. 1224].
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 18.03.2019, s izm. ot 03.07.2019). Sbranie zakonodatelstva RF. 29.01.1996. N 5. St. 410; 25.03.2019. N 12. St. 1224 [The civil code of the Russian Federation (part two) from 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 18.03.2019, Rev. from 03.07.2019). Collection of legislation of the Russian Federation. 29.01.1996. N 5. Article 410; 25.03.2019. N 12. Article 1224].
3. Postanovlenie FAS Uralskogo okruga ot 01.08.2014 N F09-8602/12 po delu N A71-6213/2012. SPS KonsultantPlyus [Resolution of FAS of the Ural district of 01.08.2014 N F09-8602/12 in the case of N A71-6213/2012. ATP ConsultantPlus].
4. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 19.01.2010 N 13331/09 po delu N A40-59414/08-7-583. Vestnik VAS RF. 27.02.2010. N 3 [Resolution of Presidium of SAC of the Russian Federation of 19.01.2010 N 13331/09 in the case N A40-59414/08-7-583. Vestnik VAS RF. N 3. 27.02.2010].
5. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.11.2012 N 11-KG12-20. SPS KonsultantPlyus [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.11.2012 N 11-KG12-20. ATP ConsultantPlus].

6. Vasilyev A. V. (2007) Predvaritelnyj dogovor v prave Rossii i SShA [Preliminary contract in the law of Russia and the USA]. Diss. ... PhD in law. Moscow, 299 p.
7. Zhuravleva A. A. (2013) Nekotorye problemy zadatka pri zakliuchenii dogovora kupli-prodazhi zhilogo pomeshcheniia [Some problems of Deposit at the conclusion of the contract of purchase and sale of premises]. Zhilishchnoe parvo (9), p. 57—62.
8. Nevzgodina E. L. (2007) Zadatok i dogovory kupli-prodazhi nedvizhimogo imushchestva [Deposit and contracts of purchase and sale of real estate]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika, (2), p. 47—50.
9. Poduzova E. B. (2015) Sposoby obespecheniya ispolneniya organizatsionnogo obyazatelstva: problemy teorii i praktiki [Ways to ensure the performance of organizational obligations: problems of theory and practice]. Grazhdanskoe pravo, (2), p. 18—21.
10. Smolkova A. V., Kapalua O. I. Pravovaya priroda obespechitel'nogo platezha [The Legal nature of the security Deposit]. Zakon. 07.02.2013, p. 53—57.

В. Ю. Хлебников

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vlados.hlebnikov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУ ВЛАДЕЛЬЦАМИ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПЕРЕВОЗКУ ПАССАЖИРОВ, СО СМЕЖНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

В статье анализируются проблемы соотношения договора между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, со смежными договорными конструкциями. Рассматриваются признаки, позволяющие отграничить данный договор от договора транспортной экспедиции, договора аренды, договора подряда, заявки на перевозку пассажиров, договора между владельцем инфраструктуры и перевозчиком, а также от договоров на организацию перевозок. Автор делает выводы о необходимости внесения изменений в действующее законодательство. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена следующим. В связи с ростом количества пассажирских перевозок автомобильным транспортом возникают новые виды договорных отношений, регулирующих такие перевозки. В их числе и договоры между владельцами инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров. Указанный договор имеет большое значение. Он получает все более широкое распространение на практике.

Ключевые слова: договор между владельцами транспортных инфраструктур, соотношение со смежными договорными конструкциями, договор транспортной экспедиции, договор между владельцем инфраструктуры и перевозчиком, договор на организацию перевозок.

Необходимость организации взаимодействия между владельцами различных транспортных инфраструктур отмечается и на государственном уровне, например, в Транспортной стратегии РФ до 2030 года [4]. Вместе с тем рассматриваемый вид договора гражданским законодательством не урегулирован. Мало внимания уделяется рассматриваемому виду договора в теоретических исследованиях. Все это приводит к тому, что договор между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, смешивают с иными видами транспортных договоров. Безусловно, ему присущи и определенные черты, характерные для всех транспортных договоров. Вместе с тем рассматриваемый договор является самостоятельным видом транспортных договоров. Он имеет определенные признаки, отличающие его от смежных договорных конструкций. Анализу указанных проблем и посвящена настоящая работа.

Для того чтобы перейти к рассмотрению вопроса о соотношении договора между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, со смежными договорными конструкциями, необходимо рассмотреть понятие договора между владельцами транспортных инфраструктур, а также его правовую природу.

Особенность рассматриваемого вида договора заключается в следующем. Субъекты договора между владельцами транспортных инфраструктур организуют исполнение обязательств по договорам оказания услуг по предоставлению инфраструктур в пользование соответствующим перевозчикам. Причем такая деятельность сторон рассматриваемого договора осуществляется систематически.

Необходимость в заключении таких договоров обусловлена тем, что достаточно часто исполнение договора перевозки пассажира реализуется с использованием нескольких видов транспорта, которые имеют своих собственников. Либо возможен вариант, когда используется один вид транспорта, но с применением инфраструктур, принадлежащих разным собственникам. В частности, это характерно для перевозок пассажиров автомобильным транспортом.

При этом необходимо обратить внимание на следующую особенность рассматриваемого вида договора. По условиям данного договора, между собственниками инфраструктур вроде бы не возникает никаких отношений. Они не предоставляют услуги друг другу. Мало того, по условиям указанного договора, они не предоставляют услуг и пассажиру. В рамках договора никакое имущество не подлежит передаче.

Суть рассматриваемого договора — организация совместной работы собственников инфраструктур с целью оказания услуги по перевозке пассажиров. Можно говорить, что отношения, возникающие между владельцами инфраструктур, являются организационно-правовыми. Такие отношения по юридической природе признаются неимущественными.

Обобщая, отметим, что подобные договоры направлены на регламентацию обязанностей владельца транспортной инфраструктуры. Такой обязанностью выступает предоставление транспортной инфраструктуры в пользование перевозчику. В то же время выполнение такой обязанности со стороны одного владельца транспортной инфраструктуры происходит не в полной мере. Здесь необходимо акцентировать внимание на следующих особенностях рассматриваемого договора. Так, полное выполнение обязанности по обеспечению условий для перевозки пассажиров автомобильным транспортом происходит на стыках взаимодействия различных транспортных инфраструктур.

Таким образом, договор между владельцами транспортных инфраструктур может быть либо многосторонним, либо двусторонним. Участники подобных договоров, исполняя возложенные на них обязанности, вынуждены взаимодействовать между собой, чтобы предоставить собственные инфраструктуры различным перевозчикам.

С целью надлежащего исполнения обязанностей по указанному договору он должен содержать положения, предусматривающие ответственность для владельцев инфраструктур.

Обязанность по предоставлению инфраструктуры включает в себя:

- обязанность по обеспечению непрерывности пользования инфраструктурой;
- обязанность по организации автоматизированного контроля за инфраструктурой;
- обязанность по отслеживанию денежного потока;
- обязанность взаимодействовать с другими владельцами инфраструктур при возникновении чрезвычайных ситуаций [5].

Характеризуя анализируемый договор, требуется обратить внимание на определенные обстоятельства. В первую очередь нужно отметить, что само взаимодействие строится не только на договорных отношениях между собственниками инфраструктур и перевозчиками. Оно может существовать и при отсутствии соответствующих договоров и соглашений. Они могут быть еще не заключены или, наоборот, пре-

кратить свое действие. Также необходимо учесть и тот момент, что организационными договорами могут регламентироваться и иные отношения, напрямую не связанные с предоставлением собственной инфраструктуры. Например, в договоре может быть отражено условие о необходимости содержания в надлежащем состоянии смежных инфраструктур.

В качестве субъекта договора, заключаемого между собственниками инфраструктур и смежными объектами, выступают собственники отдельных частных дорог, автомобильных стоянок и др. [9].

Договоры между собственниками инфраструктур порождают необходимость заключения вытекающих договоров: на эксплуатацию и обслуживание объектов инфраструктуры и т. д.

В случае организации постоянных перевозок пассажиров и их багажа с перевозчиком заключается договор на оказание услуг по эксплуатации инфраструктуры. Такой договор влечет за собой соглашение между собственниками инфраструктур, в котором отражаются основные условия совместной деятельности по предоставлению инфраструктуры в пользование. Здесь необходимо обратить внимание на позицию Б. Е. Лернера. Он указывает, что в Уставе автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта Российской Федерации [2] (далее — УАТ РФ) требуется закрепить следующее: «Условия договора между владельцами транспортных инфраструктур являются существенными условиями для договоров, которые могут систематически заключаться в целях исполнения рамочного договора» [9]. С данным предложением следует согласиться, поскольку именно в таких договорах владельцы инфраструктур определяют общие условия предоставления транспортной инфраструктуры перевозчикам на систематической основе.

Рассмотрев понятие и правовую природу договора между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, перейдем к вопросам соотношения рассматриваемого договора со смежными договорными конструкциями.

Как было сказано выше, договор между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, является самостоятельным видом договора. Но в юридической литературе по-прежнему высказываются различные позиции относительно взаимосвязи рассматриваемого договора с другими договорами. Так, наиболее распространенным является мнение, что договор между владельцами

транспортных инфраструктур — это транспортная экспедиция. Однако, на наш взгляд, такая трактовка представляется не вполне правильной. Приведем следующее обоснование.

Согласно положениям законодательства о транспортной экспедиции, одной из ее сторон выступает потребитель. Такое положение не соответствует положению собственника инфраструктуры, так как он взаимодействует не с пассажиром, а с перевозчиком. В этом случае организационный характер указанного договора позволяет говорить не о транспортной экспедиции, а о договоре между транспортными организациями.

Также следует отличать договор, заключаемый между владельцами инфраструктур, от таких договоров, как аренда, заявки на перевозку пассажиров. Такое отличие проводится по предмету и направленности. Как было рассмотрено выше, договор между владельцами транспортных инфраструктур является организационным договором. А организационные договоры, как известно, всегда направлены на организацию заключения и (или) исполнения иного обязательственного правоотношения. Иные гражданско-правовые договоры, в том числе договор аренды, подряда, заявки на перевозку пассажиров, направлены на передачу имущества, выполнение работ или оказание услуг.

Говоря о соотношении договора между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, с договором, который владелец заключает с перевозчиком, необходимо подчеркнуть следующее.

Главная суть соотношения обязательств, которые предусмотрены договором между лицом, осуществляющим перевозку, и владельцами транспортных инфраструктур, заключается в том, что весь комплекс услуг, которые владелец инфраструктуры автомобильного транспорта обязуется выполнить, должен быть непосредственно связан с перевозкой пассажира.

Правовая природа взаимосвязи указанных договоров определяется тем, что договор между владельцем инфраструктуры и перевозчиком признается основным. Такой договор обеспечивает непосредственную перевозку пассажиров. А договор между владельцами транспортных инфраструктур является дополнительным, вспомогательным, призванным обслуживать основной договор.

Кроме того, договор между владельцем инфраструктуры и перевозчиком по использованию инфраструктуры является обязательством по оказанию услуг. Эта разновидность договора

на оказание услуг не указана в ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ). Данный договор имеет специфический предмет. Предметом договора является такой результат деятельности исполнителя, который не может существовать без лица, исполняющего обязательство, и не представляет собой конкретную вещь.

Так как мы определили, что предметом договора является услуга, то она обладает всеми признаками и свойствами, присущими услуге. То есть ей присущи такие признаки, как осуществимость, законность, привязанность к лицу, оказывающему услугу, взаимосвязанность предоставления и получения услуги, трудноопределимость качества оказываемой услуги.

Некоторые ученые высказывают такую позицию, что в одном договоре нельзя сочетать работы и услуги. Это ведет к нецелесообразности заключения единого договора. В законе должны быть четко разграничены работы и услуги. Однако законодатель стоит на той позиции, что четкого разграничения нет. Мало того, перечень работ оставлен открытым, то есть любой иной договор может быть отнесен к данному виду договоров.

Анализируемый нами договор содержит обязательства по предоставлению услуг и обязательства по выполнению работ [3].

Если обратиться к договору между владельцами инфраструктур, то он направлен на организацию действий нескольких владельцев, имеющую цель наилучшим образом осуществить перевозку пассажиров и их багажа. На основании такого договора владельцы инфраструктур не имеют обязательств по выполнению работ по отношению друг к другу. То же самое можно сказать и в отношении выполнения услуг. Применительно к указанному договору между владельцами имеют место быть только организационные правоотношения.

Все сказанное позволяет выделить следующую проблему, связанную с анализируемым договором. Это отсутствие ясности относительно предмета рассматриваемого договора, не предполагающего, как указывалось выше, выполнение работ или оказание услуг. Изложенное позволяет признать рассматриваемый договор независимым видом договора. Для признания его таковым необходимо найти четкие разграничения указанного договора с иными, смежными договорами.

В классификации договоров, обеспечивающих перевозку пассажиров и их багажа автомобильным транспортом, указанные организаци-

онные договоры могли бы быть включены в нее в качестве самостоятельной группы.

Ряд ученых вообще предлагают разработать отдельную классификацию «договоров инфраструктуры» [7]. Поскольку, как справедливо отмечает М. И. Брагинский [8], с каждым годом все новые услуги получают нормативное регулирование. К существующей классификационной системе договоров на выполнение работ и оказание услуг, по мнению автора, вполне правомерно добавить еще одну группу. А именно договоры между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров автомобильным транспортом. Более того, пункт 2 статьи 779 ГК РФ необходимо дополнить и изложить в следующей редакции: «2. Правила настоящей главы применяются к договорам на оказание услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристических услуг, услуг по использованию инфраструктуры и иных, за исключением услуг, предоставляемых по договорам, предусмотренным главами 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 49, 51, 53 из этого Кодекса, а также к договорам между владельцами транспортных инфраструктур».

Кроме того, целесообразно закрепить рассматриваемый вид договора в УАТ РФ. Это позволит не только разрешить теоретические споры относительно правовой природы рассматриваемого договора, но и положительно скажется на правоприменительной практике. В связи с изложенным предлагается в правовом определении рассматриваемого договора указать его правовые особенности, а именно, что такой договор не направлен на выполнение работ или оказание услуг, а призван обеспечить осуществление перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом.

В отличие от договоров на организацию перевозок, договоры между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, не устанавливают обязанности сторон в будущем заключить основной договор. Потому рассматриваемые договоры не могут быть признаны предварительными договорами. И в этом состоит их основное отличие.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Договор между владельцами транспортных инфраструктур — это рамочное соглашение, определяющее наиболее общие условия долгосрочного сотрудничества на системной основе владельцев транспортных инфраструктур

по вопросу систематического предоставления транспортной инфраструктуры перевозчикам в пользование на основе гражданско-правовых договоров.

2. Договор между владельцами транспортных инфраструктур, обеспечивающих перевозку пассажиров, является самостоятельным видом договора. Такие договоры известны законодательству многих стран. Действующее гражданское законодательство данный вид договора не содержит. По нашему мнению, это стоит признать пробелом правового регулирования в области перевозок пассажиров автомобильным транспортом. Данный пробел подлежит устранению путем внесения дополнительной статьи, содержащей определение рассматриваемого договора, в главу 40 ГК РФ.

3. В УАТ РФ предлагается включить отдельную главу (глава 3.1), посвященную взаимодействию владельцев транспортных инфраструктур между собой, а также с перевозчиками при подготовке и осуществлении перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом. При этом можно взять во внимание аналогичные нормы, закрепленные в Федеральном законе «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [3]. Такую главу, по аналогии с указанным законом, следует назвать «Взаимодействие владельцев транспортных инфраструктур и перевозчиков при подготовке и осуществлении перевозок пассажиров и багажа». В рамках данной главы включить статью 26.1. В ней закрепить понятие договора между владельцами транспортных инфраструктур. В пункте 2 указанной статьи закрепить следующие положения: «Условия договора между владельцами транспортных инфраструктур являются существенными условиями для договоров, которые могут систематически заключаться в целях исполнения рамочного договора» [10].

4. Пункт 2 статьи 779 ГК РФ изложить в следующей редакции: «2. Правила настоящей главы применяются к договорам на оказание услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристических услуг, услуг по использованию инфраструктуры и иных, за исключением услуг, предоставляемых по договорам, предусмотренным главами 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 49, 51, 53 из этого Кодекса, а также к договорам между владельцами транспортных инфраструктур».

5. Целесообразно закрепить рассматриваемый вид договора в УАТ РФ. А именно путем включения в УАТ РФ главы 3.1 «Взаимодействие

владельцев транспортных инфраструктур и перевозчиков при подготовке и осуществлении перевозок пассажиров и багажа». В пункте 3 статьи 26.1 указанной главы предлагается в правовом определении рассматриваемого дого-

вора указать его правовые особенности: «Такой договор не направлен на выполнение работ или оказание услуг, а призван обеспечить осуществление перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410; 25.03.2019. — № 12. — Ст. 1224.
2. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 30.10.2018 № 386-ФЗ) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. — 12.11.2007. — № 46. — Ст. 5555; 05.11.2018. — № 45. — Ст. 6841.
3. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 02.08.2019 № 451-ФЗ) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 13.01.2003. — № 2. — Ст. 170; 03.12.2018. — № 49 (часть I). — Ст. 7523.
4. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (ред. от 12.05.2018 № 893-р) «О Транспортной стратегии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 15.12.2008. — № 50. — Ст. 5977; 29.12.2008. — № 52 (ч. 2) (поправка); 28.05.2018. — № 22. — Ст. 3176.
5. Ананьева А. А. Операторские услуги по управлению перевозками как новый вектор развития смешанного пассажирского сообщения / А. А. Ананьева // Транспортное право. — 2018. — № 2. — С. 28—31.
6. Ахметова Г. З. Институт возмездного оказания услуг в системе договорного права / Г. З. Ахметова // Юрист. — 2017. — № 6. — С. 16—20.
7. Богданов Е. В. Договоры в сфере предпринимательства : монография / Е. В. Богданов. — М. : Проспект, 2018. — 304 с.
8. Брагинский М. И. Пределы свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации и Принципах международных коммерческих договоров / М. И. Брагинский // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 4 / под ред. проф. М. И. Брагинского. — М. : Изд-во «Норма», 2002. — 432 с.
9. Лернер Б. Е. Роль и место гражданско-правового договора в процессе правового регулирования автомобильных пассажирских перевозок / Б. Е. Лернер // Транспортное право. — 2013. — № 3. — С. 5—9.
10. Лернер Б. Е. Рамочный договор между владельцами инфраструктур автомобильного транспорта / Б. Е. Лернер // Гражданское право : ежегодный научно-практический альманах. Вып. 2 / отв. ред. д. ю. н., проф. Е. В. Блинкова. — М. : ИГ Юрист, 2010.

PROBLEMS OF CONTRACT CORRELATION BETWEEN OWNERS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURES PROVIDING TRANSPORTATION OF PASSENGERS, WITH ADJACENT CONTRACTUAL CONSTRUCTIONS

V. Y. Khlebnikov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

vlados.hlebnikov@yandex.ru

The article deals with the problems of correlation of the contract between the owners of transport infrastructures providing transportation of passengers with adjacent contractual structures. The author discusses the features that allow distinguishing the considered contract from the contract of freight forwarding, lease, works contract, passengers transportation request, a contract between the infrastructure owner and the carrier, as well as the shipping arrangement contract. The author draws conclusions about the need to amend the current legislation. The relevance of the problem is due to the following. In connection with the increase in the number of passenger transportations by road, new types of contractual relations arise that regulate such transportations. Among them are agreements between owners of infrastructures that provide transportation of passengers. The specified contract is of great importance. It is becoming more widespread in practice.

Key words: contract between owners of transport infrastructures, relationship with adjacent contractual structures, contract of transport expedition, contract between the owner of infrastructure and carrier, shipping arrangement contract.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoy Federatsii (chast vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 18.03.2019, s izm. ot 03.07.2019). Sbranie zakonodatelstva RF. 29.01.1996. N 5. St. 410; 25.03.2019. N 12. St. 1224 [The civil code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 18.03.2019, Rev. from 03.07.2019). Collected legislation of the Russian Federation. 29.01.1996. N 5. Article 410; 25.03.2019. N 12. Article 1224].
2. Federalnyy zakon ot 08.11.2007 N 259-FZ (red. ot 30.10.2018 N 386-FZ) "Ustav avtomobilnogo transporta i gorodskogo nazemnogo elektricheskogo transporta". Sbranie zakonodatelstva RF. 12.11.2007. N 46. St. 5555; 05.11.2018. N 45. St. 6841 [Federal law of 08.11.2007 N 259-FZ (ed. of 30.10.2018 N 386-FZ) "Charter of road transport and urban ground

- electric transport". Collection of legislation of the Russian Federation. 12.11.2007. N 46. Article 5555; 05.11.2018. N 45. Article 6841].
3. Federalnyj zakon ot 10.01.2003 N 18-FZ (red. ot 02.08.2019 N 451-FZ) "Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossiiskoy Federatsii". Sobranie zakonodatelstva RF. 13.01.2003. N 2. St. 170; 03.12.2018. N 49 (chast I). St. 7523 [Federal law of 10.01.2003 N 18-FZ (ed. of 02.08.2019 N 451-FZ) "Charter of railway transport of the Russian Federation". Collection of legislation of the Russian Federation. 13.01.2003. N 2. Article 170; 03.12.2018. N 49 (part I). Article 7523].
 4. Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 22.11.2008 N 1734-r (red. ot 12.05.2018 N 893-r) "O Transportnoy strategii Rossiiskoy Federatsii". Sobranie zakonodatelstva RF. 15.12.2008. N 50. St. 5977; 29.12.2008. N 52 (ch. 2) (popravka); 28.05.2018. N 22. St. 3176 [The order of the Government of the Russian Federation of 22.11.2008 N 1734-R (ed. of 12.05.2018 N 893-R) "About Transport strategy of the Russian Federation". Meeting of the legislation of the Russian Federation. 15.12.2008. N 50. Article 5977; Collection of legislation of the Russian Federation. 29.12.2008. N 52 (part 2) (amendment); 28.05.2018. N 22. Article 3176].
 5. Ananyeva A. A. (2018) Operatorskie uslugi po upravleniyu perevozkami kak novyi vektor razvitiya smeshannogo passazhirskogo soobshcheniya [Operator services for transportation management as a new vector of development of mixed passenger traffic]. Transportnoe parvo, (2), p. 28—31.
 6. Akhmetova G. Z. (2017) Institut vozmeznogo okazaniya uslug v sisteme dogovornogo prava [Institute of paid provision of services in the system of contract law]. Yurist, (6), p. 16—20.
 7. Bogdanov E. V. (2018) Dogovory v sfere predprinimatelstva: monografiya [Contracts in the sphere of entrepreneurship: Monograph]. Moscow: Prospect, 304 p.
 8. Braginskiy M. I. (2002) Predely svobody dogovora v Grazhdanskom ko-dekse Rossiiskoy Federatsii i Printsipakh mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov [Freedom limits in the Civil Code of the Russian Federation and the principles of international business contracts]. Aktualnye problemy grazhdanskogo prava: collection of articles, (4). Moscow: Izd-vo "Norma", 432 p.
 9. Lerner B. E. (2013) Rol i mesto grazhdansko-pravovogo dogovora v protsesse pravovogo regulirovaniya avtomobilnykh passazhirskikh perevozok [Role and place of civil contract in the process of legal regulation of automobile passenger transportation]. Transportnoe parvo, (3), p. 5—9.
 10. Lerner B. E. (2010) Ramochnyi dogovor mezhdru vladeltсами infrastruktur avtomobilnogo transporta [A Framework agreement between the owners of infrastructures for road transport]. Grazhdanskoe pravo: annual scientific and practical almanac, Vol. 2. Moscow: IG Yurist.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

А. В. Романова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_romanova@bk.ru

А. С. Галанина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
galanina.alex.s@gmail.com

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ

Инвестиционный рынок России, по оценкам экспертов, достаточно молод. Для его развития может потребоваться много времени и денежных вливаний, поэтому так важно сформировать осознанный интерес населения к инвестициям. Привлечь внимание новых инвесторов к биржевым инструментам позволит изучение реальных потребностей граждан и принятие соответствующих мер по повышению эффективности их вложений для всех участников рынка. Одной из важных задач в данной сфере является формирование представления каждого потенциального инвестора о принципах инвестиционной деятельности и потенциальных рисках.

Рассматривать эффективность тех или иных инвестиционных инструментов целесообразно с точки зрения доходности и риска. В условиях достаточно нестабильной экономической обстановки инвесторы формируют спрос наименее рациональным образом. В первую очередь на принятие решений влияют личностные качества участников рынка. В научной литературе и практике брокеров уже существует ряд механизмов классификации инвесторов в соответствии с их психологической predisposition к риску и активным действиям. Индивидуальная характеристика каждого нового участника тем более явно проявляется, чем меньше его опыт работы с инвестиционными инструментами. В этой связи в статье предпринята попытка разработки универсальных способов снижения рисков портфеля для новых участников рынка.

Ключевые слова: инвестор, инвестиционный портфель, риск, финансовый инструмент, принципы.

ВВЕДЕНИЕ

Неоднократное снижение ключевой ставки, повлекшее повсеместное снижение доходов по депозитам, стимулировало поиск альтернативных способов вложения активов. Возрастает интерес к фондовому рынку, как следствие, портфельных инвесторов становится больше. По данным РБК, на конец ноября 2019 года количество частных инвесторов на фондовом рынке выросло до 3,5 млн человек. Уже в марте 2020 года, по официальным данным московской биржи, количество физических лиц, имеющих

брокерские счета, составило 4,57 млн человек. Людей привлекает высокая доходность, но часто начинающие инвесторы не обращают внимания на сопутствующие доходности риски. Рассматриваемая категория инвесторов не готова к существенной оценке инвестиционных рисков, что приводит к потере первоначального капитала. Рациональная стратегия таких «новичков» должна прежде всего заключаться в минимизации рисков для получения стабильного дохода. Современная ситуация демонстрирует справедливость таких выводов.

МАТЕРИАЛЫ / МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были использованы системный подход, аналитические и сравнительные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Целью портфельного инвестирования является формирование фондового портфеля для последующего получения текущих доходов. За ней всегда стоит личная и более глобальная цель, определяющая дальнейшую стратегию инвестирования и непосредственно влияющая на поведение инвестора на фондовом рынке. Следовательно, задача инвестора — собрать портфель, который по истечении срока своей жизни обеспечит максимальную доходность, и личная цель будет достигнута [4, с. 5].

При выборе финансовых инструментов важно учитывать отношение инвестора к риску. Общепринятой является классификация, согласно которой выделяются консервативный, умеренно агрессивный и агрессивный типы инвесторов — от меньшей склонности рисковать к большей соответственно [7, с. 10]. Определение склонности к риску является самостоятельным направлением исследования и в западной литературе называется "Riskprofiling" (построение риск-профиля клиента). Профиль клиента оценивается с точки зрения ожидаемой доходности, финансовой возможности и психологической готовности рисковать [10, с. 3]. Неслучайно с 2015 года регулятор ввёл положением № 482-П унифицированные требования к инвестиционному профилю клиента для управляющих компаний. В настоящий период риск-профиль формируется практически всеми участниками рынка. Информация об отношении инвестора к риску позволит обозначить удовлетворительное значение риска портфеля и выбрать оптимальные пути его снижения. Рассмотрим общие принципы снижения риска портфеля.

Прежде всего стоит отметить важность выбора инструментов финансирования в соответствии с уровнем подготовки инвестора. С развитием фондового рынка и финансовых технологий торговля на бирже становится более доступной. Количество вновь открытых брокерских счетов растёт (по данным московской биржи, в 2019 году в среднем ежемесячно открывалось 159 тыс. счетов физлиц), а значит, на рынок прибывает все больше участников, опытных и не очень. Впервые открывая брокерский счет и выбирая инструменты для дальнейших вложений, инвесторы часто переоценивают свой уро-

вень подготовки. Рынок предлагает множество заманчивых способов заработать. Нередко инвесторы руководствуются сомнительными советами непрофессиональных участников рынка или точкой зрения, продавленной модой и навязчивой рекламой.

Основной принцип поиска стратегии инвестирования для нового участника заключается в том, чтобы выбирать максимально простые для понимания либо уже хорошо изученные инструменты. Формируя портфель, необходимо обращать внимание на общий принцип инвестирования — диверсификацию портфеля. Речь идет о выборе ряда активов для последующего нивелирования снижения стоимости отдельных позиций. Чем больше активов разного качества будет включено в портфель, тем менее чувствителен будет портфель к снижению цены активов.

Для снижения риска портфеля можно наполнять его различными инструментами. Так, владельцы акций часто приобретают облигации федерального займа, известные низкими показателями риска. Соотношение количества акций и облигаций в портфеле зависит от профиля инвестора — его приближенности к агрессивному или консервативному полюсу.

Ефимова А. С. предлагает выделять отраслевую и региональную диверсификацию.

Отраслевая диверсификация подразумевает разделение приобретаемых ценных бумаг по отраслям экономики, региональная — включение в портфель инструментов фондового рынка, находящихся в разных странах. Принцип действия в обоих случаях заключается в том, что при ухудшении обстановки в одном секторе экономики или регионе в другом может наблюдаться зеркальный рост [5, с. 72]. Это можно проверить как мысленно смоделировав ситуацию, основываясь на информации о связанных отраслях, так и оценив потенциал активов математически, используя показатели ковариации и корреляции. Как справедливо отмечает З. Ю. Рахимов, подобрать инструменты с низкой корреляцией в условиях современного рынка достаточно сложно. По его мнению, одним из вариантов решения данной проблемы может быть ориентирование на «зеленые» инструменты (такие как погодные деривативы, углеродные единицы, зеленые облигации и торгуемые зеленые фонды) ввиду минимальной корреляции их с фондовым рынком [9, с. 165].

Преимуществам инвестирования в иностранные компании уделяется значительное внимание. В частности, интереса заслуживает

фондовая биржа США как перспективный источник дохода. Ликвидность рынка обусловлена его значительным объемом и капитализацией. Это в свою очередь создает условия для комфортного сосуществования частных инвесторов различного уровня и крупных предприятий и фондов. Использование для инвестиций иностранной валюты обеспечивает лучшую диверсификацию портфеля и защиту финансов инвестора от резких колебаний его национальной валюты, что приведет к относительной стабильности активов даже в кризисные периоды [6, с. 22].

Быковская Н. В. отмечает, что для достижения цели снижения рисков достаточно сформировать портфель с 15–20 инструментами. Автор полагает, что такое количество является оптимальным для создания необходимого разнообразия и в то же время позволит инвестору избежать главных недостатков диверсификации: несколько снизить расходы на создание портфеля и сконцентрировать внимание на управлении активами без риска потерять над ними контроль [3, с. 58].

В рамках обсуждения возможностей диверсификации стоит упомянуть такой инструмент, как ETF. Фактически ETF представляет собой портфель ценных бумаг, свободно обращающийся на фондовом рынке. Перспективам и проблемам его использования на российском фондовом рынке посвящено немало работ. Не углубляясь в отличия ETF от схожего по структуре паевого инвестиционного фонда, можно обозначить ряд его преимуществ. В. А. Макеев, кроме возможности усилить диверсификацию портфеля без привлечения больших денежных вложений, отмечает возможность обращения ETF в течение всей торговой сессии и использования биржевых фондов в маржинальной торговле. Автор акцентирует внимание на том, что в целом ETF является универсальным средством снижения рисков для всех типов инвесторов, и в том числе достойным спекулятивным инструментом [8, с. 133].

Рассуждая о принципе выбора инструмента инвестирования, необходимо обратить внимание на мнение, что те или иные инструменты могут быть присущи более агрессивному или консервативному типу инвесторов. Акции как потенциально более рискованные инструменты традиционно рекомендуют владельцам активно-

го портфеля. Данная точка зрения справедлива для краткосрочных периодов инвестирования.

Мнения исследователей по данному вопросу расходятся. Н. И. Берзон настаивал, что при увеличении временного горизонта инвестирования изменяется соотношение риска и доходности по выбранному инструменту. Рассмотрев данные об акциях и облигациях фондовых рынков США и России, он пришел к выводу, что в условиях длительного срока владения ценными бумагами акции демонстрировали меньший риск и при этом большую доходность, чем в случае короткого периода инвестирования, и облигации им существенно в этом уступали [2, с. 43].

Однако данное утверждение подтверждается не всеми авторами. А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин и М. И. Чернова обратили внимание на видимое противоречие и, основываясь на данных о дневной доходности и стандартном отклонении, а не на усредненных показателях, которые применяли другие авторы ранее, провели сравнительный анализ эффективности инвестирования в акции и облигации. Результат в корне противоречит убеждениям представителей классической школы инвестирования: увеличение временного горизонта инвестирования существенно не влияет на разброс меры риска портфелей. При рассмотрении показателей доходности акций, напротив, наблюдалась тенденция к ее снижению, таким образом только ухудшая ее характеристики по сравнению с портфелем из корпоративных облигаций [1, с. 35]. Основываясь на результатах данного исследования, можно сделать вывод о наличии обоснованного преимущества использования корпоративных облигаций в долгосрочном периоде как для консервативного, так и для агрессивного типов инвесторов.

ВЫВОДЫ

Руководствуясь основными принципами инвестирования, можно составить портфель с оптимальным соотношением риска и доходности, не прибегая к использованию многоступенчатых математических расчетов. Учет собственной предрасположенности к риску, знаний об инвестиционных инструментах, особенностей отрасли выбираемых эмитентов может повысить эффективность инвестирования даже для начинающего инвестора.

Литература

1. Абрамов А. Е. Акции против облигаций в стратегиях долгосрочных инвесторов / А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова // Финансовый журнал. — 2016. — № 3. — С. 26—44.
2. Берзон Н. И. Оценка финансовых активов по критерию «риск — доходность» с учетом длительности инвестирования / Н. И. Берзон // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2014. — № 2. — С. 39—51.
3. Быковская Н. В. Диверсификация портфеля физического лица как основа управления рисками / Н. В. Быковская // КНЖ. — 2018. — № 2. — С. 57—59.
4. Ващенко И. Ю. Цели формирования инвестиционного портфеля / И. Ю. Ващенко // Вестник ВУиТ. — 2010. — № 20. — С. 1—6.
5. Ефимова А. С. Обзор методов управления инвестиционными рисками / А. С. Ефимова // Хроноэкономика. — 2019. — № 2. — С. 71—76.
6. Казанкина О. А. Особенности формирования инвестиционного портфеля с использованием ценных бумаг иностранных эмитентов / О. А. Казанкина, В. Д. Иванов // ИБР. — 2019. — № 1. — С. 20—23.
7. Клитина Н. А. Формирование портфелей ценных бумаг для различных типов инвесторов / Н. А. Клитина // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2011. — № 23. — С. 9—14.
8. Макеев В. А. ETF как специфический инструмент инвестиционно-спекулятивного портфеля / В. А. Макеев // Российское предпринимательство. — 2014. — № 16. — С. 131—138.
9. Рахимов З. Ю. Финансовые инструменты для хеджирования экологических рисков / З. Ю. Рахимов // ПСЭ. — 2018. — № 1. — С. 163—166.
10. Якушин Д. И. Risk profiling и его место в системе финансового консультирования / Д. И. Якушин // Концепт. — 2018. — № 12. — С. 1—10.

COMMON PRINCIPLES OF REDUCING INVESTMENT PORTFOLIO RISKS

A. V. Romanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
a_romanova@bk.ru

A. S. Galanina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
galanina.alex.s@gmail.com

According to experts, the Russian investment market is quite young. It may take a lot of time and money to develop, so it is important to create a conscious interest of the population in investment. To draw the attention of new investors to exchange instruments, it will be possible to study the real needs of citizens and take appropriate measures to improve the efficiency of their investments for all market participants. One of the important tasks in this area is to form an idea of each potential investor about the principles of investment activity and potential risks.

It is advisable to consider the effectiveness of certain investment instruments in terms of profitability and risk. In the context of a relatively unstable economic environment, investors create the demand of the least rational way. First of all, the personal qualities of market participants influence decision-making. In the scientific literature and practice of brokers, there are already a number of mechanisms for classifying investors according to their psychological predisposition to risk and active actions. The individual characteristics of each new participant are more evident the less experience they have with investment instruments. In this regard, the paper attempts to develop universal ways to reduce portfolio risks for new market participants.

Key words: investor, investment portfolio, risk, assets, financial instrument, principles.

References

1. Abramov A. E., Radygin A. D., Chernova M. I. (2016) Aкции protiv obligatsiy v strategiyah dolgosrochnykh investorov [Shares versus bonds in long-term investor strategies]. *Finansovyy zhurnal*, (3), p. 26—44.
2. Berzon N. I. (2014) Otsenka finansovykh aktivov po kriteriyu "Risk — dohodnost" s uchedom dlitelnosti investirovaniya [Valuation of financial assets according to the criterion "Risk — return" taking into account the duration of the investment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*, (2), p. 39—51.
3. Bykovskaya N. V. (2018) Diversifikatsiya portfelya fizicheskogo lica kak osnova upravleniya riskami [Individual portfolio diversification as a basis for risk management]. *KNZH*, (2), p. 57—59.
4. Vashchenko I. Yu. (2010) Tseli formirovaniya investitsionnogo portfelya [Investment Portfolio Objectives]. *Vestnik VUIT*, (20), p. 1—6.
5. Efimova A. S. (2019) Obzor metodov upravleniya investitsionnymi riskami [Overview of investment risk management methods]. *Khronoekonomika*, (2), p. 71—76.
6. Kazankina O. A., Ivanov V. D. (2019) Osobennosti formirovaniya investitsionnogo portfelya s ispolzovaniem tsennykh bumag inostrannykh emitentov [Features of investment portfolio formation using foreign issuers' securities]. *IBR*, (1), p. 20—23.
7. Klitina N. A. (2011) Formirovanie portfeley tsennykh bumag dlya razlichnykh tipov investorov [The basis of portfolio formation for different types of investors]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, (23), p. 9—14.
8. Makeev V. A. (2014) ETF kak spetsificheskii instrument investitsionno-spekulyativnogo portfelya [ETF as a specific instrument of the investment-speculative portfolio]. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, (16), p. 131—138.
9. Rahimov Z. Yu. (2018) Finansovye instrumenty dlya hedzhirovaniya ekologicheskikh riskov [Applying financial instruments to hedge environmental risks]. *PSE*, (1), p. 163—166.
10. Yakushin D. I. (2018) Risk profiling i ego mesto v sisteme finansovogo konsultirovaniya [Risk profiling and its place in the financial advisory system]. *Koncept*, (12), p. 1—10.

А. В. Романова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_romanova@bk.ru

Д. Е. Курушина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kurushina.darya@bk.ru

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКОГО БАНКОВСКОГО РЫНКА

Несмотря на современную ситуацию, ограничительные мероприятия, снижение спроса как на депозитные, так и на кредитные банковские продукты, банковский сектор продолжает развиваться интенсивно. Однако проблема монополизации банковского рынка выглядит всё более рельефно. Становится очевидным противостояние крупнейших банков, занимающих доминирующее положение и получающих поддержку от государства, и остальной части банковского сектора. Негативными последствиями сформировавшейся тенденции являются ограничительная конкуренция, повышение издержек и изменения качества предоставляемых услуг для аутсайдеров рынка. В работе проведена оценка конкурентной среды в банковском секторе на основе коэффициентов концентрации и индекса Херфиндаля-Хиршмана. Результаты позволили сделать вывод о пограничных значениях показателей, что требует повышенного внимания со стороны регулирующих органов за конкурентным развитием банковских институтов. Регулятором принимаются антимонопольные решения, разрабатываются соответствующие проекты, например, в части системы быстрых платежей. В настоящий период регулятор совместно с правительством нацелен на решение вопросов поддержания банковской ликвидности, обеспечения финансовой стабильности, поддержки регионов и населения. Однако в условиях современных кризисных и непреодолимых факторов со стороны контролирующих и надзорных органов потребуются более решительные меры.

Ключевые слова: банк, монополия, регулирование, конкуренция, кризис.

ВВЕДЕНИЕ

Перманентное сокращение числа кредитных организаций, причинами которого являются извлечение системы от неустойчивых и неплатежеспособных банков, изменение требования к капиталу и пр., — основной фактор монополизации рынка банковских услуг. Так, по состоянию на 1 июля 2019 года Банком России зарегистрировано 862 кредитные организации, что на 11,59 % меньше, чем в 2017 году [2]. Кроме того, значительно сокращается количество региональных банков, отмечается сосредоточение кредитных организаций в центральных регионах как по количеству, так и по концентрации капитала.

МАТЕРИАЛЫ / МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были использованы системный подход, аналитические и сравнительные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Устойчивое сокращение банковских институтов получает неоднозначную оценку. Безусловно, очевидна необходимость снижения числа проблемных и нестабильных банков, осуществляющих сомнительные операции и не способных в полной мере выполнять свои платежные обязательства. Однако, с другой стороны, массовое закрытие малых банков снижает уровень конкуренции и способствует развитию риска монополизации банковского сектора. В большей степени рыночная власть в банковской системе зависит от концентрации капитала и активов. В связи с этим, оценивая конкурентную среду, целесообразно определить доли, которые занимают кредитные организации на рынке, используя коэффициенты концентрации.

Коэффициент концентрации показывает долю нескольких крупнейших банков в общем

объеме активов банковского сектора. Данный показатель рассчитывается по следующей формуле [5]:

$$CR_n = \sum_{i=1}^n S_i,$$

где n — анализируемое количество крупнейших банков в отрасли;

S_i — доля i -го участника рынка в общем значении.

Таким образом, можно рассчитать коэффициент концентрации по активам [4] для 5, 20 и 50 крупнейших банков.

$$CR_5 = 31,10 \% + 15,16 \% + 6,68 \% + 4,68 \% + 3,99 \% = 61,61 \%$$

Используя аналогичные расчеты, получаем: $CR_{20} = 82,91 \%$; $CR_{50} = 92,07 \%$. Исходя из данных значений, можно сделать вывод, что 92,07 % активов сосредоточено у 50 крупнейших банков при общем числе банков 473. Причем на 6—20-й банки приходится 21,3 % активов, а на 21—50-й банки — 9,16 %. При этом крупные банки, имеющие государственное участие в капитале, обладают соответствующей поддержкой и преференциями, что существенно корректирует конкурентную позицию рассматриваемых банков.

Индекс концентрации, несмотря на сравнительно простую методику, рекомендуем ис-

пользовать для исследования и оценки общей ситуации на рынке, так как расчёт на основе арифметической суммы не учитывает структуру распределения рыночных долей между компаниями.

Результаты расчётов на основе индекса концентрации целесообразно использовать в совокупности с выводами по результатам исследования на основе других показателей, например индекса Херфиндаля-Хиршмана.

Индекс Херфиндаля-Хиршмана (ННІ) также позволяет определить уровень монополизации рынка. Он вычисляется как сумма квадратов процентных долей рынка, занимаемых каждым его участником, т. е. считается по рынку в целом [5]:

$$HHI = \sum_{i=1}^n S_i^2,$$

где n — анализируемое количество крупнейших банков в отрасли;

S_i — доля i -го участника рынка в общем значении.

С учетом долей всех банков в общем объеме активов для российского банковского сектора индекс Херфиндаля-Хиршмана составляет 1323,2.

На основе значений коэффициента концентрации и индекса Херфиндаля-Хиршмана определим тип рынка (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы рынков на основе значений коэффициента концентрации и индекса Херфиндаля-Хиршмана

Тип рынка	Значение CR		Значение ННІ	
	Нормативное	Расчётное	Нормативное	Расчётное
Высококонцентрированные рынки	$CR > 70 \%$	$CR_{20} = 82,91 \%$ $CR_{50} = 92,07 \%$	$HHI > 1800$	
Умеренно концентрированные рынки	$45 \% < CR < 70 \%$	$CR_5 = 61,61 \%$	$1000 < HHI < 1800$	1323,2
Низкоконцентрированные рынки	$CR < 45 \%$		$HHI < 1000$	

Следовательно, на основе наших расчётов, в соответствии со значениями таблицы 1, банковский сектор РФ можно считать умеренно концентрированным, близким к структуре олигополии, однако наблюдается риск высокой концентрации в связи со значениями коэффициента концентрации, близкими к пограничным. Кроме того, отмечается, что при значении ННІ более 1000 требуется регулирование слияний и поглощений на рынке со стороны контролирующих органов.

Однако наибольшее значение данных показателей наблюдается относительно вкладов физических лиц [4]. Так, коэффициент концентрации по пяти крупнейшим банкам составил 69,68 % (при этом 44,87 % вкладов размещены в Сбербанке), а индекс Херфиндаля-Хиршмана достигает 2273. Таким образом, величина вышеперечисленных значений свидетельствует о достаточно высоком уровне монополизации банковского сектора касаясь вкладов физических лиц.

Аналогичные выводы можно сделать и по ситуации на рынке р2р-переводов (переводов с карты на карту), популярность которых только растёт, как и количество итераций. За 2018 год таких переводов было осуществлено на сумму 27,4 трлн рублей, в то время как оплата товаров и услуг картой составила 21 трлн рублей, а операции по снятию наличных — 26,6 трлн рублей [6]. В настоящий момент наибольшая часть всех р2р-переводов приходится на Сбербанк России (более 60 %). Клиенты сервиса Сбербанк Онлайн за 1 полугодие 2018 года совершили 1,4 млрд переводов на общую сумму 7,9 трлн рублей. Такие данные свидетельствуют о том, что Сбербанк имеет существенную долю на рынке переводов и фактически занимает монопольное положение.

В рамках борьбы с монополией на рынке р2р-переводов, а также с целью снижения стоимости межбанковских переводов была внедрена Система быстрых платежей (СБП). С 28 января 2019 года физическим лицам предоставлена возможность осуществлять мгновенные переводы по номеру мобильного телефона, независимо от банка отправителя и получателя денежных средств. Отличительной особенностью СБП является выполнение переводов напрямую между счетами клиентов и независимость от международных платежных систем. Оператором и расчетным центром является Банк России [1].

На данный момент к системе подключено уже более 50 коммерческих банков, до недавнего времени за исключением Сбербанка. Неудивительно, что банк не поддерживал идею присоединения к СБП в связи с риском потери ведущей позиции на рынке и доходности от таких операций. Но все же Центральный Банк добился подключения Сбербанка к Системе быстрых платежей. 31 марта первый платёж был совершён Сбербанком через СПБ. Сначала подключение к системе планировалось быть добровольным, но регулятор увидел проблему в монополизации этого рынка у «отдельных игроков» и

посчитал, что СБП должна стать обязательной для всех. В связи с этим были внесены изменения в Положение «О платёжной системе Банка России». В результате требование об обязательном предоставлении доступа к услугам по переводу денежных средств с использованием сервиса быстрых платежей распространяется на системно значимые кредитные организации с 1 сентября 2019 года, на остальные кредитные организации — с 1 апреля 2020 года [3]. Однако после введения Центробанком своей системы присутствует риск усиления монополизации рынка.

Таким образом, постепенно идет процесс монополизации российского банковского сектора. За последние два года доля пяти крупнейших банков в активах всей банковской системы выросла с 55,3 до 61,4 %. Данная тенденция по большей части обусловлена массовым закрытием кредитных организаций. На фоне сокращения числа малых банков становится более выраженным доминирующее положение крупнейших банков, в основном получающих поддержку от государства.

Кроме того, с целью предотвращения развития монополии на рынке р2р-переводов была запущена Система быстрых платежей, оператором и расчетным центром которой является банк России. Но, с другой стороны, фактически одна монополия будет заменена на другую, отчасти ограничивая конкуренцию на рынке межбанковских переводов.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа показателей концентрации банковского сектора был сделан вывод о том, что российская банковская система на данный момент пока является умеренно концентрированной, однако присутствует риск высокой концентрации, особенно касаясь вкладов физических лиц. При подобных завышениях значений индексов концентрации требуется пристальное внимание и регулирование рынка со стороны контролирующих органов.

Литература

1. Курушина Д. Е. Система быстрых платежей РФ как профилактика монополизации р2р-переводов / Д. Е. Курушина, А. В. Романова // Современная антимонопольная политика: правоприменительная практика в Брянской области : сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции (Брянск, 18—19 апреля 2019 г.). — Брянск : Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, 2019. — С. 99—101.
2. Обзор банковского сектора России // Информационные материалы Центрального Банка РФ. — 2019. — № 199. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19595/obs_199.pdf.
3. Пояснительная записка к проекту указания Банка России «О внесении изменений в Положение Банка России от 6 июля 2017 года № 595-П «О платёжной системе Банка России» // Информационные материалы Центрального Банка РФ. — URL: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/50891/2857/note>.

4. Рейтинг российских банков по ключевым показателям деятельности // Информационное агентство Банки.ру. — URL: <https://www.banki.ru/banks/ratings>.
5. Руденко Л. Г. Анализ динамики развития банковской системы / Л. Г. Руденко, В. М. Караулов, М. Н. Вандышева // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. — 2017. — № 3(22). — С. 38—43.
6. Статистика национальной платежной системы: статистические материалы ЦБ РФ. — URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=psrf>.

ASSESSMENT OF THE COMPETITIVE ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN BANKING MARKET

A. V. Romanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
a_romanova@bk.ru

D. E. Kurushina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kurushina.darya@bk.ru

Despite the current situation, restrictive measures, and reduced demand for both Deposit and credit banking products, the banking sector continues to develop intensively. However, the problem of monopolization of the banking market is becoming more pronounced. The opposition between the largest banks, which occupy a dominant position and receive support from the state, and the rest of the banking sector becomes obvious. The negative consequences of this trend are restrictive competition, increased costs, and changes in the quality of services provided to outsiders. In this paper the authors evaluated the competitive environment in the banking sector on the basis of concentration ratios and the Herfindahl-Hirschman index. The authors drew a conclusion about the borderline values of indicators, which requires increased attention from regulators for the competitive development of banking institutions. The regulator makes antitrust decisions and develops appropriate projects, for example, in the fast payment system. At the moment, the regulator and the government are focused on issues of maintaining Bank liquidity, ensuring financial stability, and supporting the regions and the population. However, in the face of current crisis and insurmountable factors, more decisive measures will be required on the part of regulatory and Supervisory authorities.

Key words: bank, monopoly, regulation, competition, crisis.

References

1. Kurushina D. E., Romanova A. V. (2019) Sistema bystrykh platezhey RF kak profilaktika monopolizatsii p2p-perevodov [Faster payments system of RF as the prevention of p2p-monopolization]. Collection of studies of All-Russian scientific and practical conference "Sovremennaya antimonopolnaya politika: pravoprimeritel'naya praktika v Bryanskoy oblasti". Bransk, 18—19 April 2019. Bryansk: Bryansk State University named after I. G. Petrovskiy, p. 99—101.
2. Obzor bankovskogo sektora Rossii [RF banking sector review]. Information materials of Central Bank RF. 2019. N 199. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19595/obs_199.pdf.
3. Poyasnitelnaya zapiska k projektu ukazaniya Banka Rossii "O vnesenii izmeneniy v Polozhenie Banka Rossii ot 6 iyulya 2017 goda N 595-P "O platezhnoy sisteme Banka Rossii [Project summary of Bank of Russia "On amendments to the provisions of Bank of Russia of 6 July 2017 N 595-P "On the payment system of Bank of Russia"]. Information materials of Central Bank RF. URL: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/50891/2857/note>.
4. Reyting rossiiskih bankov po klyuchevym pokazatelyam deyatel'nosti [Key performance indicators of Russian banks]. Information agency Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/banks/ratings>.
5. Rudenko L. G., Karaulov V. M., Vandysheva M. N. (2017) Analiz dinamiki razvitiya bankovskoy sistemy [Analysis of growth dynamics of banking system]. Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte, Ser. 1, Ekonomika i upravlenie, 3(22), p. 38—43.
6. Statistika natsionalnoy platezhnoy sistemy: statisticheskie materialy TsB RF [Statistics of national payment system]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=psrf>.

А. В. Романова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_romanova@bk.ru

Д. Е. Курушина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kurushina.darya@bk.ru

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Способность населения принимать грамотные решения относительно распоряжения личными финансами, а также эффективно использовать имеющееся многообразие финансовых инструментов — залог устойчивого развития. Однако в связи с закономерно снижающейся ключевой ставкой доходность по депозитам также снижается, что обуславливает необходимость рассмотрения новых форм вложений, таких как брокерский счет и индивидуальный инвестиционный счет. В то же время данные финансовые направления пока не получили повсеместного распространения, особенно на фоне низкой финансовой грамотности населения. При этом на современном этапе рынок демонстрирует устойчивую тенденцию роста количества инвестиционных и брокерских счетов, активизацию участия инвестора на биржевой и внебиржевой торговле. Одновременно с рассматриваемой тенденцией наблюдается миссинг со стороны банков, профессиональных участников рынка ценных бумаг, доверительных управляющих. Дискуссионные вопросы о необходимости регулирования и категоризации инвесторов весьма актуальны и направлены на защиту от повышенных рисков на новом для них рынке. Вместе с тем растущие рекордными темпами объемы кредитов, выданных населению, способствуют критическому увеличению закредитованности граждан, что впоследствии может стать угрозой финансовой стабильности государства и также потребовать участия регулятора.

Ключевые слова: ключевая ставка, депозит, брокерский счет, индивидуальный инвестиционный счет, закредитованность, финансовая грамотность.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время все более явной становится тенденция к вовлечению населения в сферу финансовых услуг. На современном этапе уже невозможно представить жизнь без использования финансовых инструментов, многообразие которых увеличивается с каждым годом. Но вместе с тем однозначно оценить влияние подобных трендов на финансовое поведение населения, а также на экономическую ситуацию в государстве в целом не представляется возможным.

МАТЕРИАЛЫ / МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были использованы системный подход, аналитические и сравнительные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Финансовое поведение населения складывается из совокупности действий граждан непосредственно на финансовом рынке, прежде всего на рынках вкладов и кредитов для физиче-

ских лиц. Однако наряду с вышеперечисленными традиционными финансовыми инструментами появляются и абсолютно новые формы инвестирования. Их появление в первую очередь обуславливается стабильным снижением величины ключевой ставки ЦБ и, как следствие, низкой доходностью депозитов. Так, за 2019 год ключевая ставка упала с 7,75 до 6,25 % [8]. В продолжение данной тенденции на первом в 2020 году собрании Банка России 7 февраля ключевая ставка была вновь снижена до 6 % годовых.

Динамика величины средневзвешенных процентных ставок по привлеченным вкладам (депозитам) представлена в таблице 1 [10].

Анализируя представленную выше динамику, можно сделать вывод о том, что на фоне ситуации с ключевой ставкой проценты по привлеченным вкладам также закономерно снижались на протяжении всего года независимо от срока депозита. Наиболее заметное снижение произошло по вкладам на срок 91—180 дней — более 2 %.

Таблица 1

Динамика средневзвешенных процентных ставок по депозитам за 2019 год

Месяц	До 30 дней	31—90 дней	91—180 дней	181 день — 1 год	1—3 года	Свыше 3 лет
Январь	4,80	5,18	6,72	5,90	6,94	6,09
Февраль	4,57	5,38	6,61	6,43	7,05	5,90
Март	4,73	5,24	6,40	6,43	7,09	5,91
Апрель	4,64	5,37	6,03	6,19	6,92	6,68
Май	4,41	5,22	5,81	6,05	6,85	6,81
Июнь	4,45	5,35	5,78	6,02	6,76	6,41
Июль	4,35	4,89	5,50	5,71	6,69	6,57
Август	4,28	4,66	5,33	5,64	6,51	6,16
Сентябрь	4,07	4,58	5,18	5,49	6,28	6,25
Октябрь	3,95	4,22	5,02	5,42	6,16	6,13
Ноябрь	3,60	3,85	4,73	4,97	5,83	6,19
Декабрь	3,67	3,81	4,71	5,08	5,55	5,87

Таким образом, в настоящее время депозиты нельзя отнести к наиболее выгодным формам инвестирования. Однако помимо банковских вкладов на современном финансовом рынке появляются и альтернативные инвестиционные направления, такие как брокерские и индивидуальные инвестиционные счета.

Брокерский счет предназначен для инвестирования в акции, облигации и другие ценные бумаги. Он выступает в качестве альтернативы банковским вкладам с возможностью большего заработка. Брокерский счет — это личный счет трейдера/инвестора, открытый у одного из брокеров, на котором отражаются все его денежные средства и ценные бумаги [2]. Брокеры осуществляют посредническую деятельность между продавцом и покупателем и получают свое вознаграждение (комиссионные) за проведение различных операций на биржах: покупку и продажу акций, ценных бумаг, обмен валюты, заключение контрактов и т. д. Средства и ценности находятся у владельца, а брокер лишь выполняет распоряжения клиента. Прибыль при подобных операциях возникает в виде разницы между ценой продажи и ценой покупки, денежные средства на счет можно зачислять без ограничения срока и суммы.

Кроме того, в условиях оттока иностранного капитала с российских финансовых рынков государство стремится стимулировать внутренних участников активнее включаться в инвестиционный процесс. Соответствующие органы власти разрабатывают новые положения и законопроекты, желая поддержать финансовую сис-

тему страны. Важной потенциальной целью является создание новой социально-экономической «прослойки» — массового частного инвестора. Одним из шагов к реализации задачи стал ввод с 1 января 2015 года новой категории — индивидуальных инвестиционных счетов [5].

Индивидуальный инвестиционный счет (ИИС) по своей сути аналогичен брокерскому счету, но в отличие от него предусматривает предоставление клиенту налоговых льгот и имеет некоторые ограничения. В течение года на ИИС вносится сумма, не превышающая 1 000 000 рублей, а после окончания налогового периода предоставляется возможность получения налогового вычета в размере 13 %, но с суммы не более 400 000 рублей [4]. Помимо этого, владелец ИИС может попробовать увеличить свою прибыль, используя вложенные средства с целью покупки ценных бумаг, государственных облигаций или корпоративных долговых инструментов. Однако закрыть счет можно только через 3 года после открытия, в противном случае придется вернуть все налоговые вычеты и ИИС станет обычным брокерским счетом.

Динамика количества открытых ИИС представлена на рисунке 1 [9].

Из анализа представленной диаграммы можно сделать вывод, что с момента введения возможности открытия индивидуальных инвестиционных счетов их количество возросло практически в 20 раз, что свидетельствует о нарастающей популярности новой формы инвестирования.

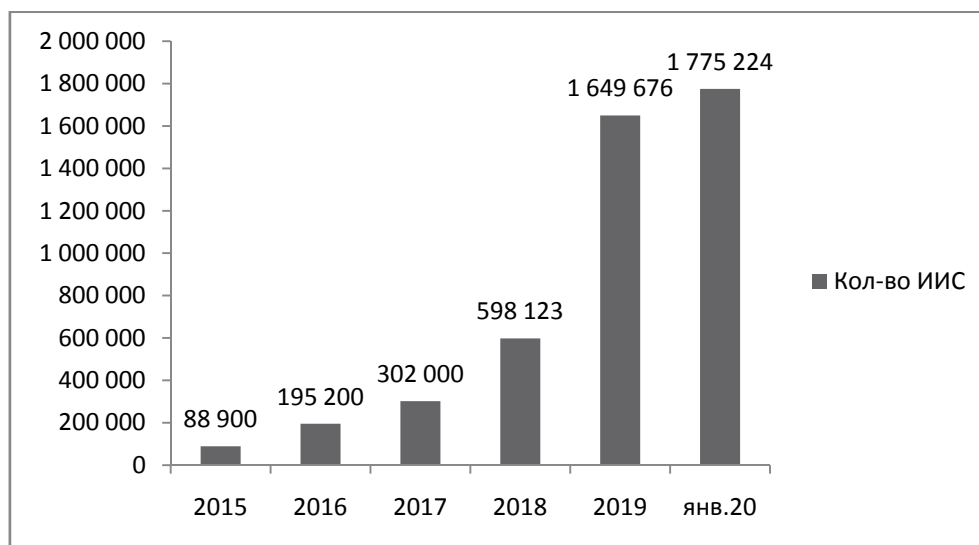

Рис. 1. Количество открытых ИИС за 2015—2020 гг.

Рис. 2. Объем кредитов, выданных населению в 2015—2019 гг.

Однако следует понимать, что вышеперечисленные способы инвестирования хоть и имеют большую доходность, но вместе с тем несут определенный риск, особенно на фоне относительно низкой финансовой грамотности населения. В связи с этим подобные услуги пока не получили повсеместного распространения.

На данный момент одной из самых популярных финансовых услуг среди населения все также остается кредитование. Рост объема кредитов населению показывает рекордные темпы — более половины населения имеет хотя бы один кредит. Прирост объема выданных кредитов представлен на рисунке 2 [7].

На основании данных, представленных на графике, можно сделать вывод, что начиная с 2016 года объем кредитов, выданных населению, неуклонно возрастает — можно отметить темпы прироста на 35,28 и 23 % соответственно. Однако однозначно оценить данную тенденцию не представляется возможным.

Так, в 2019 году отмечается рост задолженности по потребительскому кредитованию на 22—25 %, в то время как реальные доходы населения выросли лишь на 0,1 %. Кроме того, темпы роста просроченной задолженности превысили темпы роста кредитов в 1,8 раза. Страшно и то, что одновременно росло число

банкротств граждан и индивидуальных предпринимателей — в полтора раза [1].

На данный момент 39,5 млн жителей России имеют хотя бы один кредит в банке, что составляет более половины (54 %) работающего населения страны. Также, по данным Минэкономразвития за 2019 год, половина заемщиков в России отдает на погашение кредитов больше 50 % своего дохода, в то время как в прошлом году к этой группе относились 42 % заемщиков. В связи со сложившейся ситуацией бывший глава ведомства Максим Орешкин отмечает, что рост потребительского кредитования становится социальной проблемой и может привести к массовым неплатежам в 2021 году. Его точку зрения поддержали и в Министерстве финансов [6].

Таким образом, неоправданный ускоренный рост кредитования может нести в себе угрозу финансовой стабильности государства.

Вследствие этого становится очевидным негативное влияние чрезмерной закредитованности населения.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В заключение следует отметить, что, несмотря на масштабное развитие сферы финансовых услуг, многообразие альтернативных форм инвестирования, новые финансовые инструменты, безусловно, уступают в популярности традиционному кредитованию и депозитным вкладам. Однако на фоне стабильно снижающейся ключевой ставки (и, как следствие, низкой доходности депозитов), а также близкой к критической закредитованности граждан очевидна необходимость популяризации массового частного инвестирования на российском финансовом рынке при повышении финансовой грамотности населения.

Литература

1. Бахвалова М. Маленькая и вредная: закредитованность россиян ниже, чем на Западе, но опаснее / М. Бахвалова // Финансовый портал банки.ру. — URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10906091> (дата обращения: 16.02.2020).
2. Безмертная Е. Р. Инвестиции населения в инструменты финансового рынка: текущее состояние и перспективы развития / Е. Р. Безмертная // Экономика. Налоги. Право. — 2016. — № 6. — С. 17—25.
3. Белехова Г. В. Финансовое поведение населения и его роль в формировании качества жизни / Г. В. Белехова // Демографический потенциал стран ЕАЭС : сборник статей VIII Уральского демографического форума. Т. II. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 49—54.
4. Беломиццева О. С. Развитие системы инвестиционных налоговых вычетов в Российской Федерации для стимулирования инвестиций в ценные бумаги / О. С. Беломиццева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2016. — № 2(34). — С. 99—113.
5. Бирюков И. Н. Индивидуальные инвестиционные счета как механизм привлечения частных инвесторов / И. Н. Бирюков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — № 1. — С. 4—7.
6. Кошкина Ю. Каждый второй заемщик отдал за кредиты больше 50 % своего дохода / Ю. Кошкина, И. Ткачев // Информационное агентство РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/22/11/2019/5dd68b419a79478a54b48d3b?fromtg=1> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам // Статистические материалы ЦБ РФ. — URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdks/sors/> (дата обращения: 16.02.2020).
8. Пресс-служба Банка России. — URL: <https://www.cbr.ru/press/keypr> (дата обращения: 15.02.2020).
9. Рейтинг участников торгов по количеству зарегистрированных индивидуальных инвестиционных счетов // Официальный сайт Московской биржи. — URL: <https://www.moex.com/ru/spot/members-rating.aspx?rid=125> (дата обращения: 15.02.2020).
10. Сведения по вкладам (депозитам) физических лиц в рублях // Статистические материалы Банка России. — URL: https://www.cbr.ru/statistics/pdks/int_rat (дата обращения: 15.02.2020).
11. Хачатрян А. А. Индивидуальный инвестиционный счет: тенденции развития в России / А. А. Хачатрян, В. В. Мазий // Вестник евразийской науки. — 2019. — № 2. — С. 1—8.

FINANCIAL BEHAVIOR OF THE POPULATION AT THE PRESENT STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT

A. V. Romanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

a_romanova@bk.ru

D. E. Kurushina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kurushina.darya@bk.ru

The ability of the population to make competent decisions regarding the management of personal finances, as well as the effective use of the available variety of financial instruments, is the key to sustainable development. However, due to the naturally decreasing key rate, the yield on deposits is also reduced, which makes it necessary to consider new forms of investment, such as a brokerage account and an individual investment account. At the same time, these financial areas have not become widespread yet, especially against the background of low financial literacy of the population. At the present stage, the market shows a steady trend of growth in the number of investment and brokerage accounts, increasing investor participation in exchange and over-the-counter trading. At the same time, this trend is observed by banks, professional participants in the securities market, and trust managers. Discussion questions about the need to regulate and categorize investors are relevant and are aimed at protecting them from increased risks in a new market for them. In addition to that, the growing volume of loans issued to the population at a record pace contributes to a critical increase in the creditworthiness of citizens, which can subsequently become a threat to the financial stability of the state and also requires the participation of the regulator.

Key words: key rate, deposit, brokerage account, individual investment account, debt, financial literacy.

References

1. Bahvalova M. Malenkaya i vrednaya: zakreditovannost rossiyan nizhe, chem na Zapade, no opasnee [Small and adversarial: debt overburden of Russian is lower but more dangerous]. Finansovyj portal banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10906091> (access date: 16.02.2020).
2. Bezsmernaya E. R. (2016) Investitsii naseleniya v instrument finansovogo rynka: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya [Population investments in the financial instrument: current state and development prospects]. Ekonomika. Nalogi. Pravo, (6), p. 17—25.
3. Belekova G. V. (2017) Finansovoe povedenie naseleniya i ego rol v formirovanii kachestva zhizni [Financial behavior of the population and its role forming the life quality]. Demograficheskij potentsial stran EAES: collection of articles of VIII Ural Demographic Forum, Vol. 2, Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, p. 49—54.
4. Belomytseva O. S. (2016) Razvitie sistemy investitsionnykh nalogovykh vychetov v Rossiiskoy Federatsii dlya stimulirovaniya investitsiy v tsennye bumagi [Development of the system of investment tax deductions in the Russian Federation for the promotion of investments in funds]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Yekonomika, 2(34), p. 99—113.
5. Biryukov I. N. (2015) Individualnye investitsionnye scheta kak mekhanizm privilecheniya chastnykh investorov [Individual investment accounts as a mechanism of recruitment of private investors]. Intellekt. Innovatsii. Investitsii, (1), p. 4—7.
6. Koshkina Yu., Tkachev I. Kazhdyj vtoroy zaemshchik ot dal za kredity bolshe 50 % svoego dohoda [One in two borrower returned more than 50 % of his income for a credit]. Informatsionnoe agentstvo RBK. URL: <https://www.rbc.ru/finances/22/11/2019/5dd68b419a79478a54b48d3b?fromtg=1> (access date: 16.02.2020).
7. Objem kreditov, predostavlennykh fizicheskim litsam-rezidentam [Volume of credits accommodated to physical persons-residents]. Statistical data CB RF. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/sors/> (access date: 16.02.2020).
8. Press-sluzhba Banka Rossii [Press-service of Bank of Russia]. URL: <https://www.cbr.ru/press/keypr> (access date: 15.02.2020).
9. Reyting uchastnikov trgov po kolichеству zaregistrovannykh individualnykh investitsionnykh schetov [Ranking of trading participants on the number of the registered individual accounts]. Official site of MOEX. URL: <https://www.moex.com/ru/spot/members-rating.aspx?rid=125> (access date: 15.02.2020).
10. Svedeniya po vkladam (depozitam) fizicheskikh lits v rublyah [Information on private ruble-deposits]. Statistical data of Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/statistics/pdco/int_rat (access date: 15.02.2020).
11. Hachatryan A. A., Mazi V. V. (2019) Individualnyj investitsionnyj schet: tendentsii razvitiya v Rossii [Individual investment account: development trends in Russia]. Vestnik evraziiskoy nauki, (2), p. 1—8.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. В. Ершова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия),
РАНХиГС
(г. Ульяновск, Россия)
oksphil@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НАУКИ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ С. И. ВАВИЛОВА)*

Многоаспектность науки обуславливает тот факт, что в научном сообществе, как и в общественном сознании, могут существовать различные образы науки, взаимодействующие друг друга или находящиеся в отношении оппозиции, нейтральные и т. п. Формирование конкретного образа науки и выдвижение его в авангард представлений носит конвенциональный характер и определяется коллективным представлением конкретного дисциплинарного сообщества о значимости и актуальности конкретных аспектов исследовательской деятельности в контексте представления науки для широкой общественности.

В статье рассматриваются исторически изменчивые образы науки. Автор реконструирует образ науки, который складывался в трудах ученых-естественников. Обращается внимание на факторы, влияющие на формирование образа науки (традиция, социокультурные, когнитивные, институциональные, психологические). Показано, что образ науки формируется у ученого либо явно, либо неявно. Реконструкция образа науки необходима ученым для выявления эвристического потенциала их научной деятельности.

Ключевые слова: образ науки, методы, сообщество ученых, физика, научное открытие.

* Статья опубликована в рамках гранта РФФИ № 17-33-01023 «Механизмы и уровни научной рефлексии как катализатора научного творчества».

ВВЕДЕНИЕ

Образ науки напрямую связан не только с господствующей работающей парадигмой, с доминирующей научной идеологией научного сообщества (как правило, сциентистскими убеждениями), но и с интересами общества и государства (внешняя социальность) [2, с. 126].

Образ науки представляет собой когнитивный, ценностный и социокультурный феномен.

Он выстраивается из:

- интерпретаций функций, задач и цели науки;
- представлений о структуре науки, связи ее компонентов, о месте науки среди других социальных институтов;
- социально ориентированных интерпретаций закономерностей развития научного знания;

— интерпретаций результатов прогресса науки для человека, общества и государства;

— представлений о нормативных и ценностных компонентах научного исследования, входящих в контекст открытия и обоснования научного знания;

— представлений о статусе конкретной науки и ее теоретико-методологическом инструментарии.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовался когнитивный и исторический подход.

Применялся метод исторического анализа, сравнительного анализа, структурно-функциональный анализ.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой исследования послужил образ физики, транслируемый в статьях С. И. Вавилова², на страницах журнала «Природа»³. Вавилов с 1936 по 1951 год был председателем редакционной коллегии «Природы». По воспоминаниям А. Ф. Андреева, большой удачей для журнала являлось то, что «во времена Лысенко «Природу» возглавлял (с 1936 по 1951 г.) С. И. Вавилов [1], так как он был не просто ученым, а главой нескольких физических институтов, авторитетным лидером от науки, задающим направление и тон ее развития.

Образ естественных наук вырабатывался ученым в ходе дискуссий на съездах, конференциях, в научных обществах, в полемике на страницах журнала, на редакционных собраниях. Транслируемый ученым образ науки репрезентировал внутринаучную идеологию, чаяния общества и национального государства.

Вавилов С. И., формируя образ отечественной физики, выделял в ней три этапа: дореволюционный, предреволюционный и после революции 1917 года. Истории физики в России, по мнению С. И. Вавилова, «до XX века в сущности не было, развертывался ряд эпизодов, почти не связанных друг с другом» [3, с. 989]. Научные открытия в дореволюционный период развития физики носили характер случайных флуктуаций, из которых не последовала необходимость стройного, последовательного развития физики в стране. Вавилов пишет: «Дело Ломоносова заглохло, его особенные, оригинальные мысли и проекты, обещавшие, казалось, блестящее будущее русской физике, были забыты настолько, что только теперь мы ждем достойного издания рукописей Ломоносова» [3, с. 989]. Эпоха после Ломоносова (около 150 лет) также, по Вавилову, не отличилась ростом физических исследований в России. Этот период в физике все-таки был ознаменован редкими важными открытиями (вольтова дуга, радио и пр.). Но на эти открытия на родине не обращали внимания и о них «за рубежом, как правило, узнавали с опозданием, как об историческом курьезе, связанном с запоздалыми приоритетными претензиями» [3, с. 989].

В дореволюционный период фон, общее состояние науки в России, по Вавилову, оставались тусклыми и нежизненными. Научная работа сводилась главным образом к диссертациям, составляющимся по необходимости, для «продвижения по службе» и нередко представлявшим собою механические компиляции. Для характеристики организационного состояния русской физики уже к началу XX века он приводит выдержку из речи Д. А. Гольдгаммера со съезда русских естествоиспытателей. В этой речи ученый говорит об удручающей постановке физической науки в России. Вавилов пишет, что русская физика почти на всем протяжении XIX века существовала без физиков. В объемистых трудах съездов русских естествоиспытателей физика локализовалась на нескольких страницах.

Эта неразвитость русской физики рассматриваемого периода, по Вавилову, имела прямую взаимосвязь с общей экономикой страны. А именно техника, используемая в промышленности страны, полностью полагалась на опыт и продукцию Запада. Таким образом, взаимосвязь техники и промышленности страны с отечественной физикой отсутствовала. Этим положением вещей физика «обрекалась на роль науки, которой обучали больше для порядка и культурного приличия, чем в силу действительной надобности» [3, с. 992].

В предреволюционные годы (эпоха 1900—1917 гг.) происходит подъем физической науки. Вавилов объясняет это бурным ростом буржуазии и капитала в стране, сопровождавшимся подъемом индустрии, «старавшейся сбросить иностранные оковы и стать на самостоятельные творческие рельсы» [3, с. 992]. Решение этих задач требовало постановки технического образования и его теоретической основы (физики). Значение физики в системе образования в университетах и технических школах возрастает. Вавилов пишет: «Два физических института, в Петербурге и Москве, стали центрами нового, действительного роста науки, и только с этого времени можно говорить по праву о развитии и истории русской физики» [3, с. 992].

Эпоха 1900—1917 гг. в русской физике богата достижениями и именами. Оформились направления и школы с отчетливыми тенденциями к планомерности и систематичности. Темы исследований, естественно, примыкали к основным западным течениям, тем более что многие из руководящих физиков прошли западную, главным образом немецкую школу. Вырисовывается образ дореволюционной науки как науки со значительным научным наследством (это

² Вавилов Сергей Иванович (1891—1951), крупнейший советский физик, государственный и общественный деятель, академик (с 1932 г.), президент АН СССР (с 1945 г.).

³ «Природа» — ежемесячный научно-популярный журнал Российской академии наук, публикации которого посвящены естественно-научной тематике (в области физики, химии, биологии, геологии и других наук). Издается с января 1912 г.

достижения, кадры, научные учреждения, высшие школы). Это наследство составило основу, на которой выросла советская наука. Но ученый считает, что советская наука — это наука иного качества по ее направленности, идеологии, месту в государственной жизни (см. [9]).

Важной чертой физики до 1917 года, по Вавилову, явилось слабое развитие теории, ее органической взаимосвязи с техникой. Вавилов пишет: «Иногда появлялись крупные теоретические исследования, были выдающиеся теоретики, но не было теоретической школы, не было органической связи с живыми, работающими рядом экспериментаторами, которая характерна для физики Запада, из теории редко вытекал опыт, и, наоборот, опыт зачастую повисал в воздухе, не стимулируя теории. Условие здорового роста экспериментальной физики — тесная связь с теорией и техникой. Отсутствие этих связей грозит вырождением, что и намечалось в предреволюционной русской физике, несмотря на фактическую молодость ее существования» [3, с. 995], при том что социальные сдвиги в стране, рост капитала и буржуазного класса, поддерживавшего нужную ему науку, вызывал оживление физики в стране к 1911 году. Стимулирующим фактором для отечественной физики, по Вавилову, послужила мировая война, которая заставила физику очень тесно связаться с военной техникой [3, с. 996].

Вавилов констатировал, что в общем развитии международной физики за последнее десятилетие перед революцией русская физика стала вполне ощутимым фактором, однако не достигая еще состояния расцвета западной физики. Русской физике, по его мнению, не хватало самостоятельности, своего стиля, оригинальности направления [3, с. 997].

Состояние физики после революции 1917 года Вавилов оценивает по количеству лабораторий, институтов; по количеству научной продукции (оригинальных работ), специализированных научных журналов; по публикационной активности отечественных ученых за границей; по специализации отдельных разделов физики и формированию отдельных сообществ физиков по различным проблемам (дифференциация науки); по качеству взаимодействия промышленности, техники и физики; по появлению сильной и большой теоретической школы, открытий в различных областях физики. По этим параметрам отечественная физика с 1917 по 30-е годы сделала прорывной шаг. Были намечены перспективные направления развития науки в интеллектуальном и институционально-

организационном плане (кадры, институты, лаборатории, научное оборудование, широкое и своевременное внедрение научных работ, правильная система научно-исследовательских учреждений, бытовая обеспеченность ученого) [8, с. 4]. Возросло по сравнению с дореволюционным временем число людей, обладающих научной степенью. Увеличилось число научно-исследовательских учреждений, научных книг и журналов. Метод коллективной научной работы, очень редко практиковавшийся до революции, получил широкое распространение в советской стране. В некоторых направлениях исследований, например в математике, химии, в некоторых разделах биологии, советская наука занимает почетное место в мире.

Наука обрела ориентированность на народнохозяйственную жизнь страны. Примером служит создание в академии наук Комиссии естественных производительных сил. Такие отделы послужили основой для создания новых специальных институтов и решали конкретные технические задачи. В резонанс с плановым строем народного хозяйства советская наука также стала плановой. Этот новый образ науки, по Вавилову, встретил сопротивление у ряда ученых, так как это, по их мнению, противоречило творческому духу непрерывно растущей и изменяющейся науки (см. [9]). Указывалось на то, что все великие открытия делались без плана, что нельзя было планировать создание теории естественного отбора, периодической системы Менделеева и т. д. Оппоненты планирования, по Вавилову, забыли наиболее характерное и важное свойство настоящей науки — свойство предвидения. Вавилов пишет: «Действительно, нельзя было планировать открытие Дарвина и открытие Менделеева, но зато сами эти открытия, теория естественного отбора и периодический закон химических элементов, открывали перед наукой и техникой безграничные перспективы. С высот таких теорий и законов перед исследователем и инженером открываются далеко вперед вполне реальные горизонты будущего развития науки и техники» [9]. Вавиловым обосновывался плановый характер науки. Этот образ науки практически себя оправдывал, так как позволял, во-первых, укомплектовать и заполнить дефицитные научные специальности, во-вторых, поднять качество научно-технической работы (см. [7, с. 5; 9]). Плановость науки рассматривалась как особое достижение.

Самое главное, что произошло в отечественной физике после революции 1917 года, —

она «стала необходимой помощницей развивающейся промышленности и обеспечила дальнейшее развитие самой себя» [3, с. 1004]. Для новой теоретической физики характерна «живая связь с техникой и экспериментаторами. «Дежурный теоретик» в экспериментальной лаборатории стал привычной фигурой, он вдохновляет экспериментатора и обратно получает от экспериментатора материал для собственного вдохновения» [там же]. На данном этапе имеется непрерывный научно-технический фронт.

Для того чтобы сделать правильное заключение о послереволюционном состоянии науки, Вавилов сравнивает ее с наукой других стран по критериям *высота научного потенциала, качество, новизна, оригинальность, широта научно-исследовательской мысли* (см. [8, с. 4]). Вавилов приходит к выводу, что новая теоретическая физика стала вполне актуальна, ее темы, методы и мастерство в среднем стояли на уровне Запада и в отдельных случаях были вполне оригинальны, намечая новые пути теоретического исследования.

Этот этап отечественной физики Вавилов характеризует как «равновесный», *средний уровень науки*. В отечественной физике ученым отмечается и наличие *периодов «выше среднего уровня»*, т. е. флуктуаций, крупных научных открытий. И это составляет наиболее ценную и глубокую характеристику физики. Вавилов пишет: «Эти флуктуации могут оставаться бездейственными, скрываясь где-то в неизданных рукописях или нечитаемых журналах, но иногда они вызывают *молниеносную перестройку и подъем целых научных областей*» [3, с. 1006].

История науки, физики показывает, что в ней присутствуют моменты направленного, систематического, последовательного развития и «неожиданные открытия, не предусмотренные ни одной из существующих теорий, или указывающие на такие следствия теорий, которые были оставлены без внимания» [5, с. 17]. Такие случайности являются неизбежной статистической закономерностью в истории науки. При этом число важных открытий и результатов в науке, по Вавилову, зависит не только от наличия гениальных личностей в истории науки, но и прямо пропорционально количеству людей, посвящающих свой труд данной научной области.

Что же нужно для достижения плодотворных опытных результатов? Вавилов пишет: «Во-первых, требуется упорно экспериментировать, внимательно и осторожно наблюдая и преодолевая трудности, которые часто на поверхностный взгляд кажутся непреодолимыми;

во-вторых, нужно, чтобы число экспериментаторов было возможно большим и, в-третьих, чтобы это были подготовленные искусные экспериментаторы, умеющие отличить существенное от неважного и до известной степени угадывающие пути природы, т. е. обладающие так называемой интуицией» [5, с. 17]. Но научная фантазия, открывающая неожиданные возможности, идет не только путями теоретических построений или экспериментальных вопросов к природе, иногда многое значит находка из области техники опыта; новый прибор, новый метод измерения иногда позволяют обойти труднейшие препятствия [3, с. 1009]. Кроме того, научное наследие сосредоточено не только в библиотеках, оно передается в виде живого опыта от человека к человеку, как умение правильно мыслить, способность на практике осуществить и применить научный результат [3, с. 1002].

Вавилов формулирует понятие *классической и неклассической физики*. К *классической физике* он относит вечные и непоколебимые завоеваниями человека законы, такие как закон Архимеда, закон колебания струн, законы механики, теплоты, звука. Основные заключения классической физики почерпнуты *из каждодневных наблюдений и опытов, привычных и свойственных большинству людей*, поэтому они легко усваиваются и понятны (см. [5, с. 4]). *Неклассическая физика полна фактов, которые не удастся объяснить при помощи привычных механических движений и явлений* (к примеру, открытие электромагнетизма). Вавилов показывает взаимосвязь этих физик. Он пишет: «Замечу, что «новая физика» до известной степени есть только условное название. Она начала формироваться почти вместе с классической физикой с того времени, когда было открыто загадочное электричество. <...> *Новая физика чрезвычайно расширяет классическую и обобщает ее в том смысле, что многие выводы классической физики являются частными случаями более широких положений новой физики*» [5, с. 4]. Это неклассическая физика не только расширяет классическую физику, но и качественно от нее отлична.

Неклассическая физика со временем превратится в классическую, так как факты, лежащие в ее основе, станут общераспространенными и привычными [5, с. 14], хотя на данном этапе развития науки это их главное отличие. Вавилов полагает, что три главные дороги современной физики (40-е гг. XX века) — это развитие учения о физическом пространстве и вре-

мени, о строении атома и атомного ядра и о квантовых законах материи [5, с. 8]. Они — несомненные магистрали и ведут к действительным основам физического учения о природе.

ВЫВОД

Образ науки, физики выстраивается С. И. Вавиловым в ретроспективе, анализируя прошлое науки и ее настоящее. Образ науки, в том числе и физики, у ученого определяется теоретическими, практическими и техническими перспек-

тивами. *Физика, по С. И. Вавилову*, «не только отвечает на запросы дня, на *требования техники и промышленности* и развивается не только в контурах, определяемых *общим состоянием науки* в данный момент. <...> *физика* может резко опережать требования практики и в отдельных участках *высоко подниматься над средним уровнем науки* данного момента» [3, с. 1006]. Именно такой образ физики С. И. Вавилов популяризировал на страницах журнала «Природы».

Литература

1. Андреев А. Ф. Журналу «Природа» — 100 лет / А. Ф. Андреев // Успехи физических наук. — 2012. — № 1. — URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431494.
2. Баранец Н. Г. Об идеологии и идеологизации науки / Н. Г. Баранец, А. Б. Вережкин, О. В. Ершова // Власть. — 2011. — № 6. — С. 126—129.
3. Вавилов С. И. Физика в России и в СССР / С. И. Вавилов // Природа. — 1932. — № 11—12. — С. 989—1011.
4. Вавилов С. И. Наука и техника Французской революции / С. И. Вавилов // Природа. — 1939. — № 12. — С. 110.
5. Вавилов С. И. Главные пути современной физики / С. И. Вавилов // Природа. — 1941. — № 5. — С. 3—18.
6. Вавилов С. И. Ньютон и современность / С. И. Вавилов // Природа. — 1943. — № 3. — С. 75.
7. Вавилов С. И. Советская наука на службе Родины / С. И. Вавилов // Природа. — 1946. — № 1. — С. 3—9.
8. Вавилов С. И. О путях развития советской науки / С. И. Вавилов // Природа. — 1946. — № 2. — С. 3—11.
9. Вавилов С. И. Советская наука (к 30-летию Великого Октября) / С. И. Вавилов // Природа. — 1947. — № 10. — С. 3—13.
10. Вавилов С. И. Уроки прошлого и перспективы учения о люминесценции / С. И. Вавилов // Природа. — 1948. — С. 11—18.

HISTORICAL IMAGE OF SCIENCE IN THE WRITINGS OF SCIENTISTS (THROUGH THE EXAMPLE OF WORKS BY S. I. VAVILOV)*

O. V. Ershova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ulyanovsk, Russia)
oksipil@mail.ru

Science multidimensionality is due to the fact that a science community, as well as social mind, involve various science images which can complement or oppose each other. Formation of a certain science image and its presentation convey a conventional character and is defined by a collective representation of a certain disciplinary community about the significance and relevance of precise aspects of a research activity in the context of science introduction to wide audience. The article deals with the historically changeable images of science. The author reconstructs the image of science, which was formed in the works of natural scientists. The paper focuses on the factors influencing the formation of science image (socio-cultural, traditional, cognitive, institutional, psychological). It also shows that the image of science is formed by scientists either explicitly or implicitly. Reconstruction of the image of science is necessary for scientists to identify the heuristic potential of their scientific activities.

Key words: image of science, methods, community of scientists, physics, scientific discovery.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research № 17-33-01023 "Mechanisms and levels of science reflection as a support layer of scientific work".

References

1. Andreev A. F. (2012) Zhurnalu "Priroda" — 100 let [The journal "Nature" is 100 years old]. Uspekhi fizicheskikh nauk, (1). URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431494.
2. Baranets N. G., Verevkin A. B., Ershova O. V. (2011) Ob ideologii i ideologizatsii nauki [Ideology and ideologization of science]. Vlast, (6), p. 126—129.
3. Vavilov S. I. (1932) Fizika v Rossii i v SSSR [Physics in Russia and in the USSR]. Priroda, (11—12), p. 989—1011.
4. Vavilov S. I. (1939) Nauka i tekhnika Frantsuzskoy Revolyutsii [Science and technology of the French revolution]. Priroda, (12), p. 110.
5. Vavilov S. I. (1941) Glavnye puti sovremennoy fiziki [The main directions of modern physics]. Priroda, (5), p. 3—18.

6. Vavilov S. I. (1943) Njuton i sovremennost [Newton and the present]. Priroda, (3), p. 75.
7. Vavilov S. I. (1946) Sovetskaya nauka na sluzhbe Rodine [Soviet science in the service of the Fatherland]. Priroda. (1), p. 3—9.
8. Vavilov S. I. (1946) O putyah razvitiya sovetskoy nauki [About the ways of development of Soviet science]. Priroda, (2), p. 3—11.
9. Vavilov S. I. (1947) Sovetskaya nauka (k 30-letiyu Velikogo Oktyabrya) [Soviet science (to the 30th anniversary of the Great October)]. Priroda, (10), p. 3—13.
10. Vavilov S. I. (1948) Uroki proshlogo i perspektivy ucheniya o lyuminestsetсии [Lessons of the past and prospects of the doctrine of fluorescence]. Priroda, p. 11—18.

С. Н. Коськов

Орловский государственный
университет
имени И. С. Тургенева
(г. Орел, Россия)
antonovaM3095@mail.ru

Т. В. Серегина

Орловский государственный
университет
имени И. С. Тургенева
(г. Орел, Россия)
v_noz@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ И ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена осмыслению постулатов христианского мировоззрения как основы формирования идентичности европейской культуры. Раскрывается содержание такой категории философии, как мировоззренческая программа, представляющей собой органическое единство теоретического мировоззрения и социальных технологий его реализации. Дается общий анализ мировоззренческой программы, а также разнообразные конкретные проявления в современных социальных технологиях. Социальные сети и их информационные потоки вовлекают в свою зону воздействия все больше и больше людей разных национальностей, разного возраста, разного уровня образованностей, разного типа мировоззрения, с большим различием интересов и их многообразием. Проблема осложняется тем, что современная европейская культура находится в кризисе. Кризис — это не только трудности в экономическом и социальном плане. Кризис культуры — это прежде всего неработоспособность прежних мировоззренческих программ и смыслов, интенсивный поиск новых духовных оснований культуры. Этот процесс переосмысления прежних фундаментальных мировоззренческих ориентиров европейской культуры требует внимательной и глубокой рефлексии лежащих в ее основе христианских ценностей. Поскольку духовным источником христианской мировоззренческой программы является Библия, постольку анализ ее основных положений составляет важнейшую и необходимую часть создания современной мировоззренческой программы, в которой должно быть органически соединено религиозное, философское и научное знание.

Ключевые слова: мировоззрение, мировоззренческая программа, ценности, мировоззренческие смыслы, духовный кризис.

ВВЕДЕНИЕ

Кризисы, протекающие в различных областях социальной жизни, их возрастающая темпоральность, полиарность [3, 4] вызывают различные дискуссии о судьбах общества, культуры, и в первую очередь европейской. Так сложилось, что под европейской культурой преимущественно понимается западноевропейская культура. Для этого достаточно просмотреть хотя бы структуру наших школьных и вузовских учебников по истории и культурологии. В данной статье под европейской культурой понимается не просто культура континента под названием Европа, а гораздо шире: так, европейская культура (по мнению авторов) — это культура, основанная на христианской системе ценностей. Географическая привязка носит условно-исторический характер.

На европейском континенте становление культуры, основанное на системе христианских

ценностей, шло более демонстративно. Этот процесс наиболее бурно происходил в позднюю античность и в средние века. Так что для авторов данной статьи такие выражения, как «христианская культура», «европейская культура» и «средневековая культура» звучат как синонимы. Человек «европейской культуры», человек «христианской культуры», человек «средневековой культуры» — данная синонимичность вызывает массу недоумений вплоть до обид. В силу каких-то ценностно-психологических соображений кажется очень обидным такое причисление современных людей к людям средневековой европейской культуры [3]. Если иметь в виду бытовые привычки и конкретные исторические условия жизни, то они, конечно же, правы. Но если иметь в виду основополагающую систему ценностей, определяющую мировоззренческие ценностно-психологические установки, то, конечно же, нет. К словам Экзюпери «все мы родом из детства»

хочется добавить «все мы родом из средневековой европейской культуры». Именно в этот период и произошло становление христианской системы ценностей как основополагающей для всей европейской культуры. Процесс становления оказался очень трудным, сложным, неоднозначным, но это исторический процесс, а в истории по-другому не бывает. В силу своей историчности этот процесс не завершен, он происходит и в наши дни и будет происходить, пока будет существовать человеческое общество.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами исследования являются мировоззрения, функционирующие в обществе и оказывающие существенное влияние на ход социальных событий. Методы исследования, используемые в статье, следующие: сравнительно-исторический, системно-структурный, рациональная реконструкция, логическая рефлексия, экспликация и герменевтический подход.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Христианство обычно упрекают в том, что оно постоянно находится в кризисе. Упрек совершенно справедливый — это наблюдается и в относительно благополучные времена, и в кризисное время, но в любом из случаев это реально работающая система ценностей. Находиться в кризисе для христианства — это его способ быть. Переживем и этот кризис.

Если было бы иначе, мы, грешные люди на этой грешной Земле, давным-давно жили бы как на Небе. Тогда бы первое пришествие Христа одновременно было бы и вторым. Свобода и заповедь любви оказались для человека очень трудным служением — «простым» или «сложным» здесь явно не подходят.

Платон называл Аристотеля жеребенком, лягающим свою мать: «Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребенок свою мать» [4]. Так и в наши дни христианство подвергается не просто критике, но и обструкции.

Принцип толерантности, возведенный в абсолют, не только может привести, но и приводит к парадоксальным ситуациям. Полный отказ от христианской системы ценностей означает полный отказ от европейской системы ценностей. В таком случае от Европы останется лишь природное географическое образование, экономический регион, один из политических центров и не более того.

В Лиссабонской хартии Европейского союза, принятой в 2005 году, нет даже намека на

основы европейской культуры. При подготовке данного документа старательно вычеркивались даже намеки на христианские ценности, опять-таки в угоду всё тому же принципу толерантности. Толерантность в данном случае трактуется как отказ, но это уже не толерантность. Толерантность должна начинаться с признания, а не с отрицания. Старательное вычеркивание на бумаге даже намеков на ценности христианства не означает исчезновения их в реальной жизни, но за этим стоит политика и соответствующие социальные технологии; старательная многолетняя деятельность по выдавливанию традиционных духовных ценностей из самого процесса жизни. Рождественская мишура и распродажи, конечно, остаются, потому что за этим стоит дополнительная прибыль (бизнес-шоу), но если они не будут приносить прибыль, то исчезнут. Пример абсурда: в Париже прекратили раздачу голодающим бездомным чечевичной похлебки с ломтиком свинины в Рождественскую ночь, так как среди голодающих могут оказаться мусульмане, а это может оскорбить их религиозные чувства. Произошел отказ от доброй старинной традиции — человеколюбия.

С духовными ценностями дело обстоит иначе, поскольку для этого нужно полностью раздавить личность, но это, конечно же, грубо, не толерантно, но можно попытаться изменить содержание личности, и здесь уже все средства хороши. Примеры известны: терпимость к гомосексуализму, поклонение идолу потребления, игровое отношение к жизни, распространение нетрадиционных религий, культ тела и другие мощные манипуляторы, рассчитанные на подмену традиционных христианских ценностей.

За 70 лет это не удалось сделать советской власти. Для этого советские деятели были по-просветительски простодушны и прямолинейны. Современные политические манипуляторы — это совершенно иная генерация, но и им тоже не удастся. Для этого нужно полностью вытравить личностное начало в человеке.

Христианская система ценностей обладает той удивительной особенностью, которая позволяет развиваться внутри европейской культуры другим формам культуры и религиозным конфессиям. Эта система ценностей может приниматься или отвергаться, полностью или частично. Для кого-то она является внутренним кодексом поведения, а для кого-то чисто внешним. В любом из случаев она выступает как работающая система ценностей — своеобразной системой отсчета.

Вопросы о том, что такое христианские ценности, каковы они, сколько их, крайне сложные и неоднозначные. Проблематичность этой темы представлена в статье Д. Щербина «Христианские ценности. Что же это такое?» [11]. Неоднозначность этого вопроса определяется разнообразием христианских церквей, различным пониманием Бога, самой христианской церкви, церковных таинств. К этому необходимо добавить, что носителем этих ценностей в практической жизни является человек, который в силу своей сложности, склонности, неоднозначности своего сознания и духовной практики может быть носителем разных типов мировоззрения, в своих интенциях и обыденных поступках может ориентироваться на совершенно различные ценности.

«Бедный я человек! — восклицает апостол Павел. — Что хочу, не делаю. Что не хочу, делаю» [6] (Рим. 7:19, 24). Идеальная конструкция человека оказывается невозможна даже на бумаге. С иронией, доходящей до сарказма, описал А. Чехов в произведении «Человек в футляре» попытку втиснуть человека в идеальную конструкцию. У В. Набокова в «Отчаянье» показана преступная подоплека попытки сделать из себя новую самость. Данная тематика имеет достаточно много аспектов для того, чтобы претендовать на глубину и полноту изложения. Необходимо выделить один из аспектов, к примеру, мировоззренческий. Из этих позиций следует рассмотреть христианские ценности как работающую систему жизненных ориентиров и приоритетов как на уровне интенции, так и на уровне практической деятельности.

Логика текста требует дать определение понятиям «ценность», «мировоззрение», «мировоззренческая программа». Отдавая себе отчет в рискованности данного предприятия, предложим следующее: мировоззрение — это совокупность принципов и понятий, образов и представлений, которых и через которые человек осознает себя, мир и свое место в этом мире [7, 8]. Ценность — мировоззренческие смыслы, установки, конституирующие личность и ее социальные связи. Чтобы представить христианские ценности не как застывшие формы, а как работающие социальные ценности и константы бытия, необходимо представить их как процесс: и функционирование как процесс, и становление как процесс, потому что жизнь — это тоже процесс (что является предметом отдельной темы).

С этой целью предлагаем ввести новое понятие — мировоззренческой программы. Мировоззренческая программа — это основные мировоззренческие положения в своем становлении и развертывании, сопряженные или предполагающие определенные цели: критика вкуса или незаинтересованность эстетических суждений у Канта [9], незаинтересованность в литературной критике и в критике вообще как рефлексии культуры, достижения объективности в науке, эффективности в прикладных исследованиях, беспристрастность в оценках себя, других людей, событий; в обыденной жизни — жить без трудов и забот, стать большим и добрым начальником, заниматься творческой работой, человеколюбие, попасть в рай... Эти цели могут служить критериями эффективности в различных областях деятельности, так, например, в обыденной жизни — успешности, в прикладных исследованиях — полезности, в предпринимательской деятельности — прибыльности и т. д. В идеальных случаях — полные совпадения такого рода положений, целей и критериев эффективности.

Понятие «мировоззренческая программа» можно определить и следующим образом: мировоззренческая программа — это мировоззренческие идеи и социальные технологии их реализации (воспитание, обучение, воцерковление, агитация, пропаганда, идеологическая работа, информационные потоки, сети социальных коммуникаций и т. д.). Так, к примеру, в тоталитарных сектах применяются социальные технологии на уровне сетевого маркетинга и поварских рецептов до обидного эффективно, и достаточно быстро происходит разрушение личности [12].

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вышеприведенным разрушительным процессам в обществе могут противостоять традиционные, веками накопленные христианские ценности, мировоззренческие смыслы и духовные константы личностного бытия.

РЕКОМЕНДАЦИИ (ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В переломные эпохи, а наша эпоха относится именно к переломной и имеет переходный характер, всегда предъявляются повышенные требования к личности человека и для его самосохранения именно как личности. Привлечение внимания читателей к этим вопросам и этой проблематике было главной целью, поставленной в данной статье.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Российское Библийское Общество, 1995. — 1375 с.
2. Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Критика способности суждения / И. Кант. — М., 1994.
3. Коськов С. Н. Мировоззренческая программа, методологическая программа и развитие эпистемологии / С. Н. Коськов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2013. — № 2. — С. 31—37.
4. Коськов С. Н. Мировоззренческая программа и философия науки / С. Н. Коськов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 3. — С. 14—18.
5. Коськов С. Н. Начало и истоки конвенционалистской методологии науки / С. Н. Коськов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2009. — № 3. — С. 21—28.
6. Коськов С. Н. Единство мировоззрения и методологии — телеологический подход / С. Н. Коськов, С. А. Лебедев // Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 4-2. — С. 13—19.
7. Коськов С. Н. Конвенционализм как синтез рациональности и антропологичности научного знания / С. Н. Коськов, С. А. Лебедев // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 2009. — № 5. — С. 93—98.
8. Лебедев С. А. Онтология научных теорий / С. А. Лебедев, С. Н. Коськов // Известия Российской академии образования. — 2017. — № 1(41). — С. 20—40.
9. Лосев А. Ф. Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Молодая гвардия, 2005.
10. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПб., 1994.
11. Щербин Д. Христианские ценности. Что же это такое? / Д. Щербин // IMHOclub.LV, 2014. — URL: <http://imhoclub.lv/ru/material/3177> (дата обращения: 20.02.2016).
12. Коськов С. Н. Ценностно-психологические и мировоззренческие установки христианства как целевые ориентиры адаптации личности к системе европейских ценностей / С. Н. Коськов, Т. В. Серегина, В. В. Чернышенко // Мир образования — образование в мире. — 2017. — № 1(65). — С. 131—140.
13. Коськов С. Н. Субъект познающий и субъект волящий / С. Н. Коськов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2009. — № 4(13). — С. 32—36.

PSYCHOLOGY AND WORLDVIEW ISSUES IN THE MODERN SOCIETY**S. N. Koskov**

Orel State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia)
antonovaM3095@mail.ru

T. V. Seregina

Orel State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia)
v_noz@mail.ru

The article is dedicated to the postulate conception of the Christian worldview as the basis for the formation of the identity of European culture. The authors discuss the content of such a category of philosophy as an ideological program, which is an organic unity of the theoretical worldview and social technologies for its realization. The paper presents the general analysis of the worldview program, as well as various specific manifestations in modern social technologies. Social networks and their information flows involve more and more people of different nationalities, ages, levels of education, types of worldviews, with a wide variety of interests. The problem is complicated by the fact that modern European culture is in crisis. A crisis is characterized not only by economic and social problems. The crisis of culture is, first of all, the insufficiency of previous worldview programs and meanings, which requires an intensive search for new spiritual bases of culture. This process of rethinking the old fundamental worldview orientations of European culture needs a careful and profound reflection of the underlying Christian values. Since the Bible is the spiritual source of the Christian worldview program, analysis of its main provisions constitutes the most important and necessary part of the creation of a modern worldview program in which religious, philosophical and scientific knowledge must be organically combined.

Key words: worldview, worldview program, values, ideological meanings, spiritual crisis.

References

1. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta [Holly Bible. Books of the old and new covenant]. Moscow: Rossiyskoe Bibleyskoe Obshchestvo, 1995, 1375 p.
2. Kant I. (1994) Sbranie sochineniy v 6 tomah. Tom 5. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Collected edition of 6 volumes. Volume 5. Criticism of judgement capability]. Moscow.
3. Koskov S. N. (2013) Mirovozzrencheskaya programma, metodologicheskaya programma i razvitie epistemologii [Worldview program, methodology program and epistemology development]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk, (2), p. 31—37.
4. Koskov S. N. (2014) Mirovozzrencheskaya programma i filosofiya nauki [Worldview program and the philosophy of science]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk, (3), p. 14—18.

5. Koskov S. N. (2009) Nachalo i istoki konventsionalistskoy metodologii nauki [Beginnings of the conventionalist methodology of science]. *Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, (3), p. 21—28.
6. Koskov S. N., Lebedev S. A. (2012) Edinstvo mirovozzreniya i metodologii — teleologicheskii podhod [The unity of worldview and methodology — teleology approach]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, (4-2), p. 13—19.
7. Koskov S. N., Lebedev S. A. (2009) Konventsionalizm kak sintez ratsionalnosti i antropologichnosti nauchnogo znaniya [Conventionalism as synthesis of rationality and anthropology of scientific knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 7, *Filosofiya*, (5), p. 93—98.
8. Lebedev S. A., Koskov S. N. (2017) Ontologiya nauchnykh teoriy [Onthology of scientific theories]. *Izvestiya Rossiiskoy akademii obrazovaniya*, 1(41), p. 20—40.
9. Losev A. F., Takho-Godi A. A. (2005) Platon. Aristotel [Plato and Aristotle]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Lotman Yu. M. (1994) Besedy o russkoy kulture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. Living and traditions of Russian nobility]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
11. Shcherbin D. (2014) Khristianskie tsennosti. Chto zhe jeto takoe? [Christian values. What are they?]. IMHOclub.LV. URL: <http://imhoclub.lv/ru/material/3177> (access date: 20.02.2016).
12. Koskov S. N., Seregina T. V., Chernyshenko V. V. (2017) Tsennostno-psihologicheskie i mirovozzrencheskie ustanovki khristianstva kak tselevye orientiry adaptatsii lichnosti k sisteme evropeyskikh tsennostey [Value-based psychological and worldview attitudes of Christianity as a purposeful mark of a personality adaptation to the system of European values]. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*, 1(65), p. 131—140.
13. Koskov S. N. (2009) Subjekt poznayushchiy i subject volyashchiy [Knowing subject and willing subject]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 4(13), p. 32—36.

А. В. Марков

Российский
государственный
гуманитарный
университет
(г. Москва, Россия)
markovius@gmail.com

АРИСТОТЕЛЬ В ПОЛИЭЙДЕТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В. Н. КРУПИНА

Проза В. Н. Крупина построена на сложном взаимодействии речевых позиций, при-
мыкающих к различным философским и публицистическим утверждениям, но вы-
ступающих не как идеологические, а как эйдетические, создающие норму созерца-
ния ситуации. В результате получается проза, которую мы называем полиэйдети-
ческой: перед нами не борьба различных идей, а скорее исследование, какая из
форм созерцания окажется правильной и спасительной. Полиэйдетическую прозу
можно сопоставить с плановой работой лаборатории или «мозговым штурмом»,
с тем отличием, что базовые понятия и формулы не пересматриваются и не уточ-
няются в ходе эксперимента, но превращаются из формул интуиции в эйдетику
спасительной очевидности. Аристотель является самым цитируемым античным
философом в этой прозе, при этом Крупин опирается не на первоисточники, а на
изложение А. Ф. Лосева, на церковное устное предание и на образовательный
канон. Мысли Аристотеля, которые приводит Крупин, нужны не столько для разви-
тия действия (этому служат мысли консервативных русских религиозных филосо-
фов), сколько как обоснование полиэйдетического подхода. Поэтому Крупин
рассматривает Аристотеля прежде всего как более совершенный вариант Платона,
исправившего учение Платона об идеях в сторону романной полифонии и стоящего
ближе к вероучению Православной Церкви. Именно Аристотель, а не Платон
оказывается близок Православию и традициям русского романа и русской деревен-
ской прозы.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, Крупин, А. Ф. Лосев, аристотелизм, дере-
венская проза, византийская патристика, церковное предание, современный рус-
ский роман, полифония, эйдос.

Проза В. Н. Крупина, ключевого представи-
теля современной деревенской прозы и духов-
ной прозы, всегда включала в себя сильное до-
кументальное начало, летописную склонность к
медленному и основательному развитию собы-
тий вместе с передачей реплик во всей их инто-
национной первозданности, часто парадоксаль-
ные моральные уроки и множественность эпи-
зодических персонажей, которые выступают как
носители мыслей, не обязательно истинных, но
важных для развития сюжета. Такая техника
построения отличается от традиционного рома-
на, в котором всегда есть система главных пер-
сонажей, располагающих ключевыми идеями
для общего развития романа, и близка полифо-
нии романов Достоевского, точнее, является ее
вариантом, адаптированным для целей дере-
венской прозы, для местной летописи.

Перестройка и возвращение запрещенной
литературы и философии значительно расши-
рили возможности этой прозы: в произведениях
Крупина, написанных после этого времени, явно
прослеживается влияние прозы И. С. Шмелева,
в которой такое многоголосие и пестрая эпизо-

дичность организуются вокруг церковного года
(«Лето Господне») и паломничества («Богомо-
лье»), а также идей русских консервативных
религиозных мыслителей: Н. Я. Данилевского,
К. Н. Леонтьева, И. А. Ильина. Некоторые ре-
плики героев представимы в «Дневнике писате-
ля» Ф. М. Достоевского, некоторые — в нацио-
нал-патриотической прессе и маргинальной ри-
торике, некоторые — в разговорах духовенства
или постоянных прихожан, некоторые — в речах
политиков, в том числе церковных, начиная с
митрополита Иоанна (Снычёва). Разумеется, эти
реплики неравноценны и иногда провокационны
или недостаточно продуманы, хотя подаются
автором с некоторой симпатией, соответствую-
щей вообще настроениям «почвенничества» в
соединении с традициями религиозной эмигра-
ции [2]. Например, если повествователь говорит
«пассионарный», это не значит, что гипотеза
Л. Н. Гумилева приравнивается к другим тези-
сам, а означает, что иначе невозможно описать
некоторую модальность поведения героев, до-
бившись этим дальнейшего движения повество-
вания, дальнейшего остроумия речи. В этом

смысле Крупин может быть назван прямым антагонистом Михаила Шишкина, в прозе которого тоже речь, письмо определяют и повороты сюжета, и модальности поступков и решений героев, но целью Шишкина оказывается исследование свободного нравственного выбора, а целью Крупина — соответствия России во всем многообразии действий и мыслей ее обитателей некоторому небесному образу, хотя бы предварительному, имеющемуся лишь в плане. Разумеется, у обоих писателей эксперимент может оказаться неудачным, но он честно доводится до конца. Важным в прозе Крупина является не содержание высказывания, которое иногда может быть неприемлемым для многих читателей, а стремление сопоставить высказывание с высшей правдой, при том что это сопоставление произойдет не сразу.

Поэтому произведения Крупина нельзя называть идеологическими, такими, в которых правильный герой отстаивает правильные мысли. Для Крупина правильно мыслят отцы Церкви, но они не выступают героями его прозы, а старцы и священники выступают отдельными репликами, смысл которых еще должен раскрыться по ходу повествования. Но мы оказываемся сразу в гуще событий и обсуждений, мы уже слышим различные реплики и знакомимся с разными героями. При этом технически проза Крупина часто организована как пересказ уже прозвучавших слов и разговоров, что позволяет сблизить ее с диалогами Платона. Отличие от платоновского диалога здесь прежде всего в том, что если в диалоге Платона Сократ собирает повествование, показывая, какие аргументы работают, а какие нет для перехода к общим философским вопросам, то здесь таким Сократом выступает сам повествователь, от которого и зависит неспешность и рассудительность повествования. Мы можем условно назвать такую технику «полиэйдетическим» романом, имея в виду смысл слова «эйдос» («идея») в системе Платона — образ, то, что познается как истина, но никакая речь об этом и никакое созданное художественным мастерством подобие этой истиной не является. Полиэйдетическая проза близка полифонической прозе, с тем различием, что герои не столько ставят эксперимент, сколько оказываются внутри эксперимента, поставленного автором. Этот термин может объяснить такие уже отмеченные исследователями особенности, как глубокая концептуальная основа даже самых прямых репрезентаций, картин происходящего, в прозе Крупина [9] и применение молчания как особого приема, позволяющего посмотреть со

стороны как на событие, так и на речь [10]. Хотя сам Крупин большую часть своей прозы не называет романами, но полиэйдетический принцип работает в ней так же, позволяя считать ее чем-то вроде романного этюда или фрагмента.

Этот эксперимент для прозы Крупина последних тридцати лет можно описать так: как возможно говорить о России как о святом месте, святой Руси, если заведомо жизнь людей в России далека от святости и высказывания о святости никогда не могут смоделировать святость, создать икону святости, которую можно воспринять, следовать и освятиться. Крупин как практикующий православный христианин исходит из того, что святость возможна только в таинствах Церкви и молитве, но вовсе не в создании каких-то образцов и моделей. Поэтому любое высказывание о святости модально, даже житие святого не столько является шаблоном, сколько показывает, как можно отнестись к современности, к другому, поощрить, ободрить, обличить. Речевые формы в высказываниях Крупина никогда не бывают нейтральными, это всегда усмешка, упрек, прославление, восклицание, клятва и другие формы, близкие иногда к перформативности, но которые для удобства лучше называть «эйдетическими».

Тогда проза Крупина работает как лаборатория, причем лаборатория старого типа, которая должна получить результат, параметры которого заранее известны. При этом материалы, методы и даже способы описания далеки от совершенства, мы никогда не знаем дополнительных эффектов оборудования или правильного строения алгоритма, но методом проб и ошибок, убирая эти эффекты или вводя дополнительные факторы воздействия, получаем нужный результат. Так же построен «мозговой штурм» в деловой жизни — мы заранее не знаем ни одного метода решения проблем, но спонтанно высказанные предложения, самые разные реплики, за которыми стоят столь же разные «эйдосы», помогут преодолеть неправильный стандарт решения проблемы и добиться результата на данном узком поле. Оба эти образа, лаборатории и штурма, или, если можно так сказать, «технических эйдоса», нужно помнить, когда мы читаем прозу Крупина, встречая самые разные реплики, часто заостренные политически или этически, и при этом видим, что для него наследие отцов Церкви незаменимо и непревзойденно. Значит, литература для него — это не адаптация церковного учения, а особая работа с модальностями, доброжелательными или суро-

выми, с целью приблизиться к нему. Следует заметить, что современная лаборатория обычно как раз не знает и параметров результата, потому что само вхождение лаборатории в игру уже сказывается на этих параметрах, и изобретательность лаборатории в эпоху сетей и больших данных построена иначе, в том числе лаборатории художественного слова [8].

Аристотель — самый цитируемый античный мыслитель в прозе Крупина. Он появляется в повести «Как только, так сразу» в разговоре с Петей [3, с. 45], который как раз представляет собой однозначно заблуждающегося русского, ленивого мыслителя, легко подхватывающего лозунги, но не способного на политический анализ. При этом политический анализ повествователя получается однозначно антизападным, как всегда, Крупин упрекает Запад в непоследовательности и авантюристичности. Повествователь хочет, чтобы Петя познакомился с наследием Древней Греции и Византии, в частности, «Государством» Платона, дабы разбираться, как устроены политические системы и действие мыслителя в неблагоприятной политической системе.

При этом повествователь начинает излагать античность с Аристотеля, с учения Аристотеля об энтелехии, приводя цитату из А. Ф. Лосева («старик Лосев привет передает»), перемежая ее ремарками: «Аристотель учил об энтелехии, которая есть не что иное, как потенциально-энергетическое и притом эйдетическое (понял, Петя, — притом!) становление всего существующего. Это следствие дистинктивно-дескриптивного характера философии Аристотеля. Это, с одной стороны (с одной, Петя, все-таки) связывало Аристотеля с ноуменализмом Платона и с веком эллинизма. В принципе энтелехии объективная субстанциальность получила окончательную форму абстрактно-всеобщего становления категорий. Дальше наступало время не просто субстанциализма и взаимопроникновения логических категорий...» Приведена цитата из книги Лосева «История античной философии в конспективном изложении» [7, с. 77], но с некоторыми изменениями: опущено «так называемой» перед «энтелехии» и везде заменено «его» на «Аристотеля». Полностью последняя фраза Лосева звучит так: «Дальше уже наступало время не просто объективизма, не просто субстанциализма, но и не просто абстрактно-всеобщего сопоставления и взаимопроникновения логических категорий», иначе говоря, эпоха эллинизма.

Предназначение такой цитаты хотя и из краткого и рассчитанного на студентов, но при

этом требующего предварительных специальных знаний по истории философии, которыми читатель Крупина не обладает, останется неясным, пока мы не вспомним о «полиэйдетичности» его прозы. Перед Петей и другими героями стоит задача понять, как возникла эллинистическая норма разговора о вещах, которая должна стать нормой автономного разговора, сохранения греческой традиции, а значит, и независимости России как наследницы Византии. Лосев в приводимой цитате выводит учение об энтелехии как завершенной форме бытия и понимания бытия из «дистинктивно-дескриптивного характера философии Аристотеля», иначе говоря, из привычки Аристотеля давать подробное описание проблемы, основанное на определениях и ведущее к определениям. Иначе говоря, Аристотель создает полиэйдетичность, но замкнув в рамках определений, в форме «абстрактно-всеобщего становления категорий».

Повествователь Крупина акцентирует внимание Пети на том, что «эйдетическое», связанное с идеей, становление оказывается «притом» и что Аристотель связан с Платоном только «с одной стороны», остроумно каламбуя и превращая преподавательское изложение Лосева, взвешивающее всё на весах внимания, в признание некоторой односторонности Платона и того, что эта односторонность появляется там, где появляется Платон. Упоминание Платона — это акцент на том, что становление еще и эйдетическое, еще и находится в каком-то отношении к идеям, что это еще не раскрытие действительной конфигурации вещей. Получается, что Аристотель, и об этом говорит некоторый обрыв цитаты, порвал с односторонностью и добился объективной субстанциальности, из которой выводится сам порядок реальности. Ведь раз становление категорий абстрактно-всеобщее, то порядок событий, сопровождающих эту объективную субстанциальность, может быть самым различным, и раз логические категории проникают друг в друга, то любые, даже нелепые события нашей жизни будут реальностью, будут чем-то значимым. Но цитата оборвана, и получается, что одной этой впечатляющей реальностью, состоящей из некоторого произвола, доволен не будешь.

В записках «Дорогами православной Греции» [4, с. 17] Крупин вспоминает, сразу после упоминания своего юношеского увлечения образами античности и чтением, что Афон находится недалеко от Стагиры, родины Аристотеля. И тут же он говорит, как перед отправлением на Афон жил в отеле «Аристотель» в Урануполи-

се — замечательно, что не «гостиница», а «отель», подхватывается речь туристов, и рассказывает комический эпизод, как он решил ночью искупаться и поранил ногу. В этом он видит личную дерзость, телесное знакомство с Грецией, с ее эллинизмом, вопреки благословению — которое бы определяло порядок как раз знакомства со смыслами. Так глубина впечатлений от реальности всех, даже нелепых событий остается, и это впечатление Крупин считает достойным своей документальной прозы, хотя поучительность такого результата непослушания совсем не универсальна. Просто Крупину важна эта энтелехия, что все впечатления сложились во вполне завершённую картину памяти, важную для души, и дальше уже дело старца, духовного наставника, научить человека аскезе и умению избегать страстей. Так и оказывается, что где Аристотель, там энтелехия, определяющая любую последовательность приятных и неприятных событий жизни, которые все оставляют впечатление. Но произвол наблюдения обрывается, чтобы воспринять поучительный урок, который не мог воспринять Петя, что страсть может проявиться даже там, где ты употребляешь все правильные слова, они не спасают от этой физиологической травмы столкновения с реальностью. И как воспринимается этот урок, показывают и другие произведения Крупина, в которых упоминается Аристотель.

Так, в автобиографической прозе «Событие, вписанное в вечность», написанной в те же годы, что и паломнические записки, Крупин описывает впечатление от возвращения на родину для восстановления храма: «Все съезжилось и уменьшилось: и двор, обтяпанный по сеновалам, да и сеновалов нет, убогие сарайки для дров, нет красивых ворот с резными столбами и овальной табличкой на них: "Российское страховое общество 1903 года", нет погреба, хлебов, огорода, палисадника с мальвами и ноготками. Но они есть в памяти, и так ощутимо, что я вслед за Аристотелем готов сказать, что идея предмета более живуча, чем сам предмет. Чувства определяют поступки и формируют память. А память — может быть, главная составляющая души» [5, с. 4]. Конечно, при слове «идея» нам вспоминается скорее Платон, чем Аристотель. Но ключевым здесь оказывается как раз слово «живуча». Платон для Крупина — исследователь политических технологий и слов, тогда как Аристотель — исследователь того, как эти слова начинают уже находиться в определенном отношении к бытию. Платоновская идея не может выстроить ту цепочку чувство — память — ду-

ша, которая важна для Крупина, на идею можно реагировать и чувственно, и умственно, она для рефлектирующего человека, выросшего в советское время, грозит превратиться в идеологию, и Крупин отвергает идеологизацию. Тогда как Аристотель выстраивает сам порядок восприятия эйдетического, который может определять самые глубокие впечатления человека. Другое дело, что после этого выстроенного порядка, который не от нас зависит, который построен тем самым абстрактно-всеобщим становлением категорий, нужно выяснить, какие еще составляющие души есть, чтобы не отдать душу на растерзание страстям.

И в последней книге писателя «Эфирное время» при упоминании Аристотеля как раз и представлено аскетическое учение о страстях, хотя оно никак не развито, но без него образ Аристотеля не будет никак обоснован, не будет понятно, почему вообще имя Аристотеля появилось. В этой книге дан диалог нескольких русских людей разных профессий. В нем музыкант, чья профессия узнается по громкому голосу, но скорее по патетичному отношению к музыке, цитирует якобы Аристотеля: «Аристотель изрёк: хотите крепкое государство — контролируйте музыку!» [6, с. 38]. Его поправляют, что это взято из «Государства» Платона. Как и в повести начала 1990-х, Крупин упоминает диалог «О государстве», иногда так его называли в дореволюционной духовной литературе, калькируя принятое в изданиях греческого текста название. Иначе говоря, музыкант выдает себя не просто какими-то признаками своей профессии, а движением к страсти, возмущению, политическому замыслу, или в аскетической терминологии, с которой Крупин хорошо знаком, — движением от «прилога» к «страсти». Соответственно, собеседник обращает его ум к Платону, который в своем большом диалоге, как утверждал Крупин в повести «Как только, так сразу», обличал манипулятивность тогдашней политики — в ней повествователь видел истоки макиавеллизма Запада. Иначе говоря, Аристотель опять выступает как предшественник эллинизма, и речь идет уже не просто о страсти как непослушании, но об определенной механике страсти, которая раскрывается не в ходе сюжета, а в особенностях построения прозы, с политическим соперничеством определений и спонтанных или не спонтанных действий.

Слово «контроль», которое здесь появляется, постоянно и многократно использует в рассуждениях о взглядах Платона на музыку не Лосев (у которого это слово встречается нечасто),

а Асмус, коллега Лосева по составлению русского издания Сочинений Платона, в своем комментарии-реферате «Государство». Асмус говорит, что такой контроль не просто строгий, но постоянный: «Правители-философы платоновского полиса не только держат искусство в поле своего неусыпного внимания, они осуществляют строгую и бескомпромиссную опеку, контроль над всем, что имеет в искусстве общественное значение. Воспитательное действие искусства требует этого постоянного и неослабного контроля со стороны правителей» [1, с. 557]. Иначе говоря, Крупин осуществляет здесь перевод: он переводит это постоянство характера, о котором говорит Асмус (и Лосев как составитель тома), которое тоже, по аскетическому учению, может обернуться не просто страстью, но гордыней, — в постоянство эллинистической культуры, которая и служит особому чувству реальности, всегда предшествующему взятию на себя аскетических обязательств. Как Крупин начал со спонтанного обрыва цитаты Лосева, создавая эффект реальности в преддверии аскетики, так и здесь, производя особый перевод, он доказывает необходимость аскетики.

Таким образом, Аристотель оказывается в прозе Крупина не просто интересующим писателя античным мыслителем, не источником мудрых мыслей и даже не прямым предшест-

венником византийской патристики. Интерес Крупина к Аристотелю довольно редкий среди русских писателей, обычно предпочитающих Сократа и Платона как символизирующих античную интеллектуальную культуру. Он строит свою прозу особым образом, чтобы, с одной стороны, показать эффекты реальности, продолжая реалистическую традицию, а с другой стороны, доказать необходимость аскетической борьбы со страстями, которая никак не следует из реалистического изображения конфликтов или впечатлений. Поэтому писатель создает особую технику рассказа о реальности, включающую в себя обрыв цитаты, заострение полемики, игру стилистическими регистрами, включая обличительный и комический, позволяющую перейти от впечатлений и воспоминаний к аскетике. Вновь и вновь возвращаясь к наследию Аристотеля как к дисциплине ума, Крупин уточняет не просто желательность, но необходимость аскетики как опыта истины. При этом Крупин создает полиэстетическую прозу, в которой реплики героев оказываются способом создавать модальности, и в таком случае Аристотель сначала обосновывает модальность серьезного отношения к «памяти» и «душе», а затем, в последующем разговоре, требует уже аскетической заботы о душе и противостоящей любым манипуляциям строгости самоотчета.

Литература

1. Асмус В. Ф. Комментарии к диалогу Платона «Государство» / В. Ф. Асмус // Платон. Сочинения. Т. 3, ч. 1. — М.: Мысль, 1971. — С. 526—560.
2. Кабылкова А. А. Почвеннические традиции первой волны русской эмиграции в творчестве В. Н. Крупина / А. А. Кабылкова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. — 2018. — № 1. — С. 40—48.
3. Крупин В. Н. Как только, так сразу: повесть / В. Н. Крупин // Наш современник. — 1992. — № 12. — С. 3—50.
4. Крупин В. Н. Дорогами православной Греции / В. Н. Крупин. — М.: Синтагма, 2010. — 320 с.
5. Крупин В. Н. Событие, вписанное в вечность / В. Н. Крупин // Русь державная. — 2000. — № 9. — С. 4.
6. Крупин В. Н. Эфирное время / В. Н. Крупин. — М.: Вече, 2018. — 384 с.
7. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1989.
8. Моркина Ю. С. Научное и художественное творчество: идеальные объекты / Ю. С. Моркина // Вопросы философии. — 2019. — № 7. — С. 150—161.
9. Покручина М. Ю. Ментальная репрезентация текстов В. Н. Крупина / М. Ю. Покручина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 36, № 28(277). — С. 14—23.
10. Юдинцева Е. Л. Молчание в повестях В. Н. Крупина «Ямщицкая повесть» и «Живая вода» / Е. Л. Юдинцева // От текста к контексту. — 2013. — № 1. — С. 106—114.

ARISTOTLE IN POLYEIDETIC PROSE BY VLADIMIR KRUPIN

A. V. Markov

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

markovius@gmail.com

The prose by V. N. Krupin demonstrates complex interaction of speech positions adjacent to various philosophical and journalistic statements, not as ideological, but as eidetic, i. e. as standard of contemplation of the novelistic matter. The author calls this prose polyeidetic, which is not juxtaposition or conflict of diverse ideas, but a kind of study which form of contemplation proved to be correct and approved by the Church. Polyeidetic prose is to be compared with the regular work of any old-fashioned laboratory or with "brainstorming", but the difference is that the basic concepts and formulas are not revised or refined during the experiment, but are transformed from intuition formulas into eidetic mood of ascetic evidence. Aristotle is the most cited ancient philosopher in Krupin's prose, but Krupin does not rely on the primary sources, but on the works by A. F. Losev, on Church tradition and the educational canon. The maxims of Aristotle, which Krupin cites, are not moments of plot progress (the thoughts of conservative Russian religious philosophers were aimed at this), but a direct justification for the polyeidetic narrative. Krupin considers Aristotle primarily as a meliorated version of Plato, correcting Plato's doctrine on forms (ideas) in the direction of romance polyphony, adopting it to the creed of the Orthodox Church. For Krupin, Aristotle, not Plato, came close to Orthodox Christianity, and to the traditions of the Russian novel and Russian village prose.

Key words: Plato, Aristotle, Krupin, A. F. Losev, Aristotelism, Russian village prose, Byzantine patristics, church tradition, contemporary Russian novel, polyphony, eidos.

References

1. Asmus V. F. (1971) Kommentarii k dialogu Platona "Gosudarstvo" [Commentaries to Plato's Republic]. Platon. Sochineniya, Vol. 3, Moscow, p. 526—560.
2. Kabylova A. A. (2018) Pochvennicheskie traditsii pervoi volny russkoi emigratsii v tvorchestve V. N. Krupina [Slavophile traditions of the first wave of Russian emigration in the works of V. N. Krupin]. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, (1), p. 40—48.
3. Krupin V. N. (1992) Kak tolko, tak srazu: povest [Once, so immediately]. Nash sovremennik, (12), p. 3—50.
4. Krupin V. N. (2010) Dorogami pravoslavnoy Gretsii [Roads of Orthodox Greece]. Moscow.
5. Krupin V. N. (2000) Sobytiye, vpisannoe v vechnost [An event inscribed in eternity]. Rus derzhavnaya, (9), p. 4.
6. Krupin V. N. (2018) Efirnoe vremya [Airtime]. Moscow, 384 p.
7. Losev A. F. (1989) Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii [History of ancient philosophy in a concise summary]. Moscow.
8. Morkina Yu. S. (2019) Nauchnoe i khudozhestvennoe tvorchestvo: idealnye objekty [Scientific and artistic creativity: ideal objects]. Voprosy filosofii, (7), p. 150—161.
9. Pokruchina M. Yu. (2017) Mentalnaya reprezentatsiya tekстов V. N. Krupina [The mental representation of texts by V. N. Krupin]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki, Vol. 36, 28(277), p. 14—23.
10. Yudinseva E. L. (2013) Molchanie v povestnyakh V. N. Krupina "Yamshchitskaia povest'" i "Zhivaya voda" [Silence in the stories by V. N. Krupin "Yamshchik's Story" and "Living Water"]. Ot teksta k kontekstu, (1), p. 106—114.

С. И. Федорова

Ульяновский
государственный
аграрный университет
(г. Ульяновск, Россия)
ljwtyn55@mail.ru

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ВАЖНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена актуальным проблемам высшего образования, в частности университетского, в современном социуме. Образование рассматривается не только как важнейший фактор обучения в вузе, но и как воспитательный процесс. В данной статье также рассматриваются новые технологии, применяемые в обучении, вхождение в мировой процесс обучения и другие аспекты. В статью включены исследования, проводимые среди студентов, которые позволяют выявить их отношение к высшему образованию, повышению своего статуса и желанию использовать свои знания в будущем. Автор делает вывод о том, что высшее образование — это не только самоцель студентов, но и возможность получить достойные знания, а также в дальнейшем использовать их в своей будущей профессии. В статье делается акцент на то, что университетское образование способствует формированию личности студента, раскрытию его внутреннего мира, что позволит ему стать креативным — а это сегодня является главным в университетском образовании. Прослеживается эволюция развития образования в России с древнейших времен до настоящего времени. Важным, как отмечает автор статьи, является гуманитарное образование в вузах, которое обязательно для студентов, обучающихся по всем направлениям.

Ключевые слова: образование, университет, студенчество, воспитание, глобализация, регион, педагогика, культура, личность, ценности.

В настоящее время те преобразования, которые происходят в образовательной системе, требуют новых ответов на вопросы о целях, задачах, содержании, функциях образования и воспитания молодежи.

Профессионально-образовательное пространство вуза представляет собой целесообразно организованную мастерами педагогического труда среду. Университет способствует личностному развитию студента, формированию у него мировоззрения, приобретению им знаний, умений, навыков, которые он будет использовать в будущем. Высшее учебное заведение имеет ресурсные возможности профессионально-образовательного процесса, активизации всех механизмов выстраивания процесса профессиональной подготовки в вузе с учетом индивидуальных особенностей каждой личности и специфики данного конкретного образовательного пространства.

Студент университета должен обладать высокой трудоспособностью, умением ориентироваться в любой среде, быть интеллектуалом, отвечать за свои поступки, стремиться к творческому мышлению, т. е. быть креативным.

Поэтому одна из главных задач университета — не только дать знания студенту, но и воспитать достойную личность, а для этого необходимо формировать способности студента, поддерживать молодежную субкультуру и студенческие общественные организации, дать возможность студентам получить дополнительное образование. Университет должен разрабатывать стратегию и тактику воспитания, способствовать консолидации студенчества с преподавателями высшей школы, возможности разработки совместных проектов, а в дальнейшем их реализации.

Одна из главных задач педагогов высшей школы заключается в том, чтобы сформировать у студентов комплексное представление о культурно-историческом своеобразии России, ее месте и роли в мировой и европейской цивилизации. Как отметил А. В. Прохоров, глобальные процессы определяют «направления развития современного высшего образования» [1, с. 57].

Главное внимание педагогики в Древней Руси, писал В. О. Ключевский, обращено было на житейские правила, а не научные знания. Кодекс сведений, чувств и навыков, какие счи-

тались необходимыми для усвоения этих правил, составлял науку о «христианском жителстве», о том, как подобает жить христианам. Этот кодекс состоял из трех наук: душевное — учение о долге душевном, строение мирское — наука о гражданском общежитии и строение домовое — наука о хозяйственном домоводстве. Усвоение этих трех дисциплин и составляло задачу общего образования.

Уже в XVIII веке в области просвещения начинают проследиваться новшества: появляются школы, которые носят светский характер. Конечно, самым крупным достижением в развитии отечественной науки было открытие в 1725 году Петербургской академии наук. У ее истоков стоял сам царь — Петр Первый. Но открытие академии состоялось уже после его смерти. Первым президентом Академии наук был назначен ученый Блюментрост, который при Петре Первом был управляющим библиотекой. Вначале академия не имела даже своего устава.

Задача академии заключалась в том, чтобы собрать ученых людей и обучать их медицине, философии и праву. При академии вначале было 10 академиков, но практически все они являлись иностранцами. Именно Петербургская академия наук стала центром научной мысли в России. Особенностью академии было объединение научно-исследовательских и педагогических функций (в ее системе находились университет и гимназия). В отличие от европейских академий, существовавших на средства от издательской и другой коммерческой деятельности, Петербургская академия наук имела твердый государственный бюджет. Академия вошла в систему общеевропейской науки. М. В. Ломоносов стал первым русским профессором, членом Академии наук. В этот период проявил себя В. Н. Татищев, который создал первый обобщающий труд по отечественной истории «История Российская».

Значительные успехи были достигнуты во второй половине XVIII века в области высшего образования. 12 января 1755 года (в Татьянин день) императрицей Елизаветой Петровной был подписан Указ об учреждении в Москве университета. Университет был создан по примеру европейских.

Уже в начале XX века на передний план были выдвинуты фундаментальные проблемы образования. И особенно уделялось внимание формированию системы образования, где личности отводилась приоритетная роль.

В нашем современном обществе главное направление в образовательном процессе — это университетское образование, которое способ-

ствует не только получению высшего образования, но и становлению личности, о которой еще говорили философы в античном мире, — гармонично развитой личности. Великий Сократ выдвинул лозунг «Познай самого себя», призывая научиться руководствоваться в своих поступках разумом. Уже тогда утвердилась глубокая мысль — воспитание чувства прекрасного. Современные педагоги высшей школы руководствуются не только этими идеями, но и всем опытом, накопленным человечеством.

Развивающийся в вузах процесс гуманитаризации создает условия для наиболее полного включения образования в целостную структуру общества, что способствует получению студентами методологических знаний в области философии, культурологии, теории и истории культур.

Современный образованный человек должен научиться мыслить теми категориями, которые позволяют ему иметь свою собственную позицию, точку зрения, взгляды, критическое осмысление прошлого с учетом современности, научиться применять свои знания, полученные в вузе, на практике.

Система образования сегодня стала субъектом рыночных отношений. Отечественная система образования не только адаптировалась к рыночным отношениям, но и влилась в мировое образовательное сообщество, адекватно отреагировав на глобальные тенденции в сфере образования.

Вдовенко З. В. отметила: «Процесс эффективного развития общества основан на решении ключевых проблем, связанных как с экономической деятельностью субъектов рынка, так и решением социальных проблем. Однако невозможно решать названные проблемы без развития современного образования и внедрения инновационных методик обучения» [2, с. 93].

За последние десятилетия возродилась тенденция роста числа желающих поступить в высшие учебные заведения. Потребность молодежи в высшем образовании увеличилась. Но одновременно уменьшились показатели ее трудоустройства. Высшее образование не должно быть узкоспециальным, поскольку в сегодняшней ситуации большой неопределенности, быстрой изменчивости необходимы люди с высокими адаптивными качествами, способные быстро менять сферу деятельности.

Главная задача образования — помочь каждому развить все свои способности, стать Человеком в полном смысле слова, а не оставаться инструментом экономики или политики.

К сожалению, система образования, как и экономика, не избежала «валового подхода. Соответствующий продукт она и выдавала. Между тем мало научить людей производительно думать. Высшие ценности человечества — это мысли, и общество сильно числом активно мыслящих его членов... Главная линия развития содержания образования сегодня — его фундаментализация», — считает И. Д. Митина [3, с. 11].

Сегодня многие выпускники вузов, к сожалению, не могут найти работу по ряду специальностей. Полученное образование не всегда является фактором, однозначно положительно определяющим занятость молодежи. Практический взгляд (более высокая оплата, уклонение от службы в армии, престиж) определяет выбор, где и на кого учиться, чтобы в дальнейшем приобрести соответствующий статус. В целом для молодежи сегодня характерно выдвижение на первый план ценностей индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия. Доминирующими в системе ценностей становятся деньги и материальное благополучие. Деньги, богатство — это символ жизненного успеха для большинства современных молодых людей, цель, к которой нужно стремиться.

Студентам экономического факультета (экономическая безопасность) УлГУ была предложена анкета, в которой содержались такие вопросы:

- Для чего Вы поступили в университет?
- Имели ли Вы представление о своей будущей специальности?
- Устраивает ли Вас учеба в университете, правильный ли Вы сделали выбор?
- Пригодятся ли Вам в будущем знания по психологии?
- Достаточно ли в полном объеме проводилась профориентационная работа в школе?
- Хотите ли Вы получить два образования?

Ответы были самые разнообразные. Например, на вопрос «Почему Вы пошли в университет?» часть студентов ответила следующим образом: «Для получения высшего образования», «Желание получить хорошее образование», «Качественное образование», «Интересы в развитии экономики страны и защита своих прав», «Потому что не могла определиться, что ближе — экономика или юриспруденция», «Необходимость чем-то заниматься, прошел по баллам», «Желание получить высшее образование, чтобы в будущем стать достойным членом общества», «Одна из востребованных специальностей на рынке труда».

Подавляющее большинство опрошенных считают, что университетское образование — это статусное и перспективное образование. 80—90 % студентов мечтают о втором образовании — юридическом.

Учеба в университете устраивает 90 % опрошенных, интересное преподавание отметили также около 90 %. Не ошиблись в выборе практически все студенты. Что же касается профориентационной работы, то здесь мнения студентов весьма противоречивые. Большинство студентов в анкетах написали, что необходима более эффективная работа университета с абитуриентами. Были такие ответы: «Больше получать информации от университета еще в школе», «Не знал, где буду работать», «Больше профориентационной работы со школьниками», «Я не знал про этот вуз» (г. Тольятти), «Больше приходили бы представители университета и рассказывали о нем», «Мало профориентационной работы», «Чтобы бывшие выпускники университета приходили и рассказывали об этой специальности» и т. д. Видимо, в этом направлении требуется эффективная работа по распространению информации об университете, особенно в дальних районах области.

Где будут использовать знания по психологии, студенты ответили следующим образом: «Во всех ситуациях», «От бытовых до непредвиденных ситуаций», «Психология необходима для отношений между людьми», «Для общения, понимания и мне нравится этот предмет», «Нужна психология, чтобы преподаватель помог разобраться в каких-то проблемах, выбрать верный путь», «Понимать людей, знать к ним подход», «При взаимодействии с людьми», «Лучше понимать людей, находить верный ключ к человеку», «Далее по жизни буду часто пересекаться с психологией», «Понимание внутреннего мира человека», «Использовать знания психологии в своей профессиональной деятельности».

Все респонденты уверены в том, что психология — это не только учебная дисциплина, но и практическая, которая даст им возможность использовать знания в будущей профессии. Ведь это наука о поведении людей, а в экономической сфере она поможет им выстраивать правильные отношения между индивидом и обществом.

В системе российского образования формируется новая культура воспитания, характеризующаяся такими особенностями, как вариативность и плюрализм, гармонизация общественно и индивидуально ориентированного типов образования. Сегодня обращается очень серьезное

внимание на создание вариативных программ, на продуктивность решения задач.

Гуманитарное образование является одним из системообразующих компонентов социального потенциала личности, ее культуры и свободного самоопределения в условиях неуклонно усложняющейся общественной жизни.

Воспитание студенческой молодежи в системе высшей школы должно обеспечивать формирование личности, умеющей отстаивать свои интересы, а также интересы определенной социально-профессиональной группы и российского общества в целом как на современном этапе, так и в долговременной перспективе.

Литература

1. Прохоров А. В. Модели университета в условиях глобализации / А. В. Прохоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2013. — № 3(27). — С. 57.
2. Вдовенко З. В. Профессиональная компетентность: требования стандартов и возможности образования / З. В. Вдовенко // Сборник тезисов по итогам профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы». — Калуга : ООО «Национальная полиграфическая группа», 2019.
3. Митина И. Д. Философия образования (культурологический аспект) : учебное пособие по курсу философии образования / И. Д. Митина. — Ульяновск : Изд-во ИП Тухтаров В. Н., 2008.
4. Афанасьева Т. П. Стратегическое планирование и программирование развития региональных систем образования: взаимосвязь целей, задач и показателей развития / Т. П. Афанасьева, Г. П. Новикова, Ю. С. Тюников // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. — 2019. — № 4(67). — С. 4—10.
5. Федорова С. И. Духовные ценности отечественной культуры в современном гуманитарном образовании / С. И. Федорова // Социокультурная идентичность личности в современном обществе : сборник трудов участников II Всероссийской научной конференции «Человек, культура, образование». — Ульяновск, 2007.
6. Федорова С. И. Формирование гражданственности и патриотизма через общекультурные компетенции / С. И. Федорова, Е. А. Леванова, Л. А. Саломатина // Муниципальное образование: инновации и эксперимент : журнал для администрации управлений образования и руководителей образовательных учреждений. — 2019. — № 4(67). — С. 17—28.
7. Федорова С. И. Особенности менталитета современного студенчества / С. И. Федорова // Федерация : научный журнал о проблемах политики, экономики, социологии и права. — 2012. — № 7—10 (98—101). — Июль-октябрь. — С. 37—42.
8. Леванова Е. А. Профессиональная подготовка социального педагога: практико-ориентированный подход / Е. А. Леванова, Т. В. Пушкарева // Актуальные проблемы профессионально-педагогического образования : межвузовский сборник научных трудов / под ред. д-ра пед. наук, проф. Е. А. Левановой. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. — Вып. 32. — С. 56—58.
9. Пушкарева Т. В. Образовательный процесс в вузе как фактор интериоризации знаний студентами / Т. В. Пушкарева // Проблемы педагогического образования : сборник научных статей / под ред. Е. А. Левановой. — М. : МПГУ — МОСПИ, 2011. — Вып. 39. — С. 31—34.
11. Прошкина О. Г. Образование как главный фактор в развитии профессии менеджера (по материалам социологического исследования) / О. Г. Прошкина // Интеграция образования : научно-методический журнал. — 2013. — № 1(70). — Январь-март. — С. 82—86.

UNIVERSITY EDUCATION AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL SPACE

S. I. Fedorova

Ulyanovsk State Agrarian University (Ulyanovsk, Russia)

ljwty55@mail.ru

The article is devoted to the current problems of higher education, in particular university, in modern society. Education is considered to be the most important factor of the study at university, as well as an educational process. The author discusses new learning technologies, integration into the global learning process and other aspects. The article includes students' studies that reveal their attitudes towards higher education, their status and their desire to use their knowledge in the future. The author concludes that higher education is not only an goal in itself for students, but also an opportunity to gain decent knowledge, as well as to further use them in their future profession. The article emphasizes that university education contributes to the formation of the student's personality, revealing his inner world, which will allow him to become creative, this is what is the main thing in the university today. The author notes that the education in the humanities is important and necessary for the students of all specialties.

Key words: education, university, student body, upbringing, globalization, region, pedagogy, culture, personality, values.

References

1. Prokhorov A. V. (2013) Modeli universiteta v usloviyakh globalizatsii [University models in the context of globalization]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki, 3(27), p. 57.
2. Vdovenko Z. V. (2019) Professionalnaya kompetentnost: trebovaniya standartov i vozmozhnosti obrazovaniya [Professional competence: requirements of standards and educational opportunities]. Collection of abstracts based on the results of professors' forum 2019 "Nauka. Obrazovanie. Regiony". Kaluga: OOO "Natsionalnaya poligraficheskaya gruppa", p. 93.
3. Mitina I. D. (2008) Filosofiya obrazovaniya (kulturologicheskiy aspekt): uchebnoe posobie po kursu filosofii obrazovaniya [Philosophy of education (culturology aspect): study guide on the course Philosophy of education]. Ulyanovsk: Izd-vo IP Tukhtarov V. N., p. 11.
4. Afanasyeva T. P., Novikova G. P., Tyunnikov Yu. S. (2019) Strategicheskoe planirovanie i programmirovaniye razvitiya regionalnykh sistem obrazovaniya: vzaimosvyaz tseley, zadach i pokazateley razvitiya [Strategic planning and programming of the development of regional educational systems: interrelation of goals, tasks and index of evolution]. Munitsipalnoe obrazovanie: innovatsii i eksperiment, 4(67), p. 4—10.
5. Fedorova S. I. (2007) Dukhovnye tsennosti otechestvennoy kultury v sovremennom gumanitarnom obrazovanii [Moral values of soviet culture in the modern liberal education]. Sotsiokulturnaya identichnost lichnosti v sovremennom obshchestve: collection of studies of II All-Russian scientific and practical conference "Chelovek, kultura, obrazovanie", Ulyanovsk.
6. Fedorova S. I., Levanova E. A., Salomatina L. A. (2019) Formirovaniye grazhdanstvennosti i patriotizma cherez obshchekulturnye kompetentsii [Formation of civic consciousness and patriotism through the common cultural competences]. Munitsipalnoe obrazovanie: innovatsii i eksperiment: zhurnal dlya administratsii upravleniy obrazovaniya i rukovoditeley obrazovatelnykh uchrezhdeniy, 4(67), p. 17—28.
7. Fedorova S. I. (2012) Osobennosti mentaliteta sovremennogo studenchestva [Peculiarities of the mentality of modern students]. Federatsiya: nauchnyi zhurnal o problemakh politiki, ekonomiki, sotsiologii i prava, 7—10 (98—101), p. 37—42.
8. Levanova E. A., Pushkareva T. V. (2014) Professionalnaya podgotovka sotsialnogo pedagoga: praktiko-orientirovannyi podkhod [Vocational training of a social teacher: practice-based approach]. Aktualnye problemy professionalno-pedagogicheskogo obrazovaniya: interuniversity collection of studies. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, (32), p. 56—58.
9. Pushkareva T. V. (2011) Obrazovatelnyi protsess v vuze kak faktor interiorizatsii znaniy studentami [Educational process at university as a factor of interiorization students' knowledge]. Problemy pedagogicheskogo obrazovaniia: collection of studies. Moscow: MPGU — MOSPI, (39), p. 31—34.
10. Proshkina O. G. (2013) Obrazovanie kak glavnyi faktor v razvitii professii menedzhera (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Education as the main factor in the development of a manager profession (based on sociological research)]. Integratsiya obrazovaniya: scientific and methodological journal, 1(70), p. 82—86.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

М. И. Кадничанская

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
m-i-kad@yandex.ru

А. М. Устинова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vendi281274@rambler.ru

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Вопрос, связанный с изучением межнациональных конфликтов, достаточно актуален в рамках социологической мысли. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день конфликты разного рода, постоянно возникающие во всём мире, сотрясают различные сферы общественной жизни и изменяют их, превращая в одну из самых серьёзных угроз для территориальной неприкосновенности государства. Главную роль в дезорганизации структуры общества и формировании очагов конфликтов играет разница в понимании моральных и ценностных норм молодого поколения. Межнациональному конфликту именно в молодёжной среде присваивается самый острый конфликтный характер. Это обусловливается инновационным потенциалом данной группы людей, который оказывает значительное влияние на размах социокультурной дифференциации. В данной статье авторами обосновывается необходимость усиления внимания к изучению межнациональных конфликтов в молодёжной среде, причин их возникновения и технологий решения. На основе анализа результатов ряда социологических исследований, проводимых в 2012—2018 годах ФОМом, ВЦИОМом и Левада-центром, раскрываются особенности культуры конфликтного взаимодействия в молодёжной среде. В качестве объекта исследования выступают межнациональные конфликты, где в свою очередь предмет — особенности межнациональных конфликтов в молодёжной среде. По завершении работы сделаны выводы о том, что с течением времени характер причин, технологии решения межнациональных конфликтов, оказываясь под влиянием общественного сознания и правильной государственной политики, имеют тенденцию изменяться на более конструктивные и тем самым воздействовать на динамику уровня конфликтности, существующего в обществе.

Ключевые слова: конфликт, конфликтное взаимодействие, культура конфликтного взаимодействия, молодёжь, межнациональный конфликт.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время межнациональные конфликты в молодёжной среде — проблема достаточно острая и актуальная. Как и в прочих европейских странах, в России наблюдается тенденция к возрождению национального сознания и культурного наследия, этнической самобытности как меньшинств, так и больших народов многонациональной страны. Этнический парадокс современности, сопровождающий унификацию духовной и материальной культуры, при-

водит к возникновению разного рода позитивных и негативных социальных явлений.

Конфликт — достаточно сложное социальное явление, которое имеет множество трактовок и по-разному представлено рядом исследователей.

Первым, кто стал изучать конфликт как социальное явление, был А. Смит [20, р. 84]. Основоположник политэкономии в своей работе «Исследование о природах и причинах богатства народов» предположил, что в основе кон-

фликта лежит деление общества на классы (капиталисты, земельные собственники, наёмные рабочие) и экономическое соперничество между ними.

В свою очередь, яркий представитель функционализма Э. Дюркгейм под влиянием аспектов биоорганического направления в социологии склонялся к идеям коллективности, пронизывающим конфликт: «Как частные конфликты можно сдерживать, используя регулирующие действия общества, так и социальные конфликты можно регулировать, используя действия одного общества, заключающего в себя другие. Сила, способная умерять индивидуальный эгоизм, — сила группы; сила, способная умерять эгоизм группы, — сила другой, более масштабной группы, охватывающей несколько групп» [8, с. 150]. Таким образом, вся концепция Э. Дюркгейма построена на том, что общество стоит над человеком, а все общественные связи и совокупность социальных институтов скрепляются коллективным сознанием, поддерживаемым силой нравственного принуждения.

Парсонс Т. и Мертон Р., являясь последователями Г. Спенсера, стремились изучить специфику поддержания порядка и сотрудничества в группах. Т. Парсонс считал, что конфликт деструктивен, дисфункционален и разрушителен. Пытаясь ответить на вопрос «Как возможен социальный порядок?», Парсонс выявил стремление системы к сохранению равновесия, сбалансированности составляющих элементов и эволюционному развитию. Если в системе нарушается какая-то функция, это приводит к дезорганизации института или организации и, как следствие, к социальному конфликту. Чтобы конфликта не происходило, Парсонс предложил идею «социального порядка», в которой общество должно быть построено на доминировании консенсуса в структуре отношений.

Дарендорф Р., являясь одним из видных разработчиков концепции конфликта, под конфликтом понимал любое отношение между составляющими элементами, которое необходимо характеризовать, опираясь на объективные и субъективные противоположности.

Зиммель Г. известен как автор термина «социология конфликта» [21, р. 300]. Учёный полагал, что конфликт неизбежен, и придерживался точки зрения, что конфликт между индивидом и обществом — основная форма конфликтного взаимодействия. Г. Зиммель буквально стал родоначальником понятия конфликтного взаимодействия. Со временем под конфликтным взаимодействием стали понимать

один из видов социального взаимодействия, заключающийся в противодействии конфликтующих сторон и проходящий на фоне выраженных негативных эмоций, переживаемых по отношению друг к другу. При изучении элементов и специфики осуществления конфликтной деятельности было выявлено, что конфликтное взаимодействие имеет характер культурного явления. Такое может произойти в том случае, если конфликт облагается рядом культурных норм. То есть при помощи культуры можно оказывать воздействие на социальный конфликт, окультуривая его. Так, культура конфликтного взаимодействия представляет собой способ формирования и воспроизводства форм конфликтного взаимодействия при помощи генерализации функций, компонентов и элементов структуры [10, с. 5]. Примером изучаемого конфликта в аспекте культуры конфликтного взаимодействия как раз и выступает межнациональный конфликт в молодёжной среде.

Вернёмся к родовому понятию «конфликт». Отечественные учёные под социальным конфликтом понимают следующее.

Запрудский Ю. Г. полагает, что «социальный конфликт — явное или латентное противоборство расходящихся интересов, целей и мотивов развития социальных объектов, прямое или косвенное столкновение социальных сил в результате противодействия общественному порядку, форма исторического движения на пути к новому социальному единству».

Курбатов В. И. под конфликтом понимает взаимодействие двух или более субъектов, имеющих взаимоисключающие цели, которые реализуются, нанося вред другому (или же за его счёт).

Разновидностью социального конфликта является межнациональный конфликт. Межнациональный конфликт представляет собой открытое столкновение групп или отдельных лиц в связи с различием этнических признаков, которые выражаются в форме взаимоисключающих идей, потребностей, ценностей и тенденций развития [17, с. 130].

Согласно Х. М. Дибировой, межнациональный конфликт — явное или скрытое состояние противоборства расходящихся интересов, целей участников конфликта, столкновение социальных сил на почве существующего порядка [2, с. 80].

Одной из разновидностей межнациональных конфликтов выступает межнациональный конфликт в молодёжной среде.

Тишков В. А. подразумевает под межнациональным конфликтом в молодёжной среде орга-

низованные политические действия, общественные движения, массовые беспорядки и даже гражданские войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности [15, с. 42].

Митрофаненко В. В. считает, что конфликт в молодёжной среде на национальной почве — одна из форм этнических конфликтов, выступающих в виде общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений, в которых противостояние происходит между доминирующей национальной группой и национальным меньшинством [11, с. 7].

Таким образом, социологи рассматривают межнациональный конфликт в молодёжной среде как одну из форм взаимоотношений между национальными общностями, характеризующуюся состоянием взаимных претензий, имеющих тенденцию к эскалации.

Принято выделять следующие функции межнационального конфликта в молодёжной среде:

- конструктивные (помогают более полно оценить особенности участников, частично или полностью устраняют возникшие противоречия, позволяют частично избавиться от психологической напряжённости, могут стимулировать качество деятельности участников);
- деструктивные (могут оказывать негативное воздействие на психическое состояние участников, которое в ходе эскалации может привести к насилию или войне) [19, с. 39].

Стоит отметить, что характер национального конфликта находится в прямой зависимости от целей, в связи с чем выделяют:

- реалистические конфликты (субъекты имеют чёткие цели, конфликт — средство достижения поставленных целей);
- нереалистические конфликты (субъекты конфликта не очень отчётливо имеют представления о мотивах, конфликт — эмоциональная разрядка);
- смешанный конфликт (самый тяжёлый из всех конфликтов, когда субъекты имеют полное представление о целях, способах и функциях конфликта) [9, с. 160].

Центром социологии межнациональных отношений было выявлено, что на возникновение межнациональных конфликтных ситуаций в молодёжной среде оказывают влияние следующие факторы:

- 1) возраст (более высока вероятность возникновения конфликтов между категориями «старшие — молодые»);
- 2) уровень образования (конфликтная ситуация возникает среди лиц невысокого уровня образования);

3) политические взгляды;

4) социальное положение (аналогичный фактору «уровень образования»);

5) национальный состав региона (в большей мере конфликтная ситуация возникает в смешанных регионах) [18, с. 50].

В основе межнациональных конфликтов лежит отнюдь не существование различных этносов, а политические, экономические и социальные условия, способствующие признанию фактов различия этносов.

Рассмотрим главные причины, лежащие в основе возникновения межнациональных конфликтов в молодёжной среде:

1. Территориальные причины — борьба за изменение границ, которая затрагивает суверенность государства и личности.
2. Экономические причины — борьба этносов за обладание собственными материальными ресурсами — землёй, полезными ископаемыми.
3. Социальные причины — борьба за гражданское равенство в образовании, в оплате труда, в приёме на работу.
4. Культурно-языковые — борьба за сохранение (возрождение) языка, культуры [1, с. 324].

Цель данной статьи — выявление особенностей культуры конфликтного взаимодействия в молодёжной среде и формирование технологий решения конфликтных ситуаций.

МЕТОДОЛОГИЯ

В статье осуществляется попытка анализа культуры конфликтного взаимодействия, позволяющая рассмотреть ценностные ориентации современного поколения, способствующие возникновению конфликтов на политической основе.

Реализация поставленных задач была достигнута на основе метода контент-анализа, статистического анализа данных, системного анализа и синтеза, а также диалектико-логического и формально-логического анализа данных, полученных в ходе исследований, проводимых в период с 2002 по 2017 год ФОМом, ВЦИОМом и Левада-центром.

Так, Фондом общественного мнения в 2007 году было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение отношения местных жителей к разным национальностям и оценка вероятности возникновения конфликта. Опрос затронул 100 населённых пунктов в 44 областях России. Методом интервью было опрошено 1500 респондентов. В ходе опроса было выявлено, что четверть опрошенных с неприязнью относятся к представителям той или иной национальности и хотели бы огра-

дить себя от возникновения взрывоопасной ситуации.

В 2009 году проводилось исследование ВЦИОМом. Цель исследования заключалась в изучении оценки москвичами межнациональных отношений в столице. Было опрошено 1000 респондентов. В ходе анкетирования было выявлено, что половина опрошенных считают национальные отношения в их городе напряжёнными и отличающимися конфликтным характером. Среди мер, способных предотвратить напряжённость между местными жителями и иностранцами, более половины респондентов называют ограничение притока иностранной силы.

В 2016 году Левада-центром проводился опрос методом интервью по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек старше 18 лет в 48 регионах страны. Цель исследования заключалась в изучении интолерантного отношения и ксенофобии в связи с повышением индикатора этнофобных установок среди населения. Как оказалось, пятая часть опрошенных демонстрирует отсутствие этнических предубеждений в отношении представителей тех или иных национальностей, в то время как 70 % ответивших назвали определённую категорию людей, проживание которых в России они хотели бы ограничить.

Последние мониторинги ксенофобских настроений, проводимые Левада-центром в 2017 и 2018 годах, имели название «Уровень ксенофо-

бии в России достиг минимума». Было выявлено, что на 2017—2018 годы доля россиян, желающих ограничить проживание в стране иностранцев, достигла минимальной отметки. Эксперты связали данные показатели с правильным направлением проводимой политики и сплочением населения на фоне антироссийских санкций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для получения исчерпывающих данных о состоянии конфликтности на сегодняшний день в изучении межнациональных конфликтных ситуаций необходимо использовать временные критерии, позволяющие при помощи причин, характера, оснований и выявленной динамики развития определить с наиболее вероятными путями разрешения возникающих конфликтов.

На рисунке 1 представлены результаты анализа данных, полученных в ходе изучения ряда социологических исследований, проводимых с 2002 по 2018 год, целью которых являлось выявление отношения к людям иных национальностей.

На рисунке видно, что с 2002 по 2007 год включительно отношения представителей разных национальностей находятся на уровне «хорошие» и «спокойные». Однако наблюдается тенденция роста напряжённости, которая в скором времени достигает своей высшей точки [13, с. 11; 4; 6].

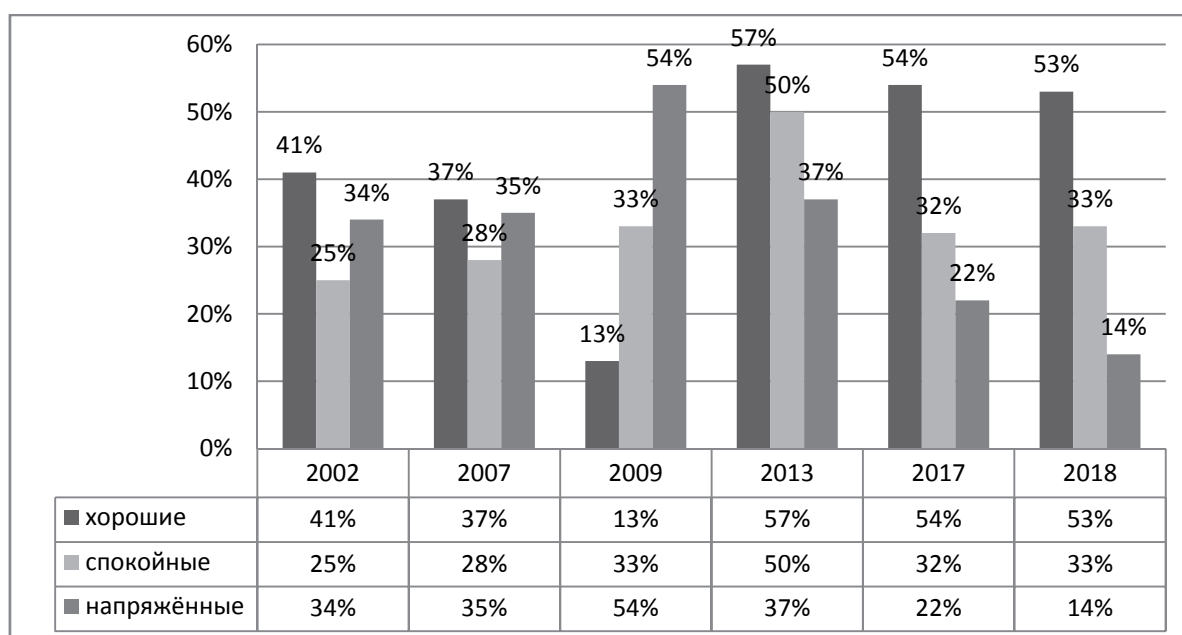

Рис. 1. Оценка конфликтности в 2002—2018 гг.

В ходе изучения проблематики межнациональных конфликтов было осуществлено немало обращений к официальным документам и сводкам, выступающим в качестве вывода по проведённым социологическим исследованиям. Так, стоит отметить оценку главы комиссии Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (по тематике миграционной политики) Евгения Быкова. Он сделал следующее заявление: «Улучшение национального климата и собственно хорошее и спокойное отношение в сторону представителей национальных меньшинств связано со снижением преступности среди мигрантов. По имеющимся в Совете данным о количестве возникающих конфликтных ситуаций, которые каким-либо образом способствовали совершению преступлений, в 2018 году, по сравнению с 2016 годом, доля снизилась на 13 %. Такое положение дел говорит о правильном направлении политики, проводимой для урегулирования межнациональных волнений, возникших в 2013 и 2014 годах, в мировом масштабе» [4, 6].

Самый пик развития ксенофобских настроений выпадает на 2009 год — 54 % респондентов придерживались мнения, что отношения достаточно «напряжённые». Отправной точкой такого положения дел является газовый конфликт на Украине, который как раз завершается в январе 2009 года и собственно открывает начало военным действиям по всему миру (удары по территории сектора Газа израильской авиацией и государственный переворот в Гондурасе) [12].

Тем не менее стоит отметить, что буквально через 4 года ситуация кардинально меняется и отношение к представителям иных национальностей достигает уровня «хорошие» (57 %). Такое положение дел не остаётся зафиксированным, и уже в 2014 году отношения «напряжённые» превосходят отношения «хорошие» и «спокойные», что, собственно, говорит о повышении уровня ксенофобских настроений, основанием которых стал Крымский вопрос и конфликт с Западом. Большой разницы между тремя видами отношений не наблюдается (разница составила 7,2 %), потому как наравне с конфликтами было осуществлено дружеское примирение с Востоком [17].

В ходе мониторинга данных о ксенофобских настроениях населения было выявлено, что на 2019 год выпадает самый низкий показатель после 2009 года — 53 % [19, с. 253]. Это говорит о том, что улучшилось отношение к представителям других национальностей и этнических организаций. По прогнозам, возникшее сплочение

населения в скором времени приведёт к снижению конфликтных ситуаций между представителями разных национальностей [16].

Стоит отметить, что все исследования, целью которых являлось изучение характера отношений к разным национальностям, проживающим в России, проводились методом интервью, что говорит о наличии достоверной исчерпывающей информации. В большей мере в ходе исследований волновал вопрос о причинах возникновения конфликтов на межнациональной почве в молодёжной среде.

На рисунках 2—4 представлены основные причины возникновения конфликтов на национальной почве в период с 2007 по 2018 год [5, 7, 14].

В целом у россиян нет единства в вопросе о причинах произошедших или возможных национальных конфликтов.

Можно считать, что основными причинами возникновения межнациональной напряжённости в период с 2007 по 2017 год являются особенности молодого возраста с их стремлением изменить мир, а также неэффективная деятельность органов государственной и местной власти.

Однако в большей мере местные жители придерживаются мнения, что причинами являются религиозные различия, вызывающее наглое поведение и активный рост численности этнических мигрантов, где последние указали в качестве причины нежелание русского населения относиться к другим национальностям как к равным. Эти причины подкрепляются тем, что в отличие от местного населения, которое в основном составляют русские и татары, представители других национальностей более интегрированные, а соответственно, держась вместе, они представляют большую угрозу, нежели находясь поодиночке.

Данные причины возникновения конфликтов не теряют своей значимости во времени, а, наоборот, приобретают более весомый характер, на который следует обратить внимание. Также стоит отметить, что к концу 2018 года появилась новая причина внутреннего характера — ухудшение потребительских и социальных настроений внутри страны, которые оказывают влияние на восприятие приезжих других национальностей и отношения к ним. Это было вызвано недовольством пенсионной реформой и стало выступать в качестве защитной реакции — неприязни к «чужаку» в период экономического неблагополучия и, как следствие, канализированного раздражения и неприязни ко всему происходящему.

Рис. 2. Причины возникновения конфликтов в 2007 году

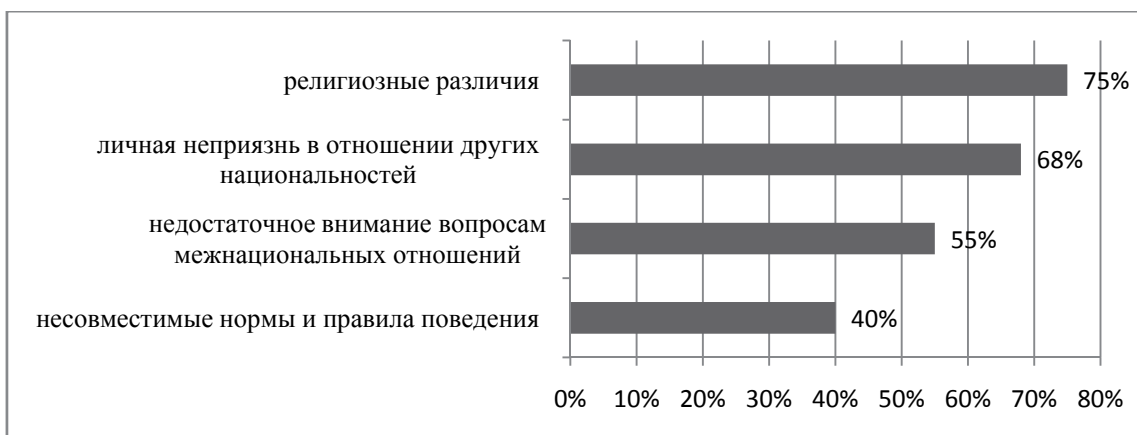

Рис. 3. Причины возникновения конфликтов в 2013 году

Рис. 4. Причины возникновения конфликтов в 2018 году

Рис. 5. Технологии решения конфликтов

По вопросу о технологиях разрешения межнациональных конфликтов, возникающих в молодёжной среде, были изучены результаты исследований, проводимых центрами мониторинга социологических исследований. На рисунке 5 представлены технологии конфликтов, прошедшие проверку временем. Они не просто укрепились как возможные методы по регулированию конфликтных ситуаций, а принесли плоды в прогнозировании и урегулировании очагов каких-либо критических ситуаций [6, 14].

Итак, 55 % опрошенных респондентов считают, что оптимальным способом предупреждения конфликтной ситуации на национальной основе является усиление образовательной деятельности школ и вузов путём преподавания дисциплин, позволяющих знакомиться с культурой некоренных национальностей и прививать чувство солидарности и уважения [3, с. 137].

42 % респондентов полагают, что оптимальной технологией решения конфликтов будет привлечение органов государственной безопасности, которые будут отвечать за ужесточение наказания за пропаганду идей (32 % респондентов) и жестокое пресечение несанкционированных уличных преступлений (10 %). 42 % респондентов придерживаются мнения о необходимости вмешательства государства и повышения уровня и качества жизни. Данный вопрос относится не только к коренным жителям страны, но и к представителям иных национальностей. Равенство прав и повышение качества жизни будет способствовать соблюдению конституционных законов, а соответственно, снижению

уровня конфликтогенности и уменьшению разногласий, возникающих на почве национальной (этнической) дискриминации [12, с. 252].

Больше всего респондентов склонны полагать, что лучше предупредить проблемную ситуацию, чем решать её. В связи с этим оптимальным решением они считают простое ограничение притока иностранной силы (67 %), что позволит обеспечить себе жизнь без очагов воспламенения физического и морального насилия, которые могут превратиться в военные действия [11, с. 54].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность межнациональных конфликтов, которая проявляется в большом диапазоне классификаций (разновидностей), причин и технологий решения конфликтных ситуаций, говорит об их многоплановом характере. Межнациональные конфликты, выпадающие на период 2002—2009 годов, отличаются более деструктивным характером, нежели конфликты, которые имели место за период 2013—2018 годов. Причинами и технологиями решения возникающих конфликтных ситуаций являются более жёсткие и радикальные меры, принимаемые государственными органами власти. В ходе поиска основных причин межнациональных конфликтов было выявлено — межнациональные конфликты в молодёжной среде не гомогенны. Для определённой конфликтной ситуации есть свои причины, в основе которых лежит основная — культурные различия народов, а именно нежелание придерживаться норм и правил на территории

проживания и стремление распространить свои традиции и мировоззрение на других членов. Среди технологий решения конфликтных ситуаций оптимальным является предотвращение возникновения самих очагов конфликтных ситуаций путём осуществления общекультурного

развития в образовательных учреждениях на разных этапах (дошкольное образование, воспитательная и образовательная деятельность в школах, ссузах и вузах в форме экскурсов в другие национальности) и использования эффективной государственной политики.

Литература

1. Боголюбов Л. Н. Обществознание : учебник / Л. Н. Боголюбов, А. Ю. Лазебникова, А. Т. Кинкулькин. — М. : Просвещение, 2014. — 432 с.
2. Дибирова Х. М. Миграционные процессы в структуре межнациональных конфликтов Северо-Кавказского региона / Х. М. Дибирова. — М., 2008. — 187 с.
3. Донцова Г. Г. Мониторинг СМИ по проблемам межнациональных отношений и их влияние на межэтнические отношения на Кубани / Г. Г. Донцова // Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона : коллективная монография / под науч. ред. Т. А. Хагурова. — Краснодар, 2015. — С. 111—142.
4. Исследование интолерантности и ксенофобии аналитическим центром «Левада-центр». — URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya> (дата обращения: 14.01.2019).
5. Исследование межнациональных конфликтов в России Фондом общественного мнения. — URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072725> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Исследование межнациональных отношений в столице глазами её жителей Всероссийским центром изучения общественного мнения. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2132> (дата обращения: 14.01.2019).
7. Исследование СМИ и межнациональных отношений. — URL: <http://ru.surveymonkey.com/s/RQQTQP> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Кравченко А. И. Социология : учебное пособие для студентов вузов / А. И. Кравченко. — М. : Академия, 2002. — 346 с.
9. Лабунская В. А. Этническая психология / В. А. Лабунская. — М. : Инфра-М, 2018. — 317 с.
10. Мазур Е. Ю. Способы разрешения конфликтных ситуаций / Е. Ю. Мазур, А. Э. Антипова // Мировые цивилизации. — 2018. — Т. 3, № 4. — С. 1—6.
11. Митрофаненко В. В. Технологии реализации молодежной политики в сфере права, труда и образования : учебное пособие (курс лекций) / В. В. Митрофаненко. — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. — 171 с.
12. Нуриева Д. А. Россия в поисках межнационального согласия: эволюция толерантности на современном российском телевидении / Д. А. Нуриева // Информационное поле современной России: практики и эффекты : сборник статей XII Международной научно-практической конференции, 15—17 октября 2015 г. / под ред. Р. П. Баканова. — Казань : Казанский ун-т, 2015. — С. 252—258.
13. Охуни Х. С. Анализ социокультурных аспектов возникновения межэтнических конфликтов в молодежной среде / Х. С. Охуни, Т. Н. Мартынова // Студенческий научный форум — 2014 : материалы VI Международной студенческой научной конференции. — Кемерово, 2014. — С. 1—15.
14. СМИ: востребованность и оценки работы // FOM. — 2018. — URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet> (дата обращения: 15.01.2019).
15. Тишков В. А. Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий / В. А. Тишков // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. — М., 1992. — С. 23—42.
16. Уровень ксенофобии в России достиг минимума // Левада-центр. 2017. — URL: <https://www.levada.ru/2017/08/23/uroven-ksenofobii-v-rossii-dostig-minimuma> (дата обращения: 15.01.2019).
17. Филин И. В. Межэтнический конфликт как неотъемлемая часть социальной реальности / И. В. Филин // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. — 2006. — № 101. — С. 126—131.
18. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / Л. М. Дробихева [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень. — М. : ФНИСЦ РАН, 2017. — № 3. — С. 45—56.
19. Ядов В. А. Социология в России / В. А. Ядов. — М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. — 696 с.
20. Encyclopaedia Britannica. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. — 2007. — 743 p.
21. Simmel G. Rembrandt. Ein kunstphilosophischer Versuch. — Leipzig : Wolf, 1916. — 525 p.

CULTURE OF CONFLICT INTERACTION IN THE YOUTH ENVIRONMENT: INTERETHNIC CONFLICTS

M. I. Kadnichanskaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
m-i-kad@yandex.ru

A. M. Ustinova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
vendi281274@rambler.ru

The issue related to the study of interethnic conflicts is quite relevant in the framework of sociological thought. This is due to the fact that today conflicts of various kinds, constantly arising throughout the world, shake various spheres of public life and change them, turning them into one of the most serious threats to the territorial integrity of the state. The main role in the disorganization of the structure of society and the formation of trouble spots played by the difference in understanding the moral and value norms of the young generation. It is in the youth environment that the most acute conflictogenic character is assigned to ethnic conflict. This is due to the innovative potential of this group of people, which has a significant impact on the scope of sociocultural differentiation. In this article, the authors substantiate the need to increase attention to the study of ethnic conflicts in the youth environment, the causes of their occurrence and resolution technologies. Based on the analysis of the results of a number of sociological studies conducted in 2012–2018 by the FOM, the All-Russian Central Executive Committee and the Levada Center, the culture of conflict interaction among youth is revealed. Interethnic conflicts are the object of research, where, in turn, the subject is the characteristics of interethnic conflicts in the youth environment. At the end of the work, the authors conclude that over time, the nature of the causes, the technologies for resolving interethnic conflicts, being influenced by public consciousness and the correct state policy, tend to change to more constructive ones, and thereby affect the dynamics of the level of conflict existing in society.

Key words: conflict, conflict interaction, culture of conflict interaction, youth, inter-ethnic conflict.

References

1. Bogolyubov L. N., Lazebnikova A. Yu., Kinkulkin A. T. (2014) *Obshchestvoznaniye: uchebnik* [Social studies: textbook]. Moscow: Prosveshchenie, 432 p.
2. Dibirova Kh. M. (2008) *Migratsionnye protsessy v strukture mezhnatsionalnykh konfliktov Severo-Kavkazskogo regiona* [Migration processes in the context of inter-ethnic conflicts of North Caucasus]. Moscow, 187 p.
3. Dontsova G. G. (2015) *Monitoring SMI po problemam mezhnatsionalnykh otnosheniy i ih vliyaniye na mezhetnicheskoye otnosheniye na Kubani* [Mass media monitoring on the problems of inter-ethnic relationships and their influence on the inter-ethnic relationships in the Kuban]. *Ekstremizm i etnosotsialnye konflikty v molodezhnoy srede politicheskogo regiona: kollektivnaya monografiya*. Krasnodar, p. 111–142.
4. *Issledovanie intolerantnosti i ksenofobii analiticheskimi tsentrom "Levada-tsentr"* [Study of intolerance and xenophobia by the research centre "Levada-centre"]. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya> (access date: 14.01.2019).
5. *Issledovanie mezhnatsionalnykh konfliktov v Rossii Fondom obshchestvennogo mneniya* [Study of inter-ethnic conflicts in Russia by the Social opinion fund]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072725> (access date: 14.01.2019).
6. *Issledovanie mezhnatsionalnykh otnosheniy v stolitse glazami ee zhiteley Vserossiiskim tsentrom izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Study of inter-ethnic relationships in the capital as seen by its residents by the All-Russian centre of public opinion research]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072725> (access date: 14.01.2019).
7. *Issledovanie SMI i mezhnatsionalnykh otnosheniy* [Study of mass media and inter-ethnic relationships]. URL: <http://ru.surveymonkey.com/s/RQQTQP> (access date: 15.01.2019).
8. Kravchenko A. I. (2002) *Sotsiologiya: uchebnoye posobie dlya studentov vuzov* [Sociology: study guide for university students]. Moscow: Akademiya, 346 p.
9. Labunskaya V. A. (2018) *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic psychology]. Moscow: Infra-M, 317 p.
10. Mazur E. Yu., Antipova A. E. (2018) *Sposoby razresheniya konfliktnykh situatsiy* [Ways of conflict solving]. *Mirovye tsivilizatsii*, vol. 3, (4), p. 1–6.
11. Mitrofanenko V. V. (2015) *Tekhnologii realizatsii molodezhnoy politiki v sfere prava, truda i obrazovaniya: uchebnoye posobie (kurs lektsiy)* [Technologies of implementation of youth policy in the area of law, labour and education: study guide (lecture course)]. Stavropol: Izd-vo SKFU, 171 p.
12. Nurieva D. A. (2015) *Rossiya v poiskakh mezhnatsionalnogo soglasiya: evolyutsiya tolerantnosti na sovremennom rossiiskom televidenii* [Russia in search of inter-ethnic consent: tolerance revolution on modern Russian television]. *Informatsionnoye pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty: collection of articles of XII International scientific and practical conference, 15–17 October, 2015*. Kazan: Kazanskiy un-t, p. 252–258.
13. Okhuni Kh. S., Martynova T. N. (2014) *Analiz sotsiokulturnykh aspektov vozniknoveniya mezhetnicheskikh konfliktov v molodezhnoy srede* [Analysis of social and cultural aspects of the emergence of inter-ethnic conflicts in the youth environment]. *Materials of VI International student scientific conference "Studentcheskiy nauchnyy forum"*, Kemerovo, p. 1–15.
14. *SMI: vostrebovanost i otsenki raboty* [Mass media: relevance and performance evaluation]. FOM, 2018. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet> (access date: 15.01.2019).

15. Tishkov V. A. (1992) Etnicheskie konflikty v kontekste obshchestvovedcheskikh teoriy [Ethnic conflicts in the context of social science theories]. *Sotsialnye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologii razresheniya*, (2), Moscow, p. 23—42.
16. Uroven ksenofobii v Rossii dostig minimuma [Xenophobia level in Russia attained a minimum]. Levada-tsentr. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/23/uroven-ksenofobii-v-rossii-dostig-minimuma> (access date: 15.01.2019).
17. Filin I. V. (2006) Mezhetnicheskii konflikt kak neotjemlemaya chast sotsialnoi realnosti [Inter-ethnic conflict as an essential part of social reality]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*, (101), p. 126—131.
18. Drobizheva L. M. (2017) Etnichnost i mezhnatsionalnye otnosheniya v sotsialnom kontekste [Ethnicity and inter-ethnic relationships in social context]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten*. Moscow: FNISTs RAN, (3), p. 45—56.
19. Yadov V. A. (1998) *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 696 p.
20. *Encyclopaedia Britannica. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. 2007. 743 p.
21. Simmel G. (1916) *Rembrandt. Ein kunstphilosophischer Versuch*. Leipzig: Wolf, 525 p.

В. Н. Кузнецов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kuznetsow_simb@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА В ПЕРИОД МИРНОГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

В. И. Ленин остается важнейшей фигурой российской истории XX века, предать забвению которого не получается. Тупиковыми оказываются также пути его очернения или идеализации. Для адекватного представления взглядов этого политика автор статьи предлагает обратиться непосредственно к текстам В. И. Ленина в переломный момент российской истории, когда была установлена Советская власть и РСДРП(б) стала правящей партией. Статья анализирует взгляды вождя правящей партии большевиков-коммунистов В. И. Ленина по важнейшим вопросам российской жизни конца 1917 — начала 1918 года. В этот период его волновали такие проблемы, как перспективы социалистической революции, взаимоотношения с партиями, поддержавшими Советскую власть, прежде всего с левыми эсерами, выстраивание модели совершенно новой, безрыночной экономики, наличие в партии людей, занимающих правые позиции, близкие к меньшевикам. Именно ленинское видение стратегических и текущих аспектов государственной политики определяло политическую практику указанного периода. В их числе отношение к формальной демократии, мировой революции, другим советским партиям. Статья показывает В. И. Ленина как решительного и прагматичного политика, не связанного догмами формальной демократии.

Ключевые слова: В. И. Ленин, мировая революция, большевики, левые эсеры, кадеты.

ВВЕДЕНИЕ

В. И. Ленин сейчас фигура не самая популярная. Его роль в нашей истории или замалчивается, или целенаправленно искажается. Самого В. И. Ленина по многим причинам мало кто читает, что приводит к ложному взгляду на российскую историю и на развитие политических идей в России.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основных методов исследования использованы такие логические операции, как сравнение, анализ и синтез, а также принцип историзма и проблемный подход.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из результатов исследования политических взглядов главы Советского правительства стала данная статья.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Непосредственная работа с ленинскими текстами осени 1917 — начала 1918 года позволила сделать выводы о позиции В. И. Ленина по важнейшим вопросам российской истории того времени. Глава Совнаркома надеялся на миро-

вую революцию, выступал против любых попыток дезавуировать Советскую власть, отказывал формальной демократии в социальной ценности и выбрал курс на создание нерыночной экономики.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования можно использовать в вузовском преподавании в соответствующих политологических курсах.

Что представляла из себя правящая партия — РСДРП(б)? Росла ее численность. Если к августу 1917 года она включала в себя 240 тыс. человек, то к марту 1918 года в ее составе насчитывалось уже 400 тыс. членов. Ее вожди были убеждены в скором наступлении мировой революции. «Мы верим в революцию на Западе. Мы знаем, что она неизбежна...», — говорил В. И. Ленин на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 года [1, с. 60]. Этот важнейший тезис определял принципиальные стороны политики партии. Для нее, коль скоро разразится победоносная мировая революция, оказывались не важны национальные границы, проблема территориальной целостности России. Все это меркло перед единственной задачей — сохранить Со-

ветскую власть до революции на Западе. В. И. Ленин в речи на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 года не скрывал: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [1, с. 115].

Стоит обратить внимание, что эта мысль оратора вызвала бурные аплодисменты собравшихся. «Мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, — не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, — сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции. Я прекрасно знаю, товарищи, и я прямо говорил не раз, что это знамя в слабых руках, и его не удержат рабочие самой отсталой страны, пока не придут рабочие всех передовых стран им на помощь. Те социалистические преобразования, которые мы совершили, они во многом несовершенны, слабы и недостаточны: они будут указанием западноевропейским передовым рабочим, которые скажут себе: «русские начали не так то дело, которое нужно было начать», — говорил В. И. Ленин на четвертом съезде Советов [2, с. 109].

Уверенность в мировой революции порождала и уверенность в возможности скорого перехода к коммунистическим производственным отношениям, что должно было произойти при решающей помощи советского государства. В. И. Ленин разъяснял: «Тов. Закс далее говорил о декретировании социализма. Но разве теперь перешедшая власть не призывает самые массы к творчеству лучших форм жизни? Обмен продуктов обрабатывающей промышленности на хлеб, строгий контроль и учет производства — вот начало социализма. Да, у нас будет республика труда. Кто не хочет работать, тот пусть не ест» [1, с. 61].

Логичным выглядело переименование партии из РСДРП(б) в РКП(б). Это произошло на седьмом экстренном партийном съезде в начале марта 1918 года. Выступая с докладом о рассмотрении программы и изменении названия партии, В. И. Ленин говорил: «Начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преоб-

разования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным» [2, с. 44]. (Известно, что переименование партии внесло определенную сумятицу в головы немалой части российского населения, прежде всего крестьян, считавших большевиков и коммунистов разными партиями.)

Для В. И. Ленина и многих большевиков (но не всех) демократия и политические свободы не представляли какой-либо ценности, поскольку они не мешали группе лиц эксплуатировать большинство населения и вполне уживались с многочисленными проявлениями социальной несправедливости.

В. И. Ленин неоднократно на рубеже 1917—1918 годов останавливался на этой проблеме, защищая свою точку зрения от представителей других партий. В докладе о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 года В. И. Ленин указывал: «То, что раньше называлось свободой, это было свободой буржуазии надувать при помощи своих миллионов, свободой использования своих сил при помощи этого надувательства. С буржуазией и с такой свободой мы окончательно порвали. Государство, это — учреждение для принуждений. Раньше это было насилие над всем народом кучки толстосумов. Мы же хотим превратить государство в учреждение для принуждения творить волю народа» [1, с. 110].

В заключительном слове по докладу Совнаркома 12 (25) января 1918 года он говорил: «Выслушав сегодня ораторов справа, выступавших с возражениями по моему докладу, я удивляюсь, как они до сих пор не научились ничему и забыли все то, что они все еще называют «марксизмом». Один из возражавших мне ораторов заявил, что мы стояли за диктатуру демократии, что мы признавали власть демократии. Это заявление столь нелепо, столь абсурдно и бессмысленно, что является сплошным набором слов. Это все равно, что сказать — железный снег, или что-либо вроде этого. (Смех.) Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демо-

кратия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, — мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, — мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата» [1, с. 280]. Несколько позже он афористично скажет: «Советы — высшая форма демократизма» [1, с. 282].

Такое видение демократии вело к конкретным политическим шагам. Уже в ноябре 1917 года большевики при поддержке ЦИК закрыли кадетские и близкие к ним газеты. Для В. И. Ленина покушение на важный демократический принцип — свободу печати — не являлось проблемой. В речи по вопросу о печати на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 года он так обосновывал свою позицию: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: «откройте буржуазные газеты», не понимает, что мы полным ходом идем к социализму. И закрывали же ведь царистские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии» [1, с. 53].

Закрытие кадетских газет сопровождалось репрессиями против самой кадетской партии. 28 ноября 1917 года за подписью В. И. Ленина вышел декрет Совнаркома «Об аресте вождей гражданской войны против революции». Текст декрета гласил: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания» [1, с. 26].

На заседании ВЦИК 1 (14) декабря 1917 года, возражая на упрек в преследовании партии кадетов, В. И. Ленин утверждал, что «нельзя отделять классовую борьбу от политического противника. Когда говорят, что кадетская партия не сильная группа, — говорят неправду. Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов. Все они поддерживают кадетскую партию. Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми

теми средствами, которыми они подавляли пролетариат. Другие средства не изобретены. Вы говорили, надо изолировать буржуазию. Но кадеты, прикрываясь формально-демократическим лозунгом, лозунгом Учредительного собрания, — на деле открывают гражданскую войну. Они говорят: «Мы хотим и в Учредительном собрании сидеть и в то же время организовать гражданскую войну», а вы на это отвечаете фразами об изоляции. Мы не ловим только нарушителей формальности, мы выдвигаем прямое политическое обвинение против политической партии. Так поступали и французские революционеры» [1, с. 135—136].

Опять-таки слова В. И. Ленина встретили поддержку большинства членов ВЦИК, итогом чего явилось принятие резолюции ВЦИК о декрете по поводу кадетской партии: «Заслушав объяснения представителей Совета Народных Комиссаров по поводу декрета, объявляющего кадетов партией врагов народа и предписывающего арест членов руководящих учреждений этой партии и советского надзора над партией в целом, ЦИК подтверждает необходимость самой решительной борьбы с буржуазной контрреволюцией, возглавляемой кадетской партией, открывшей ожесточенную гражданскую войну против самых основ рабочей и крестьянской революции. ЦИК обеспечивает и впредь Совету Народных Комиссаров свою поддержку на этом пути и отвергает протесты политических групп, подрывающих своими колебаниями диктатуру пролетариата и крестьянской бедноты» [1, с. 138].

Столь же малую ценность представляло для В. И. Ленина и большинства рабочих, солдат и крестьян избранное демократическим путем Учредительное собрание. По поводу его разгона председатель Совнаркома объяснял в своем докладе 13 (26) января 1918 года: «Вот почему, товарищи, когда буржуазия выдвигает такое тяжелое обвинение и утверждение, будто мы разрушаем демократию, разрушили ту веру в формы демократии, в учреждения демократии, которые так дороги и которые так долго поддерживали и питали революционное движение в России, разбили высшую демократическую форму — Учредительное собрание, то мы отвечаем: нет, это неверно; когда у нас была республика социалиста Керенского, республика империалистических вождей, вождей буржуазии с тайными договорами в кармане, гнавшая солдат на войну (называемую справедливой), — конечно, тогда Учредительное собрание лучше, чем предпарламент, в котором Керенский, по соглашению с Черновым и Церетели, проводил

ту же политику. Мы с самого начала революции — с апреля 1917 года — говорили открыто и прямо, что Советы гораздо более высокая, гораздо более совершенная, гораздо более целесообразная форма демократии, демократии трудящихся, чем Учредительное собрание. Учредительное собрание объединяет все классы, значит и классы эксплуататоров, значит и имущие, значит и буржуазию, значит и тех, кто получил образование за счет народа, за счет эксплуатируемых, выделившихся из него, чтобы присоединиться к капиталистам, чтобы свои знания превратить в орудие угнетения народа, потому что они обращают свои знания, высшие завоевания знания на борьбу против трудящихся. А мы говорим: когда начинается революция — она есть революция трудящихся и эксплуатируемых, — и только организации трудящихся, только организации эксплуатируемых принадлежит вся власть в государстве; этот демократизм несравненно выше, чем демократизм старый. Советы не выдуманы какой-нибудь партией. Вы прекрасно знаете, что не было такой партии, которая могла бы выдумать их. Они вызваны к жизни революцией в 1905 году» [1, с. 298—299].

Соответственно, террор являлся для В. И. Ленина вещью утилитарной и вполне допустимой, если его требуют интересы революции. В статье «Плеханов о терроре», напечатанной 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) в «Правде», а днем позже в «Известиях ЦИК», что говорит о ее важности для автора, он писал: «Польза революции требует теперь суровой борьбы против саботажников, организаторов юнкерских восстаний, газет, живущих на содержании у банкиров. Когда Советская власть вступает на путь этой борьбы, господа «социалисты» из лагеря меньшевиков и эсеров со всех крыш кричат о недопустимости гражданской войны и террора. Когда ваш Керенский восстановил смертную казнь на фронте, это не был террор, господа? Когда ваше коалиционное министерство руками Корниловых расстреливало целые полки за недостаточное воодушевление в войне, это не была гражданская война, господа? Когда в одну только минскую тюрьму ваши Керенские и Авксентьевы засадили 3000 солдат за «вредную агитацию», это не был террор, господа? Когда вы душили рабочие газеты, это не был террор, господа? Разница только в том, что Керенские, Авксентьевы и Либерданы вкупе и влюбле с Корниловыми и Савинковыми практиковали террор против рабочих, солдат и крестьян в интересах кучки помещиков и банкиров, а Советская

власть применяет решительные меры против помещиков, мародеров и их прислужников — в интересах рабочих, солдат и крестьян» [1, с. 185].

В. И. Ленин, обосновывая свою позицию, неоднократно говорил о необходимости революционного террора. Довольно подробно это прозвучало в его докладе о деятельности Совнаркома на третьем Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 11 (24) января 1918 года: «Опыт гражданской войны указывает представителям крестьян воочию, что нет другого пути к социализму, кроме диктатуры пролетариата и беспощадного подавления господства эксплуататоров. (Аплодисменты.) Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платьице, нельзя, — этого не будет. Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насильем. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие! (Гром аплодисментов.) И нас несколько не смущают вопли людей, которые, сознательно или бессознательно, стоят на стороне буржуазии, или так ею напуганы, так угнетены ее господством, что, видя теперь эту классовую, неслыханно острую борьбу, растерялись, расплакались, забыли все свои предпосылки и требуют от нас невозможного, чтобы мы, социалисты, без борьбы против эксплуататоров, без подавления их сопротивления достигли полной победы...

Вот почему, товарищи, на все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко еще не дошли до настоящего террора, потому, что мы сильнее их, — у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к повиновению, — на все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, — есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся» [1, с. 264—265, 268]. Стоит обратить внимание на то, что слова В. И. Ленина о необходимости диктатуры пролетариата и ее спутника — рево-

люционного насилия встречали полное одобрение подавляющего большинства присутствующих на съезде. Можно сказать, что В. И. Ленин лишь озвучивал их мысли, придавая им логичность и завершенность.

В письме к Г. Е. Зиновьеву, написанному в июне 1918 года, В. И. Ленин, развивая свои мысли, энергично требовал революционного террора: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает» [4, с. 106].

Запретив кадетскую партию, Совнарком не предпринимал ограничительных мер против советских партий соглашательского толка — правых эсеров и меньшевиков, хотя отношение к ним у В. И. Ленина было однозначно негативным и колебалось от презрения до политических обвинений в контрреволюции. В статье «Люди с того света», посвященной судьбе Учредительного собрания, он эмоционально писал: «Я потерял понапрасну день, мои друзья». Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января.

После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты делом, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, — вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников. Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации, против эксплуататоров — в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами.

Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года!

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом,

слушать тех же самых мумий «социального», лублановского фразерства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое.

Прав был тов. Скворцов, который в двух-трех кратких, точно отчеканенных, простых, спокойных и в то же время беспощадно резких фразах сказал правым эсерам: «Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады».

А в ответ — потоки гладеньких-гладеньких фраз Чернова и Церетели, обходящих заботливо только (только!) один вопрос, вопрос о Советской власти, об Октябрьской революции. «Да не будет гражданской войны, да не будет саботажа», — закликает Чернов, от имени правых эсеров, революцию. И правые эсеры, проспавшие, точно покойники в гробу, полгода — с июня 1917 по январь 1918, встают с мест и хлопают с ожесточением, с упрямством. Это так легко и так приятно, в самом деле: решать вопросы революции заклинаниями. «Да не будет гражданской войны, да не будет саботажа, да признают все Учредительное собрание». Чем же это отличается, по сути дела, от заклинания: да примирятся рабочие и капиталисты?» [1, с. 229—230].

В проекте Декрета о роспуске Учредительного собрания так охарактеризована политика соглашательских партий: «На деле партии правых эсеров и меньшевиков ведут, вне стен Учредительного собрания, самую отчаянную борьбу против Советской власти, открыто призывая в своих органах к свержению ее, называя произволом и беззаконием необходимое для освобождения от эксплуатации подавление силой трудящихся классов сопротивления эксплуататоров, защищая служащих капиталу саботажников, доходя до неприкрашенных призывов к террору, который «неизвестными группами» и начал уже осуществляться. Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания могла бы, в силу этого, играть роль только прикрытия борьбы контрреволюционеров за свержение Советской власти. Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается» [1, с. 236—237].

Не все в РСДРП(б) полностью поддерживали политику В. И. Ленина по отношению к соглашательским партиям, хотя степень разногласия у большевиков была заметно меньше, чем в других партиях. В РСДРП(б) имелись и правые большевики, что еще раз показали споры об ультиматуме Викжеля. За однородное социалистическое правительство выступили несколько руководящих большевиков, в знак протеста

против политики В. И. Ленина в этом вопросе вышедших в ноябре 1917 года из ЦК и из СНК. Конечно, в их числе не мог не оказаться Л. Б. Каменев, который оставался верным своим позициям, озвученным на конференции партии в апреле 1917 года. Кроме него из ЦК вышли Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, А. И. Рыков и В. П. Милютин, из СНК вышел в дополнение к трем последним И. А. Теодорович. Кроме того, той же точки зрения придерживались Ю. Ларин и Д. Б. Рязанов.

Вопрос о включении в правительство меньшевиков и правых эсеров не являлся частным, а касался всего политического курса Советского государства. В своей позднейшей автобиографии М. А. Теодорович пронизательно писал: «И, наконец, последнее разногласие касалось вопроса, должна ли была наша партия начать с «военного коммунизма», или можно было отпавляться от того, что в 1921 г. получило название «новой экономической политики». Далее, с учетом последующего исторического опыта, он добавил: «Я держался в 1917 г. последнего, но очень скоро убедился в том, что прав был Ленин, который, отнюдь не идеализируя методов военного коммунизма, ясно видел его неизбежность в условиях ужасающей разрухи, вызванной империалистической войной в условиях отчаянного сопротивления эксплуататорских классов».

Отношение В. И. Ленина к демаршу указанных политиков показывает его речь на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. «По поводу заявления группы народных комиссаров об уходе из Совнаркома»: «Далее, в чем же проявляется изолированность нашей партии? В том, что откалываются отдельные интеллигенты. Но с каждым днем мы все больше поддержку находим в крестьянстве. Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» [1, с. 61].

Наличие в его партии правых большевиков все же волновало В. И. Ленина. В декабре 1917 года в «Дневнике публициста (темы для разработки)», не предназначенном для печати, он поставил вопрос ребром: «Правый большевизм»; место ли ему в нашей партии?» [1, с. 188]. Вероятно, В. И. Ленин отвечал на него так: «до известной степени». Откровенно правые позиции терпеть он не собирался, что показало исключение из партии в январе 1918 года С. А. Лозовского, обвиненного в отрицании диктатуры пролетариата и социалистического характера Октябрьской революции, что для В. И. Ленина являлось смертным политическим грехом.

Не принимая народнической идеологии и политики левых эсеров, В. И. Ленин был вынужден в конце 1917 — начале 1918 года пойти на блок с ними и включить их представителей в правительство. Это противоречило политике проведения диктатуры пролетариата в чистом виде, но находило объяснение в необходимости иметь союз рабочих и крестьян, а «союз рабочих и крестьян есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками» [1, с. 100].

В январе 1918 года В. И. Ленин публично оценивал этот блок достаточно оптимистично. Выступая в январе 1918 года на третьем Всероссийском съезде Советов, он говорил: «Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам. Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, то уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное. Мы знаем, что только тогда, когда опыт показывает крестьянам, каков, например, должен быть обмен между городом и деревней, они сами снизу, на основании своего собственного опыта, устанавливают свою связь» [1, с. 264].

В статье «Памяти тов. Прошьяна», написанной после Брестского мира и июльского выступления левых эсеров в Москве, В. И. Ленин в открытой форме уже несколько по-другому оценивал левоэсеровскую партию: «Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнаркоме в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эсеры шли в союзе с нами... Не про всех левых эсеров можно было сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя... Тов. Прошьян становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров, когда они выражали точку зрения мелких хозяйчиков и относились отрицательно к коммунистическим мероприятиям в области сельского хозяйства. Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира. Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных уже не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий, о том, что наиболее далекие от коммунизма (тогда этого слова не было еще в ходу) левые эсеры заметно и очень

сильно сблизилась с ним за время общей работы в Совнарком. Я отнесся сдержанно к предложению Прошьяна, назвал его предложение преждевременным, но сближения между нами на практической работе отнюдь не отрицал. Полное расхождение принес Брестский мир...» [3, с. 384—385].

Итак, в декабре 1918 года В. И. Ленин утверждал, что большинство левых эсеров не социалисты, что они выражают интересы мелких хозяйчиков, но признавал сближение на почве практической работы.

В целом перевес сил был на стороне большевиков. На третьем Всероссийском съезде Советов, проходившем с 23 по 31 января 1918 го-

да, в начале его работы насчитывалось 707 депутатов, в том числе 441 большевик. В президиум съезда избрали 10 большевиков, 3 левых эсера, 1 человека от других фракций. В избранный съездом ВЦИК вошли 160 большевиков, 125 левых эсеров, 2 меньшевика-интернационалиста, 3 анархиста-коммуниста, 7 эсеров-максималистов, 7 правых эсеров и 2 меньшевика.

В то же время крестьяне по-прежнему подерживали народников. На Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем с 10 по 25 ноября (23 ноября — 8 декабря) 1917 года присутствовало 195 левых эсеров, 65 правых эсеров и центра, 37 большевиков.

Литература

1. Ленин В. И. ПСС / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Т. 35. — М., 1974.
2. Ленин В. И. ПСС / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Т. 36. — М., 1974.
3. Ленин В. И. ПСС / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Т. 37. — М., 1969.
4. Ленин В. И. ПСС / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Т. 50. — М., 1970.

POLITICAL IDEAS OF V. I. LENIN DURING THE PERIOD OF THE PEACEFUL DEVELOPMENT OF THE REVOLUTION

V. N. Kuznetsow

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kuznetsow_simb@mail.ru

V. I. Lenin is still an important personality of the Russian history of XX century who cannot be buried in the oblivion. Also no one can find the ways of his demonization and canonization. To understand the views of this politician, the author focuses on Lenin's texts at a tipping point of the Russian history, when the Soviet regime was established and Russian Social Democratic Labor Party was the leading party in that period.

The article analyses the views of the leader of the ruling Bolshevik-communist party on the overarching issues of Russian life in the late 1917 — early 1918. In that period he was concerned about such problems as the prospects of Socialist revolution, interrelations with the parties supporting the Soviet regime, particularly with the left Socialists-Revolutionaries, building the model of entirely new marketless economics, as well as the presence of people in the party taking right post close to Mencheviks.

It was the Lenin's views of the strategic and current aspects that determined the political practice of that period. They included the attitude to the formal democracy, world revolution, and other soviet parties.

The article presents V. I. Lenin as a determined and pragmatic politician who did not follow the dogmas of the formal democracy.

Key words: V. I. Lenin, world revolution, Bolsheviks, Left Social Revolutionaries, Cadets.

References

1. Lenin V. I. PSS, 5th ed., vol. 35, Moscow, 1974.
2. Lenin V. I. PSS, 5th ed, vol. 36, Moscow, 1974.
3. Lenin V. I. PSS, 5th ed, vol. 37, Moscow, 1969.
4. Lenin V. I. PSS. 5th ed, vol. 50, Moscow, 1970.

ИНФОРМАЦИЯ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ, ЮБИЛЕИ

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ПОМНИМ ПРОШЛОЕ — ГОРДИМСЯ НАСТОЯЩИМ!

9 мая 2020 года исполнилось 75 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

С течением лет все более очевидным становится огромное всемирно-историческое значение Великой Победы. Она предопределила судьбу всего мира, избавив многие народы от угрозы фашистского порабощения. Благодаря мужеству и героизму советских людей был спасен мир и сама человеческая цивилизация.

Война прошла через каждую семью и сердце каждого гражданина СССР. Победа советского народа и его Вооруженных сил над фашистской Германией досталась высокой ценой — свыше 27 миллионов человек отдали свою жизнь за свободу и независимость Родины. Но при всех понесенных жертвах и потерях советский народ выдержал испытание на прочность и победил.

Ульяновск являлся тыловым городом, но сотни тысяч жителей региона были мобилизованы на фронт, в город эвакуировались предприятия, учебные заведения, было развернуто около трех десятков эвакуогоспиталей. Таким образом, к январю 1943 года население Ульяновска выросло в два раза.

Ульяновский государственный университет значительно моложе событий 1945 года, однако невидимые нити связывают его с этой священной датой. Это сотрудники вуза — участники войны, это труженики тыла, дети войны, деятельность фельдшерско-акушерской школы, тыловых эвакуогоспиталей и многое другое.

На протяжении многих лет УлГУ — опорный вуз региона поддерживает связь со своими преподавателями и сотрудниками — свидетелями

роковых исторических событий. В рамках акции, которая стала частью стратегического проекта УлГУ «Регион. Культура. Перезагрузка», ветераны и труженики тыла получили поздравления от руководства вуза, профсоюза работников и студенческого профкома.

В своем поздравлении с юбилейной датой в нашей истории — с 75-й годовщиной Великой Победы ректор УлГУ Борис Михайлович Костишко и президент УлГУ Юрий Вячеславович Полянсков обратились к ветеранам, труженикам тыла, всем, кому выпала нелегкая доля столкнуться с ужасами и тяготами Великой Отечественной войны, а также к жителям Ульяновской области: «За многовековой путь развития государства нам много раз приходилось отстаивать свое право на независимость и неприкосновенность перед многочисленными захватчиками. Но победа над фашизмом в Великой Отечественной войне занимает судьбоносное место в ряду исторических событий нашей Родины. Война коснулась каждого региона, каждого города и села, каждой семьи. Мы помним и скорбим о тех, кто сейчас не с нами, и низко кланяемся всем, кто выжил. Тем, благодаря кому мы ходим по этой земле, можем жить и работать под мирным небом, строить дома, воспитывать детей» [1].

Для всех ветеранов День Победы — поистине святой праздник. У каждого из них — удивительная судьба, полная испытаний и выдающихся свершений. Иван Алексеевич Щербенев в годы войны был стрелком-пулеметчиком, служил на Первом Дальневосточном фронте, задача которого состояла в сдерживании атак японской армии. В августе 1945 года Иван Алексее-

вич участвовал в боевых действиях с Японией. Виктор Федорович Истомин боролся с фашистами в Венгрии, был тяжело ранен. Нина Васильевна Афанасьева — жительница блокадного Ленинграда, ребенком потеряла всю семью, с 1942 года ее жизнь связана с Ульяновском. Таския Абдулловна Мустафина и Константин Степанович Поганцев ковали Победу в тылу. Ольга Ивановна Гульнова с 1943 по 1946 год производила снаряды для всех видов оружия на патронном заводе. Председатель Совета ветеранов УлГУ, экс-директор механического завода, первый секретарь Ульяновского обкома КПСС в 1986—1990 годах, один из основателей филиала МГУ Юрий Григорьевич Самсонов во время войны тринадцатилетним подростком работал помощником комбайнера, выращивал хлеб. Впоследствии все они многое сделали для строительства мирной жизни и становления классического университета в Ульяновске [2].

К юбилейной дате Победы Издательским центром Ульяновского государственного университета выпущены книги: «Журналистика Великой Отечественной войны» (автор Т. Н. Васильчикова, учебное пособие), сборник архивных материалов, в том числе охватывающих период Вели-

кой Отечественной войны (авторы В. В. Романов, Г. В. Романова). Особый отклик в сердцах читателей получило издание «Времен связующая нить. УлГУ: помним прошлое — гордимся настоящим» (под редакцией В. И. Горбунова, монография). В книге показана роль различных подразделений университета, входящих теперь в состав УлГУ, в Великой Победе, представлены исторические факты и документы, названы фамилии. За скупыми строчками каждого раздела стоят реальные события тех лет, трагедия отдельных человеческих судеб и целого поколения.

«Идею книги поддержали ректор УлГУ Б. М. Костишко, президент УлГУ Ю. В. Полянских, проректор по научной работе и информационным технологиям В. Н. Голованов, председатель Совета ветеранов УлГУ Ю. Г. Самсонов.

Получилась книга, повествующая о том, как события военных лет отразились на судьбах наших сотрудников, каков вклад структур нашего университета в Великую Победу. Нам хотелось на примере отдельных личностей, не разделяя их по званиям, специальностям, возрасту, месту работы, национальности, военному и общественному вкладу, показать историческую роль в формировании Великой Победы. Эти люди отдали свою молодость, здоровье, свой талант, силы в борьбе за Великую Победу», — отметил Василий Иванович Горбунов [3].

День Победы является самым светлым, радостным и одновременно самым печальным праздником. В этот день народы России и все люди на земле склоняют головы в знак памяти павшим и благодарности живым участникам этой войны, своей жизнью, кровью и тяжким солдатским трудом обеспечившим Великую Победу.

Наша задача — сохранить память о подвиге народа, который своим единством и сплоченностью, трудолюбием и самоотверженностью, невероятной любовью к Родине обеспечил нам мир, свободу и независимость. День Победы — это праздник, объединяющий поколения. Мы помним свою историю и гордимся ею!

Г. И. Петрова

Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)

rio4@bk.ru

Литература

1. <https://www.ulsu.ru/ru/news/new/6943>.
2. <https://www.ulsu.ru/ru/news/new/6929>.
3. Времен связующая нить. УлГУ: помним прошлое — гордимся настоящим : монография / под ред. В. И. Горбунова. — Ульяновск : УлГУ, 2020. — 128 с.

**75 YEARS OF THE GREAT VICTORY:
REMEMBER THE PAST — PROUD OF THE PRESENT!****G. I. Petrova**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

rio4@bk.ru

References

1. <https://www.ulsu.ru/ru/news/new/6943>.
2. <https://www.ulsu.ru/ru/news/new/6929>.
3. Gorbunov V. I. et al. (2020) Vremen svyazuyushchaya nit'. UIGU: pomnim proshloye — gordimsya nastoyashchim: monografiya [Times a connecting thread. USU: remember the past — proud of the present: monograph]. Ulyanovsk: UISU, 128 p.

**АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ**

Д. С. Точеный

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

«ПЕРИКЛ, ЛЕНИН, СТАЛИН...»

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу А. Л. Литвина

**«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА В СТРАНЕ.
1917—1953»**

(М.: Изд-во «Собрание», 2019. 430 с.)

Мировая история — это неисчерпаемый клад мудрости. Руководствуясь им, человечество могло бы уже давным-давно построить идеальное общество. Богатейший опыт созидания такового дает жизнь и деятельность выдающегося государственного руководителя Греции Перикла (461—429 гг. до н.э.). Его относят к числу самых образцовых правителей едва ли не все зарубежные и российские исследователи Эллады. «Занимая одну из всех доступных должностей, — писал о нем О. Егер, — не обладая никаким иным средством, кроме свободной речи, он верховодил всей внешней и внутрен-

ней политикой своего народа в течение почти трети столетия и управлял своими беспокойными гражданами как полноправный государь. Отличительной чертой Перикла, по сравнению со всеми сверстниками, была именно его постоянная серьезность и вдумчивость, при которой он не знал наслаждения выше философской беседы и занятий государственными делами. Такое соединение философского мышления с глубоким, практически верным взглядом на жизнь и действительность редко встречается в одном человеке. А в нем это соединение представлялось естественным и гармоничным. Государст-

венный муж, подобный Периклу, не отделяет внешней политики от внутренней и рассматривает их только во взаимодействии» [6, с. 160].

Перечисляя важные заслуги Перикла, Б. Харенберг подчеркнул, что этот талантливый лидер «привлек средние и бедные слои афинских граждан к управлению государством. Впервые в европейской истории в стране возникла истинная демократия — власть народа» [17, с. 116].

С искренним восхищением о Перикле и его преобразованиях отзывалась российская исследовательница Е. Доценко: «В середине 60-х гг. V в. до н. э. в Афинах разгорелась схватка между демократами и сторонниками правления большинства граждан — аристократами, приверженцами правления немногих знатных родов. Перикл, хотя и происходил из знатного рода, стал на сторону демоса — народа. Он понял, что величие Афин и его собственная слава — именно в демократическом устройстве государства. Перикл сразу заметно выделился среди греческих политиков. Его отличали в общении с людьми рассудительность и завидное спокойствие. Он терпеливо сносил насмешки, не роняя собственного достоинства, чем вызывал уважение горожан. Кроме того, Перикл никогда не заигрывал с толпой, не строил фантастических планов и не обещал золотых гор. Еще большему росту его авторитета способствовали мероприятия, которые он предлагал во имя укрепления афинского государства» [5, с. 131].

Доценко Е. обратила внимание на то, что вечным источником слабости едва ли не всех стран являлась острая классовая борьба. А вот Перикл сумел избежать потрясений, вызываемых столкновением эксплуататоров и эксплуатируемых. Этот политик-аристократ «знал, что бедность граждан — беда для государства и повод к волнениям. Он настоял на выделении пособий для сирот и калек. На деньги государства воспитывались сыновья погибших на войне. Другой способ искоренить нищету — дать людям возможность трудиться и зарабатывать на жизнь». Для решения столь сложной задачи в Афинах было развернуто грандиозное строительство.

Результаты реконструкции этой своеобразной столицы Греции ошеломили. Да они и сейчас вызывают священный трепет. Вот как их оценивает одно из самых солидных научных изданий: «В Афинах, самом значительном из родов-государств, начался золотой век: воздвигались величественные архитектурные сооружения. Храмы воплощали идеалы классических пропорций и были украшены потрясающими

фризами и статуями в красно-сине-золотой гамме. На Акрополе был построен мощный Парфенон. Посредине дышавшего благовониями храма возвышалась огромная статуя Афины из золота и слоновой кости. У подножия Акрополя был построен театр, на его сцене впервые были сыграны трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида. Вдохновителем этого культурного возрождения был государственный деятель Перикл» [11, с. 45].

Наверное, нам бы понадобилась еще не одна страница, дабы поведать о всех талантах необыкновенного вождя, обеспечившего невиданный материальный и культурный подъем Афин. Даже их беглый перечень производит сильное впечатление: блестящий военачальник, тонкий дипломат, несравненный оратор, оригинальный архитектор, знаток литературы и др. Но не забудем, что судьба наделила Перикла редчайшим среди политиков Божьим даром — гуманностью. На смертном одре он с гордостью сказал, что ни одна женщина в Аттике не носила траура по его вине.

Казалось, как далеко могло продвинуться человечество, черпая бесценный, полезный и благотворный опыт Афинской демократии, созданный руками и умом Перикла. Но нет, мы поём гимны десяткам и сотням диктаторов, пролившим реки крови в созданных ими тоталитарных режимах. Воздвигаем бесчисленные памятники А. Македонскому, Чингисхану, Наполеону, Ф. Кастро, Ким Ир Сёну, Мао Цзэду. Это массовое явление поразило известного доктора и публициста Н. Амосова. Размышляя над проблемами истории Древней Греции, он обратил внимание на заключение Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) о тактике тиранов: «Чтобы удержать власть, нужно следующее: 1. Не позволять возвышаться достойным. Даже казнить. 2. Запретить совместные обеды, а также диспуты, образование, даже литературу. 3. Держать общественную жизнь под контролем. 4. Иметь сыщиков. 5. Сеять раздоры среди подданных. 6. Давать обещания лучшей жизни. 7. Держать граждан занятыми: строить общественные здания. 8. Дать права рабам и женщинам, хотя бы для того, чтобы иметь осведомителей. 9. Вести войны, чтобы народ нуждался в руководителях». Любопытен комментарий Н. Амосова к этой цитате из «Политики» Аристотеля: «Ну, каково! 2300 лет назад сказано, а все последующие тираны соблюдали. Гитлер и Сталин сами изобрели, едва ли они читали Аристотеля» [1, с. 368].

Да, история нам подбросила немыслимый парадокс: два с половиной тысячелетия тому назад греки прожили 30 лет в условиях демо-

кратии. В Афинах проводились свободные выборы, существовала политическая конкуренция, лидер мог подвергаться безграничной и беспрепятственной критике. И каким диким анахронизмом неандертальского толка смотрится на этом фоне кровавый тоталитарный советский режим, вожди которого (Ленин и Сталин) заверяли о своем желании построить коммунистическое общество — идеал человечества по части гуманности и соблюдения прав личности. Этому трагическому феномену посвятил свое исследование выдающийся отечественный историк А. Л. Литвин.

В качестве эпиграфа для своей книги Алтер Львович избрал строки Ф. М. Достоевского, раскрывающие сущность любой тирании (в том числе и большевистской): «И не то беда, что есть еще зверство; беда в том, что зверство вознесено будет как добродетель». И, действительно, до сих пор жестокие палаческие деяния руководителей Советского государства расцениваются многими как благодетельная забота о народных массах. Вот каким панегириком завершил свой сусальный очерк о создателе СССР известный теоретик и пропагандист КПСС Г. Д. Обичкин: «Владимир Ильич Ленин... Величайший стратег и мудрый вождь революции. Своими гигантскими успехами наш народ и все человечество обязаны ему, созданной им великой партии, ленинизму. Безгранична любовь народов к великому Ленину, отдавшему все свои силы, гениальный ум делу революции. Его имя бесконечно дорого людям всей нашей планеты. В умах и сердцах всего человечества живет и будет жить вечно образ Ленина — вождя и учителя, человека кристальной чистоты, необычайной скромности и простоты, неиссякаемой революционной энергии, строжайшей принципиальности, беспредельной самоотверженности, непримиримости к эксплуататорам, к врагам рабочего класса и глубочайшей любви к людям труда. Современники Ленина, которым выпало счастье видеть его, работать с ним, близко его знать, справедливо указывают, что в личности Владимира Ильича воплощены черты человека коммунистического общества. Имя Ленина, его великое дело и учение будут жить в веках и тысячелетиях. Дело Ленина непобедимо!» [13, с. 221].

Эти пророческие мысли Г. Д. Обичкин зафиксировал в 1968 году. С тех пор немало воды утекло: СССР развалился, коммунистическая идеология померкла и обветшала, некогда стопроцентный рейтинг первого вождя большевизма рухнул, выявились и явно неблагоприятные поступки Ленина. Но по-прежнему некоторые оте-

чественные обществоведы в упор не видят никаких недостатков в деятельности основателя большевистской партии. Для них он — родной, любимый «наш Ильич». Таким нарисовал его в апреле 2020 года историк-журналист К. Кудряшов: «1892 год... Именно тогда в разговорах самарских обывателей впервые прозвучала формула, которая определяет все: Ульянов — мужицкий правозащитник... Он останется, если угодно, универсальным народным мстителем... Наш Ильич. Это глас народа. Так думали и говорили мужики из Шушенского и питерские рабочие... Ленинская брошюра 1895 года «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» среди рабочих стала безусловным хитом на долгие годы, а ее автор был признан безусловным заступником рабочих и вообще простых людей... Смерть Ленина вызвала глубокое сожаление среди крестьянских масс... По их мнению, они потеряли единственного защитника... Так что придется признать очевидную истину — образ Ленина как защитника всех простых людей не был навязан извне большевистской пропагандой, а сложился сам по себе» [9].

Некоторые старшеклассники, добросовестно штудировавшие учебники литературы, могут догадаться, откуда взял корреспондент «Аргументов и фактов» К. Кудряшов определение Ленина как «мужицкого правозащитника». Он почерпнул его из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», одним из героев которой являлся революционер Григорий Добросклонов. Именно ему, по мнению замечательного поэта,

«Судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чухотку и Сибирь» [12, с. 237].

Правда, определение Ленина как защитника интересов простого народа — дело весьма спорное. Достаточно вспомнить хотя бы хорошо известный факт: этот «мужицкий правозащитник» стал основателем ГУЛАГа, на территории которого умерли от холода, голода и непосильного труда миллионы рабочих и крестьян. А сколько еще кровопийц и злодеев числилось в славной ленинской когорте «борцов за народное счастье»: Троцкий, Дзержинский, Менжинский, Молотов... И среди них в числе первых шагнул Сталин.

Великого кормчего восхваляет во всех ипостасях В. А. Крючков: «Иосиф Виссарионович был действительно с народом, жил его нуждами и заботами. Люди видели это каждый день. Особенно действительно народная была внут-

ренная политика. Внутренние дела в нашем отечестве, внутренние процессы развития общества были всегда определяющими, и уже одно это представлялось людям как выражение абсолютно неразрывной связи И. В. Сталина с народом» [8, с. 56]. Интересно узнать, в какие периоды жизни этот руководитель СССР был особенно близок к рабочим и крестьянам? Может быть, в годы Большого террора? Ведь как раз именно указанные слои населения в те страшные времена подвергались наибольшему репрессиям. А не в годы ли коллективизации было введено советское крепостное право и погибло от голода от 5 до 7 миллионов колхозников?

С проникновенно-отчаянной мольбой к духу гения всех времен и народов обратился С. Экштут в своей книге «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?!» (М., 2017). Это заклинание напоминает древнерусское «Моление» Д. Заточника, в котором непомерно восхваляется князь и проводится идея о необходимости сильной, неограниченной власти на Руси [7, с. 138].

Крючков В. и С. Экштут являют собой образцы пассивных поклонников любимого и родного вождя: они замирают от восторга перед любым его портретом и памятником, демонстрируя немое восхищение Иосифом Виссарионовичем. Однако в XXI веке заметно выросло и число активных (даже агрессивных) апологетов генералиссимуса, готовых оторвать башку любому, кто дерзнет дать непочтительный отзыв великому и ужасному или бросить на него косой взгляд. Все более получает распространение многозначительная угроза: «Сталина на вас нет». Под таким заголовком была опубликована статья декана высшей школы телевидения МГУ В. Третьякова [16]. Может быть, это намек на необходимость применения жестких мер против тех, кто неодобрительно относится к сталинским методам воспитания или не восхищается теоретическими воззрениями великого диктатора?

Также устрашающе, как и В. Третьяков, называл свою книгу писатель-историк В. Бушин. разве только его угроза обращена не к абстрактным оппонентам гениального Учителя, а к высшим руководителям СССР — России (Горбачёву и другим): «Президенты! Сталина на вас нет». Сей труд пронизан мстительными мотивами, порожденными воспоминаниями о славном 1937 годе. Чего стоит эпизод, нарисованный В. Бушиным с величайшим удовольствием... Сталин, неожиданно воскресший, появляется на банкете высших правительственных чиновников, внимательно осматривает оцепеневших участников торжественного обеда, достает со-

товый телефон и что-то тихо говорит. В сию же секунду в зале возникают знакомые до боли фигуры Л. П. Берии и А. Я. Вышинского. Вождь прогрессивного человечества зажигает свою трубку, неторопливо раскуривает ее и задумчиво произносит: «Ничего, как только избавим страну от этих недоумков, так все и наладится» [2, с. 348, 350].

Рост популярности Ленина и Сталина — двух из четверки самых зловещих тиранов в мировой истории — не мог не вызвать глубокой тревоги у А. Л. Литвина, талантливого историка, исповедующего разумные патриотические начала. Он поставил серьезную задачу — сделать все, что в его силах, чтобы уберечь современников от влияния идей названных кровавых диктаторов. «Россия, — разъясняет Алтер Львович, — традиционно относилась к странам, где цена человеческой жизни была мизерной, а гуманитарные права не соблюдались. Крайне радикальные социалисты-большевики, захватив власть, провозгласив ближайшей задачей свершение в кратчайшие сроки мировой революции и создание царства труда, уничтожили подобие правового государства, установив революционный беспредел. Никогда еще в истории утопические идеи не внедрялись в сознание людей столь жестоко, цинично и свирепо... В непродолжительной идейной борьбе победило беспощадное, фанатичное зло, принесшее столько невиданных ранее страданий людям... Пушкин в «Борисе Годунове» отмечал безмолвие народа при казнях; большевистская периодика полна громогласных одобрений массовых убийств» (с. 184).

Признаемся, что первые робкие критические оценки деятельности В. И. Ленина, прозвучавшие на радио и телевидении в годы перестройки, вызывали у нас возмущение, недоумение, погружали нас в состояние дискомфорта. Ведь мы с юных лет обожали Владимира Ильича, не допускали и мысли о том, что он мог в чем-то ошибаться. Просмотр фильма «Аппассионата», посвященный вождю Октябрьской революции, исторг у нас слезы. Выход актеров, исполнявших роль Ленина в пьесах М. Погодина «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты», мы вместе со всеми зрителями приветствовали радостными аплодисментами (разумеется, стоя).

Знакомство с книгами А. Солженицына, Д. Волкогонова, Е. Радзинского, Е. Данилова, Д. Штурман, С. Мельгунова, А. Яковлева и др. помогло нам дать более объективную оценку создателю Советского государства. Постепенно черты благодетеля человечества тускнели, рас-

плывались, стирались, и в итоге лик ангела заменился портретом безжалостного фанатика. Поэтому нам было очень интересно прочитать страницы труда А. Л. Литвина, посвященные деятельности основателя СССР. (Тем более, что мы являемся жителями Ульяновска, где до сих пор торжествует дух почитания «нашего Ильича».)

Кистью большого мастера исторической живописи Алтер Львович нарисовал физиономию В. И. Ленина, абсолютно аморального политика. И привел примеры, более чем убедительные, на этот счет. В записке заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Скиянскому, отправленной в августе 1922 года, Ленин, видимо, оценивая программу военных действий, подготовленную в недрах этого ведомства, настаивал: «Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы на них потом свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного». В секретном письме членам Политбюро ЦК РКП(б), написанном 19 марта 1922 года, Ленин предлагал воспользоваться голодом в Поволжье и провести изъятие церковных ценностей. Эта акция, по его мнению, «должна быть проведена с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и самый кратчайший срок. Чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы они на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении не смели и думать» (с. 187—188).

Пожалуй, именно А. Л. Литвин впервые в отечественной историографии раскрыл с наибольшей глубиной размах, ужас и последствия красного террора, инициатором и организатором которого стал Ленин. Его высказывания легли в основу всех теоретических и пропагандистских положений, обосновывающих и оправдывающих расправу большевиков над своими политическими противниками в 1917—1922 гг. Во-первых, председатель Совнаркома, извращая факты, заявлял, что красный террор в годы Гражданской войны был вынужденным и стал ответной реакцией на действия белогвардейцев и интервентов. По нашему мнению, он игнорировал волю народных масс, отдавших на выборах в Учредительное собрание членам РСДРП(б) только 24 % голосов. Разгон же его стал одной из главных причин резкого обострения внутриполитической обстановки и начала Гражданской войны. Несомненно, В. И. Ленин явился узурпа-

тором власти и несет персональную ответственность за гибель миллионов российских граждан. Во-вторых, руководитель рабоче-крестьянского правительства утверждал, не имея на то оснований, что репрессивные меры большевиков не идут ни в какое сравнение с белым террором (с. 185). Согласимся с Алтером Львовичем в том, что большевистские репрессии в 1917—1922 гг. (назовем их ленинскими) никак не являлись мерами самообороны, а были универсальным средством решения любых проблем, идеологическим обоснованием преступных действий ЧК.

Об итогах работы В. И. Ленина, возглавлявшего РКП(б) и Совнарком, спорят уже почти сто лет. Подробно обсуждают уровень его знаний, доказывают, что он был крупнейшим теоретиком и практиком революционной борьбы, подчеркивают, что он имел невероятный словарный запас и т. д. Мы тоже готовы отметить факт его высочайшего интеллектуального развития, уникальной силы воли, редчайшей обаятельности. Но не менее важным для государственного деятеля является наличие здравомыслия, порядочности, совести, доброты, психологической устойчивости, ибо отсутствие даже одного из этих качеств у руководителя страны может ввергнуть ведомые им народные массы в состояние хаоса и обрушить на них тяжкие бедствия. А. Л. Литвин доказывает, что доминирующий у В. И. Ленина фанатизм, доходивший до изуверства, не давал ему морального права решать судьбы людей. Его жестокостью был поражен известный демократ, гуманист и ученый П. Кропоткин: «Я понял, что убеждать этого человека в чем бы то ни было совершенно напрасно! Я упрекал его, что он за покушение на него допустил убить 2,5 тысячи невинных людей. Но оказалось, что это на него не произвело никакого впечатления» (с. 188). Такую же оценку дал ему известный русский писатель Д. Гранин, один из умнейших людей второй половины XX — начала XXI в.: «У Ленина безумная мстительность. Почему он с такой силой вытравывал в России любые ростки демократии? Кто мешал ему, в конце концов, после революции вместо прежней империи построить хоть сколько-нибудь демократическое государство? Но Ленин люто ненавидел демократию... и как можно этого страшно озлобленного человека любить — не понимаю» (с. 17).

Известно, что в советскую эпоху мнения любых политиков, оспаривающих тезисы Ленина о полезности и необходимости проведения красного террора, замалчивались. А тех, кто высказывал их в зарубежной печати, клеймили как

ренегатов, оппортунистов, жалких клеветников, гнусных и подлых антисоветчиков. Страницы рецензируемой книги дают возможность читателям постсоветской России познакомиться с их взглядами. Оказывается, например, что презренный и проклинаемый К. Каутский во многом был прав в своей критике ленинской политической платформы. И что очень важно, прошедший век подтвердил это. Так, никто сейчас не пытается опровергнуть утверждения названного немецкого социал-демократа о том, что большевики первыми применили насилие против социалистических партий, что, уничтожая эсеров, меньшевиков, анархистов, они не оставили оппозиции никакой другой формы борьбы, кроме вооруженного сопротивления (с. 17). Р. Люксембург, известная польская революционерка, осудила в 1918 году Ленина за отказ проводить демократические преобразования в России: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих» (с. 158).

Сколько лет советские исследователи гражданской войны — и стар, и млад — смеялись над известным американским историком Р. Пайпсом, иронизировали над его узколобым подходом к оценке факта расстрела царской семьи, но ни разу не процитировали этого махрового пасквилянта. Наконец, А. Л. Литвин привел точную выдержку из книги этого «недалекого кляузника»: «Когда правительство присваивает себе право убивать людей, потому что их смерть «необходима», мы вступаем в качественно новую моральную эпоху. И в этом символическое значение событий в Екатеринбурге, случившихся в ночь с 16 на 17 июля 1918 года» (с. 192). Так вот и выяснилось, что противный и «ограниченный» Р. Пайпс сделал весьма весомый вывод.

Трагическую картину уничтожения инакомыслия А. Л. Литвин искусно дополнил свидетельствами любимцев В. И. Ленина. Они раскрывают редкие детали идеологии и техники расправ над сторонниками демократии. Теоретик РКП(б) Н. И. Бухарин подчеркнул значение расстрелов в системе большевистских репрессий: «С более широкой точки зрения, т. е. с точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как это парадоксально ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из челове-

ского материала капиталистической эпохи» (с. 18—19). 11 сентября 1918 года в газете «Правда» известный большевик Н. Осинский поставил перед членами партии ясную и точную задачу: от диктатуры пролетариата перейти к системе уничтожения буржуазии как класса. Легендарный чекист М. Лацис детализировал это положение: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора» (с. 197).

Расстреливали чекисты «врагов народа» направо и налево. По поводу и без него. Чем больше, тем лучше. Учет погибших практически не велся. Цифры поставленных к «стенке», «пущенных в расход», «награжденных девятью граммами свинца», умерших от голода и болезней в 1917—1920 гг., приведенные в советской литературе, весьма условны и скорее всего значительно преуменьшены. А. Л. Литвин полагает, что установить точные данные о поплатившихся жизнью от красного террора пока не представляется возможным (архивы до сих пор закрыты). В одном он абсолютно уверен: «...количество людей, погибших от рук чекистов в 1918—1922 гг., со временем станет известно и еще раз потрясет сознание людей, и не только соотечественников» (с. 210).

Зверство, проявленное вождем Октября в период его правления, было столь страшным, ужасающим и масштабным, что поневоле возникает вопрос, что же его породило, сформировало и отшлифовало. Вроде бы родители Володи Ульянова, как уверяли все советские писатели и исследователи, отличались демократичностью, мягкостью, добротой, душевностью, блистали феноменальными педагогическими талантами, почитали Бога. В царской России его на протяжении всей жизни не оскорбляли, ему не грубили, не хамили, в тюрьме или ссылке обходились толерантно, не подвергали пыткам. В такой же терпимой обстановке, если не сказать приятной, В. Ульянов прожил долгие годы в цивилизованной и обеспеченной Европе. Нигде и никогда не голодал или хотя бы недоедал. Не подвергался преследованиям за тунеядство (подобно великому советскому поэту Бродскому). Не имел понятия о материальной нужде. Какие же обстоятельства поселили в его характере такую люто-сть? В связи с этим Д. Волкогонов выразил искреннее недоумение: «До Февральской рево-

люции Ленин обвинял царя и самодержавие в необоснованных репрессиях, бессмысленном насилии, полицейщине. Гнев его был благородным и неподдельным! Но прошло немного времени, и тот же Ленин демонстрирует робеспьеровскую решительность и беспощадность» [4, с. 413].

После победы Октября создатель Советского государства — юрист по профессии — уничтожил остатки политических свобод, существовавших при Николае II. Теперь любая попытка организации забастовки или пассивное участие в ней, членство в независимом профсоюзе или в любой оппозиционной партии, написание статьи или листовки с критикой власти влекло уже не заключение в кутузку, а расстрел. Царизм был куда милостивее, нежели диктатура пролетариата. Напомним, что при «проклятом самодержавии» никто и не слышал о концентрационных лагерях, о пытках, о приговорах без суда и следствия.

Попытки исследователей выявить время и причины превращения В. И. Ленина — гимназиста, студента, заключенного, ссыльного, эмигранта — в политического монстра не дали убедительных результатов. Разве только можно определенно сказать, что семью Ульяновых никак нельзя отнести к разряду благополучных. Скорее наоборот. Все ее члены (Мария Александровна, Владимир, Анна, Мария, Дмитрий) не посещали могилу Ильи Николаевича, не вспомнили ни разу о нем в своих письмах. Такая же участь постигла и старшего сына, индивидуалиста-террориста Александра. Все Ульяновы забыли по какой-то причине и о нем. Станные люди: черствые, замкнутые, равнодушные. Может быть, не случайно все дети Ильи Николаевича и Марии Александровны стали ярко выраженными террористами, совершенно безразличными не только к судьбе угнетателей, но и эксплуатируемых.

Все Ульяновы активно участвовали в реализации лозунга Владимира Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Братоубийственные сражения, верно констатирует А. Л. Литвин, с миллионами человеческих жертв стали национальной трагедией, они обесценили жизнь. В них — «начало большого террора, который партийно-государственная структура вновь с особой яростью развернула против собственного народа через полтора десятка лет» (с. 21).

Алтер Львович интеллигентно, но твердо и недвусмысленно формулирует свое мнение о том, что эстафетную палочку жесточайшего террора Сталин принял у Ленина: «Сталинизм

возник на почве ленинизма... Знавшие Ленина и встречавшиеся с ним отмечали его приверженность к крайним мерам насилия... Ленин не раз выступал с циничным требованием расстрелов невинных, обосновывая их интересами классовой борьбы... Ленин не возражал против массового террора, который Сталин учинил в Царичине летом 1918 года» (с. 187—189).

Политическую систему управления СССР, поясняет А. Л. Литвин, начал создавать Владимир Ильич, а довел до совершенства, установив единоличную абсолютную власть, Иосиф Виссарионович: «Сначала он уничтожил оппонентов, затем объявил «врагами народа» своих соратников, всех, кто мешал ему в достижении поставленной цели, и заодно построил многомиллионный ГУЛАГ. Он стремился стать для подданных Богом, сверхчеловеком, а тех, кто так не считал, — физически уничтожал. Культ его личности избавил генсека от любых соперников; никто тогда даже не думал о смене вождя» (с. 90).

Литвин А. Л. категорически не согласен с теми историками, которые связывают проведение репрессий Лениным и Сталиным с наличием громадного слоя отсталых, полуграмотных масс, имеющих низкую политическую культуру. «Подобные суждения о рабском и послушном населении, — пишет он, — которое поддерживало власть, — напоминает отечественную публицистику конца 1980—1990-х гг., когда стали писать о «совках», построивших государство на «горах трупов», потому что многие граждане представляли собой «завистливых, продажных и криминальных иждивенцев... Думаю, что причины не в послушном населении, которое без сожаления рассталось с этим ненавистным для многих режимом в 1991 г. ... Признаем, что установившийся в конце 1917 г. вплоть до 1953 г. полицейский режим удержания власти в тоталитарном обществе во главе с вождем прежде всего виновен в проведении массовых репрессий при помощи насилия и устрашения населения» (с. 24).

Оценка А. Л. Литвиным деятельности Сталина фундирована, принципиальна. Она является плодом его длительных размышлений над страницами массы книг российских и иностранных исследователей, архивных фондов, огромной мемуарной литературы, сборников документов. Работоспособность Алтера Львовича просто феноменальна и поражает не только читательскую публику, но и нас, изучавших тему репрессий в СССР около 30 лет.

Рецензируемая книга насыщена интереснейшими портретными зарисовками, подавае-

мыми нередко под необычным ракурсом. Мы с восхищением прочитали главу о «рыцаре революции» и не можем удержаться от соблазна процитировать несколько абзацев: «В свое время Сталин любил повторять: «Есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем». Увы, Феликс Эдмундович Дзержинский умер в 1926 г., памятник ему на площади Дзержинского (ныне Лубянской) в Москве был установлен в 1958 г., а проблемы с политической оценкой деятельности первого председателя ВЧК, снятого с пьедестала в августе 1991 г., остались. Муссирование этого вопроса российскими думскими политиками и московскими властями в начале XXI века — они предложили восстановить памятник — вновь пробудило интерес к личности Дзержинского и его деятельности, особенно в советское время, когда он возглавлял службу безопасности страны» (с. 236).

Литвин А. Л., заинтриговав читателя вопросом, отчего это часть москвичей носилась с памятником Дзержинскому как черт с писаной торбой, не проявляя элементарной последовательности, тут же обозначил новую проблему: «Почему в августе 1991 г. стихийная, (а может быть, целенаправленная) эйфория толпы повела ее к свержению памятника Феликсу Эдмундовичу (тогда же был повержен памятник М. И. Калинину, но об этом никто не вспоминает!), а не к выносу из Мавзолея и захоронению тела Ленина, не к разрушению бюстов Сталина и его сподвижников, стоящих до сих пор на Красной площади? Почему все, что связано с именем Дзержинского, до сих пор будоражит многих людей и становится для политиков разменной картой в непонятной для многих игре?».

Возбудив интерес к сложной теме Алтер Львович дал ей простое и логичное истолкование: «В истории не раз бывало, когда при смене правящих режимов народ разрушал памятники-символы. Великая французская революция конца XVIII века началась не с разрушения королевского дворца, а со штурма и с разрушения государственной тюрьмы — Бастилии. Люди мстят за свое унижение, страх, насилие над их человеческим достоинством, бесперспективность бытия, прежде всего, символам произвола — карателям, исполнителям воли вождей и королей» (с. 237).

Литвин А. Л. полагает, что Ф. Э. Дзержинский не представлял собой типичного палача и являлся разноплановой фигурой: «Дзержинский не был человеком в белых перчатках, но и не был человеком только с топором в руках... Он яростно боролся с разгулом бандитизма в стра-

не и столь же непримиримо с политическим инакомыслием. Но всячески защищал бывших меньшевиков, отказавшихся от политической деятельности, заявивших о своей лояльности к властям и честно работавшим под его руководством в ВЧК» (с. 243). Очень любопытны и весомы размышления Алтера Львовича о взаимоотношениях генсека и первого председателя ВЧК: «В последние годы жизни Дзержинский (он умер в 1926 г. — *Авт.*) позволял себе критиковать экономическую политику партии с ее отказом от принципов нэпа, был за развитие мелкой частной торговли, за защиту лавочника от местной администрации... За известность и определенную независимость политических суждений Сталин не любил Дзержинского... 2 июня 1937 г. на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны Сталин вдруг заявил, что Дзержинский тоже был троцкистом. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось». Подобное обвинение во времена репрессивного преследования явных и мнимых троцкистов означало немедленный арест и расправу. И, кто знает, доживи Дзержинский до 1937 года, не ждала ли его участь тысяч бывших чекистов, многие из которых в одночасье превратились из верных слуг режима в жертв сталинских репрессий (с. 244).

Рядом с великолепно выписанными политическими портретами Ленина, Сталина, Дзержинского, Хрущева в книге Алтера Львовича рассыпаны десятки, если не сотни, беглых (но ярких!) зарисовок, эскизов второстепенных персонажей, судьба которых дополняет общую трагическую картину Большого террора... Столько лет все восхищались Буревестником революции, но в последнее время появились и критические замечания в его адрес. И каков же в действительности автор знаменитого романа «Мать»? Мы с интересом ознакомились с точкой зрения А. Л. Литвина. Она, как всегда, корректна и обоснована: «В 1929—1934 гг. Горький уезжал в Италию подлечить легкие. Именно оттуда шли письма-панегирики происходящему в то время в СССР. 2 ноября 1930 г. одобрял аресты интеллигенции и радовался работе ГПУ, «действительно неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии». 12 ноября 1931 г. он изъяснялся в чувствах «глубокой, товарищеской симпатии» «хорошему человеку» и «крепкому большевику Сталину». <...> Письма Горького Сталину и Ягоде производят странный характер: он писал им, находясь в Италии, т. е. вне их прямой досягаемости. Но считал нужным объясниться в пре-

данности и тому, и другому. Почему он это сделал? В 1922 году он защищал арестованных эсеров во время судебного процесса над ними, а в 1929—1931 гг. клеймил позором новых осужденных по надуманным политическим мотивам. Что произошло в его понимании происходящего в стране за несколько лет? Ответы литературоведов на эти вопросы невразумительны. Ясно одно, эти письма делают Горького, хотел он того или нет, сообщником режима, ставящего целью ликвидацию всякого инакомыслия» (с. 134—135).

Да, разобраться во взаимоотношениях Буревестника революции с властью, со Сталиным пытались многие писатели, журналисты и критики. Но только одного из них — известного публициста А. И. Ваксберга — ждала удача на этом нелегком пути. «Горький многолик, — считает он, — на эту особенность обращали внимание многие авторы, прежде всего те, кто лично с ним встречался. Они оказались перед неразрешимой задачей: нарисовать горьковский образ с каким-то определенным знаком — положительным или отрицательным. Одаренный редким талантом, он добродетельно поставил себя не на службу словесности, а на службу политике, запутавшись в тех сетях, которые расставили кремлевско-лубянские интриганы. В отличие от миллионов других жертв Большого террора, он сам — добровольно и даже с охотой — положил свою голову на плаху и покорно ждал, когда на нее опустится топор палача. В этом — его трагедия и в этом же — оправдание перед потомками, которые вряд ли забудут оказавшуюся пророческой людоедскую формулу, рожденную его блестящим пером: «Если враг не сдается — его истребляют» [3, с. 392]. Отрадно, что взгляды А. Л. Литвина и А. И. Ваксберга на политическую деятельность А. М. Горького в 1930-х годах почти полностью совпадают.

На фоне приспособленческой и угодливой позиции Буревестника революции к сталинскому режиму совсем иначе смотрится поведение М. А. Спиридоновой. Наверняка оно у читателей, как и у Алтера Львовича, получит самую искреннюю похвалу. Именно такую реакцию вызвал у нас документ в рецензируемой монографии, явившийся точным штрихом в ужасной кровавой панораме Большого террора: «Лейтенант госбезопасности Михайлов 2 мая 1937 г. рапортовал своему начальнику о том, что обвиняемая бывший лидер партии левых эсеров М. А. Спиридонова во время допроса, «отказавшись отвечать на прямые вопросы следствия по существу ее дела, наносила оскорбления по ад-

ресу следствия, называя меня балаганщиком и палачом. На категорическое мое предложение Спиридоновой прекратить безобразия и отвечать на вопросы следствия, она встала со стула и демонстративно вышла из кабинета. Будучи возвращена в кабинет, Спиридонова бросила в меня прессом и, повернувшись ко мне задом, прекратила отвечать на вопросы.

На неоднократные предложения Спиридоновой повернуться ко мне лицом и сесть для продолжения допроса она стала кричать «сажайте сами» (с явной тенденцией к провокации следствия). Учитывая упорство Спиридоновой и ее нежелание подчиниться следствию, мною был вызван дежурный надзиратель т. Гутовский, коему я предложил посадить Спиридонову на стул, причем эта, как исключительная мера, была проделана совершенно корректно. При нажиме на Спиридонову она каждый раз бросает по моему адресу следующие эпитеты: хорек, фашист, контрразведчик, сволочь, — о чем ставлю Вас в известность». В ноябре 1937 года М. А. Спиридонова обратилась к Сталину с просьбой: «Проявите гуманность и убейте сразу» (с. 145—146). Генсек по обыкновению проявил изощренную жестокость: она была приговорена к 25-летнему тюремному заключению [14, с. 585]. Ее расстреляли в 1941 году.

Трагическая судьба бывшей активистки партии левых эсеров наводит на горестные думы. Зачем нужно было казнить М. А. Спиридонову, старую, больную, измученную женщину, не представлявшую никакой опасности ни для Сталина, ни для его тоталитарного режима? А сколько еще людей, далеких совершенно от политики, исчезло на бескрайних просторах ГУЛАГа? Этот вопрос мучает интеллигентную публику не один десяток лет. На страницах книги А. Л. Литвина его задает активистка О. А. Аросева, дочь известного советского дипломата: «Я понимаю, если были какие-то дворцовые интриги, я понимаю, что Сталин мог бояться старых революционеров, но ведь арестовывали людей, не проявлявших никакой угрозы его власти: крестьян, колхозников, рабочих, изобретателей, артистов, военных? Почему? Что это было? Боязнь? Пока никто не дал ответа на этот вопрос, почему партия, возникшая на гуманных принципах, не могла противостоять этому. Что за люди оказались в ней, почему они объединились, чтобы заняться охотой друг на друга?» (с. 47).

О причинах истребления великим вождем огромных масс населения размышлял и крупный политик А. Н. Яковлев. И тоже встал в тупик:

«Главную ответственность за геноцид в стране он возлагал на большевизм и его лидеров: Ленина, Сталина, ведущих функционеров той поры... Яковлев признавал, что не может ответить на вопрос, почему и зачем Сталин уничтожил миллионы невинных людей? Кроме ненависти к людям и жажды власти, «есть во всем этом нечто мистическое, непостижимое, дьявольское, садистское» (с. 47). Мы тоже на своем скромном опыте изучения репрессивной кампании на родине Ленина в 1937 году пришли к выводу, весьма удивившему нас. Всего в Ульяновске казнили 347 человек, из них 135 (38 %) являлись представителями рабочего класса, 115 (33 %) — служащими. Все это были простые люди, не участвовавшие ни в какой борьбе за власть [15, с. 181].

О причинах арестов миллионов невинных простых людей в сталинском Советском Союзе спорили и еще долго будут дискутировать. (Становится очевидным, что Хрущев и Брежнев достаточно спокойно и уверенно удерживали власть, не прибегая к массовым репрессиям). В 1938 году академик В. И. Вернадский высказал предположение, что потрясающий масштаб количества заключенных обусловлен желанием руководства ВКП(б) использовать «даровой труд, играющий очень заметную и большую роль в государственном хозяйстве» [17, с. 215]. Н. Михайлов в 1991 году высказал иную точку зрения: «Шквал непрекращающихся репрессий был в значительной степени порожден страхом. Опирающийся на бюрократическую, командно-административную систему, сталинский режим был буквально пронизан этим страхом. Враги мерещились всюду» [10, с. 14]. Кто-то объясняет нарастающий поток эшелонов с арестованными «параноидальной волей» гения всех времен и народов. Каждая из этих версий имеет право на существование. Более убедительное объяснение созданию рабской социалистической империи на сегодняшний день дает А. Л. Литвин: массовые репрессивные акции Сталин проводил, как и другие лидеры тоталитарных режимов, уничтожая и своих сподвижников, и миллионы невинных людей «ради нагнетания страха среди остальных» (с. 48).

Мы несколько раз перечитали рецензируемую книгу. С ее страниц чаще смотрит на нас мудрый, знающий, спокойный, выдержанный летописец, блестящий аналитик. Но нередко

сквозь необходимую историко-философскую отстраненность материал о мучениях людей вызывает у него грусть и печаль. Он сердцем переживает свое бессилие и невозможность исправить безрадостную ситуацию: «В Германии осудили нацизм и его палачи прокляты историей, а пострадавшим от него людям выплачивают достойные пенсии. У нас, к сожалению, сталинский режим не осужден, а пострадавшим от него выдают крошечные выплаты. Я бываю на собраниях реабилитированных 30 октября каждого года. На приходящих стариков, в основном теперь уже детей «врагов народа», бедно одетых и не очень сытых, жалко смотреть... Возможен ли суд над бесчеловечным ленинско-сталинским режимом правления? Когда похоронят, наконец-то, что осталось от первого вождя в Мавзолее, а главную площадь страны очистят от могил в земле и стенах Кремля. Доживем ли мы, жители еще сталинской России, на себе испытывшие тогдашние условия жизни, до этого? Говорят, что надежда умирает последней...» (с. 429).

А вот Алтер Львович рассказывает об открытии в Москве «Стены скорби», посвященной памяти репрессированных. И у нас создалось впечатление, что в книге зазвучали митинговые жесткие, горячие и суровые интонации: «В этой скорбной стене многие хотят видеть монумент примирения. Но кого с кем? Жертв с палачами? Ведь главный из них так и не осужден. И имя ему — Сталин. Более того, его вновь стали вспоминать как государственного менеджера. Но ведь никакого оправдания его террористическому режиму быть не может. Можно примирить тех, кто воевал друг с другом в Гражданскую войну... Но когда невинных людей убивают в мирное время и нет им числа, то простить того, кто этими репрессиями руководил ради сохранения своей власти и превращения в вождя, заменившего Всевышнего, — невозможно...

Я надеюсь, что Сталин и его режим управления страной будут официально осуждены и никогда не будут реабилитированы, несмотря на то, что отдельные чиновники, историки и писатели надеются на это. Для меня сталинизм — это позор для истории такой страны, как Россия» (с. 427).

...Сколько было тиранов в истории человечества? Сотни? Тысячи? Наверное, очень много. Сколько мы знаем властителей, жалевших свой народ? Перикл, Александр II, Линкольн. И все?...

Литература

1. Амосов Н. Голоса времен / Н. Амосов. — М. : Вагриус, 1999. — 429 с.
2. Бушин В. Президенты! Сталина на вас нет! / В. Бушин. — М. : Алгоритм, 2005. — 351 с.
3. Ваксберг А. Гибель буревестника. М. Горький: Последние двадцать лет / А. Ваксберг. — М. : Терра-Спорт, 1999. — 396 с.
4. Волкогонов Д. Ленин — политический портрет : в 2 кн. Кн. 1 / Д. Волкогонов. — М. : Новости, 1994. — 480 с.
5. Доценко Е. Перикл. Афинская демократия / Е. Доценко // Всеобщая история. Энциклопедия. — М. : Аванта, 1993. — 670 с.
6. Егер О. Древний мир / О. Егер. — М. : АСТ, 2006. — 664 с.
7. История русской литературы XI—XVII веков. — М. : Просвещение, 1985. — 431 с.
8. Крючков В. А. Личность и власть / В. А. Крючков. — М. : Просвещение, 2004. — 383 с.
9. Кудряшов К. «Вождь» или «Наш Ильич»? / К. Кудряшов // Аргументы и факты. — 2020. — 22 апреля.
10. Михайлов Н. Во имя законности, справедливости и правды / Н. Михайлов // Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. — М. : Политиздат, 1991. — 461 с.
11. Начало золотого века в Греции. Когда, где, как и почему это произошло // Повороты истории: события и факты. — Лондон : Ридерс Дайджест, 1993. — 448 с.
12. Некрасов Н. А. Собр. соч. / Н. А. Некрасов. — М. : Правда, 1979. — Т. 3. — 416 с.
13. Обичкин Г. Д. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк / Г. Д. Обичкин. — М. : Политиздат, 1968. — 222 с.
14. Политические партии в России. Конец XIX — первая четверть XX в. — М. : Росспэн, 1996. — 800 с.
15. Точеный Д. С. Родина Ленина в условиях культа личности Сталина / Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная. — Ульяновск : УлГУ, 2015. — 238 с.
16. Третьяков В. Сталина на вас нет / В. Третьяков // Аргументы и факты. — 2020. — 19 февраля.
17. Харенберг Б. Хроника человечества / Б. Харенберг. — М. : Большая энциклопедия, 1996. — 1200 с.
18. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. — М. : Республика, 1992. — С. 270.

“PERICLES, LENIN, STALIN”

Review

The book by A. L. Litvin

“Russian historiography of the state terror in the country. 1917—1953”

(Moscow: Publishing House “Sobranie”, 2019. 430 p.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

References

1. Amosov N. (1999) Golosa vremeni [Voices of the times]. Moscow: Vagrius, 429 p.
2. Bushin V. (2005) Prezidenty! Stalina na vas net! [Presidents! I wish Stalin punish you!]. Moscow: Algorithm, 351 p.
3. Vaksberg A. (1999) Gibel burevestnika. M. Gorky: Poslednie 20 let [Death of the petrel. M. Gorky: Last 20 years]. Moscow: Terra-Sport, 396 p.
4. Volkogonov D. (1994) Lenin — politicheskiy portret [Lenin — political portrait]. Moscow: Novosti, 480 p.
5. Dotsenko E. (1993). Perikl. Afinskaya demokratiya [Pericles. Athenian democracy]. Moscow: Avanta, 670 p.
6. Eger O. (2006) Drevniy mir [Ancient world]. Moscow, 2006.
7. Istoriya russkoy literatury XI—XVII vekov [History of Russian literature of XI—XVII centuries]. Moscow: Prosveshchenie, 1985, 431 p.
8. Kruchkov V. A. (2004) Lichnost i vlast [Personality and Power]. Moscow: Prosveshchenie, 383 p.
9. Kudryashov K. (2020) “Vozhd” ili “Nash Ilyich” [“Chief” or “Our Ilyich”?]. Moscow: Argumenty i fakty, 22 April.
10. Mikhailov N. (1991) Vo imya zakonnosti, spravedlivosti i pravdy [In the name of law, justice and truth]. Moscow: Politizdat, 461 p.
11. Nachalo zolotogo veka v Grecii. Kogda, gde, kak i pochemu eto proizoshlo [Beginning of the Golden Age in Greece. When, where, how and why it happened]. London: Riders Digest, 488 p.

12. Nekrasov N. A. (1979) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow: Pravda, Vol. 3, 416 p.
13. Obishkin G. D. (1986) V. I. Lenin. *Kratkiy biograficheskiy ocherk* [V. I. Lenin. A brief biographical sketch]. Moscow: Politizdat, 222 p.
14. Politicheskie partii v Rossii. Konets XIX — pervaya chetvert XX v. [Political parties in Russia. The end of the XIX — the first quarter of the XX century]. Moscow: Rosspen, 1996, 800 p.
15. Tochioniy D. S. (2015) *Rodina Lenina v usloviyah kulta lichnosti Stalina* [Lenin's homeland in the context of the Stalin personality cult]. Ulyanovsk: UISU, 238 p.
16. Tretyakov V. (2020) *Stalina na vas net!* [I wish Stalin punish you!]. Moscow: Argumenty i fakty, 19 February.
17. Harenberg B. (1996) *Khronika chelovechestva* [Chronicle of humanity]. Moscow: Bolshaya Entsiklopedia, 1200 p.
18. Hlevnyuk O. V. (1992) *1937: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, NKVD and Soviet society]. Moscow: Respublika, 270 p.

НАШИ АВТОРЫ

Архипова Ирина Алексеевна — руководитель строительного профиля; Губернский колледж г. Сызрани; irsen-da@mail.ru; тел. 8-927-782-21-99.

Бабиева Нигина Сафоевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры сестринского дела и социальной работы; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; n.s.babieva@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Багомедова Загидат Магомедовна — магистр; кафедра сестринского дела и социальной работы; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; wispe@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Волкова Анна Юрьевна — студент; Ульяновский государственный университет; annavolkova.98@mail.ru; тел. 8-902-003-28-89.

Во Ким Зунг — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя; coicodon16994@gmail.com; тел. 8-926-403-01-89.

Галанина Александра Сергеевна — студент; Ульяновский государственный университет; galanina.alex.s@gmail.com; тел. 8-905-037-03-93.

Гемранова Анастасия Дмитриевна — аспирант; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Гриненко Александр Викторович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, заслуженный юрист Российской Федерации; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; avgrinenko2@mail.ru; тел. 8-916-920-71-34.

Дюльдина Жанна Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; gannad@mail.ru; тел. 8-962-636-20-52.

Ершова Оксана Владимировна — кандидат философских наук, преподаватель; Ульяновский государственный университет; доцент; РАНХиГС (г. Ульяновск); oksipil@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Arkhipova Irina Alekseevna — construction manager; Syzran Provincial Colledge; irsen-da@mail.ru; tel. 8-927-782-21-99.

Babieva Nigina Safoevna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Nursing Care and Social Work; First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov; n.s.babieva@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Bagomedova Zagidat Magomedovna — magister; Chair of Nursing Care and Social Work; First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov; wispe@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Volkova Anna Yurjevna — student; Ulyanovsk State University; annavolkova.98@mail.ru; tel. 8-902-003-28-89.

Vo Kim Zung — junior scientific assistant; Faculty of Academic and Teaching Personnel Training; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. J. Kikot; coicodon16994@gmail.com; tel. 8-926-403-01-89.

Galanina Aleksandra Sergeevna — student; Ulyanovsk State University; galanina.alex.s@gmail.com; tel. 8-905-037-03-93.

Gemranova Anastasia Dmitrievna — postgraduate; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-16.

Grinenko Aleksandr Viktorovich — Doctor of Law, professor; Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; Honored Lawyer of the Russian Federation; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; avgrinenko2@mail.ru; tel. 8-916-920-71-34.

Duldina Zhanna Nikolaevna — Candidate of Education, associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; gannad@mail.ru; tel. 8-962-636-20-52.

Ershova Oksana Vladimirovna — Candidate of Philosophy, lecturer; Ulyanovsk State University; associate professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ulyanovsk); oksipil@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Иванов Дмитрий Александрович — доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; ida_2008_79@mail.ru; тел. 8-985-245-33-29.

Ионова Яна Евгеньевна — магистр; МГМУ имени Сеченова; учитель-дефектолог; Школа № 1574 г. Москвы; 81196@mail.ru; тел. 8-926-855-23-08.

Кадничанская Марина Ивановна — кандидат социологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; m.i.kad@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Коськов Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева; antonovaM3095@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кузнецов Валерий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества, политологии и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kuznetsow_simb@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Курушина Дарья Евгеньевна — студент; Ульяновский государственный университет; kurushina.darya@bk.ru; тел. 8-937-277-42-72.

Марков Александр Викторович — профессор; Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва); markovius@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — кандидат педагогических наук; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Ivanov Dmitriy Aleksandrovich — Doctor of Law, associate professor, professor; Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; Honored Lawyer of the Russian Federation; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ida_2008_79@mail.ru; tel. 8-985-245-33-29.

Ionova Yana Evgenjevna — magister, Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov; special education teacher; School № 1574, Moscow; 81196@mail.ru; tel. 8-926-855-23-08.

Kadnichanskaya Marina Ivanovna — Candidate of Sociology, associate professor; Ulyanovsk State University; m.i.kad@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Koskov Sergey Nikolaevich — Doctor of Philosophy, professor; Orlov State University named after I. S. Turgenev; antonovaM3095@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kuznetsov Valeriy Nikolaevich — Doctor of History, associate professor, professor; Chair of National History, Politology and International Relations; Ulyanovsk State University; kuznetsow_simb@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kurushina Darja Evgenjevna — student; Ulyanovsk State University; kurushina.darya@bk.ru; tel. 8-937-277-42-72.

Markov Aleksandr Viktorovich — professor; Russian State University for the Humanities; markovius@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — Candidate of Education; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Oshchepkov Aleksey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Philosophy, Law and Social Sciences; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Павлов Андрей Валерьевич — магистрант юридического факультета; Ульяновский государственный университет; andrewpavlov73@yandex.ru; тел. 8-951-094-55-31.

Петрова Гюзал Исхаковна — ведущий редактор Издательского центра; Ульяновский государственный университет; rio4@bk.ru; тел. 8(8422)67-50-30.

Романова Анна Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита; Ульяновский государственный университет; a_romanova@bk.ru; тел. 8-927-271-07-08.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-221-40-51.

Серегина Тамара Владимировна — кандидат философских наук, доцент; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева; v_noz@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Устинова Алёна Михайловна — студент, направление подготовки «Социология»; Ульяновский государственный университет; vendi281274@rambler.ru; тел. 8-927-989-42-55.

Федорова Светлана Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и экономической теории; Ульяновский государственный аграрный университет; ljwty55@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Хлебников Владислав Юрьевич — магистрант юридического факультета; Ульяновский государственный университет; vlados.hlebnikov@yandex.ru; тел. 8-937-885-07-96.

Чистилина Дарья Олеговна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия); darya-chistilina@yandex.ru; тел. 8-950-872-37-32.

Швец Анна Валериевна — магистр; кафедра сестринского дела и социальной работы; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; Goldline555@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Pavlov Andrey Valeryevich — master's degree student; Department of Law; Ulyanovsk State University; andrewpavlov73@yandex.ru; tel. 8-951-094-55-31.

Petrova Gyuzal Iskhakovna — leading editor; Publishing Center; Ulyanovsk State University; rio4@bk.ru; tel. 8(8422)67-50-30.

Romanova Anna Valeryevna — Candidate of Economics; associate professor; Chair of Finance and Credit; Ulyanovsk State University; a_romanova@bk.ru; tel. 8-927-271-07-08.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-221-40-51.

Seregina Tamara Vladimirovna — Candidate of Philosophy, associate professor; Orlov State University named after I. S. Turgenev; v_noz@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Ustinova Alena Mikhajlovna — student, sophomore, specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; vendi281274@rambler.ru; tel. 8-927-989-42-55.

Fedorova Svetlana Ivanovna — Doctor of Education, professor; Chair of Philosophy, History and Economic Theory; Ulyanovsk State Agrarian University; ljwty55@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Khlebnikov Vladislav Yuryevich — master's degree student; Department of Law; Ulyanovsk State University; vlados.hlebnikov@yandex.ru; tel. 8-937-885-07-96.

Chistilina Darya Olegovna — head teacher; Chair of Criminal Procedure and Criminalistics; South-West State University (Kursk, Russia); darya-chistilina@yandex.ru; tel. 8-950-872-37-32.

Shvets Anna Valerievna — magister; Chair of Nursing Care and Social Work; First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov; Goldline555@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

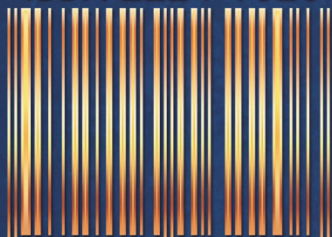
SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

ISSN 2224-1620

9 772224 162208

01 >